МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ

ПОЗНАНИЕ РОССИИ
ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Д. И. Менделеев

Заветные мысли

Москва
Берлин
2021

УДК 082.2
ББК 72.3(2)д
М 50

Менделеев, Д. И.

М50 Заветные мысли / Д. И. Менделеев. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. — 516 с.

ISBN 978-5-4499-2693-7

Идеи гениального русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева (1834–1907 гг.), высказанные им в сочинении «Заветные мысли», не потеряли своей актуальности и по сей день. Работа была написана на закате жизни автора и подводит некий итог прожитых лет и его научной деятельности. Рассматривая частные вопросы, относящиеся к сельскому хозяйству, народонаселению, внешней торговле, фабричной промышленности, университетам и т. д., Д. И. Менделеев постепенно показывает их совокупную взаимосвязь и предлагает предпочтительные пути развития России в геополитической, экономической, научной областях.

УДК 082.2
ББК 72.3(2)д

ISBN 978-5-4499-2693-7

Предисловие

Всегда мне нравился и верным казался чисто русский совет Тютчева:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои,
Пускай в душевной глубине
И всходят, и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи;
Любуйся ими и молчи.

Но когда кончается седьмой десяток лет, когда мечтательность молодости и казавшаяся определенною решимость зрелых годов переварилась в котле жизненного опыта, когда слышишь кругом или только нерешительный шепот, или открытый призыв к мистическому, личному успокоению, от которого будут лишь гибельные потрясения, и когда в сознании выступает неизбежная необходимость и полная естественность прошлых перемен, тогда стараешься забыть, что

Мысль изреченная есть ложь,

тогда накипевшее рвется наружу, боишься согрешить замалчиванием и требуется писать «Заветные мысли». Успею ли и сумею ли только их выразить? Однако педагогический опыт не позволяет мне излагать их, так сказать, и запрещает теоретически их оголять, т. е. лишать искусственной одежды действительность, под которой скрыты тело и кости вместе с силою и духом тех образов и форм, которые видны моему угасающему взгляду. А потому мне приходится сперва разобрать немало частных вопросов, при разборе которых сложились мои заключительные мысли. Если бы я избежал этого на вид окольного пути, голые выводы могли бы показаться мечтательными, оторванными от истории и от того, чем в действительности

занята, на мой взгляд, глубина современной русской мысли, а этого более всего прочего мне хотелось бы избегнуть. Притом, излагая сперва лишь частности, подобные вопросам, относящимся к сельскому хозяйству, народонаселению, внешней торговле, фабричной промышленности, университетам и т. п., я надеюсь постепенно и мало-помалу передать совокупность взаимных связей своих «Заветных мыслей», так сказать, в самостоятельных этюдах и эскизах, написанных или с натуры, или под ее живым впечатлением.

Писать начал для журнала покойного друга М. М. Филиппова и в майской книжке «Научного обозрения» (1903) напечатал уже «Вступление», здесь повторенное, лишь с небольшими дополнениями; но с кончиною уважаемого редактора выход книжек журнала остановился, и я решил издать свои «Заветные мысли» в ряде отдельных брошюр, которые будут являться по мере выполнения частей задуманного целого. Не спешил я никогда, не думаю спешить и с этим изданием, тем более что текущие интересы жизни и слабеющие силы не дают на то никакой возможности. Доброй воли кончить начинаемое у меня не отнимут ни друзья или единомышленники, ни порицатели, но так как случай невозможности выполнения всего задуманного, говоря вообще, возможен, то я стараюсь придать каждой отдельной главе свою законченность, выражающую хотя бы часть «Заветных мыслей».

Д. Менделеев
21 сентября 1903 г.

Глава I
Вступление

Значение сельского хозяйства для развития современного народного благосостояния и отношение его к другим видам промышленности

В обыденном разговоре привыкли различать только идеализм от материализма, называя последний иногда реализмом. Слова имеют, конечно, всегда условный смысл, но, согласно с самим происхождением, три названных слова представляют полное различие исходных точек представления, и реализм при этом должно поставить в середине.

Он стремится выразить собою действительность с возможною для людей объективностью, т. е. по здравому смыслу, без окраски предвзятыми суждениями, которыми пропитан не только идеализм, но и материализм, и вот такой-то реализм лежит в основании всего естествознания, а от него и во всей совокупности развития современных мыслей. Во всем своем изложении я стараюсь оставаться реалистом, каким был до сих пор.

Истинный идеализм и истинный материализм представляют продукты древности, реализм же дело новое сравнительно с длиною исторических эпох. Так, например, как идеализму, так и материализму свойственно стремление к наступательным войнам, определяемым или просто материальными побуждениями и нуждами, или идеальными стремлениями народов, а реализм всегда идет против всяких наступательных войн и стремится уладить противоречия, исходя из действительных обстоятельств, в государственной же жизни — от истории.

Идеалисты и материалисты видят возможность перемен лишь в революциях, а реализм признает, что действительные перемены совершаются только постепенно, путем эволюционным. Для идеализма греческого или китайского

пошиба варварами считаются все те, которые не носят данного рода идеала. Для материализма новейшей эпохи, выражающегося ярче всего в англосаксонской расе, люди других цветов — индейцы, негры, китайцы, красного, черного, желтого цветов — варвары по существу, а также по бедности, господствующей в среднем у этих народов. Для реализма все народы одинаковы, только находятся в разных эпохах эволюционного изменения.

Если теперь перейдем от этих общих понятий к частностям жизни, от народных отношений к личным, то различие выразится еще яснее, хотя представители каждой из основных точек суждения с разными оттенками и сочетаниями встретятся в каждом народе и в каждом кружке, даже, быть может, в каждой семье. Но если отречься от этих частностей, то нельзя отказать в том, что реализм присущ некоторым народам по преимуществу, как идеализм и материализм другим. И я полагаю, что наш русский народ, занимая географическую середину старого материка, представляет лучший пример народа реального, народа с реальными представлениями. Это видно уже в том отношении, какое замечается у нашего народа ко всем другим, в его уживчивости с ними, в его способности поглощать их в себе, а более всего в том, что вся наша история представляет пример сочетания понятий азиатских с западноевропейскими.

Мне кажется, что теперь, именно теперь нужнее всего уразуметь указанные различия, так как, с одной стороны, нас многое влечет в сторону ответа идеальным требованиям, с другой стороны, громко говорят материальные потребности народа, а с третьей — русская история внушает реальное сочетание тех и других и понимание недостаточности всякой односторонности, которая не свойственна только реализму, стремящемуся узнать действительность в ее полноте без одностороннего увлечения и достигать

успеха или прогресса путем исключительно эволюционным. А так как действия людей определяются исключительно их убеждениями и упованиями, понятиями и сведениями, то по этому одному уже становится совершенно понятным то, на первый взгляд, совершенно случайное общее требование развития образованности народной, которое ясно выразилось за последнее время, между прочим, и в суждениях местных комитетов, образованных вслед за учреждением Совещания о нуждах русского сельского хозяйства. С идеальной точки зрения такое требование общего народного образования определяется стремлением поставить народ в уровень понятий той части людей Западной Европы, которая, очевидно, приобретает господство во всем мире, ныне уже охваченном до последних трущоб Азии, Африки и Америки.

С материальной точки зрения требования общего народного образования определяются тем понятием, что вся практическая современная деятельность, начиная с сельскохозяйственной до торговой, военной и административной, немыслима без общего образования, а потребности увеличиваются с его развитием, что дает возможность расширять деятельность народа и его богатства. С реально-исторической точки зрения за освобождением крестьян и с ростом всей цивилизации России потребность общего народного образования вызывается невозможностью такого строя, при котором лишь малая доля не чужда современности, а преобладающая масса предоставлена собственному историческому течению.

Но реализм ясно внушает в то же время, что общая народная образованность немыслима без известной степени накопления народного богатства. Каким бы мещанством ни отзывалось это требование накоплений богатства, как бы оно ни претило чопорности английского клуба и сколько бы оно ни расходилось с благородным идеализмом древних

и новых веков, все же ныне без особых на то доказательств необходимо признать, что без правильного предварительного накопления богатства не осуществимо ни все то, что должно понимать под именем «народного блага», ни все «дело укрепления порядка и правды в соответствии с возникающими потребностями народной жизни», ни рост общего просвещения страны, даже ее прямая оборона, т. е. защита самостоятельности и возможности развивать народные исторические особенности. Если во всех других случаях это требование предварительного накопления народного богатства само по себе явственно, то оно также очевидно и по отношению к общему народному просвещению.

Не рассматривая этот вопрос в подробностях, достаточно указать немногие общие для того реальные основания, так как:

1) дело развития и роста народного просвещения немыслимо без широкого развития науки вообще, а оно требует больших средств, так как ученые сами люди, которым нужны средства не только для необходимых научных пособий (библиотек, лабораторий, обсерваторий и т. п.), но и для собственной жизни, надо, чтобы они жили в достатке, как это и видим не только в Англии или в Америке, но даже в сравнительно бедной Германии, если желаем, чтобы к делу науки привлекались лучшие люди;

2) огромные средства нужны и для того, чтобы образовать достаточное количество не только народных учителей, но и их учителей, а также и профессоров того разряда учебных заведений, которые называются высшими;

3) так называемых высших, или, правильнее сказать, специализированных школ, т. е. университетов, политехникумов, академий и т. п., для такого 140-миллионного народа, как русский, необходимо множество, целую сотню, если желательно, чтобы просвещение вошло в жизнь

народную и отразилось в ее реальности, т. е. в ее промышленности и администрации, а не говоря даже о годовом содержании такого большого числа высших учебных заведений, даже одно их устройство должно стоить огромных денег, как видно из того, что построенные недавно три политехникума, в Киеве, Варшаве и Петербурге, стоили более 14 млн руб. своим начальным строительством, которое выше, чем в наших прежних высших учебных заведениях, и более отвечает современности, чем беднота многих наших университетов;

4) еще больше средств нужно для средних учебных заведений, так как их число должно, конечно, во много раз превосходить число высших учебных заведений, и, очевидно, благих результатов в стране можно ждать лишь тогда, когда учителя этих средних учебных заведений будут достаточно обеспечены, чтобы не только посвящать свою жизнь развитию учеников, но и служить местными светочами науки;

5) немалого также количества средств требует общее народное просвещение в первоначальных школах, так как число их должно быть очень велико вследствие того, что в периоде от 8 до 13 лет 140-миллионный народ русский имеет, по крайней мере, 12 млн детей, которым надо дать первоначальное общее образование[1].

Таким образом, для постепенного устройства и содержания своих ученых и учебных общих и специальных заведений такая страна, как Россия, при полном развитии просвещения потребует ежегодно несколько сот миллионов рублей вместо современных десятков миллионов рублей, расходуемых Министерством народного просвещения, разными другими министерствами и земствами на дело образования[2].

Таких средств на свое просвещение наш народ, еще часто голодающий, доставить своей стране ныне не может ни в виде частных пожертвований и расходов на образование

детей, ни в виде государственного и земского обложения; другие настоятельнейшие надобности народные, особенно оборона[3], администрация, суд, Церковь, промышленность и торговля, пути сообщения и т. п., конечно, во много раз должны превосходить расходы на образование.

Выходит почти неразрешимая по виду дилемма: для обогащения нужно просвещение, а просвещение немыслимо без предварительного обогащения. В такую же дилемму часто впадают и при других способах рассмотрения «народного блага». С точки зрения реализма нет безысходных понятий подобного рода, везде можно найти свой исторический выход, пригодный стране, времени и обстоятельствам. Одним из предметов предлагаемого ряда статей и будет служить разбор способов выхода из указанной дилеммы, а именно защита протекционизма как первого и испытанного средства для умножения общих народных достатков, из которых и собираются государственные средства, необходимые для удовлетворения возрастающих народных потребностей, подобных просвещению, обороне, путям сообщения и т. п. Но предмет моих статей далеко не ограничивается этим. Дело просвещения мне близко по всей моей прежней деятельности, оно теперь у всех на языке, а потому с него я начал, но задача моя шире, мне хочется под конец жизни высказать ряд накопившихся личных суждений, касающихся многих других общественных вопросов современной нашей жизни, потому что я надеюсь на прочтение написанного мною хотя бы теми немногими еще у нас лицами, которые интересуются реальными науками и знают, что я старался во всю мою жизнь служить делу реализма с возможною простотою, и, быть может, не бесследно.

Сомнению не подлежит, что наступившее столетие получило в наследство от прошлого совершенно своеобразную, новую постановку множества важных вопросов,

всегда занимавших людей, но никогда не решавшихся до конца и не обострявшихся до такой степени, как к началу XX в. Таких вопросов множество, начиная с «женского» и «парламентарного». Уж хоть бы то одно, что теперь в отличие от недавнего прошлого стала очевидной для всех, даже для китайцев, бедуинов, негров, зависимость народов друг от друга и общая связь множества насущнейших интересов, казавшихся сперва лишь частными, а особенно неизбежность найти в будущем какой-нибудь способ общей жизни для согласования своих действий с общечеловеческими.

Прежнее понятие о человечестве было чисто отвлеченным, так сказать, идеальным, теперь же оно становится реальным для каждого сколько-нибудь вдумчивого человека, а впереди несомненна тесная связь всех людей, включая негров и китайцев, и общая взаимная их зависимость. Многим бы этого не хотелось, приходится брататься с варварами, да никак иначе нынче, а особенно впереди, нельзя. Обычные требования пищи, семьи и народной защиты остались и останутся на прежнем месте, потому что в них немало зоологического, начального, но требованиями этими, казалось, прежде определялись все главные отношения внутреннего и внешнего государственного и частного быта, а теперь и эти оказались чуть ли не на втором плане, зависящими от отношений, почитавшихся первоначально лишь побочными следствиями основных потребностей. Таковы города, фабрики и заводы, образованность, пути сообщения, флоты, улучшение земли и т. п. Если они ныне страдают, всем становится, а чем дальше, тем больше будет становиться голодно и холодно, жутко и как будто близко к войне. Многое, многое так перевернулось, вся логика кучи соображений как будто извратилась. Тут необходимо разобраться, потому что своя логика есть и в этом, чтобы не просто плыть по течению, а сознавать

как его направление и силу, так и причину того, что без видимой катастрофы многие начала изменились, а также для того, чтобы иметь возможность направлять хоть часть нахлынувшего потока в двигательные турбины, т. е. на общую пользу, и не строить против него задерживающих плотин, прорыв которых может составить действительное народное бедствие, всегда отвечающее попыткам остановить неизбежный исторический поток. Разобраться в таком сложном деле нельзя, однако, иначе как разделив его на части, сгруппировав сходственное и изучая части как с качественной, так по возможности и с количественной стороны, а затем составляя на этих основаниях гипотезы и предварительные толкования действительности, что одно дает возможность предугадывать предстоящее, в чем никак нельзя избежать субъективности, т. е. личного миросозерцания.

Для начала такого разбора, чтобы он был плодотворным, необходимо избрать части наиболее простые, т. е. наименее запутанные и в то же время способные к измерению, потому что числа все же и всегда будут иметь степень объективности, через это и можно надеяться остаться реалистом, хотя во всем субъективном всегда будет преобладать известная степень идеализма. Изложенный путь свойствен естествознанию. О прямой пользе при нем нет даже и помина, но всякий знает, что естествознание, руководясь лишь любопытством, служило и будет служить прямой пользе людей, хотя непосредственно не имеет к ней касательства.

Сказанное относится к одной, однако самой существенной стороне того, что далее желал бы изложить. Но у меня есть другая, более осязательная цель; она даже более настоятельна, потому что я живу среди детей и молодежи. Шаткости в общих мнениях и мыслях всюду теперь много, везде видна потребность многое старое заменить новым,

а у нас, особенно в молодежи, это и подавно. Немало пережито шаткостей мнений каждым, кому хотелось вдумываться за последние 20–40 лет, так как без борьбы мнений никому, кроме отсталых, неразумных и нахалов, не достается даже малое успокоение в мыслях, не говоря уже о сложении твердого, сознательного убеждения. Своим рассмотрением некоторых накопившихся вопросов я не надеюсь совершенно устранить эту шаткость, зная, что такая попытка никому не по силам, мне же желательно по возможности помочь молодежи разобраться в существующей путанице некоторых общих понятий, начиная с простейших, какими я считаю, например, вопросы о народонаселении, о внешней торговле, о фабриках и заводах, об устройстве учебных заведений и т. п. Притом я думаю, что даже и тут разбираться можно только относительно и в немногих вещах, направляющих желание и упование, которыми управляются все действия, в определенную сознательную сторону, так чтобы перестать шататься мыслями и составить, хотя со временем, определенную партию с ясно осознанными началами, не оторванными, а прямо связанными с историей как общечеловеческою, так и нашей, русскою. Хотя истина, конечно, одна, но пути к ней не намечаются ныне ни звездами, ни столбами, двигаться же по пути достижения истины необходимо, чтобы не быть насильно увлеченным неизбежно надвигающимися историческими переменами и сознанием ускорить предстоящую эволюцию. Двигаться же можно или в одиночку, или сплетясь группами, ища в разных направлениях, так как идти всей массой сразу, гуртом, как стадо, лишь в одну сторону, можно только под влиянием бессознательного убеждения, причем мало вероятности попасть на верную дорогу, и многое в истории показывает, что такое стадное движение нередко ведет к гибели.

Излагая пути мыслей, сложившихся у меня, я отнюдь не заверяю в том, что они, эти мысли, единственные правильные, так как много раз уже уверяли людей в этом и заходили в безысходные пустыни. Но чтобы предстоящий путь был по возможности эволюционным и прогрессивным, прежде всего он не должен отрицать прошлого, потому что ветхие пути привели к современности, а из нее выскочить нельзя, как нельзя идти обратно и неразумно предоставить все дело случайности. Представляя действительность такой, какова она есть по качественным и количественным признакам, надо разобрать или понять причину происшедших перемен, потому что без этого никоим образом не найдется того направления, которому дальше должно следовать. Не думаю, что развиваемые мною соображения принадлежат одному мне, вероятно, они приходили многим людям, или не решавшимся вполне высказаться, или развивавшим их лишь намеками, не так, как хочется мне и как необходимо для того, чтобы вместо выяснений не получалась новая путаница. Рос я в такое время, когда верилось в абсолютную верность уже намеченных путей, а дожил до того, что ясно сознаю относительность прежних решений и необходимость новых, которые всегда первоначально бывают партийными.

Думаю, что довольно этих вступительных слов, для меня очень трудных, а для читателей во многом неясных, лучше для примера перейти к тому вопросу, который более или менее волнует в настоящее время большинство русской мысли, сколько я ее понимаю, а именно к выяснению значения сельского хозяйства для общего благополучия всей страны в ее современном состоянии. Ограничиваясь лишь последними полутора столетиями, должно ясно видеть, что в это время роль сельского хозяйства претерпела всюду сильные изменения. В диком и полудиком состоянии, в каком, без сомнения, вначале было немного-

численное и разрозненное человечество, не было и быть не могло сельского хозяйства, так как под ним должно подразумевать не просто сбор того, что находится готовым в природе и может служить для пищи и одежды, т. е. не то, что содержится в понятии об охоте, рыбной ловле, сборе диких растений и т. п.

Сельское хозяйство есть вид промышленности, т. е. обдуманного способа искусственно добывать вещества, нужные людям, при помощи соответственных животных и растений, содействуя их возрастанию в потребном количестве. Когда это искусство развилось до того, что стало служить основанием жизни людей, число их стало быстро прибывать, землю как источник добычи стали закреплять как за народами и племенами, так и за отдельными лицами, и напрягали много усилий на то, чтобы при сравнительно малом труде добывать продукты на большое количество народа. Без сомнения, история могла начаться только после сложения сельского хозяйства у народов или пастушеских, или земледельческих, в особенности у последних, всего же сильнее и выразительнее у тех оседлых народов, которые сумели сочетать скотоводство с земледелием. Могло это случиться вначале, конечно, только в странах теплых и на почвах благодатных.

Но постепенно, особенно при умножении народонаселения, явилась потребность завести сельское хозяйство и на почвах малоплодородных, в странах с суровым или сухим и вообще малопригодным для растительности климатом. Это потому, что данная площадь земли может прокормить, т. е. доставить все необходимое от разводимых растений и животных, лишь ограниченному числу людей. И чем дальше в течение исторических времен и в направлении к теплым странам, а особенно при развитии оседлости, тем меньше число десятин или гектаров земли стало требоваться для данного возрастающего количества

народа. Тут есть свои нормы, видные в том, что, когда в умеренных климатах Европы приходится примерно около 3–4 десятин на среднего жителя, тогда становится уже тесно и является надобность в переселении. Этими потребностями определяются вся история народов, войны и переселения.

Если не прямая цель, то косвенная, а иногда сокрытая цель войн состоит в занятии земли, т. е. в увеличении или уменьшении территорий данного народа. Цикл войн этого рода, можно сказать, почти закончен за последнее время, так как земля обойдена до конца. Когда я учился географии, средние части Азии, Африки и Австралии, а также Южной и Северной Америки просто были неизвестны европейцам, в них жили свои народы жизнью почти уединенною, отрезанные от остального мира, и жили притом редко и плодились мало вследствие своих местных войн и отсутствия той развитой сельскохозяйственной промышленности, которая одна дает возможность размножаться до густоты населения. Теперь эти все страны известны, обойдены и постепенно заселяются, служа одним из поводов к предпоследним наступательным войнам, как видим не только из рассказов, подобных майнридовским, но и из событий, сходных с войнами в Трансваале или между Боливией, Перу, Бразилией, Венесуэлой и т. п. Первоначально народы, особенно азиатские, несомненно, истощали свои земли до бесплодности при помощи уничтожения дикой растительности, всю землю занимая лугами и сельскохозяйственными растениями и достигая через то излишнего высыхания почвы. Особенно это часто могло случаться у кочевых народов, потому что им нужны большие площади земли для прокормления своих умноженных стад. Отсюда, т. е. из совокупности всего вкратце вышеозначенного, выясняется надобность переселений, примеры которых видны не только в начале нашей эры в

Великом переселении народов и в нашествиях монголов, турок и тому подобных кочевников, совершившихся гораздо позднее, но и в переселении европейцев в Америку, Африку и Австралию, что нельзя считать законченным и по настоящее время. Таково же заселение Сибири. Это будет продолжаться, конечно, и впредь до возможно полного насыщения всей Земли оседлыми, сельскохозяйственными народами.

Переселения совершаются, руководясь как материальными потребностями в произведениях животного и растительного царства, требующихся для жизни люда, так и идеальным стремлением обеспечить возможность размножения возрастающим поколениям для того, чтобы под конец покорить всю Землю (подразумевая сушу и воду) власти человеческой. Таким образом, несомненно, что сельскохозяйственные интересы считались в начальных периодах истории перворазрядными, и роль всех других видов деятельности людской почиталась подчиненною этим интересам.

Энциклопедисты конца XVIII ст. и деятели Великой французской революции считали лишь сельское хозяйство плодотворной промышленностью, а все прочие виды ее бесплодными. У нас Тенгоборский, как у англичан Мальтус, и многие другие еще недавно по существу держались того же представления из-за соображения почти материального свойства. Но и такие идеалисты, как славянофилы прошлого времени, граф Л. Н. Толстой в наши дни, а с ними и масса наших литераторов по сей день приписывают сельскому хозяйству во всех отношениях высшее значение для всей жизни людской, современной и предстоящей и желают явно или между строк, чтобы этой мыслью определялись все мероприятия людские. Эта же мысль с особенной ясностью выступила у нас в последнюю эпоху при учреждении столь много надежды возбудившего

Совещания о нуждах русского сельского хозяйства. Первая, и притом основная и простейшая, мысль, которую мне хотелось бы выяснить, состоит в разборе этого утверждения, считаемого мною малоподходящим к нашей эпохе и могущим повлечь за собой при неполном понимании глубочайшие и прискорбнейшие ошибки. Неполнота понимания значения сельского хозяйства имеет в наше время особое значение, так как на глазах людей совершаются исторические события, определяемые тем, что ныне земля вся обойдена, и на наших глазах происходит совершенно явная борьба старого, или обычного, с новым, или наступающим.

Вопрос о роли сельского хозяйства в жизни современных людей составляет, в сущности, такой вопрос, который ныне же надо решить категорически, для того чтобы не упустить исторического момента, который определяется равновесием между сельскохозяйственною промышленностью с одной стороны и всеми другими видами промышленности — с другой. К этим другим видам промышленности необходимо причислить прежде всего все горное дело, всю торговлю с перевозкой, всю переделывающую, т. е. фабрично-заводскую и ремесленную промышленность и всю так называемую профессиональную деятельность, к которой надобно причислить не только всякую художественную и литературную, но и служебную, учительскую, военную и т. п.

Вопрос сводится, в сущности, когда в него вдумаешься, к зависимости общего народного благосостояния, т. е. среднего достатка, от меры развития сельского хозяйства и других отраслей промышленности. Этот вопрос и надобно рассмотреть в его составных частях, что и составляет один из существеннейших предметов ряда предлагаемых статей, но разбирать следует много предметов, и разбор местами очень сложен, а потому лучше предварительно

высказать основные положения, которые излагаются вслед за этим. Однако еще раньше полагаю полезным сослаться на то, что русское сельское хозяйство известно мне не по одной начитанности, не по литературным указаниям, а прямо на деле, по личному опыту, который и привел меня постепенно к убеждениям, далее защищаемым, а в том числе и к протекционизму.

В самую эпоху освобождения крестьян, т. е. в начале 60-х годов, когда земля сильно подешевела и господствовало убеждение в невозможности выгодно вести помещичье хозяйство, я купил в Московской губернии, в Клинском уезде, около 400 десятин земли, главная масса которой была занята лесом и лугами, но где было около 60 десятин пахотной земли, отчасти обрабатываемой, но без выгод, отчасти уже запущенной, как запущены были земли почти всех окружающих помещиков. Меня, тогда еще молодого, глубоко занимала мысль о возможности выгодно вести хозяйство при помощи улучшений и вкладов в землю свободного труда и капитала. Тогда я мог поступать последовательно, сил было много, и хотя капиталов было мало, но все же они были вкладываемы охотно и с интересом, а знаний и требований рациональности было достаточно для того времени. Мне предрекали великий неуспех, тщету усилий, но меня это не смущало, а, напротив того, только возбуждало. Лет 6 или 7 затрачено мною на эту деятельность, и в такой короткий срок при сравнительно малых денежных затратах получен был результат несомненной выгодности, как видно из подлинных отчетов о расходе и приходе. Введено было многополье, хорошее, даже обильное удобрение, заведены были машины, и устроено было правильное скотоводство, чтобы использовать луга и иметь свое удобрение.

Когда я покупал землю, то весь средний урожай на десятину ржи не превосходил 6 четвертей, в лучшие годы — 8,

а в худшие ограничивался лишь 4 или 5, полных же неурожаев в этих местах почти не бывает. Уже на пятый год средний урожай ржи достиг у меня до 10, а на шестой — до 14 четвертей с 1 десятины. Пропорционально этому увеличились и урожаи других хлебов, а молочное хозяйство на твороге, сметане и откармливаемых свиньях дало прямой свой доход, рассчитанный по той бухгалтерии, которой я держался тогда. В конце концов мне стало ясным, особенно после продажи части леса, которая отчасти окупила всю начальную стоимость имения, что вести хозяйство даже наемным трудом в Московской губернии, где кругом много фабрик и, следовательно, труд лучше оплачивается, можно с выгодою.

Успех хозяйства виден был потому, что такие профессора, как И. А. Стебут и Людоговский, привозили студентов Петровской с.-х. академии осматривать мое хозяйство. Не говоря о чем другом, укажу здесь лишь на то, что в 5–6 лет мне легко удалось по крайней мере удвоить всю урожайность земли, и тогда же мне стало ясно, что повсеместно в России, которую я, могу сказать, изъездил, легко достигнуть такого же удвоения урожая. Вообще для единичных хозяев это может быть очень выгодным, но для целой страны в этом нет ни надобности, ни пользы. Россия вывозит хлеб. Правда, что ее жители питаются, потребляя сравнительно с некоторыми другими народами меньше хлеба, и что вывозимый хлеб мог бы только довести их питание до возможной нормы, но никакому сомнению не подлежит, что удвоение урожаев привело бы к огромному избытку хлеба, а тогда весь хлеб во всем мире потерял бы свою ценность, так как небольшой избыток хлебов роняет цену всей массы хлеба. И если у нас, особенно на юге, часто замечается противное, т. е. годам урожая отвечает повышение ценности хлеба против голодных годов, то это зависит исключительно лишь от того, как известно всякому

занимавшемуся этим предметом, что в урожайные годы хлеб поступает на рынок чище, а в голодные годы — засоренный, англичане же, главные покупатели, не хотят перевозить сор и за чистый хлеб платят даже пропорционально высшую цену.

Сверх этого основного замечания, которое не мешает намотать на ус многим, считаю необходимым присовокупить личное соображение. Затратив на покупку имения и на его улучшение известную сумму денег, я имел несомненную выгоду, достигавшую до 5–6 % затраченных денег, это лучше, чем строить дом в Петербурге (знаю по опыту) или держать большинство процентных бумаг, которые часто в цене падают, но при этом личный труд не считался, а я вкладывал туда много труда, а потому задался уже тогда вопросом: отчего же труд по сельскому хозяйству оплачивается ниже, чем всякий профессиональный или другой промышленный? Разбирая этот вопрос по его существу, я и пришел к тем мыслям, которые далее доказываются в следующих положениях:

1. Первичное, или натуральное, сельское хозяйство назначается для удовлетворения личных потребностей, своих и семейных, и продает только избытки, обыкновенно случайные. Таково еще сельское хозяйство большинства наших крестьян. Оно еще не составляет настоящей промышленности, не включает в себя нисколько альтруизма, определяется лишь едва расширенным эгоизмом, т. е. личными и семейными нуждами, и вовсе не имеет ввиду массу других людей; истинная же промышленность начинается лишь там, где личные нужды удовлетворяются вместе с общими и даже исключительно при помощи их. Рудокоп вовсе не потребляет добываемой им руды, учитель лишь выдает, а не приобретает знание. А деньги и богатства, это изобретение людское, натуральному хозяйству вовсе не свойственны, оттого они и даются другим

видам промышленности, содержащим в себе альтруизм, т. е. взаимную связь людей, в большей мере, чем сельскому хозяйству. Поэтому, когда дело идет о современном благосостоянии народном, первичные или натуральные формы сельского хозяйства должны быть считаемы только за историческую подготовку, а отнюдь не за норму, потому что с этой нормой уже ныне, а тем паче впереди никак нельзя связать понятий о народном благе, богатстве и благосостоянии, которые включают непременно альтруизм.

2. Сельское хозяйство, например помещичье и арендаторское, а отчасти и крестьянское или у мелких землевладельцев, становится истинною промышленностью, имеющей в виду общие людские интересы и собственные выгоды, основанные на удовлетворении общих интересов, тогда, когда оно, подобно всем другим видам промышленности, содержит в себе сверх земли, явно выраженные и вложенные капитал и труд. Отсюда и вытекает пресловутая троица экономистов: земля, труд и капитал как производители полезностей, товаров, ценностей и богатства народного. Не вдаваясь в тонкости разбора этих понятий, даже не останавливаясь над определением «труда», который часто смешивают с «работою», что ведет к очень лживым выводам[4], обращу внимание лишь на то, что сущность дела сводится к преимущественному значению «труда», так как самое занятие «земли» и даже ее удержание определяются историческим трудом поколений, а «капитал» составляет лишь вид и форму накопленного и сбереженного труда протекшего времени. «Все — труду людскому!» — это лозунг всей истории, если не отдельных лиц, то, наверное, всего человечества, а в том числе и народное благо. От лентяев и лежебок все отнимется когда-нибудь, несмотря ни на что, хотя сейчас еще часто не так. Свобода же труда, как неизбежно признать, составляет коренное условие его производительности и совершенствования. Эту свободу

ограничивают земля и капитал, т. е. прошлая история, но текущая, если она не лжива, стремится ее увеличить.

У всех новых видов промышленности нет этой свободе народного труда иных прямых ограничений, у сельского же хозяйства есть свое ограничение, состоящее в погоде, которая от труда независима. Отсюда логически ясно, что труд, приложенный к другим видам промышленности, может и должен давать и больше обеспеченности, и больше всякой свободы, чем сельское хозяйство. Но так как без плодов сельского хозяйства поныне жить и множиться людям нельзя, то люди, поняв производительное и преимущественное значение труда, — волей или неволей — непременно должны стремиться к другим видам промышленности, и чем дальше, тем больше.

3. Труд и капитал, требуемые промышленным сельским хозяйством, гораздо выше, чем для общей совокупности всех других видов промышленности, притом они оплачиваются низшим валовым и чистым заработком по той простой причине, что тут предложение велико, пропорционально массе еще свободных земель и потребности преимущественной механической работы, а не развитию труда. Сводя итоги 11-й переписи С.-А. С. Штатов (1890 г. Abstract of the eleventh census), можно легко вывести, что на 100 млн долларов капитала, затраченного в сельское хозяйство, валового дохода приходится только 15 млн долларов, а на 100 млн долларов, вложенных в переделывающую промышленность (фабрично-заводская и ремесленная), приходится валового дохода более 147 млн долларов в год, а вычитая расходы на покупку сырья, предпринимателю и его рабочим остается за весь труд в среднем — в 1-м случае принимаем весь валовой доход — 15 %, а во 2-м — почти 24 %, так как капитальная стоимость всех фабрик, заводов (не считая, однако, выплавку металлов, сахарные заводы и т. п.) и промышленных заведений в 1890 г. равнялась

6139 млн долларов, на них куплено сырья на 5021 млн долларов, а получено всего дохода 9057 млн долларов. Вот поэтому-то государству, заботящемуся о благе народном, всего важнее (помимо забот о распределении) увеличивать заработки на фабриках и заводах, так как они дают народу больший заработок.

4. Весь материальный прогресс человечества определяется тремя главнейшими, отчасти друг с другом связанными направлениями. Во-первых, стремлением получить желаемые продукты, затрачивая наименьше людского труда и всякой работы, что неизбежно влечет за собою преобладающее значение знаний; во-вторых, стремлением разделить труд при помощи его специализации и, в-третьих, — что всего важнее — стремлением увеличить количество полезного, другим нужного труда, потому что, в сущности, прогресс и всякие виды даже не вещественного богатства определяются количеством и качеством затрачиваемого труда. В силу этих соображений промышленное сельское хозяйство, основанное на капитале и знании и сообразующееся с рынком, берет повсюду верх над натуральным хозяйством, назначаемым преимущественно для своих надобностей и случайно сбывающим продукты лишь в урожайные годы, а затем другие виды промышленности (горное дело, фабрики, заводы, профессии и т. п.) постепенно занимают все более и более людей и, давая свободному труду предпринимателей, служащих и рабочих наибольшие заработки, увеличивают общий, а потому и средний достаток людей. Постепенно, но неизбежно все люди войдут в эту колею, если народонаселение Земли не перестанет увеличиваться. Лет за сто этого еще не было столь ясно видимо, как должно видеть это ныне. А от этой перемены должны измениться и многие исходные посылки, касающиеся народного блага. В гл. II (о народонаселении) и в гл. IV (фабрики и заводы) предметы, здесь

указанные лишь вкратце, рассматриваются в некоторых своих подробностях более отчетливо, а потому считаю излишним здесь останавливаться над посылками этого рода.

5. Промышленное сельское хозяйство по существу своему ничем не отличается от фабрично-заводской или иной современной хозяйственной деятельности, совершенствуясь именно таким способом, что в него вкладывается капитал и в него затрачивается все меньшее и меньшее количество личной механической работы. Если знание, труд, деньги, вложенные в промышленность, способны давать свой доход, то это относится в такой же мере к сельскому хозяйству, как и ко всем другим промышленностям, так что нечего сельским хозяевам кичиться против промышленников, они такие же капиталисты, как те. В начальном, первобытном хозяйстве земля преобладала, труд был преимущественно механическим, а знания и «капитал» были, сверх того, нужны лишь малые. Но постепенно земли истощались, улучшения потребовали и знаний, и капиталов, а число лиц, ищущих труда, умножилось — и дело стало совершенно в новую позицию, требующую пересмотра привычных понятий, особенно для людей, говорящих о народном благе. Надо же признать, что капитал приносит выгоды или играет свою важную роль исключительно потому, что он, именно он ныне выражает собой, хотя не прямо, а косвенно и отчасти условно, накопленный избыток прошлого труда, и труд, в этом виде сбереженный, способен давать то же, что труд, сейчас затрачиваемый. В этом должно видеть мировую справедливость, потому что сбережение не есть порок, а добродетель.

6. На Яве или в Китае и Японии, где преобладает натуральное хозяйство и климатические условия весьма благоприятны для сельского хозяйства, нет провинций, в которых

бы приходилось более 3 жителей на гектар (почти десятина) земли, и можно сказать с уверенностью, что двое из этих жителей заняты сельским хозяйством. Не говоря об Англии или Германии, которым недостает своего хлеба, а останавливаясь только на С.-А. С. Штатах, вывозящих свои сельскохозяйственные продукты и имеющих образцовую статистическую отчетность, очевидно, что ныне уже совершенно достаточно одной трети жителей не только для того, чтобы снабжать сельскими продуктами остальные две трети, но и вывозить избыток. Никакому сомнению не подлежит, что в умеренных климатах, подобных среднерусскому, при надлежащих первичных усовершенствованиях ныне может требоваться уже менее труда, чем одного человека для трех средних жителей. Что же, спрашивается, делать остальным двум третям? И можно ли хоть одну минуту думать о том, что сельским хозяйством определяется все современное богатство народов? Или, не усовершенствуя земледелия, всю массу людей занимать хоть этою долею дел, нужных современным людям?

7. Не только чисто сельскохозяйственные народы, вроде некоторых негритянских племен, но даже и народы преимущественно сельскохозяйственные, каковы, например, китайцы и жители Индии, за последнее время стали и явно будут оставаться народами бедными и притом немало страдающими от повторяющихся голодовок. У них не скапливается того запаса сил, которые требуются в современном мире для того, чтобы выплывать в народных столкновениях. Школьное образование и религиозное воспитание вместе с некоторою организацией военного и гражданского управления могут служить еще для поддержания таких народов и для развития патриотизма, но из-за господствующей бедности у них не могут развиваться ни современные силы и знания, ни те виды личной обеспеченности самобытных особенностей и богатства всей

культуры, которыми отличаются народы, сильно усложнившие свою промышленность всякими ее видами. Мы живем в эпоху, когда богатство и сила народов определяются преимущественно индустрией, а наши дети или внуки, вероятно, доживут до того, что богатство и вся сила народная будут определяться умелым сочетанием индустрии с сельским хозяйством; в С.-А. С. Штатах и Нов. Голландии это, по-видимому, уже поняли.

8. Необходимость усложнить первичную сельскохозяйственную деятельность иными видами промышленности (индустрией) — для роста всего народного благосостояния, богатства и силы, свободы и порядка, образованности и трудолюбия — всего более относится к народам северным, подобным нашему, русскому, у которых для сельскохозяйственного труда назначается лишь малая часть года. Те, кто ратует за исключительное преобладание у нас сельского хозяйства, не чувствуют того, что они стоят за ограничение приложения труда к деятельности на общую пользу. Труд в других областях промышленности прежде всего характерен тем, что он может быть приложен в течение круглого года, а количеством производительного труда или существующих потребностей людских определяется сумма народного богатства, а с нею ныне и вся сумма образованности и других видов современного благосостояния народного. Как бы ни развивалось наше сельское хозяйство, как бы ни умножалась его интенсивность, все же трудом, относящимся к земледелию и скотоводству, нельзя занять ни преобладающей массы русского народа, ни даже сколько-нибудь значительной его доли в зимние месяцы, и сельскохозяйственный труд в странах умеренного пояса всегда остается преимущественно страдным, т. е. усиленным только в течение сравнительно небольшого времени, оставляя массу его совершенно свободным от необходимых трудовых занятий, определяющих в конце

концов своим количеством величину народного благосостояния. Сотни раз надо повторять и всегда помнить, что все дается только труду.

9. Русскому народу, взятому в его целом, обладающему большим количеством земли, способность к сельскому хозяйству исторически привычна; он разовьет сам свое земледелие, если начнет богатеть, получит большую свободу труда и увидит примеры. Ему прививать можно только улучшения, а это чаще всего возможно лишь при помощи капиталов. Но нашему народу, как и всем отставшим, не свойственны другие виды промышленности, потому что они составляют новые плоды развития общей образованности и усложненных потребностей. Потребности киргиза так ограниченны, что в его среде почти нет торговли, и ему (вероятно, поэтому отчасти) почти все равно, прикочевать ли к России, Китаю или Бухаре. Потребности же народные, начиная с образования, очевидно, умножаются только по мере развития его богатства, следовательно, в заботах о благосостоянии народном первое, что надо иметь в виду — начальное увеличение богатства народного. Богатство, или количество капиталов, судя по тому, что выше извлечено из американской переписи, может определяться, скорее всего или преимущественно, развитием других видов промышленности. А эти последние можно вызывать, покровительствуя им. Англия во времена Кромвеля и Франция во времена Кольбера первые поняли ту истину, что другие виды промышленности, особенно же горную, обрабатывающую и торговую, можно вызвать в своей стране искусственно, ограждая ее таможенной охраной по отношению к тем произведениям, которым желают покровительствовать, предлагая дешевый кредит для развития и оборотов и покровительствуя знанием, не избегая при сем даже видов промышленности, наиболее удаляющихся от первичных или натуральных

видов потребности. Такая страна, как С.-А. С. Штаты, в эпоху, которая могла особо благоприятствовать сельскому хозяйству и при благоприятнейших условиях почвы и климата, показала в наше время, как сильно может влиять протекционизм на развитие видов промышленности, для которой имеются условия в стране. А так как новые виды промышленности дают всюду ныне больше валового дохода, т. е. общего достатка, и больше прямого заработка не только хозяевам, но и рабочим, то ими, исключительно ими в наше время определяется богатство и сила народа. Вот потому, бывши сельским хозяином и разбирая обстановку этого дела, я постепенно сделался убежденным протекционистом и считаю, что в заботах о народном благосостоянии первое, т. е. ранее всего, должно заботиться о других видах промышленности, а не о сельском хозяйстве. Я не был и не буду ни фабрикантом, ни заводчиком, ни торговцем, но я знаю, что без них, без придания им важного и существенного значения, нельзя думать о прочном развитии благосостояния России. Меня при этом не страшит тот страх капитализма, которым заражена вся наша литература.

Прежде всего замечу, что для меня капитал есть особая форма сбережений народного труда, способная возбуждать новый труд.

Притом обыкновенно слышится у нас желание видеть и достигнуть усовершенствований в сельском хозяйстве, выраженных в увеличении урожаев на данной площади земли, а такое изменение современного положения нашего хозяйства совершенно немыслимо без затраты громадных капиталов, последние же могут накапливаться только при помощи развития тех более новых видов промышленности, которые носят название или индустрии, или капиталистической промышленности. Избегать ее распространения — значит поэтому оставлять и само сельское

хозяйство без капиталов, т. е. без коренных современных улучшений при низких и неуверенных урожаях, т. е. не заботиться о развитии народного богатства и благосостояния.

10. Затем надо видеть, что для новых видов промышленности преобладающая роль капитала такова же, как роль земли для первичных видов промышленности, — оба «кормильцы народные», с тем существенным различием, что земли не прибавить так легко и мирно, как капитала, и земля дана, говоря вообще, в ограниченном размере и лишь немногим, а росту капиталов нет границ, и он может быть у всех. Земля ни по качеству, ни по количеству уравнена быть не может между всеми тружениками, а капитал — может, потому что обладает способностью не только расти при помощи труда, но и делиться на всякие части, из которых одна идет капиталу, или капиталисту, другая — государству и третья, всегда самая крупная, — свободному труду, приложенному в капиталистическом производстве. В своем изложении я надеюсь ясно доказать, что заработок капиталистов на промышленных предприятиях не только численно меньше, чем трудящихся, но что первый падает, а второй возрастает и абсолютно, и относительно.

Важно также не упустить из вида, что капитал не только может быть, но и часто уже ныне бывает и стремится сделаться общим или сборным. Если вообразить, что со временем все и каждый (как почти уже теперь во Франции и С.-А. С. Штатах) будут в одно и то же время мелкими капиталистами и тружениками в заведенном сообща капитальном предприятии, то все кажущиеся напасти начинающегося капитализма окажутся ничтожными при обсуждении такого предмета, как благо народное. Кочевник, видя необходимость оседлого быта, плачется над необходимостью переменять все привычки. Так и сельско-

хозяйственные народы плачутся при необходимости перехода к капитализму. И для меня сетования литературы на капитализм совершенно одинаковы с оплакиванием киргизами того гарцевания и ничегонеделания, которое было раньше. Разум общий и доброжелательный здесь надо умножить, чтобы скорее и бодрее пережить начальную эпоху, наиболее трудную, а теперь наиболее настоятельную. Не умели мы в эпоху освобождения крестьян поместить тогдашние капиталы в промышленность, и придется их заимствовать в уверенности возврата с барышом и попутного накопления начала народного достатка, а там и сами обойдемся. Так все шли, особенно С.-А. С. Штаты, в промышленность. Пусть этот капитал придет из других стран, он пришел и в Америку из других стран, а это не сделало американцев чуждыми интересов своей страны, хотя они народ сборный. Притом я верю в способность русского народа ассимилировать и переработать в свою пользу весь тот иностранный люд, который придет вместе с капиталом. Вложат ли этот капитал частные предприниматели в частные предприятия или просто его займут государство, земства или особые промышленные банки с долгосрочными оборотами в других странах и снабдят им наших предпринимателей, это мне все равно в настоящее время, хотя и подлежит глубокому и расчетливому обсуждению.

Дело лишь в том, что для развития природных русских богатств, содержащихся в недрах земных, для переработки всякого иного сырья, для развития широчайшей торговли этими товарами и для роста просвещения страны неизбежно необходимы большие капиталы в такой стране, как наша. Эти капиталы могут накопиться с течением времени дома постепенно, но при помощи надлежащей системы покровительства могут прийти быстро, почти сразу, а тогда и результаты будут быстры, к чему примеров много даже

у нас, например в быстром развитии сахарной, железной и особенно нефтяной промышленности, обзор которых я, быть может, дам в своем изложении, если усмотрю в этом явную пользу для доказательности. Теперь же остановлюсь, хотя кратко, как на том, что капиталы отечества не имеют, а потому, по моему мнению, им нельзя, кроме процентов, давать каких-либо прав в стране, так и на том, что когда я развивал свои мысли о важном значении быстрого у нас роста видов промышленности, то часто слышал от собеседников одно существенное возражение: у нас нет и не может быть рынка потребления для продуктов обрабатывающей промышленности, так как мы народ бедный, сельскохозяйственный. Тут содержится глубокое недоразумение, для разъяснения которого мне кажется достаточным привести два факта. Во-первых, когда строился большой многомиллионный мост через Днепр, доходы казначейства в том уезде сильно возросли просто от увеличенного потребления всякого рода товаров и спиртных напитков; где расходуют, там есть на что покупать. Во-вторых, поучительно знать по отчету 11-й переписи (ценсуса) С.-А. С. Штатов, что в 1890 г. произведено товаров сельского хозяйства на 4780 млн руб., продуктов горной промышленности — на 1141 млн руб. и фабрично-заводской (без цены сырья) — на 880 млн руб., всего на 14 101 млн руб., а вывоз страны в год не достигал и 1400 млн руб., т. е. вывоз составляет лишь малую долю, около 10 % всего производства, так что страны всегда производят преимущественно для себя, но, производя для себя, могут выгодно сбывать иностранцам избыток производимого. Ведь капитал, затрачиваемый на промышленное предприятие, поступает почти весь жителям страны: землевладельцам, продающим земли под промышленные учреждения, рабочим, добывающим сырье и его переделывающим, техникам, инженерам, механикам и т. п.,

и только маленькая доля в виде небольшого процента — самому капиталу, а потому весь достаток страны, вся ее покупная способность растут прямо по мере того, как учреждаются другие виды промышленности и в них затрачиваются основной и оборотный капиталы.

Уж таково свойство капитала: если он тратится на производительный труд, то сам родит богатство, увеличивает спрос и оживляет всю деятельность страны. Покойный император Александр III ясно это понял, вводя в 1891 г. начала покровительственной системы. Их надо развивать. В 60-х годах, когда речь шла о возможности широко развить бакинское нефтяное дело, бывший министр финансов М. Х. Рейтерн на мое утверждение, что вместо 1–2 млн пуд. можно легко довести у нас добычу до сотен миллионов пудов и вместо ввоза американского керосина — до вывоза огромной массы за границу, заметил очень скептически, «что это мои профессорские мечтания», а он и я дожили до осуществления такого мечтания, потому что рекомендованные меры все же были приняты и государство и страна вместо сотен тысяч рублей стали получать от этого дела десятки миллионов рублей ежегодно.

11. Само сельское хозяйство с двух сторон прямо нуждается в развитии других видов промышленности. С одной стороны, при развитии достатка у соседних жителей, занятых промышленностью, им можно сбывать массу таких сельскохозяйственных продуктов, которые нельзя далеко увозить, а разведение которых благоприятствует успеху сельского хозяйства, как большинство яровых продуктов, огородных овощей и продуктов, спрашиваемых прямо заводами, например свекловица, картофель, хмель, лен, хлопок и пр. С другой стороны, рациональное промышленное сельское хозяйство приобретает наибольшие выгоды от применения торговых и фабрично-заводских товаров, например искусственных удобрений,

усовершенствованных машин и, главное, капиталов, которые нужны для сельскохозяйственных оборотов так же, как и для всякой другой промышленности. В Англии и Бельгии видим разительный пример того, что выгоднейшее, наиболее интенсивное, специализированное сельское хозяйство находится в прямой связи по самому месту расположения с разными видами других промышленностей. Поэтому-то я считаю весьма нерациональным тот ропот наших сельских хозяев против протекционизма промышленности, который часто слышен главным образом из-за того, что с развитием фабрик и заводов дорожает народный труд. Сам я вел сельское хозяйство в прямом соседстве с фабриками, знаю, что одно другому не вредит, а только помогает, и полагаю, что сельские хозяева, бурлящие против капитализма, сами себе подрезают ноги и поступают очень неразумно, тем более что увеличение народного заработка (он на фабриках выше, чем в сельском хозяйстве, и идет во весь год у крестьян, соседних с заводами) во всяком случае составляет начало накопления народного достояния, как видно и из отчетов сберегательных касс.

Таким образом, сущность того, что я предполагаю развивать, сводится к тому, что «в заботах о благе народа» и его просвещении нужно иметь в виду прежде всего другие промышленности, а не одно сельское хозяйство; это последнее неизбежно разовьется само собой по мере развития других видов промышленности. Дело, однако, очень сильно усложняется тем, что эти другие виды промышленности составляют полные произведения человеческой деятельности в разных ее частях и в этом отношении отчасти проще сельского хозяйства. Растения, разводимые в сельском хозяйстве, требуют не только подготовленной и предварительно удобренной почвы, но и семян, текущей затраты влаги и солнечной теплоты. Так, рост видов промышленности, определяющих современное народное богат-

ство, требует не только предварительно подготовленных условий, но и текущих затрат не солнечной, а людской энергии, без чего как там не бывает урожаев, так тут не бывает успеха. На просвещение должно взглянуть как на засеваемые семена, брошенные в удобную почву. На капитал и на таможенную охрану в этом отношении должно посмотреть как на предварительную обработку и удобрение, но, сверх того, здесь требуется особый ряд мер, или, правильнее сказать, действий, без которых урожая в промышленности быть не может, как его не может быть в хлебопашестве без своевременных дождей и теплых дней. Мне бы хотелось указать в своих заметках на главнейшие условия, необходимые для развития видов промышленности. Между всеми ними первое преобладающее значение должно приписать свету современного просвещения страны, так как не по случайности, а по прямой внутренней связи промышленные в современном смысле страны в мире в то же время и просвещеннейшие; эти стороны дела находятся в теснейшей, но сложной взаимной связи. Но и совокупностью таможенной охраны, внесенных капиталов и развитого просвещения еще далеко не обеспечиваются промышленные успехи страны. Они определяются затем развитием инициативы и трудолюбия в стране. Такие предметы, как эти, нося в себе чисто духовный, единоличный характер, могут развиваться, как все духовные стороны, только в ответ на доверие и благодушное отношение к личным потребностям и стремлениям. Если представляются трудности при развитии соображений, касающихся таможенного покровительства, развития капитализма и роста просвещения, то они еще во много раз умножаются, когда нужно развивать мысли о накоплении в народе личной инициативы и трудолюбия, потому что в первых трех случаях можно проверить соображения числами, а в последнем сделать этого нельзя. Трудность еще возрастает

потому, что именно здесь за последний век благодаря попыткам, подобным тем, которые сделали деятели Великой Французской революции: социалисты, коммунисты-марксисты и тому подобные учения, — необходимо коснуться очень тонких струн человеческой жизни и административно-общественных мероприятий — которые при доброжелательном отношении к предмету и при желании действительного успеха непременно должны быть постепенными, или эволюционными, и поставленными в историческую связь со всею предшествующею жизнью народа, так как всякий народ может переходить из сельскохозяйственного строя всей своей обстановки в промышленный только постепенно, или мало-помалу, но никак не может сделать этого вдруг ни путем переворотов революционного свойства, ни способом быстро исполняемых административных постановлений.

Но так как мне уже кончается седьмой десяток лет и я никогда не был чужд реального рассмотрения относящихся сюда понятий, то я не очертя голову, а совершенно сознательно считаю своим долгом на исходе лет высказаться в этих деликатнейших отношениях, будучи уверен в том, что реальное и свободное рассмотрение этих предметов может оставить свой полезный след. Однако к таким сложным предметам нельзя подходить с голыми руками, хотя и нельзя обставить всякие соображения числами, и вот по этой-то причине, раньше, чем говорить о них, я предварительно рассмотрю три других вышеуказанных предмета: роль фабрично-заводской промышленности вместе с протекционизмом, значение капитализма и развития просвещения страны.

Такая программа моих мыслей, излагаемых в предлагаемых статьях, столь широка, что ставит меня в положительное затруднение, тем более что у меня мало свободного времени и мал остаток сил, необходимых для предпринимаемого

изложения. Труда я никогда не боялся, не боюсь и теперь, страшусь только длины времени, необходимого для такого развития указанных предметов, какое мне хочется ему придать. Свои соображения я начну с развития мыслей, касающихся статистических данных о народонаселении, так как без правильного суждения об этом предмете мне кажется невозможным выяснить перемену в роли, занимаемой сельским хозяйством, и неизбежную необходимость в настоящую эпоху жизни людей твердого убеждения в пользе протекционизма, т. е. развития горного дела, промышленности и торговли. Своими статьями мне, конечно, нельзя прямо помочь нашим недочетам в промышленности и торговле или в просвещении и гражданском устройстве страны, но условий для всего этого так у нас накопилось много, что вялость роста, наступившая во всем этом лишь в последнее время, определилась, по моему разумению, преимущественно неясностью в понимании средств и последствий указанных видов развития да предрассудками, а потому косвенно тут могут помогать даже единичные убеждения, если в их правдивости, разумности, доказательности и практической исполнимости нет поводов сомневаться. Но пусть предъявятся к моим статьям и сомнения этого рода, все же я постараюсь их закончить уже ради того одного, чтобы высказать назревшее, заветное, если и не все, то хоть часть, что успею изложить.

Глава II
Народонаселение

Численное доказательство прогресса нашего времени по сравнению с прошлыми веками. — Возрастной состав народонаселения у половины всего человечества. — Предельный и средний возрасты народов. — Переходное состояние России

Почти все суждения мудрецов древних времен и большинства новых носят характер качественный, а в этом случае очень легко впадать в софизмы, как это показал особенно ясно во многих диалогах Платон. Когда дело идет о чисто духовных предметах и отношениях, тогда и по настоящее время в огромном большинстве случаев приходится ограничиваться качественными сторонами обсуждаемых предметов. Оттого тут столь часто встречаются явные ошибки и разительные противоречия в суждениях, исходящих, по видимости, из одних и тех же посылок. Но вот уже два или три столетия, особенно с того времени, как Галилей и Ньютон повернули все естествознание при помощи не столько качественных, сколько количественных соображений и показали, что этим путем легче всего можно достигнуть познания невидимого как бы видимого и быть уверенным в желаемом и ожидаемом как бы в настоящем, и с тех пор во всех частях науки, т. е. во всем искании истины, стремятся по возможности разыскать численные, измеримые признаки, свойства и отношения, чтобы, руководясь ими, находить количественные законы, носящие название эмпирических, или опытных. Этим путем лучше и тверже, чем прежними путями, укрепилась уверенность в существовании незыблемых Божеских законов, логическую причину которых часто вовсе и не знают или только предполагают гипотетически, без всякой уверенности в истине предположений.

Так, в сущности, нам и до сих пор темна причина такого основного закона, как Ньютонов закон тяготения, что, однако, нисколько не препятствует пользоваться им с полной уверенностью в бесконечном числе случаев. Древнему человеку нужно было исходить из начала всех начал, что, в сущности, и привело Древний мир к розни и падению. Еще и поныне нередко встречается научное стремление признавать справедливым и общим только то, что становится понятным исходя из ряда качественных убеждений, сведений и обобщений, полученных ранее, так что несомненному даже количественному свидетельству действительности часто до тех пор не верят, пока дедуктивным путем не найдут надлежащих объяснений.

Особенно ясный пример этому виден нередко в исследованиях по вопросам политической экономии, когда сомневаются в истинном значении протекционизма, хотя не решаются отрицать явной пользы от него в действительности. Новый человек, становясь реалистом, более скромен и довольствуется постижением доли истины, надеясь по частям открыть все ее тайны. До наших дней это относится преимущественно к миру внешнему или материальному, однако уже существует не напрасное стремление приложить тот же путь исходя из действительности, измеренной с возможною полнотой, к изучению духовных явлений. Социальный мир, или дела, относящиеся к людям и их отношениям, занимают здесь в некотором смысле средину, и с нее естественно было людям начать переход от изучения веществ к изучению духа. В социальных же отношениях количественные величины добываются путем собрания статистических сведений.

Сколько-либо точная статистика с ее методами и анализом началась, можно сказать, только в XIX в. Говоря о народном благе, можно по манере древних ограничиваться качественными отношениями, но лучше, т. е. вероятнее,

достичь какого-нибудь успеха, пользуясь при этом числами статистики. В своем изложении я так и стараюсь поступать во всем том, для чего имеется готовый запас статистических данных; их часто недостает, и они, несомненно, очень сложны; из них можно извлекать лишь первые эмпирические выводы, но, руководствуясь ими, все же можно быть уверенным в том, что всякие заключения будут более правдивы и скорее приведут к начальным истинам, чем всякое соображение чисто логического свойства с идеальными или качественными материальными предвзятыми посылками.

В начинаемом ряде мыслей и соображений, касающихся народного блага, на первом месте в указанных отношениях должно поставить соображения, касающиеся народонаселения вообще, потому что, как бы там ни было, с какой бы точки отправления мы ни пошли, во всяком случае, благо народное есть дело общее, касающееся совокупности людей, сложившихся в народы и государства ради тех или иных целей. Собрания статистических данных о народонаселении ныне уже весьма многочисленны, и я кладу засим в основу всех своих рассуждений численные результаты, добытые в переписях. Стараюсь воздержаться при этом по возможности даже от рассмотрения того коренного вопроса, которым с древности занималось человечество, а именно воздерживаюсь от разрешения вопроса о том, нужно ли для блага человечества вообще и для блага отдельных народов умножение народонаселения, или оно после некоторого предела представляет вредную сторону предмета.

Древние, начиная с Ликурга и римских законодателей, считали первым благом народным умножение числа людей. Такого же воззрения и ныне держится по инстинкту масса человечества, и, высказываясь кратко, мне наиболее симпатично такое представление, но я знаю, что в новей-

шее время, особенно после того как наиболее энергичные люди из Западной Европы стали выселяться в Америку, и в особенности со времен Мальтуса, существует весьма развитое рассуждение, требующее ограничений в размножении человечества, руководясь преимущественно тем соображением, что для беспредельного увеличения человечества полагается предел в ограниченности земной поверхности, тем, что средства для существования заимствуются с этой поверхности и не могут беспредельно умножаться, тем, что при возрастании народонаселения возрастать будто бы должна и бедность, так как благ земных не хватит для всех, и тем, наконец, что рай земной и золотой век привыкли видеть в начальном быте человечества вслед за его творением и развитием в тропических условиях, где сама природа дарит людям все условия существования.

Мне кажется, совершенно излишне вновь опровергать посылки этого рода и узкую ограниченность мальтусовского учения, потому что достаточно указать на одно то, что после Мальтуса, хотя прошло 70 лет, блага в человеческой жизни не убавились, а прибыли и бедствия, подобные голодовкам, сплошному мору людей и крупным истощительным войнам, не увеличились, а явно уменьшились. Не понадобится мне разбирать этот предмет еще и потому, что всякому реалисту очевидно, что мы живем в такую эпоху, когда для увеличения населения и среднего народного блага не видно еще никаких естественных преград, так как земной поверхности еще много пустует, а расселение далеко от равномерности, в добыче же пищи и всяких средств к жизни виден явный прогресс, так что данная площадь земли ныне дает или может давать, несомненно, гораздо более, чем давала за сто лет сему назад, впереди же и подавно, если реальные знания, промышленность, торговля, пути сообщения, стремление к миролюбию

и т. п. не будут ослабевать и станут продолжать развиваться в такой же мере, как в последнее время.

Допустим даже то, что со временем достигнется повсюду мальтусовская теснота населения, не позволяющая общего умножения достатка вместе с умножением народонаселения, все же не иначе как с отвращением должно отнестись к практическим выводам Мальтуса, касающимся искусственных, сознательных и прямых мер к уменьшению возрастания населения, уже потому, что это возрастание при современном положении вещей, а тем более при предстоящем, необходимо вести за собой развитие просвещения (без него же нельзя и ждать густоты населенности) и всей частной сознательности людских действий, а вместе с ними и того, что называется нервностью, и тогда, наверное, само собой должно наступить некоторое равновесие между естественным стремлением к размножению и трудностью обеспечения возрастающего поколения, что и должно само собой, без каких-либо искусственных мер, привести к высшему, или предельному, количеству людей на Земле, — пока не найдутся новые средства для их обеспеченности и общего прогресса вроде добычи при помощи морей не только питательных веществ, но и всех других условий жизни или вроде искусственного, на фабриках и заводах, а не на полях и лугах, добывания питательных средств. С реальной точки зрения такая эпоха еще далека, как видно уже из грубого расчета.

Окружность земного экватора равна 40 077 км, а меридиана — 40 008 км (средний радиус равен 6373 км), общая поверхность Земли — около 510 млн кв. км; суша, не считая северных и южных полярных областей, пока еще не известных, составляет около 135 млн кв. км. Из этой поверхности суши при современном состоянии вещей должно исключить площадь, занимаемую полярными тундрами, скалистыми горными хребтами и бесплодными песчаными

пустынями вроде Сахары, хотя человечество, вероятно, воспользуется со временем и ими для умножения условий жизни. Исключению, таким образом, подлежит никак не более как 60 млн кв. км суши, неспособной ныне к культуре, все же остается по крайней мере около 75 млн кв. км земли, прямо ныне способной к разведению растений, животных и к жизни человека. Отчисляя отсюда почти целую четверть поверхности для возведения жилищ и вообще зданий, на дороги, воды и т. п., все же получим в реальности цифру не менее 56 млн кв. км земли, пригодной для растительности. Из нее отчислим еще одну четверть на леса, так как при нынешнем состоянии цивилизации леса должно считать нужными людям для правильного ведения всего их хозяйства, хотя со временем, быть может, придет эпоха, когда леса станут давать свои особые питательные вещества, а не так, как ныне, — только топливо и поделочный материал для стройки, мебели, бумаги и т. п. Тогда за вычетом лесной площади все же остается для культуры не менее 42 млн кв. км, или более 4 млрд га, или около того же десятин. Вообще для всей суши можно ныне смело считать лишь треть земли пригодной и свободной для сельскохозяйственной обработки. Но если взять лучшие большие и теплые страны, почти лишенные негодной земли, то все же надо отчислить на жилье, дороги, воды не менее 1/3 поверхности, а потому в лучших случаях для сельского хозяйства можно выделить до 2/3 всей земли.

Не вдаваясь в рассмотрение, сколько питательных веществ может дать гектар или десятина земли в разных климатах, не подлежит сомнению, что уже ныне на 131 508 кв. км всей земли (без всяких исключений: скал, городов, гор и пр.) на Яве живет более 26 млн жителей, т. е. приходится уже по 2 чел. на гектар всей земли или по 3 чел. на гектар обрабатываемой и способной к обработке земли, и что в китайской провинции Фокиен, лежащей

против Формозы, теснота населения такова же или еще больше, потому что ее поверхность менее 99 800 кв. км, а жителей более 22 миллионов. Ни Ява, ни Фокиен не нуждаются в привозном хлебе или лишь в ничтожно малом, т. е. могут прожить своими средствами; правда, жители эти не богаты, даже по временам сильно бедствуют, но таковы свойства всех чисто земледельческих стран, и мы все знаем, что бедность этих стран зависит не от недостатка питания в общем среднем, а исключительно от первичной простоты всего обихода этих стран, от отсутствия в них должной свободы труда, образованности и предприимчивости, а также, вероятно, отчасти от недостатков их общественного устройства. Но нельзя забывать, что это страны тропические, с климатом и почвой, особо благоприятными для растительности и далекими от среднего. К нему ближе страны Европы. Возьмем и здесь примеры тесноты.

Вся поверхность собственно Англии и Валлиса (Уэльса) без исключений (гор, городов, дорог, лесов и т. п.) равняется 151 тыс. кв. км, на которых живет более 32 млн жителей, следовательно, приходится (ибо в 1 кв. км 100 га) опять более 2 человек (на всякий гектар), а по исключении 1/3 земли на скалы, внутренние воды, жилища, дороги и леса на гектар земли, способной к обработке, — более 3 жителей. В Бельгии (поверхность 29 456 кв. км, жителей более 6,5 млн) тесноты еще более. Правда, Англия и Бельгия ввозят хлеб и другие питательные вещества, но не потому, чтобы не могли разводить их в достаточном количестве для питания своего народа, но лишь потому, что в этих странах вследствие развития других видов промышленности, дороговизны земли и труда и дешевизны привозного хлеба ныне невыгодно заниматься хлебопашеством, а аграрные и политические порядки давно внушили, особенно в Англии, мысль о большой выгодности для всего блага народа развивать преимущественно другие

виды промышленности и на них основать народное богатство, что, как известно, и удалось. Площадь Германии, опять без вычета городов, гор, лесов и т. п., равняется 540 750 кв. км, на которых живет 57 млн жителей, следовательно, в среднем приходится на 1 га более 1 жителя. Отчислить из всей земли Германии на горы, города, леса и т. п. необходимо по крайней мере 180 тыс. кв. км, так что останется для обработки удобных земель около 360 тыс. кв. км, или 1,6 человека на гектар. Но Германия обрабатывает и оставляет под лугами, судя по официальной таксации 1893 г., 35 млн га, т. е. в ней культура доведена до возможного ныне предела, и она, как известно, ввозит хлеб, т. е. своего ей недостает при современных порядках хозяйства, в известной мере уже улучшенного. Поэтому для таких стран, как Германия с ее климатом, нельзя ныне считать более как 3 жителей на 2 га сельскохозяйственных земель.

В России, хотя всей земли в целом еще очень много, есть уже местности, где теснота достигла английской и германской. Та северо-восточная часть Клинского уезда (на северо-восток от Николаевской железной дороги), где расположено мое имение, так же густо населена, как Англия или Бельгия. Там народ не голодает, потому что есть много фабрик и заводов, но ему недостает своего хлеба на целый год, с весны уже покупают хлеб, но я прямо вижу, как много земель еще пустует в этих частях Клинского уезда. Если бы их засевали, хлебов был бы избыток; не засевают же только потому, что есть на что купить недостающий хлеб. В Полтавской губернии всей земли около 5 млн га, а способной к земледелию и скотоводству, вероятно, не менее 4 млн га, жителей же в 1897 г. было 2,8 млн, т. е. на каждого приходится около 1,5 десятин сельскохозяйственной земли. В Петроковской губернии всей земли 1223 тыс. га, а жителей было в 1897 г. 1409 тыс., следовательно, и всей земли здесь приходится на жителя меньше,

чем в Германии, а способной к земледелию и подавно. Не умножая примеров, можно поэтому с уверенностью сказать, что уже в наше время 1 га земли, способной к культуре, достаточно в среднем для всей земли не менее как на 2 жителей, т. е. не подлежит сомнению, что, вычтя леса, города, дороги, скалы и вообще неспособные к культуре земли, ныне должно рассчитывать на возможность получить с 1 га культурной земли в среднем по крайней мере столько растений и животных, сколько нужно для 2 жителей. Со временем, конечно, урожаи еще возрастут, но, даже ограничиваясь пропорцией 2 чел. на гектар культурной земли, можно видеть, что ныне на Земле может жить не менее 8 млрд людей на вышеисчисленном количестве земли, способной к культуре, т. е. на 4 млрд га. Живет же на Земле, как должно ныне признать, не более 1,6 млрд людей[5]. Следовательно, всякие мальтусовские бредни ныне к делу не относятся; человечество их не слушается, несомненно размножаясь.

Естественный прирост человечества, т. е. годовой перевес рождаемости против смертности, в разных странах различен, и для жителей всей Земли в среднем его можно принять ныне в 1 %, т. е. в год прибавляется на 100 человек по 1 человеку. В России этот прирост выше, чем в остальных частях Европы, именно никак не менее 1,4 %. В других европейских странах он пониже, например в Голландии, Германии и Норвегии — около 1,3 %; в Англии, Швеции, Италии и др. — от 0,8 до 1,2 %; в Испании, Швейцарии и т. п. — менее 1 %, а во Франции за последнее время близок к 0 %, хотя в ней приходится не более как 72 жителя на квадратный километр в среднем[6]. В С.-А. С. Штатах, над числом жителей которых мы далее остановимся подробнее, естественный прирост, несомненно, более 1 %; то же можно сказать о Южной Америке. На Яве, где переписи ведутся уже давно и где голландское правительство мудро

и мягко правит народом, прирост превышает 1 %. В Японии он также несомненно значительно выше 1 %. В азиатской Индии, находящейся под английским владычеством, естественный прирост долго был не менее 0,7 % и только в 90-х годах опустился вследствие смертности от голода до трети процента. Для Китая, Сиама и соседних стран, как и для совокупности всей Африки, прирост хорошо не известен, но путешественники единогласно показывают, что детей в этих странах множество, а потому едва ли можно полагать, что там естественный прирост менее 1 %. На основании этого можно с уверенностью утверждать, что общий прирост человечества в настоящее время если не равен 1 %, то близок, хотя есть сравнительно небольшие страны, подобные Франции, где народонаселение почти не возрастает, и есть народы или их отпрыски или части, вымирающие, подобно нашим самоедам или некоторым природным жителям Новой Зеландии и некоторым индейским племенам.

Такое вымирание целых народов или племен под влиянием встречи с другими народами, несомненно, существовало в прежнее время в огромных размерах. Войны, вытеснение народов друг другом, моровые язвы всякого рода и такие первичные обычаи, как людоедство, действовали в ту же сторону. Все это следует намотать на ус тем, кто, говоря о благе народном, ссылается на времена прошлых периодов человечества.

Численный расчет еще яснее подтверждает это, показывая, что в прошлые времена жизни людей хотя и был избыток земли, размножение людей шло гораздо медленнее, чем идет ныне, и доказывая этим лучше, чем какими-нибудь другими способами, действительные успехи (прогресс) человечества, так как увеличение наличности действительного прироста народонаселения может происходить только при улучшении общих жизненных условий, при уменьшении

гибели части людей и при убыли слез отцов и матерей, видящих погибель детей от недостатков ли питания, или от войн, или от болезней и пороков. Исходя из современного количества жителей Земли, равного 1,6 миллиарда, и из современного среднего прироста в 1 %, легко вывести, что первый миллион людей при современном среднем приросте жил бы не более как за 750 лет от нашего времени, т. е. около 1150 г. по Р. Х[7].

Несомненно, что человечество, даже китайское, ассирийское, было уже очень многочисленно за 4000 лет до Р. Х., т. е. тысяч за шесть до нашего времени. Отсюда, несомненно, следует, что в эти 6000 лет, несмотря на то что земли приходилось на каждого больше, чем ныне, средний прирост, несомненно, был ниже современного, а это значит, что древние порядки были не лучше, а много похуже современных и те, которые плачутся о давно прошедшем, вовсе не имеют в виду реального общего блага, руководятся же только слащавыми предрассудками.

Если считать, что прирост сохранится и впредь близким к 1 %, т. е. число жителей всей Земли будет удваиваться примерно в 60–70 лет, то через 100 лет, т. е. к 2000 г., получится жителей на Земле более 4 миллиардов, и тогда теснота будет такая же почти повсюду, как теперь в Германии. Этим численным способом совершенно просто и наглядно, т. е. реально, объясняется причина того, что все передовые страны с густым населением, даже маленькая Бельгия, в наши дни озабочены приобретением колоний. Англия, Франция и Германия и тут стоят впереди всех других народов, а Россия заблаговременно и дальновидно заняла соседние с нею пустыни. Этому же помогают еще в большей мере распространением таких реальных специальных знаний, которые дают и еще более обещают дать как всякие новые полезные занятия людям, так и умножение производительности всей земли. Всего же важнее для

общей цели наших статей обратить внимание на то, что нынешний порядок течения дел во всем мире, особенно отсутствие губительных войн, заботы о прекращении распространения повального мора людей (чума, холера), и развитие сношений всех стран по морям и железным дорогам привели к тому, что жить всем людям во всем мире стало немного полегче, чем было еще недавно, и люди стали от этого размножаться больше, чем прежде. Именно тут прежде всего должно искать причину перемены множества прежних основных понятий и необходимости найти новые способы жизни людской (см. Вступление).

В числе моих заветных мыслей на первом месте стоят вопросы этого рода, оттого с них и начал. Причину перемен, наступивших в мире, нельзя приписать ничему иному, как распространению во всем человечестве того, что называется гуманностью, или человечностью, того, что содержится в понятиях современных реалистов о возможности избежать войн, того, что заставляет заботиться больше о детях, чем было прежде, и того, что содержится в широком понятии о свободе труда. Еще недавно, очень недавно не была видна впереди теснота Земли, а теперь она для зрячего совершенно очевидна, и нельзя отказать Мальтусу в том, что он один из первых ее увидал в будущем. Но он не видел ни того, что наука будет находить возможность расширения всех условий жизни, ни того, что только при тесноте населения и при развитии всяких видов промышленности является совершенно живая насущная необходимость в просвещении, в развитии свободы труда и во всем прогрессе человечества, ни того, что при большой массе людей больше, чем при малом их количестве, затрудняются все те дела, которые вредят обществу и которые дают лишенный необходимости перевес немногим над остальными, ни того, наконец, что вообще, чем теснее, тем дружнее.

Тесноты людей не то что следует избегать, но необходимо искать, чтобы жизнь шла не черепашьим шагом, а скорым, современным, бодрым. Это относится столько же ко всему миру, сколько и к России, если она продолжит Петром Великим завещанный, Александром III реально начатый порядок развития всех видов промышленности, в том числе и земледелия. Если с промышленностью русский народ начнет хоть немного богатеть, как он явно богатеет у меня на глазах в Клинском уезде, то он не перестанет плодиться и еще умножит прирост, тогда всем хватит хлеба если не своего, то покупного, и, удваиваясь примерно в 40 лет (прирост равен 1,4 %), он неизбежно выделит большой процент жителей для развития других видов промышленности и для профессиональной деятельности всякого рода, что вместе с развитием просвещения и составит силу народную, даст возможность поддержать свою самостоятельность и развить свои особенности. Не о задержке прироста здесь может быть речь, а о поддержании его и об умножении условий жизни будущих поколений. О том, что для этого, по моему мнению, особенно важно сделать, и будет говориться в части дальнейших моих статей.

Средняя величина прироста, по всей видимости, хотя и не сплошь, имеет все шансы возрастать до некоторого предела, а затем, по всей достоверности, должна будет или остановиться, или падать, так как для беспредельного роста количества людей несомненно должен существовать предел, определяемый ограниченностью земной поверхности. Но ныне ничто не указывает на близость достижения не только предела прироста общего числа жителей, но и общего числа людей. Во всяком же случае современную эпоху человечества должно считать более благоприятной для возрастания числа жителей, чем какую-либо из предшествующих. Это составляет один из внешних при-

знаков действительности современного прогресса человечества, так как в природе людей, как и всяких организмов вообще, вложено стремление к размножению, и о благе человечества нельзя говорить, не исходя из сведений о количестве народонаселения.

В вопросе о народонаселении после прироста на первом месте во всех отношениях должно поставить распределение жителей по возрастам и полам. Последняя сторона вопроса представляет, однако, интерес, ограниченный в экономическом смысле, потому что повсюду в мире число мужчин и женщин близко друг к другу, иногда немного более, иногда немного менее, что общеизвестно и что определяет, однако, некоторые не особенно существенные экономические явления. Распределение же по возрастам, напротив того, имеет громадное значение во всех социальных отношениях, так как все они определяются трудом людей, а малолетние и старики в нем не могут принимать участия. Какие пределы возраста должно считать работоспособными и трудоспособными — это особый вопрос, видоизменяющийся по географическим и социальным отношениям стран. Есть, например, народы, у которых на стариков возлагается труд правительственного совета, и есть народы, как китайский, где старики представляют экономические единицы, к которым относятся все остальные младшие поколения. В будущем должно ждать, что дети известного возраста, примерно лет до 17, будут заняты сплошь учением, так как сделаться человеком в истинном смысле можно будет со временем, только пройдя все усложняющийся круг готовой человеческой мудрости, без чего нельзя плодотворно прожить.

Если говорить об умеренных и северных климатах, то настоящую трудоспособность должно считать не иначе как в возрасте 20 лет и не позже 60 лет. Здесь рождается

очевидный вопрос о распределении людей по возрастам. На первый взгляд, кажется, что оно не может быть сколько-нибудь единообразным в разных странах и условиях, но действительное исчисление ясно доказывает, что оно довольно однообразно в странах, стоящих на близкой степени просвещения, и мало различается даже при глубочайшем различии живущих народов, например у японцев и англичан.

Просвещение и тут играет свою роль, главным образом потому, что молодые организмы, в особенности в первые годы жизни у народов непросвещенных и небогатых, вымирают в большем количестве не только от недостатка медицинской помощи и от лишений, но главным образом от неразвитости матерей, на которых лежит естественная обязанность ухаживать за детьми малого возраста, если отцы обязаны добывать средства для всей семьи.

Но там, где степень образованности и богатства народного близки между собою, там распределение по возрастам оказывается поразительно сходственным. Для показания этого из множества имеющихся данных избраны мною числа подробных переписей Германии и С.-А. С. Штатов. Но в этих последних, как всякому известно, немалый процент жителей составляют негры, индейцы и переселенцы разных стран, и этих последних, очевидно, нельзя ставить в один разряд с жителями, родившимися в самих Штатах. В этом отношении американские переписи дают всю возможность сделать различение, и приводимые ниже числа относятся лишь к белым жителям штатов, родившимся в них от матерей и отцов — уроженцев самих Штатов.

Приводимые далее числа (*табл. 1*) взяты не из последней переписи Штатов (1900), а из предшествующей, 11-й переписи 1890 г., так как тома последней переписи дошли до меня лишь недавно.

Таблица 1

Возраст, лет, от — до	Германия, 1890—XII, тысяч жителей	Родившихся белых в С.-А. С. Штатах, тысяч жителей	Число жителей в процентах		
			Германия	С.-А. С. Штаты	Среднее
0–5	6429	4551	13,01	13,28	13,14
5–10	5531	4432	11,19	12,93	12,06
10–15	5412	3965	10,95	11,57	11,26
15–20	4803	3553	9,72	10,37	10,04
20–25	4257	3185	8,61	9,29	8,95
25–30	3745	2545	7,58	7,43	7,50
30–35	3387	2377	6,85	6,93	6,86
35–40	2290	2054	5,91	5,99	5,95
40–45	2689	1719	5,44	5,02	5,23
45–50	2442	1471	4,94	4,29	4,62
50–55	2139	1256	4,33	3,66	4.00
55–60	1729	935	3,50	2.73	3.11
60–65	1423	795	2,88	2,32	2,60
65–70	1145	579	2,32	1,69	2,01
70–75	772	418	1,56	1,22	1,39
75–80	395	245	0,80	0,71	0,75
80–85	155	128	0,31	0,38	0,34
85–90	45	47	0,09	0,14	0,12
90–N	9	16	0,02	0,05	0,04
Итого	49 428	34 270			

По 11-й переписи всех жителей в 1890 г. было 62,6 млн, но в их числе природных белых жителей от матерей и отцов, в Штатах родившихся, было только 34,3 млн, и вот они-то сочтены в нашем дальнейшем расчете (исключая лишь 47 тыс. жителей неизвестного возраста). В прилагаемой *табл. 1* для Германии и Штатов приведены не только абсолютные числа в тысячах жителей каждого возраста, но и процентные количества лиц каждого возраста, чтобы дать легкую возможность сделать сличение. Ввиду сходства процентных чисел в последнем столбце дан средний процент возрастного состава.

Исходом в первом столбце служит возраст, считая 5 лет за единицу, и если стоит, например, число 30–35, то это значит, что табличное число показывает число жителей в возрасте более 30 лет, но менее 35 лет. Приводить же числа по годам, например от 1 года до 2 лет или от 30 до 31 года, было бы не только неудобно по множеству чисел, но и не поучительно, потому что какой-нибудь правильности можно ждать только от средних больших величин, а в мелочах и частностях можно подразумевать всегда мелкие неправильности, зависящие от множества обстоятельств, например от недородов в известные годы, от войн, от присоединения новых областей и т. п., что падает на определенные времена, отвечающие рождению лиц данного возраста. Такие частные влияния до некоторой степени сглаживаются, когда в таблицах приведено количество людей в возрасте, различающемся на 5 лет, как это сделано в прилагаемой таблице. Притом не подлежит сомнению, что точность показания возраста при переписях сравнительно невелика, так как точная проверка о возрасте каждого жителя совершенно невозможна.

Если же взять пятилетний промежуток, то, деля число жителей каждого возрастного периода на 5, мы получим число жителей в среднем возрасте, например из числа жителей 30–35 получим, деля на 5, число жителей в возрасте от 32 до 33 лет, что и обозначено далее через 33. При этом делается, конечно, предположение, что в течение 5 лет возрастание идет арифметически пропорционально годам, т. е. выражается линейным образом по годам. В частности, т. е. в узком пределе лет, это всегда можно допустить, принимая во внимание возможные погрешности каждого отдельного числа, отнесенного к году

Выражаясь алгебраически, всякую небольшую долю кривой линии можно представить в виде прямой линии.

Но это, конечно, не относится ко всей совокупности чисел, потому что они выражаются не прямою, а кривою линией, которая одна и представляет свой особый интерес, выражая собой изменчивые отношения между числом лет *n* и числом жителей данного возраста, которое мы означаем через *y*. Отношения этих чисел мы далее рассмотрим, приведя исходную таблицу. Оригинальные числа для Германии взяты из Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich für 1900, с. 3, а для Штатов — из Abstract of the Eleventh Census 1890, с. 58.

Из приведенной *табл. 1* видно, что относительное (процентное) число жителей разного возраста в Германии и Штатах чрезвычайно близко, отчего и можно было взять среднее и в этом среднем *y*, отнесенном к определенному году *n*, можно ждать уже сглаживания частных погрешностей отдельных переписей, потому что среднее относится к 85 млн жителей. Этого же среднего, до некоторой степени сглаженного результата можно достичь еще лучше, складывая первоначально абсолютные числа для Германии и Штатов и выводя из этой суммы указанный результат по годам *n* через 5 лет. Так и сделано во второй таблице, в столбце, обозначенном через *y*, выражая опять число жителей в процентах. Числа этого столбца, конечно, очень близки к числам последнего столбца предшествующей таблицы. Но в них все же должно ждать ряд разных мелких погрешностей, неизбежно свойственных как самим, так и рассчитанным из них результатам.

Полученные таким образом числа для *y* приведены в *табл. 2* в столбце со знаком *y*. Сличение этих чисел с ранее выведенными показывает, что разность между ними очень невелика и касается только десятых долей процента, что допустимо уже по необходимости ждать в переписях лишь относительной точности, так как абсолютная точность ни в этих, ни в каких опытных числах по самому существу невозможна.

Таблица 2

Возраст, лет, от — до	В 1890 г. жителей Германии и С.-А.С. Штатов, тысяч или процентов	В возрасте от *n*−1 до *n* лет процентов жителей по переписи 1890 г.		По формуле величина *y* считая	
				N = 105 г.	*N* = 110 г.
0–5	10 980, или 13,12 %	*n* = 3	*y* = 2,62	2,74	2,62
5–10	9963, или 11,90%	*n* = 8	*y* = 2,38	2,47	2,38
10–15	9377, или 11,20%	*n* = 13	*y* = 2,24	2,23	2,15
15–20	8356, или 9,98 %	*n* = I8	*y* = 1,99	1,99	1,93
20–25	7412, или 8,89%	*n* = 23	*y* = 1,78	1,77	1,73
25–30	6290, или 752 %	*n* = 28	*y* = 1,50	1,56	1,54
30–35	5764, или 6,88 %	*n* =33	*y* = 1,37	1,36	1,36
35–40	4974, или 5,94%	*n* = 38	*y* = 1,19	1,18	1,18
40–45	4408, или 5,27 %	*n* = 43	*y* = 1,05	1,01	1,03
45–50	3914, или 4,68%	*n* = 48	*y* = 0,93	0,85	0,88
50–55	3395, или 4,06 %	*n* = 53	*y* = 0,81	0,71	0,77
55–60	2664, или 3,18 %	*n* = 58	*y* = 0,63	0,58	0,62
60–65	2218, или 2,65 %	*n* = 63	*y* = 0,53	0,46	0,51
65–70	1724, или 2,06 %	*n* = 68	*y* = 0,41	0,36	0,40
70–75	1190, или 1,92%	*n* = 73	*y* = 0,28	0,27	0,31
75–80	640 или 0,77 %	*n* = 78	*y* = 0.15	0,19	0,23
80–85	283, или 0,34 %	*n* = 83	*y* = 0,07	0,13	0,16
85–90	92, или 0,11 %	*n* = 88	*y* = 0,02	0,08	0,11
Выше 90	25, или 0,03 %	$n = \frac{N-90}{5}$ 0,01		0,05	0,10
	83 699 тыс. = 100 %	Сумма разностей:		+Δ = +0,44	+ 0,36
				±Δ = ±0.47	± 0,43
				M = 26,6	27,9

Но и указанные отступления от нормы не должны, по существу, превосходить некоторого, притом небольшого, предела; например, не должны касаться целых процентов, а ограничиваться их долями, потому что числа извлечены из целого числа миллионов, а отступления касаются только сотен тысяч. Сколько мне известно, еще никто не принимался за вопрос о нормальном законе распределения числа жителей по возрастам, и если я решаюсь приняться

за такой трудный новый опрос, то лишь по той причине, что верю в закон больших средних чисел и в правильность всяких отношений, кажущихся, на первый взгляд, зависящими лишь от частной воли и от случайного сцепления обстоятельств. Эта уверенность внушена долгим изучением явлений природы, а оно приводит к заключению, что все крупное общее среднее всегда оказывается закономерным, хотя всегда состоит из ряда мелочей, носящих на первый взгляд капризный индивидуальный характер.

Максвелловская теория газов — лучший пример для этого, и я не упущу случая внушить молодежи склонность к изучению представлений, подобных максвелловским, если хотят разобраться в вопросах социологии. Не желая усложнять изложения, я ограничиваюсь этим намеком и обращаюсь к примеру распределения народонаселения по возрастам как к такому, в котором можно уже видеть значение общих крупных чисел и закономерную в них стройность. Ведь механику, физику, химию изучали вначале исключительно приемами качественными и описательными, причем были, в сущности, рабами действительной природы, а понемногу становятся ее господами, подмечая присущую явлениям этого рода закономерность. Ведь и там изучению подлежат лишь частности, и всякое измерение сопряжено с неизбежными погрешностями, а общее крупное оказывается состоящим из данного числа капризных мельчайших отдельностей, в крупном же общем среднем все эти мелкие капризы исчезают, и тогда выступает основной, Божеский закон, который один делает рабов действительными господами предпринимаемого и предстоящего.

Не только в переносном, но и в подлинном смысле отдельный человек есть не что иное, как атом, и в совокупности людей, т. е. в крупных числах, до них относящихся, должно ждать такой же простоты и правильности, как в

числах, получаемых от так называемой мертвой природы. Вот одна из тех заветных моих мыслей, которую очень желательно мне внушить будущим поколениям русского юношества, приложение которой к действительности я желал бы демонстрировать при помощи данных о народонаселении, и прежде всего о распределении по возрастам. Беглый взгляд на графическое выражение зависимости между y и n показывает уже, что они расположены по стройной, или, как привыкли выражаться математически, правильной, кривой линии. Найти законность — значит найти алгебраическую зависимость между y и n, т. е. между возрастом и числом жителей этого возраста. Геометрические соображения простейшего свойства показывают, что первое приближение к истине получится уже тогда, когда эту зависимость представим в виде вертикальной параболы, т. е. выразим:

$$y = A + B_n + C_n^2, \qquad \text{(I)}$$

где A, B и C — суть постоянные числа, а y и n — переменные (ординаты и абсциссы кривой). Ни одной минуты я не думаю, что такое выражение есть окончательное и вполне точное, утверждаю только, что оно очень близко удовлетворяет действительности и отступает от нее лишь на величины недалекие, подобные разностям между y 1-й и 2-й таблиц. Числа, разочтенные по формуле, приведены в последних столбцах *табл. 2*. Сходство вычисленных и наблюденных y наглядно показывает степень применимости вышеозначенной формулы.

Для ее нахождения, т. е. для определения числовых значений коэффициентов A, B, C, очевидно, достаточно трех данных, а их гораздо более. Каждые три данные y и n дадут свои коэффициенты, нужно найти некоторые вероятнейшие A, B и C, и можно было бы руководствоваться при этом правилами способа наименьших квадратов, а так

как *n* равно отстоят друг от друга, то можно было бы прибегнуть к известному приему моего покойного друга П. Л. Чебышева, развитому мною при исследовании колебания весов. Но в данном случае есть два соображения, упрощающих дело.

Во-первых, *n* есть число не беспредельно большое, а ограниченное некоторым пределом *N*, показывающим тот средний наибольший возраст, примерно около 100 лет, до которого доживают люди в настоящее время и при котором их число впадает в пределы точности опытных чисел и выводимой формулы[8]. Следовательно, при $n = N$ величина *y* может быть принята равной нулю. В то же время должно признать прямо, судя по числам и действительности, что *y*, или число жителей, достигает при возрасте *N* своей наименьшей величины, а потому на основании известного закона минимумов $B + 2Cn$ при этом равно 0, т. е. $B = 2CN$. Во-вторых, выражая *y* в процентах, очевидно, что сумма всех *y* от 0 до $N = 100$, что разрешает отношение между *C* и *N* и приводит к следующему выводу, касающемуся *A*, *B* и *C* в формуле (I), а именно[9]:

$$A = CN^2;$$
$$B = -2CN;$$
$$C = \frac{600}{N(N-1)(2N-1)}.$$

Подставляя эти выражения для *A*, *B* и *C* в уравнение (I), получим:

$$y = \frac{600(N-n)^2}{N(N-1)(2N-1)}. \qquad \text{(II)}$$

Это показывает, что по первому приближению, или первой законности в распределении числа жителей по возрастам, значение *y* исчерпывается знанием *n* и одним постоянным предельным возрастом *N*, а через это

нахождение всей зависимости между y и n упрощается до крайности, т. е. из каждого отдельного значения и соответствующего ему n получается свое N. Если N расчесть на основании данных для малых возрастов, то выходит N не менее 110, даже до 115 лет. Если же это сделать на основании чисел уже стариков, то N выходит не только гораздо меньшим, но даже меньшим 100 лет, показывая этим, что в последние десятилетия вместе с возрастанием прироста (с отсутствием войн, развитием просвещения и пр.) увеличились условия для продолжительности человеческой жизни.

Это определяется, по всей вероятности, не столько успехом медицины и гигиены, сколько развитием благосостояния и уменьшением шансов погибнуть в зрелом возрасте, не доживая до старости; получаемые для разных значений n величины предельного возраста N, очевидно, не могут быть тождественны между собою и тем ближе к истине или вероятнейшему, чем более величина y. На основании этого и рассчитана средняя величина N, и она оказалась лежащей вблизи от $N = 105$ до $N = 110$ лет для той совокупности данных, которые взяты из приведенных выше переписей Германии и Соединенных Штатов. Подставляя эти числа, получаем:

$$y = 0{,}000 \times 2629(105 - n)^2;$$
$$y = 0{,}000 \times 2285(110 - n)^2. \qquad \text{(III)}$$

Числа, рассчитанные по этим выражениям, приведены в последних столбцах *табл. 2*. Необходимость привести два ряда разочтенных чисел отчасти еще выясняется из последующего изложения.

Сличение разочтенных чисел с наблюдением для y показывает, что наши выражения (I) или (II) вообще, а в частности (III) для Германии и Штатов недалеко отступают от действительности, т. е. что распределение населения по

возрастам довольно точно выражается параболой 2-го порядка, т. е. в таком деле, как распределение по возрастам, господствует в норме при данных условиях правильная общая закономерность, что и требовалось показать для того, чтобы понемногу вселять убеждения в правильной закономерности социальных отношений, кажущихся капризными и сбивчивыми. Для показания этого же общего начала я приведу еще одно доказательство, относящееся к общему числу жителей С.-А. С. Штатов, но предварительно считаю не лишним остановиться над некоторыми обстоятельствами, относящимися к возрастному распределению.

Напомню, однако, вновь о том, что я не считаю свою формулу окончательной, а потому делаю лишь намеки на то, чего можно достичь со временем, когда найдется истинная формула и когда можно будет выводить из нее совершенно строгие следствия. Те следствия, которые выводятся из принятой нами формулы, очевидно, суть только приблизительные, но и они наводят на такие размышления, которые, кажется, не следует упускать социологам из вида. Притом следствий этих много, а я могу здесь остановиться лишь над немногими из них, касающимися рождаемости, смертности, средней продолжительности жизни и среднего возраста всех жителей разных стран. Надо повторить при этом, что, признавая выставляемую закономерность лишь дающей первое приближение к истине, нельзя ручаться за полную точность выводимых следствий, но тем не менее над ними следует остановиться для того, собственно, что очень часто, особенно за последний век, числами, так сказать, баловались, не заботясь о приложении полученных выводов к каким бы то ни было жизненным явлениям, а моей заветной мыслью служит то соображение, что математический разбор явлений действительности тогда только служит для надлежащего

уяснения предмета и для истинного познания вещей, когда он не только выводится из действительных данных, но когда в то же время он и дает следствия, непосредственно с действительностью связанные и представляющие для нее свой интерес.

Рождаемость, выраженная в процентных числах жителей, весьма сильно изменяется по странам, т. е. гораздо значительнее, чем распределение по возрастам. Для России она близка к 4,8 %, а во Франции — к 2,5 %; для других же стран Европы получаются промежуточные числа. Из формул можно полагать или ждать, что при $N = 105$ рождаемость ($n = 0$) выражается[10] 2,77 %, а при $N = 110$ она рассчитывается равной 2,76 %.

Для Германии рождаемость достигает ныне 3,7 %, если считать и мертворожденных, а за их исключением все же более 2,7–2,8 %, а именно около 3,5 %. Мне кажется, однако, что причину разности расчета от действительности должно приписывать не столько неполной точности нашей формулы, сколько тому, что в первое время после рождения и в Германии, как повсюду, мало умеют ухаживать за детьми и часть рожденных можно как бы причислить к мертворожденным, т. е. не считать в общем счете жителей. Но так как я считаю свои формулы (I) и (II) лишь первым приближением и рождаемость представляет своего рода экстраполирование (т. е. расчет за пределом исходных данных, которые у нас начинаются с $n = 1$), то и не считаю надобным более останавливаться над этим предметом особенно потому, что в некоторых странах (Бельгия, Швейцария, Ирландия) распределение по возрастам близко отвечает нашему расчету (по III формуле) и в них рождаемость близка к 2,7 %, т. е. к формульной.

Мне кажется даже, что совпадение для некоторых стран (Бельгия, Швеция и др.) рождаемости с выводом, получаемым из распределения по возрастам, показывает,

что в этих странах умеют столь же хорошо ухаживать за беременными матерями и новорожденными, как за лицами других возрастов.

В других же странах, например у нас в России, большой процент смертности в первые месяцы жизни не только не отвечает распределению жителей по возрастам, но и заставляет ждать преувеличенного числа или коэффициента рождаемости, показывая недостаточное знакомство жителей с гигиеной младенцев, бедность родителей, т. е. скудость страны и недостаток в ней медицинской помощи. Затем не излишне указать на то, что с увеличением предельного возраста N процент рождаемости должен падать. Объяснение этому видно уже из того, что с увеличением предельного возраста должно возрастать число стариков и старух, не способных к деторождению, и уже чрез это одно процент рождаемости должен падать.

Величина смертности, например, выраженная процентом умерших за год в отношении к числу всех жителей, еще сильнее рождаемости изменяется по странам, временам, народам и обстоятельствам, особенно изменчиво распределение смертности в детском возрасте.

Процент смертности лиц известного возраста быстро падает начиная от самого рождения, так что смертность в норме повсюду в первый год после рождения очень велика, даже не считая мертворожденных.

Общий же процент смертности на 100 жителей, т. е. количество лиц всех возрастов, умерших в течение года, изменяется от 3,5 % в России до 1,7 % в Скандинавии. В Германии, где смертность была до 1890 г. близка к 2,6 % (ук. соч.), числа рождаемости, смертности и прироста так быстро изменяются за последнюю половину XIX в., что достойны особого внимания (*табл. 3*).

Тут примечательно явное возрастание естественного прироста от 1 до 1,5 %, явная зависимость этого возрастания

от уменьшения процента смертности и видимое уменьшение разности между естественным и действительным приростами, зависящее от убыли за последнее время эмиграции. Это все, без малейшего сомнения, зависит от того, что Германия в это время стала, видимо, богатеть, а причину этого должно искать не только в расширении просвещения, но и в развитии всех видов промышленности, достигнутом прежде всего сильным и настойчивым протекционизмом как всем отраслям промышленности, так и рабочему населению. Это такая же манера действия или, если угодно, та же политика, от которой так разбогатели в свое время Англия, Франция и С.-А. С. Штаты.

Германия, год	Миллионов жителей	% рождения	% смертности	% годового прироста	
				естеств.	действит.
1850	35,4	3,8	2,6	1,2	0,6
1855	36,1	3,3	2,9	0,4	0,4
1860	37,7	3,8	2,5	1,3	0,98
1865	39.7	3,9	2,9	1,0	1,0
1870	40,8	4,0	2,9	1,1	0,6
1875	42,7	4,2	2,9	1,3	0,9
1880	45,2	3,9	2,7	1,2	1,1
1885	46,9	3,8	2,7	1,1	0,7
1890	49,4	3,7	2,6	1,1	1,1
1895	52,3	3,7	2,3	1,4	1,1
1898	50,7	3,7	2,2	1,5	1,4

Быстрота убыли смертности в Германии и несомненность того, что это уменьшение, как и весь прогресс страны, зависит от правительственных мероприятий, явно указывают как на то, что в числах, относящихся к народонаселению, прежде всего видны плоды всех основных действий страны, так и на то, что числа смертности и прироста более и быстрее, чем возрастное распределение и рождаемость, изменчивы и отражают всю современную историю стран. Этим я желал бы ограничить свои здесь

заметки о смертности, но полагаю не лишним для ясности добавить еще несколько беглых указаний.

Процент смертности во многом зависит для взрослых людей от предмета деятельности и от условий жизни; известная степень напряженности жизни или равное настойчивое трудолюбие, составляющее один из плодов всей цивилизации, возвышает продолжительность жизни, а холопская лентяйность ее уменьшает. В нашу эпоху у тех народов, которые деятельны и еще разрастаются, при норме рождаемости около 3 % норма смертности около 2 % от числа жителей, а у народов, уже достигших (по-видимому, по крайней мере) до своей кульминационной точки, когда прирост прекращается, рождаемость и смертность близки к 2–2,5 %.

Мне кажется, что народы будущего отличаются большею рождаемостью и для них особо важное значение имеют мероприятия страны, способствующие росту благосостояния, увеличивающего жизнедеятельность и продолжительность жизни. Но так как предметы эти развиваются в дальнейшем изложении подробнее, то я не хочу числами и соображениями удлинить эту часть своих статей.

Величину смертности можно получить из формулы, показывающей распределение по возрастам, вычитая число жителей данного возраста n из числа жителей предшествующего $(n - 1)$ и слагая полученные разности. Считаю не излишним опять повторить, что выше предложенная формула лишь приближенна, между прочим, уже потому, что она дает равенство рождаемости со смертностью, т. е. относится, собственно говоря, лишь к предельному случаю или к народам, не дающим прироста, что не препятствует ей довольно хорошо выражать распределение по возрастам.

Хотя вопросы о распределении жителей по возрастам, о предельном возрасте (N, когда в пределе точности можно

признавать число жителей равным нулю), о рождаемости, смертности и приросте все тесно между собою связаны и определяют своею совокупностью состояния отдельных стран, разность времен, жизни народов и влияние законодательных мероприятий, просвещения и промышленности, все же они по своей сложности лишены той меры наглядности, которую должно искать в реальных численных величинах и что свойственно во всем вопросе народонаселения, по моему мнению, лишь абсолютным числам среднего возраста и процентным числам работо- и трудоспособного населения, к чему мы вслед за этим обращаемся.

Однажды мне пришлось быть в довольно значительном обществе, где случайно возбудился вопрос о среднем возрасте людей. Мы сосчитали число лет всех присутствующих и, разделив на количество их, получили в среднем около 35 лет, потому что между нами были только молодые люди и взрослые деятели, но не было ни детей, ни больших стариков.

В другой раз на подобном же собрании получилось около 30 лет. Все то же можно проделать, конечно, и с целым народом на основании переписей. Во всяком случае подобные числа среднего возраста, обладая прямою реальностью, говорят уху нечто простое, безусловное и абсолютное, хотя и совокупное, не то что числа N предельного возраста (наших формул). Спрашивается: как и много ли изменяется средний возраст у разных народов и какова связь этих средних возрастов (назовем их буквою M) с теми предельными возрастами (означены N), о которых говорилось ранее?

Если взять числа 1-й, или исходной, таблицы, то для Германии получается средний возраст всех жителей около 27 лет, а для С.-А. С. Штатов — около 26 лет. Взяв из переписи 1897 г. данные для Владимирской и Виленской губерний и для Амурской области (русские подданные,

местные жители), получился для первой средний возраст около 27 лет, для второй — около 26 лет и для третьей — около 24 лет[11]. Если мы возьмем числа для Индии по переписи 1891 г., то получается число среднего возраста гораздо меньше, а именно около 23 лет; а для Франции гораздо более, а именно около 32 лет. В первом из последних случаев в среднем числе лет ясно сказывается преобладание детей, а во втором — пожилых людей.

Так страны и народы не много, но явно отличаются средним возрастом своих жителей. Различия невелики, но явны и, что всего важнее, очевидно устойчивы, т. е. могут подвергаться лишь медленным, чисто эволюционным (постепенным) изменениям в зависимости от социальных условий жизни, т. е. от всей истории и политики. В подобного рода числах и их изменениях, по моему мнению, не только можно, но даже должно выражаться немало народных особенностей и обстоятельств, существенно их характеризующих.

Что же касается до соотношения между величиною среднего возраста народа *M* и величиною предельного возраста *N*, о котором говорено выше, то из простых соображений сразу уже очевидно, что *M* и *N* должны возвышаться и вообще изменяться единовременно, потому что с увеличением общего предельного возраста *N* должно прибывать процентное число стариков и убывать относительно (на всю массу жителей) количество детей, а это должно приводить к увеличению общего среднего возраста, народу отвечающего. Из нашей формулы (II), выражающей в первом приближении распределение по возрастам, легко найти ближайшую зависимость между *M* и *N*, потому что, выражая по годам число жителей в возрасте *n* процентами, очевидно, что:

$$M = \frac{1}{100}\sum_{n=1}^{n=N} yn = \frac{1}{100}\sum_{n=1}^{n=N}\frac{600(N-n)^2 n}{N(N-1)(2N-1)}, \qquad \text{(III)}$$

а это выражение при подстановке вместо *n* последовательных его значений от 1, 2, 3 до $(N-1)N$ дает:

$$M = \frac{1}{2} \times \frac{N^2 + N}{2N - 1}. \qquad \text{(IV)}$$

Если $N = 100$, то $M = 25{,}3$, если $N = 110$, то $M = 27{,}8$. А так как для Германии и С.-А. С. Штатов такая величина *M* получается для 1890 г. близкой к 27,5 и 25,3, то для них и должно признать *N* среднее около 105 лет, но так как с развитием всех условий просвещения *N* и *M* возвышаются и указанные страны прогрессируют, то ныне для них в среднем нельзя считать *N* менее 110 лет, тем более что если для Германии в 1890 г. $M = 27{,}5$, то надо (по формуле (IV)) для нее принять уже тогда *N* лишь немного менее 110 лет. По этой-то причине в *табл. 2* приведены значения *y*, разочтенных как для $N = 105$, так и для $N = 110$ лет.

Вообще мне кажется, что при суждениях о возрастном распределении жителей и при выводе точной, т. е. выражающей истинную норму, формулы следует брать за исход не что иное, как средний возраст жителей. Точные расчеты, здесь необходимые, не только часто затруднены частными особенностями переписей, но и требуют, кроме того, большого времени по своей многочисленности и сложности, еще и зоркости глаз, чего у меня уже нет, а потому я ограничиваюсь здесь лишь возможно кратким сводом основных данных для тех стран, результаты переписей которых мне стали известны благодаря содействию Н. А. Тройницкого и И. И. Кауфмана. Свод всех мне известных данных сделан в *табл. 7* и дан в процентах вместе с расчетом среднего возраста жителей каждой страны. Но предварительно считаю необходимым остановиться на абсолютном числе жителей, распределенных по возрастам, так как числа эти представляют свой интерес и иногда взяты из отчетов малоизвестных и очень редких[12].

В *табл. 3* дано лишь процентное распределение по возрастам, так как именно оно необходимо для всех сравнений. Числа даны для десятилетних периодов возраста, так как пятилетний промежуток еще недостаточен во многих случаях для грубого сглаживания неизбежных погрешностей переписей. Так, например, в бразильской переписи 1900 г. дано число лиц в возрасте от 55 до 60 лет равным 262 тысячам, а для высшего возраста — выше 60 лет, но ниже 65 лет — 293 тысячам, что должно приписать неизбежным ошибкам в показании возраста. Многие округляют свои года, говоря о 60 годах, когда их возраст менее, например, 59$^1/_2$ лет, но не имеют нужды прибавлять или убавлять года, а чаще всего вследствие поспешности или срочности переписей вписывают года, лишь приближенные.

При десятилетних данных о возрастах расчет среднего возраста (*M*) требует небольшой поправки (надо убавить около $^1/_4$ года от вывода по средним годам, что в таблице и сделано), но все числа получают наибольшую наглядность. Замечу далее, что число детей моложе 1 года и число стариков старше 100 лет во многих переписях не только особо указывается, но и тщательно разбирается, даже для детей по месяцам, что представляет свой глубокий интерес, но для наших целей приведение цифр, сюда относящихся, только напрасно усложнило бы таблицы. Для нас данные России особо важны, но известно, что довольно полная перепись 1897 г. была у нас, в сущности, первою и ее подробные данные (например, о распределении по возрастам) до сих пор известны лишь для 17 губерний и областей, острова Сахалин и для двух столиц. Первые относятся к Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Нижегородской, Олонецкой, Псковской и Уфимской губерниям и к областям: Карской, Черноморской, Амурской и Приморской и к острову Сахалин. Во всех них в 1897 г. жило около 18,27 млн жителей. Присоединяя данные для

С.-Петербурга (1,24 млн жителей) и для Москвы (1,02 млн), получается ряд данных о возрастах всего только для 20,5 млн жителей России, тогда как (без Финляндии) в 1897 г. для нее насчитывалось 126,4 млн. Судить о целом по шестой доле его, конечно, рискованно, но тем не менее возможно с уверенностью, что погрешность не превзойдет сотен тысяч, т. е. для отдельного десятилетнего возраста не достигает 1 миллиона. Для суждения разберем вначале отдельно совокупность описанных губерний и двух ее столиц.

Для совокупности вышеназванных губерний из общего числа жителей обоего пола — 18,21 млн — должно отнять 7 тыс. (0,007 млн) неизвестного возраста. Остаток (18,20 миллиона) распределяется по возрастам так (те же 10 столбцов сохраняются и везде далее):

Выше	0	10	20	30	40	50	60	70	80	90	лет
До	10	20	30	40	50	60	70	80	90	N	»
Из 18,2 млн обоего пола	4962	3842	2879	2224	1720	1228	834	383	107	21	Тыс.

Эти числа, выраженные в процентах:

На 100	27,26	21,11	15,82	12,22	9,45	6,75	4,58	2,10	0,59	0,19	%

Для С.-Петербурга те же расчеты дают:

Из 1,24 млн обоего пола	180	218	334	235	138	76	42	16	3	0,3	Тыс. жителей
На 100 жителей	14,5	17,6	26,8	19,0	11,1	6,1	3,4	1,3	0,2	0,0	%

Для Москвы:

Из 1,024 млн обоего пола	127	197	270	194	119	66	36	13	2	0,2	Тыс. жителей
На 100 жителей	12,4	19,3	26,3	18,9	11,6	6,4	3,5	1,3	0,2	0,0	%

Сходство возрастного процентного состава населения обеих столиц и глубокое различие его от состава жителей всей страны так же поражает, как сходство состава населения столь отдаленных стран, как Германия и С.-А. С. Штаты. Преобладание процента столичных жителей возраста в 20–30 лет объясняется не столько тем, что в столицах много войск и других служилых людей этого возраста (мужчин здесь в два раза более женщин), сколько тем, что сюда приезжает из деревень много молодых людей для заработка и для практического изучения торговли и ремесел. Но начиная с 50–60 лет, как и до 20 лет, в столицах меньше процент жителей, чем во всей стране.

Только с этим объяснением становится понятно, что средний возраст, рассчитанный для всего населения исчисленных губерний и равный 26 годам, мало отличается от среднего возраста жителей Петербурга и Москвы, который достигает до 28 лет. Для всех 126,4 млн русских подданных, конечно, должно ожидать процентного возрастного состава, близкого к полученному для 17 губерний, а поэтому остановимся на нем и сличим его с данными *табл. 1 и 2*.

Выше До	0 10	10 20	20 30	30 40	40 50	50 60	60 70	70 80	80 90	90 *N*	лет »
18 губ. России 1897 г.	27,26	21,11	15,82	12,2	9,45	6,75	4,58	2,10	0,59	0,12%	
Германия (табл. 1, 1890 г.)	24,20	20,67	16,19	11,76	10,37	7,83	5,20	2,36	0,40	0,02%	
С.-А. С. Штаты (белые уроженцы)	26,21	21,94	17,72	12,92	9,31	6,39	4,01	1,93	0,12	0,05%	
По формуле (II)											
(*N* = 105)	26,0	21,1	16,7	12,7	9,3	6,4	4,1	2,3	1,1	0,3%	
(*N* = 110)	25,0	20,4	16,4	12,7	9,5	6,9	4,6	2,7	1,3	0,5%	

Это сопоставление показывает:

1) что для таких свежих и бодрых народов, тут перечисленных, возрастной состав населения представляет большое сходство и очевидную правильность, которые

выступают еще яснее, если не упустить из вида погрешности, неизбежно свойственные всяким переписям, и те небольшие эволюционные изменения в составе населения, которые совершаются во всех народах вследствие исторических — естественных и искусственных — последовательных изменений;

2) что и приняв вышеуказанные замечания, наша формула (II) может считаться близкою к действительности, т. е. составляет первое приближение к истине или к нормальному составу народонаселения по возрастам, но требует дальнейшего усовершенствования, материалом для которого и могут служить числа переписей, далее приводимые в возможно сжатом виде;

3) что Россия по сравнению с Германией и С.-А. С. Штатами представляет явный избыток детей моложе 10 лет и стариков выше 80 лет, но зато у нее в возрасте 20–50 лет, т. е. наиболее работоспособном, населения менее, а именно только 37,5 %, в Германии же — $38^{1}/_{3}$, а в С.-А. С. Штатах — почти 40 %. Особо большое в России число детей до 10 лет наглядно говорит о сравнительной политико-экономической молодости нашей страны, хотя есть в этом отношении страны более молодые, например, до 10 лет детей в Индии — 28,9 %, а у природных аргентинцев — 36,9 %, но есть страны и с гораздо меньшим числом детей, например Ирландия в 1901 г. имела только 20,0 %, а Франция в 1891 г. — около 17,5 %.

Если признать, что средний возрастной состав всего населения России в 1897 г. был такой же, как в 18 перечисленных губерниях, то в ней можно на 126,4 млн ждать на 1897 г. следующее приблизительное количество миллионов жителей.

Возраст	1–10	10–20	20–30	30–40	40–50
Миллионов	34,4	26,7	20,0	15,5	11,9
Возраст	50–60	60–70	70–80	80–90	90–*N*
Миллионов	8,5	5,8	2,7	0,7	0,2

В перечне сведений возрастного состава населения поучительнее начать со стран внеевропейских, потому что они в лестнице всего прогресса, говоря вообще, стоят ниже западноевропейских стран, их населенность менее густа, чем в Западной Европе, что часто ведет к однородным следствиям, так как всякая страна лишь понемногу заселяется и лишь с течением времени чаще всего от тесноты и бедности подвигается вверх по лестнице прогресса.

В этом смысле должно ждать некоторого сходства в распределении по возрастам для большинства внеевропейских народов, с одной стороны, и для западноевропейцев — с другой, а для России чего-то среднего. К сожалению, возрастной состав хорошо известен преимущественно для стран Западной Европы и С.-А. С. Штатов, но жители последних по преимуществу недавние выходцы из той же Западной Европы. Тем не менее некоторые сведения есть уже даже для чисто азиатских народов, хотя переписи Явы, столь полные во многих других отношениях, не дают возрастного состава населения. Для английской Индии известны такие числа для переписей 1881 и 1891 гг. Перепись 1901 г. до меня еще не дошла, хотя известно уже, что в этом году сочтено во всех английских владениях (т. е. вместе с покровительствуемыми государствами, подобными Кашемиру) 294,9 млн жителей, тогда как в 1891 г. было 287,3 млн, а в 1881 г. на тех же местах — 253,8 млн (средний годовой прирост за 20 лет — около 0,7 %).

Из 286,64 млн жителей (146,42 млн мужчин, 140,22 млн женщин) Индии, заявивших свой возраст в 1891 г.:

0–5 лет	42,04 млн	30–35 лет	24,17 млн
5–10 лет	40,49 млн	35–40 лет	16,76 млн
10–15 лет	29,94 млн	40–45 лет	13,12 млн
15–20 лет	23,61 млн	45–50 лет	9,88 млн
20–25 лет	24,32 млн	50–55 лет	11,99 млн
25–30 лет	26,51 млн	55–60 лет	5,00 млн

Для остальных 14,8 млн указано только, что их возраст был более 60 лет. В этом и некоторых других отношениях числа для Индии представляют свои недостатки, но все же они очень поучительны, особенно потому, что указывают на множество детей и малое количество стариков, как видно в *табл. 7*, где эти числа сведены на проценты и 10-летние периоды. Числа эти взяты из официального Census of India 1891 (General Tables, vol. I, с. 98–103, London, 1892).

Для Японии переписи показывают средний прирост населения (1888–1898 гг.) около 1,0 % ежегодно, и отчет о переписи 31 декабря 1898 г. (Resume statistique de l'Empire du Japon. Tokio, 1902, с. 10) дает следующее количество жителей:

Возраст	0–10	10–20	20–30	30–40	40–50
Тыс. жителей	9985	8723	7158	5533	5028

Возраст	50–60	60–70	70–80	80–90	90–*N*
Тыс. жителей	3741	2228	1126	227	17

Всего (без Формозы) 43,76 млн и в процентах по возрастам:

22,18	19,93	16,36	12,64	11,49	8,55	5,09	2,58	0,50	0,04	%

Средний возраст довольно высок, около M = 28,5 лет, что зависит преимущественно от сравнительно малого процента детей.

Военное министерство (War Department) С.-А. С. Штатов, производя в 1899 г. перепись на острове Куба, дает (Report on the Census of Cuba 1899. Washington, 1900) там 1,573 млн жителей со следующим возрастным распределением:

Возраст	0–10	10–20	20–30	30–45	45–55	55–65	65–*N*
Тысяч жит.	357	328	290	304	117,5	68,2	37-7

В возрасте 0–10 лет здесь 22,7 %, т. е. почти столько же, как в Японии, но менее, чем в большинстве стран Европы, что, вероятно, отчасти зависит от недавно пережитого Кубой переворота.

Такая же военная перепись Пуэрто-Рико для того же срока дала:

Возраст	0–5	5–18	18–21	21–45	45–*N*
Тысяч жит.	150,5	322,4	68,4	299,1	112,9

а всего 953,2 тыс. Для детей 0–5 лет здесь выходит 16,1 %, т. е. гораздо более, чем в большинстве стран, но для убежденного вывода лучше ждать новой переписи.

Аргентинская республика в прекрасно изданном отчете о второй своей переписи 1895 г. (Segundo Censo de la Republic Argentina 1895. Buenos Aires, 1898, с. XIX, CLVIII) дает полную картину возрастного состава, как совокупности населения, так и самих аргентинцев, или, правильнее, уже давних обитателей (т. е. аборигенов и метисов) и европейских переселенцев и других иностранцев, которые осели в стране. Все три разряда чисел так поучительны, что я считаю полезным привести их.

Всех жителей в 1869 г. было 1,8 млн, а в 1895 г. оказалось 4,0 млн.

Прибыль велика (в год средний прирост — около 4,2 %) не только потому, что в этот период прибыло много новых переселенцев, но и потому, что сами аргентинцы дали большой естественный прирост, как видно уже по числу детей, у них оказавшихся в 1895 г. За исключением части жителей, для которых нельзя было определить возраста, всего оказалось аргентинцев 2,93 миллиона, иностранцев (из переселенцев разных наций) — 1,00 млн — всего 3,93 млн, и из них найдено:

В возрасте	0–5	5–10	10–15	15–20	20–25	25–30	30–35
Аргент., тыс.	574,7	507,0	378,01	311,1	253,2	215,5	160,8
Иностр., тыс.	16,0	44,5	66,6	80,5	99,3	128,0	134,2
Всего	596,7	551,1	444,7	391,6	352,5	343,5	296,0

В возрасте	35–40	40–45	45–50	50–55	55–60	60–65
Аргент., тыс.	149,7	103,9	83,2	62,6	39,6	38,4
Иностр., тыс.	118,7	102,0	73,9	58,0	31,6	24,4
Всего	259,4	206,9	157,1	120,6	71,2	62,8

В возрасте	65–70	70–75	75–80	80–85	85–90	90 и выше
Аргент., тыс.	17,2	16,4	6,8	7,0	2,1	3,3
Иностр., тыс.	11,7	7,5	3,4	1,8	0,5	0,4
Всего	28,9	23,9	10,2	8,8	2,6	3,7

Состав аргентинского населения в процентах дан далее в таблице, но и без того очевидно, что у туземцев детей множество, а у недавно устроившихся переселенцев очень мало, во всей же стране до 10 лет около 29 %, даже более, чем в Индии (28,8 %), и явно более, чем в России (27 %), а тем паче в Западной Европе.

В бразильской переписи 1900 г. (Republica dos Estadas de Brasil: Population recensee an 31 Dec. 1890. Rio de Jeneiro, 1891. Volume: Idadds) исчислено всего 14,3 млн жителей (мужчин: белых — 3,24, черных — 1,05, индийцев — 0,65 и метисов — 2,30 млн; женщин: белых — 4,06, черных — 1,05, индийцев — 0,45 и метисов — 2,34 млн). Для них дано следующее распределение по возрастам:

Возраст	0–10	10–20	20–30	30–40	40–50
Тысяч жит.	4192	3112	2535	1803	1231

Возраст	50–60	60–70	70–80	80–90	90–*N*
Тысяч жит.	730	427	159	61	23

Опять и здесь детей до 10 лет получилось более 29 %, т. е. число их гораздо выше, чем где-либо в Западной Европе, где оно изменяется от 18 % (Франция) до 26 % (Англия).

Изменение в относительном количестве детей нельзя приписывать ни одному уходу за ними (тогда нельзя было бы понять большой разности между Англией и Францией), ни одному избытку рождений, ни одному большому проценту смертности в зрелых возрастах, ни просто степени развития всей культурности и всего достатка у разных народов, ни особенностям расы и т. п. Это явление, очевидно, очень сложное, но все же несомненно, что с ним связан не только средний возраст всех жителей, но и степень той народной взрослости во всех отношениях, кото-

рая заставляет нас говорить часто, что мы, русские, моложе, например, французов или англичан, что наши центральные губернии старше южных или окраин. В этом смысле все внеевропейские страны, более или менее принявшие европейскую культуру (только для них и могут быть извлечены числа статистики), все моложе западноевропейских. Имея много детей, а потому и меньший средний возраст, они как бы догоняют Европу, а впереди становится видно свое всеобщее равенство народов, которому суждено играть в близкой истории мира роль едва ли не более важную, чем играло пресловутое латинское равенство личностей в отдельной стране.

Из всех заморских стран С.-А. С. Штаты, без сомнения, заслуживают наибольшего внимания по отношению к возрастному распределению жителей не только потому, что переписи там давно ведутся в совершенстве, но особенно потому, что народ там явно, на глазах людей, богатеет и составлен преимущественно из смеси переселенцев всяких народов. Туземцы, индейцы, оставшиеся в Штатах, немногочисленны, и большая часть их, живущая на отведенных для того землях, не введены в переписи, относящиеся к числу жителей как белых, так и цветных (преимущественно негров), имеющих оседлость на территории Штатов. Индейцев, не вошедших в перепись, в 1890 г. считалось всего 325,5 тыс. По некоторым остроумным соображениям, они считаются как бы составляющими особое государство. Аляска, отделенная от Штатов канадскими владениями Англии, тоже не входит в счет жителей Штатов; в 1890 г. там жило всего 32,5 тыс. народа.

Общее число жителей Штатов (62,6 млн) в 1890 г. распределено на 4 группы. С первой (белые уроженцы от родителей уроженцев) мы познакомились в табл. 1, их всего 34,4 млн. Ко второй группе отнесены уроженцы Штатов, родившиеся от поселившихся (иностранных) родителей, число их 11,5 млн. К третьей категории отнесены белые

переселенцы, родившиеся вне Штатов; их насчитывалось в 1890 г. 9,1 млн; среди них, очевидно, сравнительно мало детей. В четвертую группу, всего 7,6 млн, отнесены все цветные жители, среди которых преобладают негры, как видно по переписи 1900 г., где дано всех цветных 9,3 млн, а между ними негров — 8,7 млн. Наибольший интерес представляет, кроме общего количества жителей, возрастное распределение у белых, рожденных в Штатах от уроженцев, и у негров или цветных, а потому в прилагаемой таблице дано это распределение по 10-летним периодам, как для 1890 г., так и для 1900 г., не только в абсолютных цифрах, но и в процентах. Абсолютные числа тысяч жителей для 1890 г. взяты из: «Abstract of the eleventh census»: 1890. Second edition. Department of the interior. Washington, 1896 (Pag. 58), а для 1900 г. из: «Vol. II Twelfth Census of the United States taken in the Year» 1900, «Population, Part II». Washington, 1902. В оригиналах даны возрасты чрез 5 лет, но далее приведена таблица с 10-летними периодами, чтобы сделать сравнение более наглядным.

Сравнивая абсолютные числа жителей данных возраста и группы в 1890 и 1900 гг., видно, что за 10 лет прирост везде велик, и хотя для цветных рас он немного более (32 %), чем для белых (около 21 % за 10 лет), но разность невелика. При этом нельзя не заметить, что, несмотря на преобладающую пропорцию детей у цветных жителей, цветные расы представляют медленно убывающий процент всех жителей Штатов: 12,2 и 12,1. Причину этого составляют, конечно, прибывающие белые переселенцы. Уверенность в том, что черная раса не получит в Штатах большого значения в будущем, увеличивается на основании того, что процент цветных детей за последние 20 лет у них все еще остается большим, чем у белых, но все же сильно убывает. Эта убыль в процентном количестве детей за последние 20 лет очень явна во всех классах жителей Штатов. То же увидим во многих странах Западной Европы.

Возраст выше — до	Всего в С.-А. С. Штатах				Белых от белых уроженцев				Цветных			
	тысяч жителей		процентов		тысяч жителей		процентов		тысяч жителей		процентов	
	1890	1900	1890	1900	1890	1900	1890	1900	1890	1900	1890	1900
0–10	15 209	18 079	24,35	23,75	8983	10 649	26,21	26,02	2156	2502	28,37	27,04
10–20	13 591	15 669	21,76	20,60	7518	8908	21,94	21,77	1924	2145	25,33	23,19
20–30	11 425	13 986	18,29	18,38	5730	7058	16,72	17,25	1329	1813	17,50	19,60
30–40	8445	10 580	13,52	13,90	4431	4972	12,93	12,15	860	1086	11,32	11,73
40–50	5917	7727	9,48	10,16	3190	3899	9,31	9,52	602	756	7,92	8,17
50–60	3998	5163	6,40	6,79	2191	2759	6,39	6,74	376	503	4,95	5,44
60–70	2468	3099	3,95	4,07	1374	1688	4,01	4,12	219	280	2,88	3,03
70–80	1095	1405	1,75	1,85	663	786	1,93	1,92	92	88	1,21	1,28
80–90	279	340	0,45	0,45	175	196	0,51	0,48	29	37	0,39	0,40
90–*N*	33	34	0,05	0,05	16	14	0,05	0,03	10	11	0,13	0,12
Сумма:	62 460	76 083	100 %	100 %	34 270	40 929	100 %	100 %	7597	9250	100 %	100 %
Неизв. возраста	162	220	—	—	88	124	—	—	41	62	—	—
					В том числе							
Всего:	64 622	76 303			34 358	41 053			7638	9312		

Причину такого общего и чисто эволюционного явления должно искать в целом ряде единовременных влияний: в неохоте родителей умножать трудности семейной жизни увеличением числа детей, в отсутствии или малом числе войн, повальных болезней и т. п., уменьшающих процент взрослых, в заботах о поддержании жизни последних и т. п. Труд жизни требует теперь преобладающего процента работоспособных, и их число, особенно в возрасте 20–60 лет, явно возрастает. Вследствие этого средний возраст народов возрастает повсюду там, где порядки современной цивилизации уже установились, где явно увеличиваются теснота, потребности и все просвещение. Эту эволюцию инстинктивно уже поняли народы нашего времени, и в числах народонаселенности, которые я собирал с любовью, это своеобразно сказывается яснее всего, хотя процесс малозаметен как чисто эволюционный. Знаю, что найдутся моралисты, которым все подобное претит, но я уже обещал, что буду стремиться представить жизнь такой, какова она есть и какою она рисуется по изучении и здравому смыслу. Постараюсь остаться до конца последовательным еще и потому, что свою добрую и благую сторону можно и надо же находить в действительности, если говорить о благе народном, так как, не обманываясь и не обманывая, вперед, куда следует, гуртом не уйдешь, хотя и чудно сказано, что

> Тьмы низких истин нам дороже
> Нас возвышающий обман.

Лицу, и даже кружку лиц, можно сладко жить «возвышающим обманом», но массам нельзя, даже оградившись китайской ли стеной или бойко работающей гильотиной, как показывает история. Эти «общие места» пришли мне на мысль, когда стал излагать извлечение из массы чисел, относящихся к возрастному распределению жителей С.-А. С. Штаты, потому что они мне первые внушили много

мыслей. Касаюсь их здесь, однако, только вскользь, руководясь двумя соображениями. Во-первых, тем, что предмет нов и очень обширен и далеко бы увлек, если бы я решился глубоко вдаваться в него, что, может быть, я и доделаю в другой раз. Во-вторых, мне так легко и назойливо лезут мысли, когда я гляжу на систематически собранные числа, касающиеся возрастного распределения жителей, что я уверен в возбуждении их и у каждого внимательного читателя. По этой последней причине я забочусь более всего о полноте и наглядности основных данных, рассчитывая на то, что выводы придут сами собою. Своими намеками я только стараюсь помочь этому. А потому заканчиваю этот предмет по преимуществу рядами цифр, которые собирать и обрабатывать мне оказалось возможным только благодаря помощи многих лиц, указанных выше.

Закончив более подробный обзор абсолютных данных для стран внеевропейских, перейду теперь к странам Европы, и хотя многие переписи, сюда относящиеся, имелись у меня в руках, но я предпочитаю сослаться на хорошо известные мемуары Бертильона, управляющего статистическим бюро города Парижа, потому что убедился многими сличениями, что эта брошюра составлена с полным тщанием и по своему множеству цифр — одних цифр — может заменить целую библиотеку. Полное название этой книги следующее: Des recensements de la population, executes dans les divers pays de l'Europe… par D-r I. Bertillon. Paris, 1899.

Из книги Бертильона взяты почти все абсолютные числа, далее приводимые для стран Европы. Процентные количества разочтены мною и моими сотрудниками и сведены в 7-й таблице.

После С.-А. С. Штатов естественнее всего говорить о Соединенном Королевстве, т. е. Англии, Шотландии и Ирландии, не только по родственности народов, но и

потому, что здесь хорошая статистика ведется давно и очень поучительно видеть изменения в процентном составе возрастного населения этих стран, а потому приводим абсолютные числа для 1851, 1871 и 1891 гг., для Ирландии же и числа 1901 г., взятые из «Census of Ireland 1901»; Part II (Dublin, 1902, с. 374):

Возраст выше — до	Англия с Валлисом			Шотландия			Ирландия				Все Соединенное королевство: Англия + Шотландия + Ирландия	
	1851	1871	1891	1851	1871	1891	1851	1871	1891	1901	1851	1891 жителей
0–5	2348	3071	3553	372	456	502	644	653	470	443	3364	4525
5–10	2092	2707	3395	340	405	478	806	632	509	451	3238	4382
10–15	1913	2424	3224	317	372	452	897	630	550	460	3127	4226
15–20	1757	2180	2951	300	336	418	817	532	550	473	2874	3919
20–25	1667	2005	2646	280	292	364	639	458	444	444	2586	3454
25–30	1470	1781	2350	230	255	313	423	377	319	363	2123	2952
30–35	1276	1560	2028	194	220	270	419	356	279	294	1889	2577
35–40	1089	1341	1782	165	189	237	316	255	228	239	1570	2247
40–45	969	1230	1547	154	176	205	405	289	260	243	1528	2012
45–50	799	1053	1337	122	147	183	227	196	203	188	1148	1723
50–55	709	945	1160	119	135	163	333	281	256	225	1161	1579
55–60	526	718	884	81	105	124	153	170	143	148	760	1151
60–65	481	623	773	78	98	114	232	255	192	204	791	1079
65–70	328	441	572	51	68	79	81	102	89	97	460	740
70–75	250	324	418	42	54	61	63	123	103	94	375	582
75–80	146	182	233	24	29	36	30	42	47	41	200	316
80–85	74	90	106	14	16	19	30	41	44	37	118	169
85–90	25	30	35	5	5	7	6	10	II	9	36	53
90—	8	8	9	2	2	2	5	7	8	6	15	19
Итого:	17 927	22 713	29 001	2889	3360	4027	6546	5409	4704	4459	27363	37735
%	24,8	25,5	23,9	24,6	25,7	24,3	22,1	23,8	20,8	20,0	24,1	23,6

Числа эти о многом сами говорят, и я остановлю внимание, и то лишь вскользь, на том, что за последние 20–30 лет здесь, как в С.-А. С. Штатах, замечается своего рода перелом, выражающийся в начинающемся уменьшении процента детей. Даже в Ирландии, несмотря на общую

убыль народа, зависящую преимущественно от бедности и эмиграции, которая относится преимущественно к сильным и взрослым, процент детей до 10 лет явно падает. Но, говоря об Англии, я считаю необходимым упомянуть о распределении жителей в самом Лондоне, так как для него (и других отдельных частей Англии) явился уже отчет о переписи 1901 г., а именно в виде выпуска Census of England and Wales 1901, County of London (London, 1902). Из числа всех жителей Лондона и его окрестностей (4,5 млн) имели возраст:

Возраст, лет	0–10	10–20	20–30	30–40	40–50	50–60	60–70	70–80	80–90	90–*N*
Жителей, тыс.	983,3	861,4	916,2	690,4	497,8	328,8	196,5	85,7	20,1	1,2
или %	20,67	18,99	20,22	15,22	10,97	7,24	4,33	1,89	0,44	0,03
В Лондоне		59,9			37,3				2,4	
В С.-Петербурге		58,9			39,6				1,5	

Это сопоставление показывает, что в возрастном составе населения городов есть свое сходство, как есть оно и в населении целых стран, выделяющих из себя все больше и больше городского населения. Теснота городов не страшит, а привлекает ныне людей всюду, как увидим в одной из дальнейших статей. В наше время характеризуемое явление не представляет порока или недостатка, а прямо вызывается наступившими в мире переменами и инстинктивным пониманием или предчувствием предстоящего уменьшения роли сельского хозяйства по всей экономии людей и увеличения значения других видов промышленности.

Из всех западноевропейских стран распределение жителей по возрастам во Франции заслуживает особого внимания не только потому, что эта страна во многих отношениях передовая, но и потому, что в ней очень ясно выражены такие явления распределения, которые у других народов вовсе еще не начинались или едва начались. Это сказывается особенно ясно в величине среднего возраста (*M*), который для этой страны уже очень высок, а именно:

Всего жителей, млн			Средний возраст, лет[13]	
	35,78	В 1851–IV		M = 31,4
» »	36,16	В 1872–VI	» »	M = 32,2
» »	38,13	В 1891–IV	» »	M = 32,6
» »	38,52	В 1896–III	» »	?
» »	38,60	В 1901–III	» »	?

У всех других народов средний возраст всей совокупности жителей менее указанного для Франции, обыкновенно около 25–27 лет, редко 29 и тоже редко ниже 25 лет. Высота среднего возраста зависит преимущественно от малого относительно количества рождений и от умения сохраняться в старом возрасте. Это видно не только по сравнению с другими странами, но и при сравнении для самой Франции процента молодых и пожилых в течение 1851–1891 гг., потому что процент молодых падает, а старых возвышается. Из этого вследствие выселения становится понятен и малый действительный прирост во Франции. Однако должно заметить, что во Франции все вообще переписи показывают хоть малое, но все же увеличение народонаселения (а в Ирландии уменьшение) и что французы выселяются не только в свои колонии, но и в разные другие страны в немалом числе, однако в каком — сказать нельзя. Тем не менее исключительно большая и все возвышающаяся величина среднего возраста и сравнительная малость детей до 10-летнего возраста показывают, что Франция опередила другие страны в ходе развития своего народонаселения. Другие страны приближаются к ней, как

видно из того, что в большинстве их средний возраст с годами возрастает (например, в Германии для 1880 г. M = 27,4, а для 1890 г. M = 27,5), а процент детей до 10 лет падает (например, для Германии в 1880 г. — 25,11 %, а в 1890 г. — 24,21 %).

Лиц определенного возраста во Франции, судя по переписям, было:

Возраст выше — до	Тысяч жителей			В процентном отношении к общему числу жителей		
	1851	1872	1891	1851	1872	1891
0–5	3322	3352	3322	9,29	9,29	8,72
5–10	3295	3268	3354	9,22	9,06	8,80
10–15	3146	3141	3324	8,80	8,71	8,72
15–20	3148	3048	3340	8,80	8,45	8,76
20–25	2977	3173	3279	8,33	8,80	8,60
25–30	2867	2605	2921	8,02	7,22	7,66
30–35	2705	2542	2715	7,57	7,05	7,12
35–40	2570	2485	2545	7,19	6,89	6,68
40–45	2358	2329	2401	6,60	6,46	6,30
45–50	2098	2196	2296	5,87	6,09	6,02
50–55	2067	1974	2048	5,78	5,47	5,37
55–60	1570	1786	1798	4,39	4,95	4,72
60–65	1312	1503	1611	3,67	4,17	4,23
65–70	996	1101	1268	2,79	3,05	3,33
70–75	698	837	935	1,95	2,32	2,45
75–80	380	468	577	1,06	1,30	1,51
80–85	172	190	265	0,48	0,52	0,70
85–90	55	62	88	0,15	0,17	0,23
90–N	17	19	25	0,04	0,04	0,07
Итого	35 753	36 075	38 112	100	100	100

Приводим для многих других стран Европы абсолютные числа в тысячах жителей, показывающие возрастной состав и год (и месяц) переписи, не останавливаясь над рассмотрением, не лишенным своего интереса, изменений чисел с течением времени. Числа эти приведены мною здесь отчасти потому, что они, сколько я знаю, в русской литературе не являлись, а взяты из очень редких изданий, преимущественно же потому, что они служили основанием для той сводной таблицы (*табл. 3*), которой мне желательно закончить рассмотрение возрастного распределения народонаселения.

Возраст, выше — до	Австрия		Венгрия		Румыния	Болгария		Вост. Румелия
	1869	1890	1869	1890	1889	1881	1893	1885
	XII	XII	XII	XII	XII	I	I	I
0–5	2659	3072	2275	2450	727,4	288,3	485,1	169,4
5–10	2212	2633	1792	2132	500,3	355,9	510,1	143,7
10–15	2029	2456	1673	1820	427,1	213,1	384,1	104,9
15–20	1896	2270	1471	1514	374,6	150,1	288,2	80,0
20–25	1741	2050	1267	1374	355,7	134,3	220,8	64,1
25–30	1670	1828	1339	1342	381,8	170,2	204,5	80,7
30–35	1475	1697	1120	1290	341,4	126,2	181,4	67,1
35–40	1345	1438	1062	1095	358,2	148,8	198,2	72,7
40–45	1176	1354	817	1025	294,8	91,2	168,3	46,4
45–50	1137	1238	826	852	281,4	87,2	153,0	45,4
50–55	942	1111	588	817	209,5	44,0	131,0	20,7
55–60	766	864	503	553	195,9	62,0	95,7	26,0
60–65	546	722	328	497	154,4	35,7	100,3	15,2
65–70	418	526	250	306		42,3	54,4	16,9
70–75	211	365	103	230	78,9	18,0	54,8	8,4
75–80	114	177	63	97		21,5	23,6	7,0
80–85	39	69	19	44	31,1	6,8	29,4	2,5
85–90	14	21	9	13		7,0	8,5	1,9
90–N	4	5	4	6	10,4	4,6	15,0	1,3
Итого:	20394	23896	15509	17457	4722,9	2007	3306	974,3

Возраст, выше — до	Сербия	Голландия		Бельгия		Швейцария		Финляндия	
	1890	1870	1890	1846	1890	1860	1888	1870	1890
	XII	XII	XII	X	XII	XII	XII	XII	XII
0–5	393,4	223,4	324,5	505,0	703,2	275,1	324,0	223,4	324,5
5–10	314,4	196,9	276,7	473,1	657,3	231,6	309,9	196,9	276,7
10–15	232,3	179,1	250,2	424,0	629,0	234,2	307,4	179,1	250,2
15–20	225,7	172,2	228,2	389,9	597,0	243,7	272,6	172,2	228,2
20–25	168,4	159,1	176,0	393,9	543,6	228,2	246,2	159,1	176,0
25–30	175,0	148,3	181,0	326,8	460,6	200,0	227,7	148,3	181,0
30–35	105,1	127,0	159,9	301,2	411,6	192,5	190,0	127,0	159,9
35–40	147,4	110,5	150,9	285,0	350,2	172,0	177,2	110,5	150,9
40–45	73,9	107,4	134,2	261,3	314,5	150,4	169,8	107,4	134,2
45–50	108,0	93,6	123,8	250,4	310,1	135,5	165,7	93,6	1223,8
50–55	46,6	78,8	101,2	191,1	274,8	124,5	144,5	78,8	101,2
55–60	68,8	59,2	81,9	147,5	229,4	107,4	122,2	59,2	81,9
60–65	30,5	42,0	73,4	133,0	198,5	83,6	105,5	42,0	73,4
65–70	33,7	34,1	56,2	105,1	163,8	55,4	81,5	34,1	56,2
70–75	8,9	21,9	35,5	71,3	112,1	40,6	47,3	21,9	35,5
75–80	16,2	10,7	17,4	45,3	67,7	20,2	26,8	10,7	17,4
80–85	3,3	3,4	6,2	22,6	32,6	8,8	11,2	3,4	6,2
85–90	5,5	1,0	2,1	8,2	II,1	2,3	3,2	1,0	2,1
90–N	3,5	0,2	0,6	2,5	2,2	0,6	0,5	0,2	0,6
Итого:	210,6	1768,8	2379,9	4337,2	6069,3	2 506,9	2933,2	1768,8	2379,9

Возраст, выше — до	Дания		Швеция		Норвегия		Италия	
	1870	1890	1870	1890	1875	1891	1861	1881
	II	II	XII	XII	XII	XII	XII	XII
0–5	222,0	277,6	491,0	582,6	226,2	261,4	2959,7	3439,6
5–10	190,6	251,6	484,5	523,1	201,8	234,4	2345,7	3008,9
10–15	182,9	226,5	443,8	487,6	197,2	216,5	2140,4	2710,0
15–20	165,4	195,1	377,6	432,8	182,7	183,3	2037,8	2635,2
20–25	144,5	170,6	327,7	318,8	159,8	148,9	1848,5	2446,5
25–30	133,2	152,7	303,9	347,1	130,8	135,5	1856,5	2127,6
30–35	120,5	148,1	274,4	317,3	111,6	123,7	1425,7	2056,31
35–40	112,2	131,7	271,4	277,0	97,4	114,8	1692,2	1776,5
40–45	102,5	112,9	250,3	253,3	95,8	100,0	1111,6	1795,51
45–50	100,6	106,0	246,7	241,6	94,5	90,8	1212,6	1380,81
50–55	58,5	95,0	196,3	216,8	86,7	78,7	841,2	1461,41
55–60	66,8	81,3	157,6	208,3	70,7	75,4	878,0	1070,4
60–65	54,1	70,5	116,1	180,9	51,7	71,9	516,8	1089,81
65–70	45,5	63,9	95,5	160,6	38,2	61,3	444,3	584,8
70–75	28,9	44,7	67,2	105,7	31,3	44,2	224,7	491,41
75–80	18,8	25,2	41,4	62,4	22,3	25,6	158,6	219,9
80–85	7,9	11,9	16,6	27,0	12,6	12,7	53,6	122,8
85–90	2,9	4,6	4,7	9,8	4,8	5,8	23,8	26,9
90–*N*	0,7	1,0	1,1	2,1	1,6	1,9	5,8	11,6
Итого:	1784,5	2170,9	4167,9	8478,5	1818,7	1986,8	21 777,5	28 455,9

Возраст, выше — до	Испания		Португалия		Германия	*Люксембург*	Греция	
	1860	1887	1864	1890	1880	1890	1890	1889
	XII	XII	I	XII	XII	XII	V	V
0–5	2193,0	2098,4	574,4	589,4	6169	24,5	207,0	332,9
5–10	1637,3	1848,9	435,3	554,9	5171	24,1	188,6	281,0
10–15	1563,3	1793,7	408,6	524,8	4676	23,9	152,4	245,0
15–20	1117,4	1409,8	364,4	461,5	4227	20,0	136,8	215,8
20–25	1340,7	1442,4	343,2	405,5	3874	16,2	117,1	162,3
25–30	1629,8	1690,4	359,5	365,9	3316	14,3	143,3	188,0
30–35	2327,2	1069,8	244,1	334,2	3084	13,5	101,1	146,3
35–40		1241,9	348,2	298,0	2800	12,4	98,2	162,4
40–45	1650,2	925,9	219,4	308,4	2556	11,9	61,5	116,6
45–50		990,4	263,0	252,4	2137	11,2	63,1	101,6
50–55	1109,9	1448,7	132,6	259,3	1908	10,0	42,0	55,6
55–60			191,6	172,2	1699	8,3	45,5	63,0
60–65	648,7	951,2	103,4	202,2	1421	7,5	28,1	37,7
65–70			99,9	123,4	984	5,9	24,9	37,7
70–75	191,0	288,2	40,4	96,6	623	4,1	12,5	16,8
75–80			35,5	43,7	347	2,0	8,1	13,6
80–85	26,7	48,4	10,3	25,1	133	0,9	3,4	4,2
85–90	11,1		6,3	8,0	35	0,3	1,9	2,8
90–N	3,6	4,2	2,6	4,9	8	0,1	1,4	1,7
Итого:	15422,9	17252,3	4182,6	5030,48	45 171	211,1	1469	2187

Приведенные выше числа относятся более чем к 800 млн жителей, т. е. более чем к половине всего населения Земли, а потому представляют столь полную картину возрастного распределения, что она уже по этой причине заслуживает большего внимания. Свод, или обзор, всего собранного сделан в 3-й таблице, где дано процентное количество жителей по 10-летним периодам жизни. Соответственные проценты для разных стран, особенно в средних возрастах, поражают своим малым разнообразием, указывая этим на единство основных условий жизни людей всяких рас, климатов и степени просвещенности, потому что в данной стране небольшие перемены в проценте встречаются не только с течением времени, но и в различных частях страны. Однако при общем единообразии замечаются на вид незначительные, но существенные или характерные различия, связанные с особенностями жителей, стран столь явно, что этого не должно упустить из вида. Хотя различие в проценте детей до 10 лет может служить уже для многих сопоставлений, но лучше всего для этого пригоден средний возраст (*М*), указанный в предпоследнем столбце. В самом последнем столбце указан год той переписи, которая служила основанием как для расчета среднего возраста, так и для нахождения процентных количеств. В расчетах мне помогали: К. Н. Егоров, О. Э. Озаровская, А. А. Братолюбов и М. Н. Александрова, которым я очень за то благодарен и помощь которых, надеюсь, послужила к увеличению точности приводимых чисел.

В первых столбцах таблицы приведены числа, относящиеся к абсолютному количеству (миллионов) жителей каждой страны, судя по последней переписи, ближайшей к 1903 г. Числа эти взяты из The Statesman's Yearbook for 1903 by I. Scott Keltic, потому что я, многие годы пользуясь этим изданием, имел случай убедиться в большой правильности его составления. Вслед за тем в особом столбце дан процент действительного прироста населения, судя —

где было можно — по двум последним переписям. Числа эти, как известно (см. выше для Германии), изменяются с годами и вообще могут быть лишь приближенными. О некоторых скажу отдельно.

Для английской Индии, считая в ней и зависимые владения, подобные Гайдарабаду, Кашемиру и т. п., в 1894 г. население равно 287,3 млн, а в 1901 г. — 294,4 млн, прирост в год 0,71 млн, или менее 0,3 %. Это зависит от большой смертности от бывшей за это время голодовки; во все же предшествующее время прирост был гораздо большим, около 0,7 %. Для России, где в 1897 г. была сделана 1-я перепись, полный действительный прирост неизвестен, данные для естественного прироста (рождаемость без смертности) публикуются для 50 губерний европейской России, и вследствие малости выселения из России, а также того, что остальные части страны нельзя считать много отличающимися (по приросту) от коренных 50 губерний, то этот естественный прирост можно признать лишь немного превышающим действительный. Последняя публикация («Движение населения Европейской России за 1897 г.», издание в 1900 г.) Центрального статистического комитета[14] дает (с. 12) следующие цифры на 100 жителей:

	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.
Рождений	4,87	4,94	4,97	4,95
Смертей	3,40	3,50	3,28	3,14
Прирост	1,47	1,44	1,69	1,81

Приняв действительный текущий прирост равным 1,5 %, я полагаю, что не далеко ушел от действительности. Для Франции, где действительный прирост очень мал, я взял число жителей 1872 г. (36,16 млн) и 1896 г. (38,52 млн), и получился годовой прирост 98 тыс., или (на среднее число жителей 37,3 млн) около 0,26 %. Затем он явно уменьшился (вероятно, преимущественно от эмиграции), и я принял его в 0,2 %.

Таблица 3

	Всего жителей (по переписи такого-то года и месяца)		Действительный годовой прирост	К 1901 г. всего жителей	1–10	10–20	20–30	30–40	40–50	50–60	60–70	70–80	80–90	Выше 90	Средний возраст всех жителей	
	млн	год/мес.	%	млн	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	лет	год
Индия	294,4	1901/III	0,3	294,2	28,8	18,7	17,4	14,2	9,8	5,9	–	–	5,2	–	25,0	1891
Куба	1,6	1899/X	2?	1,6	22,1	25,3	18,5	14,0	9,0	6,0	–	–	5,1		26?	1899
Япония (без Формозы)	43,8	1898/XII	1,2	44,8	22,8	19,9	16,4	12,6	11,5	8,6	5,1	2,6	0,5	0,04	28,5	1898
Бразилия	14,3	1890	2?	17,1	29,4	21,8	17,8	12,6	8,6	5,1	3,0	1,1	0,4	0,17	23,8	1890
Аргентина	4,8	1900/XII	3,9	4,8	29,0	21,3	17,7	14,3	9,2	4,9	2,3	0,9	0,3	0,09	23,7	1895
С.-А. С. Штаты	76,3	1900/VI	2,0	77,1	23,8	20,6	18,4	13,9	10,2	6,8	4,1	1,8	0,4	0,05	26,8	1900
Англия, Шотландия. Ирландия	41,6	1901/IV	0,9	41,4	23,6	21,6	17,1	12,8	9,9	7,2	4,8	2,4	0,6	0,05	27,3	1891
Голландия	5,3	1901/XII	1,5	5,2	24,5	20,2	15,6	12,1	10,1	8,3	5,9	2,7	0,6	0,03	28,2	1889
Дания	2,5	1901/II	1,1	2,5	24,4	19,4	14,9	12,9	10,1	8,1	6,2	3,2	0,8	0,05	28,8	1890
Норвегия	2,2	1901/XII	1,3	2,2	24,9	20,2	14,3	12,0	9,6	7,8	6,7	3,5	0,9	0,10	28,8	1891
Швеция	5,2	1901/XII	1,0	5,1	23,1	19,3	14,6	12,4	10,3	8,9	7,1	3,5	0,8	0,04	29,8	1890
Германия	56,4	1900/XII	1,5	56,4	24,2	20,7	16,2	12,8	10,4	7,8	5,2	2,3	0,4	0,00	27,5	1890

Окончание табл. 3

	Всего жителей (по переписи такого-то года и месяца)		Действительный годовой прирост	К 1901 г. всего жителей	1–10	10–20	20–30	30–40	40–50	50–60	60–70	70–80	80–90	Выше 90	Средний возраст всех жителей	
	млн	год/мес.	%	млн	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	лет	год
Австрия	26,2	1900/XII	0,9	26,2	23,9	19,8	16,2	13,1	10,5	8,3	5,2	2,3	0,4	0,02	28,0	1890
Венгрия	19,3	1900/XII	1,0	19,3	26,2	19,1	15,6	13,6	10,8	7,9	4,6	1,9	0,3	0,03	27,0	1890
Финляндия	2,7	1900	1,3	2,7	25,3	20,1	15,0	13,1	10,8	7,7	5,5	2,2	0,3	0,03	27,5	1890
Россия	129,0	1897/ II	1,5	134,6	27,3	21,1	15,8	12,2	9,5	6,7	4,6	2,1	0,6	0,12	26,2	1897
Румыния	5,9	1899	1,6	6,0	26,0	17,0	15,6	14,8	12,2	8,6	3,3	1,7	0,6	0,22	27,6	1889
Болгария (Восточная Румелия)	3,7	1900/XII	1,8	3,7	30,1	20,3	12,8	11,5	9,7	6,9	4,7	2,4	0,2	0,45	25,4	1893
Сербия	2,5	1900/XII	1,4	2,5	32,8	21,2	15,9	11,7	8,4	5,3	3,0	1,2	0,4	0,16	23,2	1890
Греция	2,4	1896	1,5	2,5	28,1	21,1	16,0	14,1	10,0	5,5	3,4	1,4	0,3	0,08	25,0	1889
Италия	32,5	1901/II	0,7	32,5	22,0	18,8	16,1	13,5	11,2	8,9	5,9	2,5	0,5	0,04	29,0	1881
Португалия (с островами)	5,4	1900/XII	0,8	5,4	22,7	19,6	15,3	12,6	11,1	8,6	6,5	2,8	0,7	0,10	29,2	1890
Испания	18,6	1900	0,6	18,6	22,6	18,6	18,1	13,4	11,1	8,4	5,5	1,7	0,3	0,02	28,0	1887
Франция	39,0	1901/III	0,2	38,9	17,5	17,5	16,2	13,8	12,3	10,1	7,6	4,0	0,9	0,07	32,6	1891
Бельгия	6,7	1900/XII	1,0	6,7	22,4	20,2	16,5	12,6	10,3	8,3	6,0	3,0	0,7	0,04	28,9	1890
Швейцария	3,3	1900/XII	1,0	3,3	21,6	19,8	16,2	12,5	11,5	9,1	6,4	2,5	0,4	0,02	29,4	1888

Следующий за приростом столбец дает население стран в миллионах жителей к началу XX в., т. е. к началу 1901 г. (см. *табл. 3*).

Во всей совокупности указанных стран к 1901 г. было около 855 млн жителей, и для всех них вместе получается общий средний возраст около 26,6 лет, почти как и для России; для всего света едва ли средний возраст людей окажется выше 27 лет, потому что для китайцев (быть может, также для турок и персов) должно, по моему мнению, ждать среднего возраста выше 27 (судя по Японии), а для негров и малайцев — ниже 27 (как для чернокожих С.-А. С. Штатов и для туземцев Южной Америки).

Для России, когда явится вся перепись 1897 г., вероятно, средний возраст окажется не выше 27 лет, но выше 26 лет, хотя в составе нашей страны найдутся народы с меньшим средним возрастом. Все страны довольно ясно характеризуются средним возрастом своих жителей. Но так как он немного изменяется с течением времени (обыкновенно возрастая) и точность его определения нередко ограничивается 1/4 года, то можно явно отличить лишь страны со средним возрастом менее 26 лет и более 29. К последним принадлежат исключительно страны, тесно населенные и со старою культурою, как, например, Швеция, Португалия, Швейцария и Франция. У них до 10 лет детей не более 24 %, даже до 17,5 %. Вообще латинские народы Европы или в этом числе, или стремятся попасть в число таких. Из азиатских народов сюда надо включить Японию. Вероятно, и Китай надо отнести сюда же. Средний возраст ниже 26 лет принадлежит народам, очевидно, молодым в культурном отношении, каковы индейцы, жители Южной Америки (Аргентина, Бразилия), болгары, сербы и т. п. Детей в возрасте до 10 лет у них более всего, около 29 %, даже до 33 %, как в Сербии. Думаю, что масса африканских и малайских народов относится сюда. Не они

делали и не они сделают мировую историю в ближайшее время, хотя могут при известной совокупности обстоятельств быстро увеличить свой средний возраст и свое мировое значение. Оно, очевидно, свойственно ныне народам, средний возраст которых колеблется от 26 до 28 лет, стремясь к возрастанию. Действительно, не говоря о России, средний возраст жителей которой еще хорошо не известен и, вероятно, лежит между 26 и 27 годами, средний возраст жителей:

С.-А. С. Штатов……………………………..…26,8
Англии, Шотландии и Ирландии………...27,3
Германии……………………………………....27,5
Австро-Венгрии……………………………..27,5

Замечу, что средний возраст совокупности жителей России и Франции равен 27,3.

На этих беглых заметках и кончу теперь свое исследование о возрастном составе народонаселения. Занимался я им потому, что он нужен для дальнейшего изложения моих мыслей, и еще потому, что числа, сюда относящиеся, почти никто не изучал, а они, по всей видимости, сами по себе достойны большого внимания.

Все сведения, касающиеся распределения жителей по возрастам, естественного прироста и т. п., для их сравнимости и наглядности должны быть выражены в процентах или вообще в относительных количествах; действительность же сводится в большинстве случаев на абсолютное число жителей, потому что при прочих равных условиях этим определяется величина силы. При этом обычными единицами служат, конечно, целые государства, потому что люди в заботах о благосостоянии своем и своего потомства давно додумались до необходимости сложения в крупные единицы, называемые государствами. Из мелких единиц, подобных семьям, родам, кланам и т. п., постепенно, но настойчиво слагались крупные государственные

единицы, и у этого объединения и подчинения очевидна тенденция к образованию возможно крупных единиц, хотя и связанных некоторыми общими интересами, вызванными просвещением, но в действительности остающихся еще надолго и долго разобщенными, как видно от китайской стены до Монро, провозгласившего Америку для американцев.

Тут и сила сказалась, и видна скорбь мира, ни добро, ни зло, а историческая необходимость, и свобода и рабство, и равенство и различие, и кажущаяся законченною неподвижность, соединенная с порывом двинуться вперед, средняя пропорциональная между замкнутым индивидуализмом и расширенным до пределов единством здесь выразились в ярком виде. Общечеловечности или реализованной международности (интернационализма) не только поныне остаются лишь обрывки или клочки, но и впереди видно лишь мало простора — пока земли хватает и пока народы не перемешались, не породнились, не достигли относительного равенства просвещения и всей промышленности. К этому обособленному государственному сложению призвала людей вся история их размножения, т. е. не только материальные стороны жизни, но и весь духовный строй, верования, язык, предания, характер, убеждения. Хотя последние стороны и не подлежат измерению, но и они косвенно выражаются в числах материального свойства, потому что дух и вещество соединились в человеке нераздельными связями, если смотреть на предмет не с идеалистической точки зрения, а проще, реальнее, по действительным проявлениям человеческих отношений.

В смысле абсолютного количества жителей данного государства или страны должно иметь в виду, во-первых, абсолютное число жителей на определенной поверхности государства в данное время и, во-вторых, действительный прирост населения во времени, считая, как общепринято,

за единицу год. Вследствие громадной сложности обстоятельств, влияющих на сложение людей в отдельные государства и на ход в нем всей истории, можно думать на первый раз, что ни в числе жителей государств, ни в приросте этого числа не может быть следов какой-либо общей правильности, но в действительности она видна и тут, как стараюсь показать далее.

Однако предварительно необходимы некоторые условные объяснения. Действительный прирост населения государства должно в наше время ясно отличать от естественного, считая последний равным перевесу рождаемости над смертностью, тогда как действительный прирост государственного населения определяется (в алгебраическом смысле) суммою естественного прироста с переселением, считая прибыль переселенцев (иммиграцию) с плюсом, а убыль переселенцев (эмиграцию) с минусом. Прибыль переселенцев увеличивает естественный прирост и зависит, без всякого сомнения, от суммы природных условий страны и от условий развития в ней благосостояния частных жителей, потому что переселенец оставляет насиженную страну, ища или свободного места, которого у него в прежней стране не было, или, как в последнее время по преимуществу, ища больших условий развития и приложения своей инициативы и трудоспособности в той стране, куда идет, сравнительно с той, откуда эмигрирует. Таким образом, перевес действительного прироста над естественным показывает для данной страны и ее богатство, и достоинство порядков, в ней господствующих. В этом смысле особенно поучительны данные, касающиеся С.-А. С. Штатов, в которые идут эмигранты не только из-за богатства и производительности почвы, но и вследствие уверенности в возможности там лучше, чем здесь, применить свои силы к достижению личного и семейного блага.

На первый взгляд кажется, что в абсолютных числах жителей данной страны и ее действительного прироста

нельзя ждать правильного, или нормального, порядка, т. е. видимой эмпирической законности, потому что тут, в деле переселения, уже совершенно явно играют роль личные человеческие обстоятельства, по видимости не поддающиеся никаким численным законностям. Но уже Кетле давно показал, что даже для таких капризных действий, как забывчивость выставлять адреса на письмах, существует своя строгая численная точность и правильность больших средних чисел. По этой причине я пытался[15] отыскать общую правильность в возрастании с течением времени общего числа жителей С.-А. С. Штатов как страны, для которой лучше, чем для всех других, известны и вполне описаны все данные, относящиеся к числу жителей за период, начавшийся с 1790 г., так как переписи в Штатах ведутся через каждые десять лет со всей возможной точностью. Из отчета об 11-м цензусе 1890 г. заимствуем следующую таблицу общего числа жителей Штатов, выраженную в миллионах:

Перепись	Год	Млн жителей
1	1790	3,9
2	1800	5,3
3	1810	7,2
4	1820	9,6
5	1830	12,9
6	1840	17,1
7	1850	23,2
8	1860	31,4
9	1870	38,6
10	1880	50,2
11	1890	62,6

Для этих чисел, как и для всякого рода наблюдаемых естественных величин, во-первых, замечается естественность правильного их изменения, и, во-вторых, по существу дела необходимо допустить некоторую погрешность, доходящую, по всей вероятности, до сотен тысяч, т. е. до

десятых миллиона. Принимая это во внимание, можно искать эмпирическую зависимость между изменением времени и измеренным числом жителей по способу наименьших квадратов. Указанный ряд чисел выражается следующей зависимостью:

$$y = 174843 + 5{,}10198\left(\frac{n-1840}{10}\right) = 0633540 - \left(\frac{n-1840}{10}\right)^2 + 0{,}30407\left(\frac{n-1840}{10}\right)^3.$$

Это получено без каких бы то ни было предположений и может давать свои непосредственные следствия, первое из коих, выведенное мною еще в 1899 г., относится к числу жителей Штатов для переписи 1900 г., когда не было известно действительное число жителей по 12-й переписи 1900 г. Это число можно вывести по приведенной формуле, подставив 1900 г. По формуле надо ждать на этот год 77,5 млн жителей. К середине 1900 г. уже стало известным, что 12-я перепись дала 76,2 млн всех жителей Штатов. Разность между расчетом и действительностью менее 2 %, и, следовательно, расчет приближается к действительности. Это показывает, что в абсолютном числе жителей страны замечается своя правильность, которая и позволяет выводить близкие к действительности следствия. Рассматривая вслед за тем прилагаемое сопоставление наблюденного и разочтенного числа жителей Штатов, видим, что наибольшая разность (как абсолютная, так и процентная) для прежних лет падает на 1860 и 1870 гг., что объясняется междоусобною войною, бывшей в Штатах в 60-х годах. Эта междоусобица, очевидно, уменьшила прибыль за то время как переселенцев, так и естественно рожденных, что и должно было уменьшить возрастание числа жителей по переписи 1870 г., как и наблюдается. Малое же число этого года повлияло на вывод всей зависимости, что и отразилось в малости разочтенного числа для 1860 г. Среднее для 1860 и 1870 гг. по переписи равно 35,0 млн, а по расчету — 34,9 млн, т. е. разность менее возможных погрешностей

и не превосходит 0,3. Убыль же действительности против расчета для 1900 г. объясняется уменьшением числа свободных плодородных земель и некоторыми новыми законами для прибывающих эмигрантов, что должно было отразиться и отразилось на прибыли переселенцев из других стран. Но обратимся к действительному годовому приросту. Если вычесть число жителей данного года из такого же числа за 10 лет и разделить разность на 10, получится арифметический средний годовой прирост для среднего года, а среднее из двух соседних чисел даст вероятный прирост, соответствующий году переписи. Полученные числа даны в таблице. Рядом даны числа, полученные по формуле, считая действительный прирост производной от числа жителей. Эти числа, вероятно, ближе предшествующих к действительности. Кроме абсолютных чисел прироста в таблице дан и процент годового прироста по числу жителей.

Год	Миллионы жителей			Годовой процент		Прирост в процентах
	по переписи	по расчету	разность	по переписи, миллионов	по расчету, миллионов	
1790	3,9	4,0	−0,1	—	0,10	2,5
1800	5,3	5,3	0	0,17	1,15	2,8
1810	7,2	7,1	+0,1	0,21	0,21	3,0
1820	9,6	9,6	0	0,27	0,29	3,0
1830	12,9	13,0	−0,1	0,37	0,39	3,0
1840	17,1	17,5	−0,4	0,52	0,51	2,9
1850	21,2	21,3	−0,1	0,82	0,65	3,0
I860	31,4	30,5	+0,9	0,91	0,80	2,6
1870	38,6	39,3	−0,7	0,99	0,97	2,5
1880	50,2	50,0	+0,2	1,20	1,16	2,3
1890	62,6	62,6	0	1,30	1,37	2,2
1900	76,2	77,5	−1,3	—	1,60	2,1

Действительный годовой прирост в числе жителей С.-А. С. Штатов, долго державшийся около 3 % (что отвечает удвоению в 23,4 года), в последние десятилетия быстро опускается и стремится сравняться с естественным приростом, который для Штатов за период 1850–1890 гг., судя по данным о числе переселенцев, был близок к 1,3 %, а за последнее время, по всем сведениям, падал. Если бы действительный прирост за текущее время так же падал (от убыли числа переселенцев и естественного прироста), как он падал с 1860–1870 гг. по 1900 г., то он бы достиг 1 % примерно к середине XX в., когда число жителей Штатов достигло бы почти до 180 миллионов. Ждать именно этого и должно, потому что и тогда при поверхности всей земли Штатов около 9,8 млн кв. км, отделив даже две трети некультурных земель, в Штатах было бы около 320 млн га для земледелия, т. е. на жителя приходилось бы всей земли более 5 га, а культурной — около 2 га, т. е. населенность была бы еще раз в 5 меньшая, чем в современной Германии. Таким образом, в С.-А. С. Штатах без всяких замыслов расширения территории не только имеется еще лет на 100 или 150 довольно земель для роста обеспеченного благосостояния, но и весь рост возрастания населенности обещает еще надолго перевес над странами Западной Европы, т. е. это народ будущего, уже сложившийся и понявший значение всех видов промышленности и потому для нас наиболее достойный внимания.

По этой-то причине, а также потому, что там статистическое собрание всяких сведений более совершенно развито, чем где бы то ни было, я часто возвращаюсь к числам, до этой страны относящимся. Не теперь, когда уже разбогатели, а за столетие, когда страна была почти чисто земледельческой и отчасти пустынной, Штаты не жалели средств и усилий для собрания статистических данных о всякой деятельности жителей, и я вполне убежден в том,

что эта сторона дела глубоко влияла на быстрый рост страны, так как возбуждала сознательность. По этой причине, не входя в сложные подробности, я закончу эту часть моих мыслей, высказывая горячее пожелание, чтобы, не отлагая вдаль, немедленно организовалось бы у нас обстоятельное, независимое, например при Государственном совете, центральное статистическое учреждение, а с ним рядом не завяли бы, а развивались и всемерно поощрялись местные, земские статистические учреждения, обещающие по тому, что уже сделали по сих пор, сильно восполнить запас наших знаний о нашей родине. Разрозненные и ограниченные усилия местных органов не могут дать того, что может доставить хорошо обставленное, независимое центральное учреждение, имеющее возможность обобщить и сделать планомерными местные усилия. Самые жизненные вопросы времени, например о развитии благосостояния народного, влияния покровительства на рост этого благосостояния, о распределении его и т. п., остаются у нас или без ответов, или на них отвечают по отрывочным данным и по предубежденности, внушаемой преданиями, предрассудками и общими литературными, эпизодическими, качественными суждениями, в которых такие живописцы, как Ж.-Ж. Руссо и граф Л. Н. Толстой, конечно, берут верх. Не пифагоровские отвлеченные числа, а именованные, реальные нужны для правильного понимания действительности и предстоящего.

Если в слове — начало, то в числе — продолжение сознательности, просвещения и всего успеха или прогресса человечества.

В заключение этой статьи моих «Заветных мыслей» мне следовало бы ради ясности и поучительности привести выводы, связывающие содержание изложенного с общей целью всех статей, носящих одно общее заглавие.

Не делаю, однако, этого, совершенно ясно сознавая, что краткие выводы не могут усилить впечатления, внушаемого

рядами чисел и мыслей, которые мне хотелось здесь собрать, и что связь изложенного с тем, что собираюсь написать, выступит понемногу сама собою, когда изложение будет подходить к концу. Поэтому прошу взглянуть на статью о народонаселении как на отдельный, самостоятельный этюд.

Притом я надеюсь на то, что и без всяких с моей стороны указаний внимательный читатель сам усмотрит необходимость и пользу сравнительных численных данных, относящихся к России, для правильного, взвешенного суждения о «благе народном» и о способах его возрастания. Мне придется затем столь часто касаться указаний на наши недостатки, что счел долгом с самого начала выставить те задатки лучшего будущего, которые, судя по числам, дают свое ручательство за предстоящее. Укажу в виде грубого примера хотя бы на то, что общее положение Финляндии и Польского края многими и часто сравнивается с положением Ирландии, числа же быстрого прироста жителей в первых странах при сравнении с явною убылью жителей в Ирландии ясно указывают полное здесь различие основных условий народной жизни. Они так сложны, что разбирать их можно только понемножку, что и пытаюсь сделать как умею, стремясь к объективности и стараясь больше всего избежать предвзятых, хотя бы и любимых суждений.

К какому бы предмету, относящемуся до общенародного блага, ни направилась мысль, она всегда встретится с вопросами, касающимися народонаселения на данной площади земли и на меру его увеличения, а потому было совершенно естественным в начале изложения говорить именно об этих предметах. Переходим в следующих главах к обзору внешних торговых оборотов и заработков, доставляемых фабриками и заводами, но и здесь, уже по существу дела, вопросы о народонаселении имеют огромное значение, так как внешняя торговля, как и фабрики, возникает только вследствие возрастания народонаселения.

Глава III
Внешняя торговля

Причина возникновения и значение внешней торговли и таможенных пошлин. — Фритредерство и протекционизм. — Размеры внешнего отпуска и ввоза во всех странах мира к началу XX века. — Кое-что о внешней торговле России

Своим последователям Будда советовал достигать блаженства прежде всего при помощи жизни милостыней. Такой совет, во-первых, предполагает лиц, могущих подать милостыню, а потому имеющих избытки, добываемые трудом, и, следовательно, не могущих достигать желаемого блаженства, т. е. его совет, очевидно, относился к немногим и не мог быть общим. Во-вторых, и это, пожалуй, еще важнее, потому что реальнее, правило Будды дает повод тунеядству прикрываться благочестием, что, без сомнения, и составляет одну из причин слабости всех буддийских стран, их бедности и неспособности к дальнейшему развитию начал самостоятельной жизни. Уже во многих монастырях, особенно наших, трудовое начало было положено в основание спасения и достижения внутреннего благополучия, а во многих новейших сектах, хотя бы у мормонов, труд считается святым делом. Эта основная мысль, без сомнения, не свойственна людям, а вызвана необходимостью борьбы с природой и возрастанием потребностей размножающегося населения.

Труд общий положен во главу того государственного сложения, которое уже давно охватило все человечество и резче всего выразилось в том стремлении к единому общему государству, которое от Александра Македонского до Наполеона проникает прошлую историю людей. Труд же личный вместе с наследством составляет основу собственности, признание которой, без сомнения, составляет начало всей гражданственности. Борьба между буддий-

ским стремлением к внутреннему благополучию и царствующим всюду стремлением к обладанию собственностью рисует ход развития желаний и упований, управляющих людскими действиями. Мировая сделка состоит здесь в признании общего блага и в понимании того, что личное внутреннее благо немыслимо без удовлетворения существующих внешних потребностей. В большинстве первобытных стран, даже поныне у дикарей Америки и у туземцев Азии, земля не была предметом личной собственности и только наделялась в личное пользование; она была или собственностью народною, или собственностью правительства. У нас на Кавказе и до сих пор большая экономическая неурядица происходит прежде всего от отсутствия ясного представления о личной собственности на землю. Основную причину такого общего явления, несомненно бывшего когда-то и в Европе, должно видеть в том, что люди брали от земли только готовое на ней: плоды, зверей, рыбу и т. п. — и к земле своего личного труда не прилагали, а так как общее обладание территорией определялось общим трудом ее занятия, земля и была общей или государственной собственностью. К этому первобытному началу стремятся возвратиться не только многие теоретики, подобные Джорджу («Прогресс и бедность», русск. перев., 1896) и коммунистам, но и такие практические передовые деятели, как последователи Гладстона в Англии. По моему личному мнению, в реальном смысле нет существенной разности между общераспространенными повсюду в современном мире представлениями о личной собственности на землю, с одной стороны, и учениями, подобными гладстоновскому, о принадлежности всей земли государству с наделом ее земледельцам, потому что этот последний надел нельзя предполагать оторванным от труда на земле, и так или иначе, рано или поздно юнкерские воззрения должны уступить место

представлениям о закреплении земли за лицами, ее обрабатывающими. Переворота вовсе здесь не нужно, дело само по себе стремится к одному концу, и все оно сводится лишь на вопрос о земельной ренте, размеры которой исторически, т. е. эволюционно, изменяются, в особенности вследствие существования еще многих стран с землями свободными и способными к приложению труда. Земельная собственность у лиц, не трудящихся на земле, определяется, очевидно, историческими обстоятельствами, например, прежде всего тем, что лицам, принимавшим большое участие в первичном занятии или завоевании земли, дается часть этой земли в виде вознаграждения за понесенный ими труд и риск. Мы живем еще в период, очень близкий к эпохе распределения земли между народами и государствами, и отрываться от этого — значит, по мне, делать скачок в пустоту.

Ни Джордж, ни Гладстон не рекомендуют другого способа перехода от личной собственности на землю к общегосударственной, кроме выкупа земель, подобного тому, который произведен в России при освобождении крепостных крестьян, а на выкупные деньги последует свой процент, который и возместит земельную ренту, а потому с реальной точки зрения существенной разности в постановке общественных вопросов по отношению к землям даже и тогда произойти не может, когда осуществились бы желания Джорджа и Гладстона. Это не коммунизм, в основе которого лежит неестественная идея общего равенства и дряхлая идея революционных передряг. Неравенство возрастов, полов, способностей и сил так очевидно и присуще всем людским делам, что всякая концепция, исходящая из начал полного общего равенства, по мне, должна быть считаема простым заблуждением мысли. Равенство нужно, равенство составляет необходимость всякого успеха, но оно должно касаться прежде всего прав

на плоды трудов, а не бороться с их источниками. Дитя и старик не могут в труде никоим образом равняться с взрослым и сильным, и если эти последние по нравственным и физическим законам, по обычаю и законодательству трудятся не только для себя, но и для тех, которые трудиться не могут, то это определяется прежде всего тем, что они сами были детьми и будут стариками. Если мы обратимся к распределению населения по возрастам и примем, что работо- и трудоспособными должно считать лиц от 20 до 60 лет, то окажется, что во всех странах мира в этом возрасте содержатся только от 53 до 45 % жителей, т. е. в среднем около 50 %.

Если теперь указать на то, что в возрасте 20–60 лет женщины наиболее заняты воспитанием детей и домашними хлопотами, т. е. не могут много вкладывать в общий заработок всех жителей, а должны нести семейные тяготы, то и окажется, что главный труд, как государственный, так и личный, лежит всего на 25 % мужчин в возрасте от 20 до 60 лет; к ним должно прибавить в действительности некоторый процент женщин, стариков и юношей, участвующих в заработках, а потому должно ждать на одного зарабатывающего менее четырех, но более двух человек, им содержимых. Такое априорное заключение оправдывается статистикой, которая достаточно для этого развита во Франции и Германии. Французская перепись 1891 г., разделяющая всех жителей на хозяев, служащих, рабочих, их семейства и прислугу с одной стороны, а профессии на сельское хозяйство, промышленность, перевозку, торговлю, армию и администрацию, свободные профессии, людей, живущих доходами детей, и т. п., показывает прямо, что на 38,1 млн жителей 14,6 заняты заработками и, следовательно, один зарабатывающий приходится на 2,6 жителя. В Германии подобные же числа для 1895 г. показывают, что на 51,8 млн всех жителей заработком во

всех профессиях занимались 20,8 млн жителей, т. е. на одного зарабатывающего приходится 2,5 жителя (подробности переписей приведены в моем сочинении «Учение о промышленности» (Библиотека промышленных знаний, вып. 11-й, 1901, на с. 161–163). Поэтому можно полагать с полной уверенностью, что и никогда впредь, как бы ни велика была потребность в труде, не будет приходиться на 100 жителей много более 40 зарабатывающих, т. е. трудящихся для себя и остальных жителей. Отсюда же, несомненно, вытекает, что средний заработок должен по крайней мере в два с половиной раза превосходить средние потребности одного жителя. Это видно и в действительности, даже прямо на заработной плате обычных рабочих. Она очень мала (спускается в Индии даже до 10 коп. в день) в странах первобытных, а по мере развития прогресса повышается и, например, в С.-А. С. Штатах ныне достигает в среднем, как показывают прямо числа статистики, до 3 руб. в день на фабриках и заводах, или более 800 руб. в год, потому что удовлетворение первичных потребностей в этой стране превосходит уже 150 руб. в год на жизнь, и остающиеся 400 руб. в год составляют тот перевес заработка над необходимейшими потребностями, который и зовет переселенца в С.-А. С. Штаты, позволяя обзаводиться семьей и богатеть[16].

У нас еще недавно среднюю заработную плату нельзя было считать выше 70 коп. в день, а для сельских работ даже выше 50 коп. в день, в настоящее время даже на фабриках и заводах она в среднем едва ли достигает 1 руб. 50 коп., т. е. раза в два менее, чем в С.-А. С. Штатах.

Это определяется тем, что у нас средний расход на удовлетворение потребностей среднего жителя раза в три менее, чем в С.-А. С. Штатах, как видно из чисел многих земских статистиков, особенно из чисел, собранных г-ном Ф. А. Щербиною в его примечательном труде «Крестьян-

ские бюджеты» (Воронеж, 1900), так как он показывает, что все крестьянские расходы, оценивая и все свои продукты, подати и церковные расходы, не превосходят 25 руб. в год на одного среднего жителя. Всякому известно, что величина заработка на разных отраслях деятельности весьма неравномерна и что достаток определяется избытком всякого рода заработков и доходов над величиною средних потребностей.

Связь между ростом и развитием потребностей, заработков и доходов определяет главное содержание жизни массы людей. Когда потребности малы, заработки и доходы также малы, и наоборот, потребности возрастают по мере возрастания доходов и заработков. Это нечего доказывать и развивать; оно очевидно каждому. И несомненно, что, когда речь идет о материальном «благе народном», нельзя говорить о заработках и доходах, не имея в виду потребностей. Эти последние представляют громаднейшее различие по мере развития всего прогресса. Личное благополучие или счастье определяется с материальной стороны мерою развития желаний и возможностью их удовлетворения. На низшей ступени, как у дитяти, удовлетворение потребностей столь внешних, как пища, кров и одежда, исчерпывает все материальные желания. На высшей же нет границ росту желаний и потребностей. «Народное благо» прежде всего определяется не уменьшением, а возрастанием количества и качества желаний и потребностей. И это, мне кажется, незачем доказывать по очевидности. Те, кто с Буддою проповедуют нищенство для личного благополучия, не видят того, что при этом упускается все общее и прежде всего сохранение самобытности народной и развитие просвещения и связанных с ним добродетелей. Вот если отрицать эту связь, вот если верить, что рай сзади, а не впереди, вот если забывать плач отцов, матерей и семей, когда гибли люди в прежние периоды

жизни государства, что видно из доказанного в статье о народонаселении малого прироста людей в прежние периоды истории, наконец, вот когда не верить в связь между просвещением и улучшением человечества, вот тогда можно проповедовать благо нищенства не по той логике, что дождь не идет, если зонтик в углу, а по той, которая показывает действительное улучшение нравов и всей государственной жизни по мере развития просвещения. Доказывать это последнее считаю опять ненужным для тех, кто будет читать мои статьи. Верящим во благо нищенства лучше бросить эти последние и спасаться в пустыне, которой скоро, скоро, всего лет через 200, и нельзя будет найти на Земле, как, опять надеюсь, доказано в статье о народонаселении.

Итак, видимый успех человечества сказывается, во-первых, в увеличении прироста народонаселения, а во-вторых, в увеличении потребностей, удовлетворяющих тому, что должно называть «благом народным». Увеличение же потребностей вместе с развитием средств для их удовлетворения неизбежно ведет к необходимости увеличить труд. Не только лежебок, но даже и лентяев должно становиться меньше и меньше по мере возрастания «блага народного». Если же труд возрастает, потребности растут еще не так быстро, откуда и являются избытки, т. е. капиталы. Беда для «блага народного», когда желания и упование растут, а труд и все условия для его свободного развития не возрастают. Труд может прилагаться прежде всего, очевидно, только к тому, что находится в своей стране, около жителей, и его организация начинается, конечно, с земледелия, потому что земля своя и подле. Земля может производить, когда к ней приложен достаточный и просвещенный труд, более того, что нужно жителям, а потому первые избытки труда, первое начало накопления капиталов может и должно происходить от

земледелия, как это и видим во всем мире, так как избытками продуктов земли всюду начинается торговля вне округа или страны. Но земледелие с двух сторон не может удовлетворить развивающегося трудолюбия и развивающихся потребностей, во-первых, потому, что труд на земле ограничивается частью года, а во-вторых, потому, что труд на земле требует меньше народа, чем может жить на данной площади земли.

Оба этих обстоятельства можно было бы доказывать численно, но мне кажется бесполезным по полной очевидности, и потому пойдем далее. Невозможность сбыта возрастающего количества продуктов земли, развитие потребностей, недостаток заработка на земле и потребность в более прочных заработках влекут за собою развитие всех иных видов промышленности, т. е. горной, фабрично-заводской, торговой, перевозочной и всякой профессиональной, включая в то число и административную. Эта последняя усложняется с самим ростом труда, потребностей и просвещения, но в норме на будущие времена должна остаться на месте, т. е. в стране, хотя есть немало примеров выхода ее за границы страны, как видим в колониальной политике, чему примером лучше всего служит Англия, первую выгоду которой от обладания Индией и пр. в самой Англии видят в том, что в колонии отправляется масса администраторов, получающих свои заработки от колонии. Этой последней стороне дела уже виден предел в развитии тесноты народонаселения на всей Земле, а потому избыток труда неизбежно определяется преимущественно избытком продуктов горной, фабрично-заводской и свободной профессиональной промышленности. Развитие трудолюбия и потребностей влечет за собою удовлетворение всяких надобностей внутри страны, но затем являются избытки труда, не потребляемые страною, и потребности страны, не удовлетворяемые внутренним

производством. Отсюда является то, что называется *внешней торговлей,* т. е. мена своих избытков на чужие. Дело усложняется множеством частных обстоятельств, например избытком людей, ищущих труда в данной стране, что открывает возможность развивать переработку привозного сырья (например, в Англии — хлопка и шерсти), потребностью продуктов, не свойственных почве и климату страны (например, в Европе — перца или чая, а также золота и серебра в странах, их не добывающих, и т. п.).

Отсюда недалек переход к тому, что по мере развития потребностей и трудолюбия в данной стране в ней развивается и внешняя торговля, основанная на сбыте местных продуктов и приобретении чужих. Хлеб можно добывать в желаемом количестве и в самой Англии, во всяком случае в гораздо большем количестве, чем добывается ныне, но в этом нет там поныне ни надобности, ни выгоды, потому что надобный хлеб везут туда отовсюду взамен товаров, производимых фабриками и заводами, которых недостает в странах, обладающих избытком хлеба, а народный труд на фабриках и заводах оплачивается вернее и лучше, чем в приложении к земледелию. Такие отношения вместе с обеспеченностью морской торговли и с приобретением колоний послужили только к умножению могущества Англии и к возрождению в ней тех понятий об общей свободной торговле, которые составляют сущность *фритредерского* (от free trade — «свободная торговля») учения. Оно считало совершенно естественным деление всех стран на три глубоко различные категории: дикие, лишенные каких бы то ни было видов промышленности (там добывают все только для своего личного обихода, а не для других равных людей, т. е. не для мены), земледельческие с преобладанием хлебопашества и скотоводства и промышленные, т. е. преимущественно фабрично-заводские. Последние, очевидно, суть высшие уже по тому одному, что

фабрично-заводское дело немыслимо без развитой гражданственности и просвещения. Земледельческие страны, по фритредерскому понятию, представляют в некотором отношении переход от диких к промышленным и, имея уже развившиеся потребности, должны нуждаться в продуктах промышленных стран, за что и приходится им платиться своими земледельческими произведениями. Дикие страны, естественно, должны становиться колониями, т. е. принимать переселенцев других стран, переводящих их постепенно в страны земледельческие. Такой концепции нельзя отказать в известного рода естественности и полной применимости ко всему тому теперь уже кончающемуся периоду жизни людей, когда дикие страны действительно существовали еще на деле и когда просвещение отвергалось как необходимость дальнейшей жизни людей во множестве стран. Но посмотрим на неизбежный ход дел в указанной концепции. Этот ход дел виден сам по себе, произошел в действительности и скоро уже будет очевиден всем и каждому.

Страны дикие, равно как и те, которые стремились к обособленности, подобно Китаю и Японии, через возбуждение сношений с другими странами постепенно, но неизбежно должны входить в общий уровень, так что в конце должны остаться только страны земледельческие и промышленные. Но земледельческие страны, отправляя в промышленные свое сырье и нуждаясь в продуктах этих последних стран, по мере развития в них просвещения и потребностей, очевидно, должны додуматься до того, чтобы в своей стране учредить фабрично-заводские производства товаров, им необходимых. Это уже по тому одному, что каждая страна теряет, отправляя сырье и получая переделанные продукты, всю ценность перевозки и все выгоды, зависящие от постоянства заработка на фабрично-заводских делах, не зависящих от почвы и погоды. Такому

направлению желаний стран при свободной торговле и при улучшении способов сообщения, однако, нельзя свободно осуществляться по причине давления промышленных стран на зарождающиеся виды промышленности земледельческих стран, так как промышленные страны неизбежно должны были делаться торговыми и управлять всем рынком, т. е. ценами на сырье и фабрично-заводские продукты, и они могли легко тушить всякие промышленные зачатки в земледельческих странах, понижая цены на сырье и переделанные продукты.

Мне лично известен тот факт, что при устройстве одного из первых зеркальных заводов в России около 1890 г. бельгийские производители зеркал понизили свои цены для России до невозможности русского производства и остались в барышах не только потому, что сбыли заготовленный уже товар, но и потому, что убили начавшийся русский завод. Укрепленные предприятия, ведущие долго большую переработку и торговлю, конечно, должны были снабдиться капиталом и кредитом, что и позволяет им легко убивать зачатки конкуренции. В ограждение таких неудобств, а в сущности для того, чтобы дать своим жителям прочные заработки на фабрично-заводских делах, земледельческие страны должны были прибегнуть к тому, что называется протекционизмом, или покровительством. Теперь оно господствует в большинстве стран.

Внешний признак покровительственной системы — по отношению к внешней торговле[17] — состоит в обложении таможенной пошлиной таких привозимых извне товаров, которые можно и желательно производить в самой стране, и в доставлении через это новых прочных заработков своим жителям, т. е. в увеличении их благосостояния, особенно потому, что земледельческий труд оплачивается дешево, непродолжителен и земледелие повсюду сопряжено с бедствиями, зависящими от погодных неурожаев,

засух, наводнений и т. п., а фабрично-заводская промышленность от этого свободна. Временные голодовки свойственны всем земледельческим странам от Китая и Индии до России.

Чтобы дело было ясным, не должно забывать прежде всего того, что таможенные пошлины учреждаются просто-напросто для государственных доходов и мыслимы страны, в которых этот вид обложения превосходит все другие пошлины и доходы. В Аргентинской республике в 1901 г. всех доходов получилось 38,2 млн долларов золотом и 62,3 млн долларов бумажных, а так как бумажный доллар равен там 0,44 золотого доллара, то всех доходов на золото будет 38,2 + 27,3, т. е. 65,5 млн долларов золотом. Таможенные пошлины по ввозу и вывозу платятся в Аргентине золотом, и их получено в 1901 г. 33,3 млн долларов, т. е. таможенные пошлины составляют более половины всех доходов Аргентины. Сама Великобритания, еще держась по принципу фритредерства, получая всех доходов около 130 млн фунтов стерлингов, имеет таможенных доходов 31 млн фунтов стерлингов (март 1902 г.). Таможенные доходы тем рациональнее, чем более они относятся к товарам, без которых жители, по существу дела, обойтись могут. Так, в Англии главным образом они относятся к обложению чая, табака, спиртных напитков и т. п.

Если таможенные доходы относятся к такого рода товарам, не составляющим существенных потребностей жителей, такие пошлины носят название фискальных, облегчающих другие народные податные тяготы, и такие пошлины должно резко отличать от покровительственных. Эти последние могут совершенно рационально, т. е. для блага народного, относиться и к предметам первой необходимости, даже к хлебу, как это существует в настоящее время во многих странах Европы, начиная с Германии, Франции и Италии. Можно сказать даже, что в таких

хлебных пошлинах лучше всего выражается существо покровительственной системы, так как главная цель хлебных пошлин состоит в покровительстве местному земледелию, т. е. в желании сделать его выгодным, несмотря на соперничество стран, могущих производить и (по нужде) доставлять хлеб по ценам более выгодным, чем местные. В Германии в 1899 г. всех общегосударственных доходов собрано 1921 млн марок, в том числе 442 миллиона всех таможенных доходов, а из них 128 млн марок таможенных пошлин за хлебные и бобовые семена, т. е. хлебные пошлины составляют более четверти всех таможенных доходов и около 6,5 процентов всех доходов государства. Основная мысль подобного обложения хлебов пошлиной сводится, по моему мнению, к тому, что государство в заботах о благе народном печется о том, чтобы такая коренная промышленность, как земледелие, могла развиваться в стране, а не падала, причем имеется в виду то недалекое будущее, когда все страны мира населятся с большею или меньшею равномерностью, разовьют у себя всякие возможные виды промышленности и станут отпускать хлеб только по таким ценам, которые соответствуют более выгодным заработкам на других видах промышленности.

По моему личному убеждению, такая политика гораздо дальновиднее фритредерской, хотя бы английской, и я полагаю, что указанное время отделяется от современного много-много, что ста годами. В недавнюю прошлую эпоху манчестерское фритредерство было выгодно для Англии, но не за горами годы, когда Англия должна будет обратиться к покровительству, даже хлебному, и вновь распахивать запущенные земли, так как некоторые германские и американские заводские продукты уже успешно конкурируют в самой Англии с местными произведениями.

Не вдаваясь во всю сложность понятий, подразумеваемых под различием фритредерства от протекционизма,

я считаю, однако, необходимым обратить внимание на то, что фритредерство, по всей видимости, во всех отношениях благоприятствует внешней торговле стран, а протекционизм как будто бы этому противоречит потому, что стремится возбудить в каждой стране всевозможные виды промышленности, чтобы страна пользовалась для удовлетворения все увеличивающихся потребностей своими собственными произведениями, а не чужими. Такая видимость, однако, на деле и по априорному понятию не отвечает протекционизму, как видно особенно из того, что протекционизм С.-А. С. Штатов привел их к быстрому росту не только всей внутренней промышленности, но и внешней торговли. Это видно из того, что в 1901 г. вывоз товаров из Штатов (2838 млн руб.) уже превзошел вывоз Великобритании в том же году (2 648 млн руб.), хотя лет за шестьдесят был втрое меньше великобританского и, что всего важнее, первоначально состоял исключительно из сырья, ввозимого в ту же Англию, а ныне состоит настолько же из сельскохозяйственного сырья, насколько из фабрично-заводских продуктов.

Причину легко видеть в том, что при развитии в сельскохозяйственной стране всяких видов промышленности находятся такие, которые отвечают всем условиям страны, а потому развиваются быстро, легко достигают перепроизводства уже внутренних потребностей, удешевляются дешевизною местного сырья и стремятся к внешнему вывозу, а в то же время содействуют и росту сельскохозяйственной производительности, так как эта последняя приобретает много выгоды от близости заводского сбыта и свои выгоды от возрастания внутреннего потребления на своих фабриках и заводах. Таким образом, выходит, что протекционизм в сельскохозяйственных странах, на взгляд, задерживающий обороты внешней торговли, в сущности служит лишь к ее возрастанию. Это отлично видно из

цифр общих оборотов внешней торговли всего света, собранных, между прочим, в труде Покровского Etude statistique sur le commerce extérieur de la Russie (1900).

Цифры даны в миллионах франков, и мы их начнем с 1800 г. и укажем не только для всего мира, но и для России, Германии, Англии и С.-А. С. Штатов.

Сумма отпуска и привоза по внешней торговле в миллионах франков:

Год	Весь мир	Россия	Германия	Великобритания	С.-А. С. Штаты
1800	7146	287	908	1690	429
1820	8538	493	1009	1866	580
1840	14 263	664	1311	2875	1034
I860	37 630	2288	2379	9458	3430
1870	54 823	2153	5347	13 795	4161
1880	76 077	2889	7415	17 604	7768
1890	83 898	3191	9213	18 877	8469
1898	93 789	3601	11 624	19 293	9464

Из цифр этих совершенно очевидно, что наибольший прирост внешней торговли отвечает периоду 1860–1880 гг., т. е. именно тому, с которого начали распространяться идеи протекционизма, и не подлежит сомнению, что быстрота возрастания внешних оборотов и главных способов для нее, т. е. морского пароходства, определяется прежде всего развитием внутренней промышленности стран, зависящей от распространения протекционизма.

При возбуждении протекционизма в начальную эпоху развития внутреннего фабрично-заводского производства непременно должно ждать возрастания ввоза машин и всяких других орудий производства, если только составленная система таможенных пошлин не представляет тому непреоборимых препятствий. Такое явление сопровождало введение русской рациональной протекционной системы 1891 г., как видно из того, что сумма или ценность ввоза после введения покровительственных пошлин, прекративших или уменьшивших ввоз многих иностранных

товаров, все же возросла. В 1888–1891 гг. годовой ввоз составлял 410 млн руб., а в 1893–1895 гг. он в среднем равнялся 520 млн руб. кредитных в год. Такое возрастание определяется еще и тем, что при введении рационального протекционизма развивается фабрично-заводская деятельность в стране и от этого возрастает достаток жителей и их общий спрос, для удовлетворения которого и существует подвоз внешних товаров.

Обороты английской торговли, остававшейся фритредерской, с 1860 до 1880 г. менее чем удвоились, а всемирные внешние обороты в этот период возросли более чем в 2 раза. По всему этому можно с уверенностью сказать, что протекционизм, действуя в сторону экономической самостоятельности стран, не противоречит, а согласуется с основной мыслью о единстве всего человечества и о взаимной мене избытков между странами. А потому даже космополитизм не должен ничего иметь против протекционизма. Мысль же о самостоятельном развитии отдельных рас и народов, об их коренном равенстве и об утопичности идеи о преобладании одних народов над всеми другими заложена в протекционизме и в нем находит свое внутреннее оправдание. Если мысль о равенстве прав людей в государстве составляет прогрессивный венец XVIII ст., то мысль о равенстве народов и стран составляет один из результатов, завещанных XIX ст. для всех будущих веков, долженствующих окончательно отвергнуть китайское представление о варварстве всех других народов, которые не с нами. В этом последнем отношении Россия по духу народному и потому, что содержит немало рас иной крови, равно как и потому, что признает по существу равенство всех своих народов, стоит впереди не только перед Китаем, но даже и перед Англией и Соединенными Штатами. Занимая в некотором смысле среднее географическое положение в мире, она, по моему мнению, должна

занять и в экономическом смысле срединное положение, что и возможно, только придерживаясь начал протекционизма.

Из сказанного выше можно уже видеть, что обороты внешней торговли во множестве отношений представляют громаднейший интерес. Он особенно виден или выступает в том, что парламенты и правительства всех стран за последнее десятилетие не только часто, но и очень много занимаются вопросами, относящимися к внешней торговле. Ни для кого, например, не спрятано то обстоятельство, что Германия выиграла в последнюю четверть XIX ст. настолько же от французских своих побед и Тройственного союза, насколько от умелой и последовательной политики по отношению к внешней торговле, политики чисто протекционной и умевшей доставить германскому народу такое благосостояние, какого эта по существу бедная страна не имела никогда по отношению к другим странам. Замечу при этом, что германский протекционизм состоит не из одних таможенных пошлин, но включает в себя и широкое покровительство всему реальному просвещению, всему развитию внешней торговли и обеспечению заработков лиц, трудящихся на фабриках и заводах.

Для нас, русских, вопросы, сюда относящиеся, тем настоятельнее понимать в их полноте, что как раз теперь близится время необходимости пересмотра торговых трактатов России с Германией и многими другими странами, и, по моему мнению, прежде чем вникать в частные отношения наши к отдельным странам, особенно важно уразуметь великую важность общего значения внешних торговых оборотов стран в отношении ко всему их внутреннему быту. Великую важность в современном мире внешних торговых оборотов стран можно было бы доказывать множеством способов, но я избираю только один, показывающий внутреннюю связь между величиною внешней торговли и общими государственными расхода-

ми, потому что эта связь указывает на возможность ведения всего сложного государственного хозяйства на счет не своих подданных, а остальных стран мира.

На первый взгляд, это составляет прямо парадокс и смахивает на латинское стремление жить на счет покоренных народов. По существу же дело сводится к следующему. Жители данной страны, удовлетворив свои потребности, производят избытки и эти избытки продают иным странам. Не будь этих стран, не будь этой внешней торговли, избытки не были бы произведены и не дали бы доходов стране. Если же величина избытков и получаемых от них доходов достигает или даже превосходит сумму государственных расходов, очевидно, что страна содержит свое правительство и все свое благоустройство вместе с самозащитою не на свой, а на чужой счет. Таково и есть уже в настоящее время положение вещей если не для всех, то для большинства образованных стран мира, как видно из приложенной таблицы, где для многих стран указан в миллионах фунтов стерлингов для 1901 г. размер общегосударственных расходов и ценности отпускаемых страною товаров на основании чисел, помещенных на странице XXX статистического сборника, к которому мы часто прибегаем, а именно The statesman's year-book for the year 1903 by J. Skott Keltic.

1901 г.	Сумма общегосударственных расходов в миллионах фунтов стерлингов	Сумма ценности отпускаемых или вывезенных товаров в миллионах фунтов стерлингов
Бельгия	22,8	73,1
Дания	4,3	16,2
Франция	143,6	160,5
Германия	117,2	225,6
Голландия	12,7	145,2
Швеция	8,7	21,7
Швейцария	4,2	34,5
Великобритания	195,5	280,0
С.-А. С. Штаты	98,0	281,9
	607,0	1238,7

Для суммы указанных стран, доставляющих примерно половину всех отпускных товаров, ценность их раза в полтора превосходит всю сумму общих государственных расходов, и нельзя не быть уверенным в том, что в недалеком предстоящем будущем с господством протекционизма достигается тот же результат для всего мира. Сущность этого результата сводится к тому, что самостоятельность стран находит себе существеннейшую опору во взаимных соотношениях этих стран. Здесь, на мой взгляд, виден один из венцов цивилизации не только потому, что в недалеком прошлом не было и быть не могло чего-либо подобного, но и потому, что есть еще немало стран, которые отвечают прошлому времени, т. е. отпуск которых менее общегосударственных расходов[18]. Таких стран в настоящее время немало, не говоря о Китае и ему подобных странах, даже в Европе; например, на основании вышеуказанного источника:

1901 г.	Общегосударственные расходы в миллионах фунтов стерлингов	Годовой отпуск в миллионах фунтов стерлингов
Россия	198,7	76,0
Италия	74,2	55,0
Португалия	12,6	6,4
Испания	39,5	27,7
Турция	17,8	12,1
Япония	29,3	25,7
Болгария	3,8	3,3
Сербия	3,0	2,6

Вывоз многих стран сравнительно мал, однако не по одной той причине, что в стране мало развиты современные виды промышленности, но и по разным другим причинам, между которыми одно из первых мест занимают величина страны и относительное количество ее морских и сухопутных границ, так как при большой величине страны ее торговые обороты могут быть значительными внутри

страны, что особенно справедливо для Китая; с другой же стороны, морские границы не только благоприятствуют, но и прямо вызывают увеличение всех внешних торговых оборотов. Однако несомненно, что относительное развитие всяких видов промышленности играет здесь первейшую роль и что по мере возрастания видов промышленности, иных, кроме сельского хозяйства, внешние обороты страны, несомненно, должны возрастать.

Из сказанного выше, равно как из множества других соображений, которых я и не желал касаться, сведения о величине внешних оборотов не только отдельных стран, но и всего мира представляют величайший интерес для суждения о том, чего мир и отдельные страны достигли и куда они стремятся в экономическом отношении, влияющем и на весь быт народов, хотя, конечно, не им одним определяются все судьбы истории, так как кроме общего не только мирового, но и государственного, есть свой мир, внутренний, индивидуальный, которым определяется множество людских отношений, над которыми и сосредоточивалось внимание Будды и ему подобных мыслителей. По этой причине в прилагаемой таблице собраны с возможною однородностью сведения о внешней торговле всех стран мира. Здесь прежде всего надо заметить, что ни в каком другом экономическом отношении нельзя ныне достичь такой полноты сведений, как по внешней торговле, потому что она дается не только для стран, публикующих всякие статистические сведения, к ним относящиеся, но становится более или менее известной и для стран, далеких от такого сознательного отношения к экономическим вопросам, какое сказывается в статистических сборниках, потому что торговцы и консулы следят за внешней торговлей больше, чем за чем-нибудь другим, и дают сведения этого рода даже для укромнейших углов мира,

так как и туда стремятся водворить товары, и оттуда вывозить местные произведения, тем более что для этого служат ныне чаще всего корабли, груз которых подлежит учету. Труднее всего в собрании сведений о внешней торговле выделить до конца вывозимые произведения страны от тех, которые, поступая из других стран, только проходят через данную страну.

Так, например, несомненно, что Голландия, вывоз которой громадный, получает часть вывозимых ей товаров из других стран. Это еще более относится к таким небольшим, но приморским и торговым местностям, как Гонконг, Сингапур, Макао и тому подобным. Эти страны даже при малом числе жителей выпускают много товаров, так сказать, временно остающихся у них и, быть может, подвергающихся у них особой торговой сортировке, но не ими произведенных. Однако если принять во внимание, что торговлю, особенно внешнюю, т. е. преимущественно морскую, должно причислить к таким видам промышленности, развитие которых характеризует современный быт людей настолько же, как горное дело, фабрики и заводы, то величину внешних оборотов указанных стран должно считать почти настолько же характерной, как и величину внешней торговли произведениями страны и приобретенными ей для удовлетворения внутренних потребностей. Притом указанное замечание относится лишь к небольшому числу стран, в громадном же большинстве других стран в статистических сведениях совершенно ясно отличен отпуск товаров внутреннего производства от вывоза чужих произведений или того, что чаще всего носит название транзита; то же относится и к ввозу.

В нашей таблице везде, где было возможно, дело идет о вывозе местных произведений добывающей и обрабатывающей промышленности и о ввозе иностранных товаров,

поступающих или для прямой надобности жителей страны (например, хлеб, чай, ткани), или для переделки их на фабриках и заводах. К этому последнему разряду товаров относится, например, хлопок, ввозимый в Англию для ее прядильных и ткацких фабрик. Часть, притом большая, этого хлопка идет на ткани, потребляемые в самой стране, но другая вывозится в другие страны, однако уже не в виде самого хлопка, а в пряже и тканях, что и оставляет в стране весь тот заработок, который при этом получается, так как пуд хлопка в сыром виде стоит, например, 7–10 руб., а в виде пряжи и тканей — по крайней мере 15, а то так и все 30–40 руб. Переделка чужого сырья в товары, непосредственно требуемые потребителями, составляет ту сторону современного промышленного дела, которая отличает, по существу, страны земледельческие от промышленных. Водворение такой переделки и добыча такого сырья, которое для этой переделки на фабриках и заводах пригодно (например, свеклы для сахара, руд и чугуна для металлических изделий, колчеданов для основных видов химической промышленности и т. п.), и характеризует современную промышленную эпоху вместе с доставкой или перевозкой и торговлей, как самим сырьем, так и готовыми для потребления товарами от мест добычи к местам переделки и из мест переделки, т. е. от фабрик и заводов, к потребителям.

Здесь, конечно, должно ясно отличать во внешней торговле вывоз и ввоз сырья от вывоза и ввоза переделанных товаров, и покровительственная система по своему существу относится к водворению в стране как добычи сырья, необходимого для своей и чужеземной переделывающей промышленности, так и переделки этого сырья, своего или привозного. В виде примера это становится, мне кажется, совершенно очевидным, если мы укажем, например,

на громадную разность вывоза из С.-А. С. Штатов сырого ли хлопка, или готовых из него тканей, или на вывоз из России сырого зерна, с одной стороны, или, с другой стороны, муки, макарон, галет, крахмала и тому подобных изделий из того же зерна, так как при вывозе изделий в стране остаются не только разного рода отбросы (например, отруби, жмыхи и т. п.) производства, перевозка которых напрасно удорожает перевозимый товар, но и весь тот заработок, зависящий от разности цены сырого материала и готового продукта, который дает новейшие барыши от современной промышленности.

В указанном ряде мыслей, относящихся к внешней торговле, особое значение имеет вывоз и ввоз в страну драгоценных металлов, особенно золота, составляющего ныне уже почти во всем мире мерило всех ценностей, т. е., в сущности, мерило потраченного труда. Золото ввозится в страны не только потому, что во многих из них вовсе не добывается, но чаще и более всего для завершения торговых оборотов данной страны, так как ее вывоз может быть более ввоза, для займов, заключаемых правительством страны, для основания предприятий в стране, например для устройства в ней железных дорог и фабрик, для расхода путешественников и т. п. Для тех же целей оно может вывозиться из страны.

Отличным этому примером может служить то, что количество золота, ввозимого в Швейцарию путешествующими в ней иностранцами, превосходит не только общегосударственные, но и кантональные расходы страны. Обращающееся в этом виде золото, конечно, составляет в своем роде товар, входящий или исходящий из страны, но сколько-либо точный учет этого товара, по существу, невозможен, и уже по этой одной причине ввоз и вывоз золота всегда отличается там, где статистика торговли

развита, от ввоза и вывоза всех иных товаров, и в нашей таблице вовсе не включен ввоз и вывоз золота, кроме тех сравнительно немногих случаев, когда золото добывается в стране в избытке и вывозится из нее как местный продукт, например из Австралии. Но так как годовая добыча золота во всем свете разве немногим превышает 25 000 пуд. и цена пуда близка к 20 000 руб., то ценность годовой добычи всего золота недалека от 500 млн руб., а потому в сравнении со всем мировым вывозом товаров, близким к 20 000 млн руб. в год, вывоз и ввоз добываемого золота не могут сколько-нибудь значительно влиять на сумму всех оборотов по внешней торговле, что и составляет один из интересов приводимой таблицы.

Приводимая таблица составлена почти исключительно на основании данных, помещенных в вышеуказанной книге The statesman's year-book for the year 1903 (by J. Skott Keltic), числа отнесены везде, где было возможно, к торговым оборотам стран за 1901 г., т. е. за первый год XX ст. Если обороты даны в иностранных денежных единицах, золотых или бумажных, то они приведены на основании курсовых сведений, сообщаемых в той же книге, к рублям золотом, считая 1 рубль золотом равным $^1/_{15}$ империала, т. е. содержащим 0,77423 г чистого золота (или лигатурного 0,86026 г).

Чтобы дать в этом отношении хоть немногие указания, приводим следующую таблицу, заимствованную из изданий Главной палаты мер и весов и выражающую, чему равен 1 руб. золотом в монетных (золотых) единицах различных стран:

– 2,5395 австрийским кронам (австрийский флорин равен 2 кронам);

– 2,1601 германским маркам;

– 0,10574 английского фунта стерлингов;

– 2,6668 франкам Франции, Бельгии, Швейцарии и др., испанским песетам, итальянским лирам, румынским левам, греческим драхмам, финским маркам и т. п.;
– 1,9201 кронам Дании, Швеции и Норвегии;
– 1,2801 голландским гульденам;
– 0,51457 североамериканского доллара;
– 0,117404 турецкой лиры;
– 0,10410 египетской лиры;
– 0,047624 португальской кроны;
– 1,0323 японским иенам.

Величина годовых торговых оборотов дается в таблице в миллионах рублей, потому что о большей точности данных не может быть и речи. Вообще же точность чисел нельзя считать очень значительною. Вероятно, погрешность достигает, особенно для некоторых стран, не имеющих развитой торговой статистики, до нескольких процентов, тем более что и год фискальный, или отчетный, очень часто не совпадает с гражданским, а вывоз и ввоз меняются по годам часто весьма значительно, и еще потому, что для некоторых стран за недостатком данных для 1901 г. пришлось взять числа ближайшего из предшествующих годов. Интерес дела, однако, и не требует большой точности, так как различие в величине торговых оборотов разных стран очень велико. Чтобы выставить его в наиболее рельефных величинах, в двух последних столбцах дается отпуск и привоз на одного жителя в рублях, причем представляется громадное различие от долей рубля до их сотен, приходящихся в разных странах на одного жителя (см. табл. 4).

В приведенной таблице пред цифрами отпуска и привоза указаны главнейшие вывозимые и ввозимые товары и, где было возможно, в скобках дана стоимость отдельных видов товаров. Обзор качества главнейших из вывозимых и привозимых товаров указывает уже совершенно явно на

различие стран земледельческих от промышленных: первые отпускают преимущественно сырье, а ввоз их преимущественно характеризуется получением фабрично-заводских продуктов.

Для промышленных же стран — явление обратное. Страны Африки, Южной Америки, Китая и Индии, равно как и Россия, должны быть считаемы типическими представителями земледельческих стран, вывозящих сырье и получающих фабрикаты. Великобритания, Германия, Бельгия и т. п., конечно, суть представители промышленных стран. Впереди, по моему мнению, в недалеком будущем, если все в мире пойдет, как идет теперь, и войны не нарушат правильности прогресса мира, такое деление на страны земледельческие и промышленные должно совершенно исчезнуть, так как с развитием просвещения и протекционизма земледельческие страны постепенно станут увеличивать производительность своих фабрик и заводов и будут отправлять не только сырье, но и продукты своей переделывающей промышленности, наиболее отвечающие всем условиям страны. Такой порядок дел поведет к тому, что страны можно будет уже делить исключительно на основании ввоза в них такого основного сырья, как хлеб, руды, каменный уголь и т. п. Северо-Американские Соединенные Штаты, бывшие вначале страною чисто земледельческою и вывозящие уже ныне много готовых товаров, но все же продолжающие вывозить и сырье, представляют, на мой взгляд, пример того, к чему стремится и должен стремиться весь мир для блага народного и развития всей цивилизации. Над Американскими Соединенными Штатами я всего более и останавливаюсь в моих «Заветных мыслях» именно по той причине, что в них вижу начало будущего, особенно поучительного для нас, русских, которым должно всемерно стремиться выйти из периода одних земледельческих усилий.

Таблица 4

Млн жителей 1901 г.	Страны	Главнейшие отпускные товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	Главнейшие ввозимые товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	На одного жителя	
						Отпуск, рублей	Ввоз, рублей
5,3	Голландия (Нидерланды) (без колоний)	Зерно и мука (178), железо и изделия (100)	1362	Хлеб и мука (250)	1600	257	319
6,7	Бельгия	Каменный уголь, кокс (48)	1215	Пшеница (91)	1365	181	204
41,4	Великобритания (Англия, Шотландия, Ирландия)	Ткани и пряжа (978), металлы и изделия из них (380), каменный уголь и другие ископаемые (320), машины (160)	2648	Хлеб и другие свободные от пошлин растительные вещества (98), напитки, чай и другие обложенные пошлиной товары (1066); хлопок, шерсть и другие сырые волокна (780); разные изделия (920)	4937	64	120
38,9	Франция (без колоний)	Шелковые ткани (100), виноградные вина (86)	1505	Металлы и руды (197), шерсть (136), каменный уголь и кокс (129)	1638	39	42
56,4	Германия (без колоний)	Ткани (588), железо и изделия из него (103)	2089	Пищевые вещества (792), пшеница (131), ткани (527), хлопок (137), шерсть (107)	2644	37	47
3,3	Швейцария	Шелк и изделия из него (92)	328	Питательные вещества, спирт и т. п. (104)	424	99	128
2.6	Дания (с колониями)	Питательные вещества (132)	154	Питательные вещества (55)	208	59	80
5,1	Швеция	Лес и изделия из него (105)	204	Каменный уголь и другие минералы (54) металлические изделия (34)	279	40	55
2,2	Норвегия	Лес и лесные товары (31)	80,6	Хлеб (24)	150	37	68
45,4	Австро-Венгрия	Лес (92), сахар (74), яйца (40)	766	Хлопок (58), каменный уголь и кокс (45)	651	17	14

Продолжение табл. 4

Млн жителей 1901 г.	Страны	Главнейшие отпускные товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	Главнейшие ввозимые товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	На одного жителя	
						Отпуск, рублей	Ввоз, рублей
32,9	Италия (с колониями)	Шелк (170), виноградное вино (16)	521	Пшеница (75), хлопок (60), каменный уголь (57)	754	16	20
18,7	Испания (с колониями)	Вино, сахар и т. п. (88)	260	Пшеница и другие пищевые вещества (51)	318	14	17
14,9	Португалия (с колониями, 9,3 млн жителей)	Вино (18), колониальные товары	Около 126	Пищевые твещества (27), ткани	Около 200	9	14
2.9	Греция (с Критом и Самосом)	Коринка (15,6)	43,7	Хлеб (13,4)	57,2	15	20
24 (?)	Турция (Европейская, Азиатская и Триполи)	Виноград (16), шелк (10), руды	114	Хлопковые ткани (17)	227	5	10
6,4	Черногория, Сербия и Болгария	Животные продукты (12), зерновой хлеб (19)	46,5	Ткани (13)	43,8	7	7
6,0	Румыния	Хлеб (92)	133	Ткани (53)	110	22	18
135	Россия (Европейская и Азиатская, но без Хивы, Бухары и Финляндии)	Хлеб и другие продукты земледелия (442), животные продукты и сами животные (122), лес и лесные товары (60), ископаемые (62), сахар и спирт (17)	507,7	Чай, кофе (54), кожа и меха (22), каменный уголь и кокс (21), медь и другие металлы (22), машины (57), хлопок-сырец (63), шерсть и шерстяная пряжа (35)	395,6	3,8	2,9
2,7	Финляндия	Лес и лесные товары	70	Питательные продукты	81	27	30
2,0	Бухара и Хива	Хлопок, фрукты	10 (?)	Ткани, металлы	10 (?)	5	5

Продолжение табл. 4

Млн жителей 1901 г.	Страны	Главнейшие отпускные товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	Главнейшие ввозимые товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	На одного жителя	
						Отпуск, рублей	Ввоз, рублей
9,0	Персия	Опиум (3), жемчуг (26), фрукты	50 (?)	Хлопковые ткани (22), сахар (12)	53 (?)	6	6
1,5	Оман (в Аравии, около Персидского залива)	Финики (2)	3,2	Рис (1,6)	5,8	2	4
4,0	Афганистан	Плоды, шерсть	4,3 (?)	Бумажные ткани	4,3	1	1
4,0	Непал	Скот и его продукты	15,4	Скот и его продукты	14,4	4	4
5,0	Сиам	Рис (33)	41,3	Хлопковые товары (4)	26,6	8	5
47	Япония (с Формозой)	Шелк (77)	265	Хлопок (57)	288	6	6
6 (?)	Корея	Рис (33)	8,3	Хлопковые ткани (6)	14,5	1	2
426	Китай	Шелк-сырец и ткани (83), чай (25)	256	Хлопчатобумажные изделия (136), опиум (45)	324	0,6	0,8
18,5	Тонкин, Аннам и другие французские колонии в Азии	Рис (31), хлопок, сахар, перец, растительные масла	68,5	Ткани, металлы	77,3	4	4
294	Индия английская, с зависимыми государствами	Зерновой хлеб (106), хлопок (91)	658	Хлопчатобумажные ткани (207)	480	2	1,6
3,6	Цейлон	Чай (30)	64,8	Хлеб (23)	71	18	20
4,4	Мальта, Гонконг, Сингапур, Белуджистан, Борнео и др. мелкие английские владения в Азии	Олово (120), чай, копра, шерсть, опиум, шелк	777	Опиум, чай, рис, шелк, пшеница	834	176	189

Продолжение табл. 4

Млн жителей 1901 г.	Страны	Главнейшие отпускные товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	Главнейшие ввозимые товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	На одного жителя	
						Отпуск, рублей	Ввоз, рублей
36,1	Ява и другие голландские колонии в Азии и Америке	Сахар, чай, кофе	208,4	Мануфактурные изделия	161,6	6	4
5,2	Австралия, Тасмания, Новая Зеландия и другие английские владения в Тихом океане	Металлы (главным образом золото) (119), шерсть (71), каменный уголь (16)	835	Ткани, одежда, металлические изделия	766	161	147
50 (?)	Мыс Доброй Надежды, Трансвааль, Уганда и другие английские владения в Африке, в том числе и Англо-Египетский Судан	Сахар (25), алмазы (47), копра и пальмовое масло (около 20), шерсть, вино, металлы, слоновая кость	298 (?)	Ткани, металлические товары	371 (?)	6	7
12,8	Германские владения и Африке и Тихом океане	Пальмовое масло (5,2), каучук (1,3), копра	8,7	Ткани (3,5) железные товары, пищевые продукты	17,5	0,7	1,4
4,7	Алжир (французское владение)	Хлеб (26), вино (16), овцы (9)	100	Хлопковые и другие ткани и одежда (18)	126	21	27
1,9	Тунис (французское владение)	Зерновой хлеб (3), растительные масла (2)	14,7	Питательные вещества (5,6), ткани (4,2)	24,2	8	13
30	Конго (независимое)	Каучук (2)	20	Ткани (2,5)	10	0,7	0,3
2,1	Либерия	Пальмовое масло	0,5	Хлопковые ткани	0,7	0,2	0,3
5,0	Марокко	Животные продукты	12,5	Хлопчатобумажные изделия (7)	16,2	3	3

Продолжение табл. 4

Млн жителей 1901 г.	Страны	Главнейшие отпускные товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	Главнейшие ввозимые товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	На одного жителя	
						Отпуск, рублей	Ввоз, рублей
26	Сенегал, Слоновый берег, Дагомея, Мадагаскар, Новая Каледония, Таити и другие французские владения в Африке и в Тихом океане	Каучук (8), пальмовое масло и копра (17), слоновая кость, сахар (4), руды (3,4), ваниль	44,8	Ткани (10), пищевые вещества	74	1,7	3
3,5	Абиссиния	Растительные и животные вещества	9,6	Хлопчатобумажные и другие ткани	13,2	3	4
9,7	Египет	Хлопок (115)	153	Ткани (45)	148	16	15
5,6	Канада н Ньюфаундленд (английские владения)	Лес и изделия из него(65), рыба (10), хлеб	399	Железо и изделия из него (47)	385	71	69
1,8	Британская Гвиана, Ямайка, Фолкленд и другие мелкие владения в Америке	Сахар (17), растительные продукты, губка, асфальт	81,7	Ткани (25)	85,9	45	48
0,4	Фрннцузская Гвиана, Мартиника, другие фр владения в Америке	Сахар (5), кофе, ром, маис и разные плоды	22,9	Ткани, металлы, мануфактурные товары	26,1	57	65
17,1	Бразилия	Кофе и сахар (7)	415	Бумажные ткани, каменный уголь	201	24	12
1,7	Чили	Минеральные вещества (113)	122	Ткани (28)	99	72	58

Окончание табл. 4

Млн жителей 1901 г.	Страны	Главнейшие отпускные товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	Главнейшие ввозимые товары (в млн руб.)	Всего в млн руб.	На одного жителя	
						Отпуск, рублей	Ввоз, рублей
77,1	С.-А. С. Штагы	Хлеб и другие питательные вещества (около 800), хлопок и изделия из него (565), керосин и нефть (140), железо и изделия изнего (192)	2838	Кофе(138), сахар (110)	1600	37	21
11,3	Гавайи, Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины и другие страны, зависящие от С.-А. С. Штатов	Земледельческие продукты	230	Мануфактуры	238	20	21
13,6	Мексика	Минералы	Ок. 86	Железо и стальные изделия	65	6	5
6,0	Никарагуа, Парагвай, Сальвадор, Сан-Доминго, Уругвай и Венесуэла	Животные продукты, кофе, копра, каучук	114	Ткани	86,4	19	14
9,1	Колумбия, Эквадор, Гватемала, Гаити и Гондурас	Бальзамы, кофе, золото, серебро, кампешевое дерево, продукты кокоса	94,2	Соль, керосин, ткани бумажные и шерстяныетовары, питательные вещества	53,3	10	6
4,8	Аргентинская Республика	Животные и их продукты, хлеб	317	Ткани и одежда	216	66	45
1,9	Боливия	Руды и металлы (19)	26,7	Хлопчатобумажные и шерстяные ткани	12	14	6
3,0	Перу	Руды (16), сахар (14)	42 (?)	Хлопковые ткани (4), разные изделия	27 (?)	14 (?)	9 (?)
1616			20 882,0		23 008,6	12,9	14,2

Но обратимся к разбору вышеприведенных чисел, и прежде всего к отношению отпуска к ввозу, так же как к общей их цифре. На первый взгляд может показаться, что отпуск всех стран света должен быть по количеству и ценности или равен, или очень близок к сумме привоза во все страны. Разность можно ожидать только вследствие гибели части грузов в пути, например вследствие кораблекрушений, убыли части вывезенного от потребления во время пути, например от сжигания каменного угля на пароходах, и от приобретения новых грузов в море, например от улова рыб, китового жира и т. п. В количественном отношении такое заключение в общих чертах справедливо, и разность количеств вывезенных и привезенных товаров во всем свете должна быть ничтожно малой, может составлять разве один или около того процент.

В сумме же ценности отпуска и ввоза мы видим по таблице разность примерно от 21 до 23 млрд руб., т. е. привоз примерно на 10 % превосходит отпуск. Такая же значительная разность, какая получена в нашей таблице, получалась и ранее всеми теми, кто занимался исследованием этого предмета, к сожалению, еще мало разработанного.

Причину перевеса ценности привоза над ценою отпуска должно объяснять преимущественно тем, что главная масса, а именно по крайней мере около 80 %, товаров перевозится из стран отпускающих в страны потребления океанами и совершает сравнительно дальние пути; при перевозке же морем стоимость товаров увеличивается по двум причинам: во-первых, потому, что при самой перевозке идут расходы, прикладываемые к ценности товаров, и, во-вторых, потому, что капитал, вложенный в товары, а следовательно, и их цена возрастают в течение времени перевозки. Вследствие этих обстоятельств отпускные товары ценятся по нормам, существующим в отпускающей стране, а привозные — по высшим нормам, существующим в странах, получающих эти же товары.

Хотя вообще ценность привоза выше ценности всего отпуска, но для отдельных стран этого не может быть и нет в действительности. Такие страны, как современная Россия и С.-А. С. Штаты, имеют более или менее явный перевес ценности отпуска над ценою привоза, т. е., как выражаются, имеют благоприятный торговый баланс, и вся разность обеих цен покрывается или ввозом монеты, или уплатою другим странам по государственным займам и разного рода частным обязательствам. Такие же страны, как Великобритания и Германия, имеют отрицательный, или неблагоприятный, торговый баланс, т. е. получают товаров на большую сумму, чем отпускают. Такая разность, однако, не касается денежного баланса этих и подобных стран. Он может быть им благоприятен, т. е. они могут получать из других стран денег более, чем разность между ценою привоза и отпуска. Эти заграничные денежные получения определяются вышеупомянутыми уплатами по долгам, займам, затрате капиталов и т. п.

Сколько-либо точный учет таких денежных получений и уплат от одних стран к другим при настоящем состоянии статистики почти невозможен или сопряжен со множеством произвольных допущений, но для его выяснения считаю весьма полезным указать на то, что в официальном немецком издании, сделанном для Парижской Всемирной выставки 1900 г. (Catalogue officiel de la section Allemande, с. 32), указано на то количество немецких капиталов, которое обращается в других странах, а именно затрачено в их предприятиях (это один из непременных результатов протекционизма — свободные капиталы помещаются в предприятия других стран). Указывается именно на то, что в Америке немецких капиталов затрачено к 1900 г. около 4670 млн марок, в Турции — около 450 млн марок, в азиатских странах — 570 млн марок, в Африке — около 1500 и в Австралии — около 670 млн марок. Кроме того, в указанном

источнике упоминается о том, что в России, Австро-Венгрии, Швейцарии и других странах Западной Европы работает примерно такое же количество немецких капиталов, что составляет в сумме около 16 млрд марок, или около 8 млрд руб. Полагая лишь по 8 % барышей, получим около 500 млн руб. поступлений в Германию из других стран от немецких предприятий, в них установленных.

Здесь было бы уместно остановиться над этой затратой иностранных капиталов во внутренние предприятия, тем более что такие затраты в значительных размерах осуществлены в России, но я отлагаю этот предмет до одной из следующих статей моих «Заветных мыслей», потому что предмет этот рассматривался многократно в русской печати, смущает русские умы и нередко обсуждается без понимания сущности дела. Здесь для нас важно обратить внимание лишь на то, что страны с развитою промышленностью, подобные Англии, Германии, Франции, Бельгии и т. п., успели накопить у себя столько капиталов и кредитов, что они не могут уже находить выгодных предприятий в своих странах и должны искать избыткам своих капиталов употребление во всем мире, а это ведет к тому, что они, ввозя на большую сумму, чем вывозят, товаров, могут покрывать разность доходами от этих капиталов и кредитов, помещенных в иных странах. Германия ввезла в 1901 г. на 2 644 млн руб., а отпустила товаров на 2089 млн руб., т. е. разность торгового баланса — 555 млн руб., а такая разность, судя по указанной цитате официального каталога, вероятно, с избытком покрывается доходами от немецких предприятий в других странах. Притом на долю Англии, Германии, Голландии и тому подобных богатых морских стран приходится значительная доля всей той разности, достигающей до 2 млрд руб., которая существует между мировым ввозом и отпуском, потому что в руках этих стран, особенно Великобритании, находится тот

перевозочный флот, который получает свои доходы и барыши от морской перевозки.

Особый, по мне, важнейший интерес таблица современных внешних торговых оборотов всего мира представляет со стороны общей суммы и того, что приходится в отдельных странах на одного жителя. Общая сумма годового отпуска товаров, близкая к 21 млрд руб., показывает, что в настоящее время средний житель из всех 1600 млн обитателей Земли отпускает уже ежегодно не менее 13 руб. Громадное значение цифры отпуска выступит с особенною ясностью, когда мы вспомним, что отпуск в другие страны по существу своему составляет лишь небольшую долю внутреннего производства, так как бóльшая его часть идет на удовлетворение потребностей своей страны. Сумму ценностей всего производства охотничьих, сельскохозяйственных, горных, фабрично-заводских, перевозочных, торговых и административных продуктов труда[19] неизбежно должно считать во много раз больше суммы отпускаемых ценностей, но отношение этих двух сумм нельзя доныне считать сколько-либо выясненным статистикой не только для всего мира, но даже и для отдельных стран, и если мы предположим на основании того, что более или менее известно для С.-А. С. Штатов, что вывоз составляет лишь десятую долю всего производства страны, то, наверное, будем в минимуме (по отношению к производству), так как производство в громадном большинстве стран, не достигших промышленного уровня С.-А. С. Штатов, в этих странах, наверное, более чем в 10 раз превосходит их отпуск. Так, например, для Китая отпуск на одного жителя составляет лишь около 60 коп. в год, и нельзя полагать, чтобы все производство страны равнялось лишь 6 руб. в год на жителя. Тем более это касается стран Африки. Отсюда следует заключить, что современное мировое производство в среднем на каждого жителя всей Земли

дает более 130 руб. в год, а так как, судя по сумме существующих статистических сведений, относящихся к России, можно с уверенностью утверждать, что среднее на жителя годовое производство менее 130 руб., то и очевидно, что в своей производительности мы отстали не только от передовых, богатых стран, но даже и от общего среднего мирового производства. Это очевидно и по нашему отпуску, который на жителя дает цифру гораздо меньшую, чем средняя для всего мира.

Давно народная поговорка говорит о благах золотой середины, а о желательности достижения ее в отношении к вывозу России не может быть, по моему мнению, никакого сомнения, а так как ценность вывоза тесно связана со всем производством, то мы здесь, как и во всем прочем изложении наших «заветных мыслей», ясно и с полным внутренним сознанием говорим о том, что для «блага народного» прежде и важнее всего заботиться об умножении современной ценности всего производства страны. Притом это умножение ценности, т. е. количества затраченного труда, должно быть весьма значительным, т. е. по крайней мере, удвоенным против современного, если мы желаем для России достигнуть только среднего в мире. На хлебе или других продуктах земледелия достичь этого, наверное, нельзя не только ныне, но и впредь, потому что вывозить хлеб можно только по мере его потребности у других народов, так как хлеба потребляется на жителя лишь определенное количество. Потребность в хлебных товарах на среднего жителя нельзя определять только количеством хлеба, необходимого для питания людей, потому что часть хлебов идет домашним животным и на некоторые технические производства, например крахмальное, винокуренное, пивоваренное, кожевенное и т. п. Только развитая статистика может дать нужные здесь числа. В этом отношении мною перебраны были многие статистические

отчеты, но я ограничусь лишь цифрами, относящимися к Швеции и Германии, не только потому, что их отчетливость велика, но и главным образом потому, что в шведской статистике даются цифры для разных эпох жизни народной, а в Швеции она явно изменилась в конце XIX ст. В начале его Швеция была страной почти чисто земледельческой, а в его конце стала страною чисто торгово-промышленной, ввозящей больше хлеба, чем его вывозящей, и переставшей отпускать столь много эмигрантов, как было еще недавно, дающей много фабрично-заводских товаров и оттого явно, на глазах богатеющей.

Все это совершенно ясно вытекает из цифр, собранных в превосходнейшем труде, составленном шведской комиссией для Парижской Всемирной выставки 1900 г.: La Suéde, son peuple et son industrie, redigé par G. Sundbarg, 1900. В этой поучительнейшей книге видно, что всех зерновых хлебов на одного жителя в начале XIX ст. шло по 237 кг на душу, т. е. менее 15 пуд. в год на одного среднего жителя; в конце же столетия потреблялось, т. е. производилось внутри и приобреталось извне, по 440 кг в год, т. е. примерно по 27 пуд. в год на среднего жителя. Цифры эти, между прочим, показывают явно, как возрастает потребность в хлебе на каждого жителя в то время, как страна обогащается (но это возрастание, конечно, имеет свой предел), что должно намотать на ус всем тем, которые имеют хоть какое-нибудь понятие о современной средней русской потребности в хлебе, едва превышающей 20 пуд. на среднего жителя. Швеция ввозит в год около 15 млн пуд. пшеницы и ржи, т. е. примерно по 5 пуд. на жителя, и, следовательно, более 20 пуд. на жителя всяких хлебов получает от своей почвы.

В официальном германском статистическом отчете (Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1900, с. 157) дается общее годовое потребление как для всей Германии, так и на одного жителя важнейших хлебов: ржи (154,5 кг),

пшеницы (94 кг), ячменя (71,4 кг) и овса (116,6 кг), что составляет для периода 1898–1899 гг. всего на каждого жителя по 436,5 кг, или около $26^{1}/_{2}$ пуда, и что очень близко к тому, что дано выше из шведского отчета, а потому можно признать, что современное потребление важнейших хлебных зерен для питания людей и для технических надобностей составляет в год около 27 пуд. на каждого среднего жителя Европы. Что же касается до производства и потребления важнейших хлебов в России, то официальные отчеты об этом предмете имеют точность только по отношению к большому отпуску и ничтожному привозу, но имеют малую точность по отношению к производству, хотя и совершенствуются начиная с 70-х годов к нашему времени, относясь, однако, только к 50 губерниям европейской России и 13 губерниям Привислинского и Кавказского краев, где живет более 108 млн жителей. Не без некоторого основания должно полагать, что в остальных краях России сбор хлебов на душу не менее, а вероятно, даже более, чем в 50 или 60 подотчетных губерниях. Все относящиеся сюда сведения, иногда очень разноречивые и несогласные, собраны и с возможною тщательностью разобраны в недавно явившейся книге под названием «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России» (1902), изданной таможенным департаментом под редакцией нашего первоклассного статистика В. И. Покровского.

Из этой книги (отдел II, А) я и считаю наиболее простым заимствовать окончательные выводы, основанные на данных, касающихся периода конца 1890-х годов, не входя при этом в подробности, касающиеся изменений в разные годы, по губерниям (например, Воронежская и Олонецкая) и т. п., и останавливаясь лишь на средних данных на одного жителя по отношению к средней урожайности.

Общую сумму производства, или получения, всех важнейших хлебов уже 63 губерний В. И. Покровский определяет в 23,6 пуда на 1 жителя (с. 8).

Вывоз хлебов из России идет почти исключительно из этих губерний и составляет 5,1 пуда на 1 жителя этих губерний, что дает для них среднее внутреннее потребление на жителя лишь около 18½ пуда.

Если мы сочтем такое же производство, около 23,6 пуда на жителя, для всех 140 млн жителей России, то это составит около 3300 млн пуд. всего производства в год (за исключением семян).

Вывоз же из России важнейших хлебов виден из следующего сопоставления:

	1891–1895 гг., миллионы пудов	1896–1897 гг., миллионы пудов
Пшеница	171,2	216,4
Рожь	56,8	76,4
Ячмень	92,5	85,5
Овес	56,9	55,6
Кукуруза	29,9	17,0
Зерна бобовых	8,8	13,1
Крупа	0,8	0,8
Мука	7,3	8,3
Отруби	13,5	22,1
Прочие хлеба	3,3	2,7
Всего	441,1	498,0
Ценностью на	306,3 млн руб	338,1 млн руб
Средняя цена пуда	69 коп.	68 коп.[20]

Вычитая из предположительного современного общего урожая, т. е. из 3300 млн пуд., средний годовой вывоз, близкий к 500 млн пуд., получим для продовольствия 135–140 млн жителей около 2800 млн пуд., или на 1 жителя около 20 пуд., т. е. немногим более того, что сочтено В. И. Покровским, но все же во всяком случае менее среднего потребления хлебов в Западной Европе, т. е. менее 26–27 пуд. на жителя, а так как вывоз всех хлебов составляет лишь около 3 пуд. на 1 среднего жителя, то если бы

осталось все количество вывозимого из России хлеба для потребления жителей и переработки внутри нашей страны, то все же норму нашего продовольствия нельзя было бы считать вполне достаточной для современности. Разделяя 450 млн пуд. на 135 млн жителей России, получаем на каждого менее 3,3 пуда, или около 140 фунтов в год, т. е. около 1/3 фунта прибавки хлеба на жителя в день, а всякий знающий деревню отлично понимает, что прибавка 1/3 фунта хлеба в день на жителя России была бы чрезвычайно полезна для «блага народного».

На основании этого к числу моих заветнейших мыслей относится то соображение, что вывозимый Россией хлеб по настоящее время уменьшает, а не увеличивает «благо народное».

Но так как со своим развитием Россия требует много товаров, в ней вовсе не находящихся или в ней производимых в недостаточном количестве, и так как для получения этих товаров, т. е. для ввоза, необходим вывоз, то, по моему крайнему разумению, из вышесказанного непременно следует тот вывод, что для «блага народного» Россия должна усиленно умножить свое хлебное производство и всего более производство всяких иных товаров, требуемых иными странами.

Не здесь, а в других своих статьях я постараюсь рассмотреть главнейшие, по моему мнению, условия как для увеличения производства хлеба в России, так и других видов промышленности, дающих вывозные товары; здесь же пока нам достаточно вышесказанного, особенно если к нему прибавить некоторые сведения, мне кажется не всем еще ясные, относящиеся к вывозу и ввозу хлеба в разных странах.

Все страны мира в отношении к хлебам, производимым Россией и вообще Европой, можно ясно разделить в настоящее время на три крупные категории: нуждающиеся в указанных хлебах, их отпускающие и на такие, которые в этом деле не участвуют, по крайней мере в настоящее

время и в сколько-нибудь заметных размерах, т. е. довольствующиеся своим производством или потребляющие преимущественно другие виды питательных веществ, например рис, финики, бананы, кокосы и т. п.

К этому последнему разряду стран относятся многие азиатские (Китай, Персия и т. п.), африканские (Центральной Африки) и некоторые американские (Мексика и страны Средней Америки).

Из первых же двух категорий страны Западной Европы потребляют или ввозят хлеб, а вывозят его для них почти исключительно лишь Россия, С.-А. С. Штаты, Австро-Венгрия, Балканские государства, Аргентина и некоторые колонии.

Чтобы с некоторой ясностью выставить коренное различие стран трех названных категорий, из предшествующей таблицы мы делаем следующую сводку, относящуюся к крупным народным единицам, отмечая в конце знаком плюс (+) страны, отпускающие хлеб, минусом (−) — в нем нуждающиеся, нулем (0) — страны третьей категории.

При их обзоре дается в первом столбце число миллионов жителей, во втором — сумма всех внешних оборотов, т. е. ввоз + вывоз, и в третьем — величина всех этих внешних оборотов, приходящаяся на жителя (см. таблицу на с. 145).

В странах, нуждающихся в хлебном ввозе (с минусом), находится жителей 231 млн, и их общий внешний торговый оборот (вывоз + ввоз) достигает 25 011 млн руб., что дает на 1 жителя около 108 руб. в год, т. е. примерно по 50 руб. отпуска и около 60 руб. ввоза. Это, очевидно, страны, богатейшие во всех отношениях и передовые в промышленном отношении и в современном просвещении. В странах, отпускающих хлеба, живет 765 млн, и они имеют общий оборот внешней торговли около 16 931 млн руб., т. е. на каждого жителя приходится всех внешних оборотов около 22 руб., или отпуска около 10 руб., а ввоза около 12 руб., т. е. в общих чертах их внешние торговые

обороты раз в 5 менее, чем для стран первой категории, т. е., говоря в общем целом, это страны, богатые по природе, сравнительно не густо населенные и в промышленном отношении лишь начинающие, более бедные и менее просвещенные, но обещающие в будущем как сильное умножение народонаселения, так и увеличение торговых оборотов, промышленности и всего просвещения. Что касается до стран третьей категории (со знаком 0), то в них живет около 621 миллиона, и сумма их внешних оборотов равняется 2 352 млн руб. в год, что дает на жителя около 4 руб. в год, явно показывая, что эти страны далеко отстали не только от тех стран, которые ввозят хлеб, но и от тех, которые его отпускают, равно как и от всего промышленного и всякого иного прогресса. Сопоставляя цифры среднего ввоза на одного жителя, а именно около 50 руб., 10 руб. и 2 руб. в год для трех наших категорий, ясно видим в общем целом то соответствие между развитием промышленности и всею историею человечества, которое уже давно защищается множеством передовых писателей[21].

Соперничество с Россиею С.-А. С. Штатов в поставке хлебов не может быть продолжительным, так как в Штатах уже уменьшается колонизация вследствие ощущаемого недостатка свободных земель и промышленное развитие идет очень быстро, отнимая от земледелия переселенцев и поглощая большинство производимого хлеба, как это можно было бы доказать числами последовательных переписей С.-А. С. Штатов, чего я не делаю лишь потому, что боюсь усложнить изложение. Если даже допустим, что страны первой категории, т. е. ввозящие хлеб, будут удваивать свое народонаселение в 100 лет (что очень маловероятно), то тогда и к концу XX ст. потребуется, считая даже по 10 пуд., заграничной прибавки всего лишь вдвое против современной доставки хлеба в эти страны, и, следовательно, Россия за это время может поставить лишь примерно вдвое более, чем ныне, хлеба для заграничных потребно-

стей, а так как ее прирост во много больше, чем в совокупности всех стран Западной Европы, то ей для этого нужно будет или еще более голодать временами, или раза в три или четыре увеличить свою добычу хлеба, улучшив способы своего хлебного хозяйства, но и тогда на одного жителя в ней едва ли увеличится отпуск.

	Млн жителей	Сумма ввоза и отпуска		
		Всего, млн руб.	На 1 жителя, руб.	
Англия Шотландия и Ирландия	41,4	7585	183	–
Индия, Канада, Австралия и другие английские колонии с Египтом.	374,3	6407	17	+
Всего	415,7			
Франция	38,9	3143	81	–
Алжир, Тунис, Тонкин и другие колонии Франции	51,5	578	11	+
Германия	56,4	4733	84	–
Германские колонии	12,5	26	2	0
Голландия, Бельгия, Швейцария, Дания, Швеция и Норвегия	25,2	7370	292	–
Ява и др. колонии Голландии	36,1	370	10	0
Австро-Венгрия	45,4	1417	31	+
Италия, Испания, Португалия и Греция	69,2	2180	31	–
Румыния, Сербия, Болгария, Черногория и Турция	36,4	674	18	+
Россия с Финляндией, Бухарой и Хивой	139,7	1471	10,7	+
Персия, Оман, Афганистан, Непал и Сиам	23,5	218	9	0
Китай, Япония и Корея	47,9	1156	2,4	0
Конго, Либерия, Морокко, Абиссиния	40,6	83	2,0	0
С.-А. С. Штаты и зависящие от них Гавайи, Куба и пр.	88,4	4906	56	+
Мексика, Никарагуа, Колумбия и др. среднеамериканские независимые государства	28,7	499	17	0
Бразилия, Аргентина и другие государства Южной Америки	28,5	1478	52	+
	1616	44 294	27,4	

Отсюда, мне кажется, не вдаваясь в подробные и рискованные расчеты на будущее, должно несомненно заключить,

что выигрыша в величине внешних оборотов России нельзя достичь при помощи усиленного отпуска хлебов. С этим хлебным вывозом Россия должна остаться, судя по всему вышесказанному, страною бедной, временами голодающей и уже вследствие этого с малым развитием просвещения и всей гражданственности. Не тут, очевидно, ключ к возможности прочного развития «блага народного».

Сельское хозяйство совершенствуется повсюду только под давлением совокупности двух основных влияний: тесноты населения и развитой промышленности. В таких странах, как Китай, Ява, Япония, явное совершенствование земледелия определяется громадною теснотою населения, в Западной же Европе и С.-А. С. Штатах — влиянием обоих факторов, так как промышленность является потребителем множества сельскохозяйственных продуктов, например картофеля для крахмала, свекловицы для сахара, льна и других волокнистых растений для тканей и т. п., и, что всего важнее, близостью покупателей, занятых промышленностью в стране, к земледельцам, доставляющим нам хлеб. Общей тесноты населения, близкой к западноевропейской или к японской и китайской, во всей нашей стране ждать очень долго, потому что ныне на каждого жителя у нас приходится много более 7 десятин земли, способной к культуре, а потому сколько-либо быстрого совершенствования земледелия можно ожидать у нас только через развитие промышленности и через приложение к земле таких приемов, тесно связанных с фабриками и заводами, какие привели С.-А. С. Штаты к большому господству на хлебном рынке и позволяют довольствоваться малою долею жителей для ведения отпускной хлебной торговли.

Здесь уместно указать на то, что даже в хлебном вывозе Россия теряет перед С.-А. С. Штатами в том отношении, что отпускает главную массу своих хлебов в виде, не про-

шедшем через промышленную обработку в муку и другие продукты, и если бы эта сторона промышленной обработки хлебов Россией была достигнута, ценность русского хлебного вывоза по крайней мере в страны, не облагающие хлеб пошлиной (Англия, Голландия и т. п.), сильно бы возросла. Другое преимущество С.-А. С. Штатов, Аргентины и тому подобных стран над Россией по отношению к вывозу питательных веществ состоит в том, что мы мало развиваем вывоз животных продуктов, тогда как указанные страны налегли на эту сторону вывоза. А так как для улучшения земледелия и первичной переработки его продуктов и особенно же усиления скотоводства и получаемых от него продуктов необходимы в России громадные капиталы, которые нигде не даются прямо земледелию вследствие великой раздробленности его усилий и сравнительно малой доходности всего хлебного хозяйства, а легко всюду ссужаются другим промышленным предприятиям, например железным дорогам, каналам, горным делам, фабрикам и заводам, то необходимость России пройти через этот последний вид промышленности, на мой взгляд, становится вполне очевидной, не говоря уже о том, что земледелие всюду оплачивается ныне ниже, чем другие виды промышленности, и представляет не зависящие еще от людей риски неурожаев.

Утверждая необходимость для «блага народного», т. е. для увеличения его богатства, силы, просвещения и самостоятельности, первоначального развития других видов промышленности, я очень ясно понимаю, что, преодолев все представляющиеся трудности, путем этим нельзя быстро увеличивать внешние обороты нашей страны потому уже, что развивающаяся русская промышленность должна прежде всего удовлетворять свой внутренний рынок и бороться с заграничными соперниками (что логически и ведет к протекционизму), а затем рядом развивать все свое

сельское хозяйство, т. е. долго оставаться по отношению к внешним оборотам на втором плане между передовыми странами. Но я не допускаю со своей стороны, что большие внешние обороты окончательно определяют на все времена при умножении народонаселения благосостояние стран и все их совершенствование, по крайней мере, в недалеком будущем. Указанием на это служат, во-первых, все те недостатки чисто промышленного развития, которые всем известны и которых распространения на нашу страну я вовсе не желаю, а во-вторых, то, что с развитием промышленности в земледельческих странах и особенно в странах нашей третьей категории преобладающее значение вывоза фабрикатов должно уменьшаться и с единовременным развитием земледелия и населенности земледельческие страны, не получая большого перевеса во внешних оборотах, должны развивать преимущественно внутреннее потребление.

Уже в том, что вывоз и ввоз Великобритании дает 183 руб. на душу, а в С.-А. С. Штатах — только 56 руб., т. е. втрое меньше, а благосостояние жителей в этих последних не менее, чем в Великобритании (иначе бы переселения не было), должно заключить, что с развитием промышленности в земледельческих странах эти последние не будут щеголять своими внешними оборотами, и я даже полагаю, что большое их развитие в странах Западной Европы составляет некоторого рода указатель на слабые стороны одностороннего промышленного развития. Считая, что вывозится из земледельческих стран 1300 млн пуд. хлебов, должно полагать, что их общая ценность не превосходит миллиарда рублей. Прилагая сюда ценность ввозимых хлебов, вероятно, близкую к 1200 млн руб., получим, что весь хлебный мировой оборот недалек от 2200 млн руб., т. е. составляет не более 5 % всех торговых оборотов мира; остальные 95 % ценности оборотов падают на остальные

продукты, между которыми первое место занимают обороты фабрично-заводскими товарами. А когда фабрики и заводы с развитием их и всего просвещения и благоустройства станут умножаться во всем мире, относительная пропорция фабрично-заводских продуктов во внешних оборотах должна уменьшаться, а значение сельскохозяйственных продуктов и их ценности (что очень важно) должно возрастать.

Отсюда, пропуская некоторые стороны логического заключения, можно полагать, что внешние обороты, считаемые на одного жителя, во всем мире должны стремиться к некоторому пределу, по моему мнению, недалекому от современного среднего, т. е. примерно к 30–40 руб. на жителя.

Современная Россия, однако, довольно далека и от этого среднего, и не подлежит сомнению, что она может его достичь, удваивая свое народонаселение лет в 40, отнюдь не при помощи вывоза хлебов, а только с усовершенствованием земледелия, с приложением к нему капиталов и особенно с развитием других видов промышленности, дающих хорошие заработки тому классу ее жителей, которых привыкли называть босяками, т. е. людям, ищущим какого бы то ни было заработка. Одно земледелие не может уничтожить этот класс, если будет совершенствоваться, так как усовершенствование это прежде всего состоит не в одном увеличении площади запашки, а главным образом в увеличении урожаев, соединенном с приложением капиталов (например, для развития скотоводства) и с уменьшением количества личной работы на единицу хлеба и других продуктов.

Оканчивая изложение того, что мне хотелось сказать по отношению к внешней мировой торговле и хлебным оборотам России, мне следовало бы привести соответственные выводы, но считаю возможным этого избежать, потому

что один, но для России главный вполне сам собою очевиден; он состоит в том, что для всего «блага народного» надо заботиться, по моему мнению, не столько о развитии у нас одного земледелия, сколько о росте всех видов промышленности и на первом месте о росте горной, обрабатывающей, перевозочной и торговой промышленности. Что касается до необходимости развития горной промышленности, перевозки и торговли, то здесь, по видимости, все наши лагери и правительственные сферы единомысленны, но в отношении фабрично-заводской промышленности ни согласия мнений, ни ясности суждений не существует, а потому в следующей своей статье я постараюсь со своей стороны осветить именно этот предмет.

28 июля 1903 г.

Глава IV
Фабрики и заводы

Объяснение причины возрастания городов и городского населения. — Связь городов с фабриками и заводами. — Происхождение последних из необходимости обработки сырья и от улучшения приемов ремесленно-ручной обработки. — Специализация. — Деление видов обрабатывающей промышленности. — Годовые обороты фабрик, заводов и ремесленных заведений в С.-А. С. Штатах в 1880–1900 гг. — Возрастание промышленного значения по числу жителей. — Расходы на сырье, рабочих, надсмотрщиков и проч. — Возрастание рабочей платы. — Капиталы основной и оборотный. Заработки хозяев-предпринимателей помимо доходов капитала. — Возрастание ремесленно-ручного производства вместе с фабрично-заводским

Природа не предусмотрела мирной жизни и великого размножения человечества, а нам, людям, как-то противно и во всех отношениях предосудительно идти и против мирной жизни, и против размножения рода человеческого. Природа же заготовила все для того, чтобы были везде, от Каина и Авеля, борьба всяких сил и существ, взаимное круговое истребление, без преобладания отдельных существ, и львы от борьбы всякого рода, даже и без усилий человека, не размножались бы, а, наверное, погибали бы, как чудовища геологических времен, вероятно, не менее львов сильные и также хищные. Ни звери, ни лес, ни трава, ни песок, ни вода не берут в природе верха, а человек, видимо, берет, и мир по необходимости должен впредь пребывать под влиянием этого размножения людей и их господства, потому что лишь у людей может во всем проявляться союзность, мена и любовь. Оттого отступников от этого и зовут зверями.

Первая покорилась почва и растительность, постепенно покоряется и все животное царство до истребления

в Англии всех волков до последнего. Слащавость возмущается этим, очевидно, забывая, что это происходит по необходимости для пользы людской, для удовлетворения законности взаимных людских отношений, для общения людей, для семейственности, собственности и порядка, т. е. всего высшего у людей. Примирившись кое-как с сельскохозяйственным бытом, та же юношеская искренность устами не только князей слова, подобных Жанам-Жакам Руссо и графу Л. Н. Толстому, но и каждую неделю в талантливейших фельетонах Сыромятникова, Меньшикова и других настойчиво твердит всем и каждому на всякие лады о благах деревни и сельского быта и о зле городов и фабрик. А между тем деревня и город, сельские и фабрично-заводские работы, с одной стороны, так же естественны, как совокупность бобровых нор и ульи, а с другой стороны, они составляют произведения, возникшие от размножения людей и необходимости их жить, развиваться и составлять союзы разной степени и формы, смотря по требованиям времени и особенно населенности. Мне хочется в немногих словах показать необходимость для развития жизни людской значения городов, фабрик и заводов, потому что в прямом или косвенном их осуждении или порицании, у нас и теперь еще господствующем, должно искать одну из причин великой шаткости русских мыслей. Сельский быт и деревня, согласен, прелестны, как детство, но городской и фабрично-заводской быт так же необходимо вытекают из начального строя, как юность из детства, отвечают естественнейшим законам роста и приспособления, требуют сознательности, а не простого оплакивания того, что неизбежно должно было выразиться в новых формах. Дикость, даже кочевой и патриархальный быт исчезли уже почти отовсюду, их уже перестали оплакивать народы, имеющие будущность, а переход от сельскохозяйственного строя к более сложному промыш-

ленному, от деревни к городу, только недавно начался, и его значение, даже необходимость, еще далеки от понимания у многих, еще представляют свои некрасивые и неправильные корявости, заслуживающие обдуманных, сознательных и эволюционных исправлений, а не простого слащавого оплакивания минувшего.

Для детей, для удобств жизни, для возможности движения вперед и, главное, для развития общественности люди стремятся из деревень в города, а наша литература такое стремление всеми способами осуждает и, бессильно проповедуя, стремится повернуть течение в обратную сторону, обыкновенно так или иначе припутывая сюда какие-то свои тщедушно духовные пожелания, забывая, что ни Христос, ни Магомет, ни Конфуций, ни Будда не избегали городов, хотя временно и пребывали в пустынях, и ни словом не помолвились против городов, хотя и громили людские пороки, в городах собранные, а потому и более очевидные. Этой пропагандой против городов, в сущности, совершенно ретроградной, возмущается благодушное направление течения современной русской жизни и ее стремление найти свои необходимые новые устои и пути к развитию.

Одну из моих заветных мыслей составляет защита городов от сыплющихся на них нареканий именно потому, что в городах сказалась союзность людей и их важнейших интересов больше, чем в чем-нибудь ином.

По русскому словопроизводству понятие о городе совпадает с понятием о защите земли, об ограде и убежище при нападениях извне, чем в свое время двигалась история. Не только у нас, но и во всем мире городам принадлежит первенствующая историческая роль, они собирают землю, они объединяют разрозненное и слагают государства.

В них, начиная с Иерусалима, Константинополя, Москвы, Киева и Рима, слагаются устои религий, в них

сосредоточивается образованность и распространение просвещения школами, и в них возникает та специализация в административном, общественном, промышленном и всяком ином роде деятельности, которая сокращает массу людского труда, необходимого для достижения современного положения людских отношений. Отдельный шалаш и хутор, деревня и село представляют всегда зачаток человеческого жилья, а следовательно, и городов.

Цепь тут непрерывна, и в конце концов в этой цепи на предстоящее будущее видны не деревни, а города, потому что теснота людская все прибывает и сгущение людей становится все необходимее уже не ради защиты от набегов, а ради всех выгод и удобств жизни вблизи друг друга. Старый, отживший уже свои века город есть место душное, смрадное и разнузданное, но постепенно города улучшаются и стремятся сделаться не только пышными и красивыми, но и здоровыми, с широкими улицами, с большими парками и со всеми условиями чистоты и благоустройства.

Мне нет надобности распространяться о том, как растут и улучшаются за последнее время города, не только потому, что это всякому более или менее известно, но всего более потому, что все важнейшее, относящееся к городам, собрано в прекрасной книге А. Вебера, недавно переведенной на русский язык под названием «Рост городов в XIX столетии» (1903).

Но я считаю полезным численно показать ту связь, которая существует между развитием городов и фабрично-заводской промышленностью, потому что Вебер хотя многократно говорит об этой связи, но нигде не выставляет наиболее рельефного доказательства этой связи, которое легко извлечь из отчетов о переписях С.-А. С. Штатов. Берем для примера отчет об 11-м цензусе 1890 г. и находим в нем для 8 наибольших городов приводимое ниже

число жителей (в тысячах) и производительность фабрично-заводской и ремесленной промышленности (в миллионах рублей).

Города расположены по порядку, отвечающему числу жителей:

1890 г.	Число жителей в тысячах	Производительность фабрик и заводов в миллионах рублей
Нью-Йорк	1515	1508
Чикаго	1100	1280
Филадельфия	1047	1120
Бруклин	806	523
Сент-Луис	452	446
Бостон	448	410
Балтимор	434	276
Сан-Франциско	300	264

Подобного сопоставления нельзя извлечь из статистик других государств, но вероятно, что везде повторяется то же самое. В том же самом порядке, в котором стоят 8 перечисленных городов по числу жителей, они располагаются и по производительности фабрик и заводов, в них находящихся, так что приходится на каждого жителя около 955 руб. По таблице, далее приводимой, видно, что в 1890 г. вся фабрично-заводская и ремесленная промышленность С.-А. С. Штатов дала продуктов на 9372,4 млн долларов, или на 18 210 млн руб., т. е. 8 названных городов доставили фабрично-заводских продуктов около 32 %, число же жителей в этом году в Штатах равнялось 62,5 млн, а в названных городах было лишь менее 9,5 %, что явно показывает сосредоточение фабрично-заводской промышленности в современных городах.

С другой стороны, та же перепись указывает на то, что в 1890 г. фабрик и заводов было 355,4 тысячи, в них техников и наблюдателей — 461,0 тысячи и рабочих — 4251,6 тысячи, а потому, считая хозяев вместе со служащими на заводах, в них получало заработков 5,07 млн людей, следовательно,

на каждого приходится около 3600 руб. валового оборота фабрик и заводов, а так как в городах пришлось на жителя около 950 руб. валовых оборотов фабрик и заводов, то отсюда мне кажется ясным, что лишь около четверти городских жителей прямо занято фабриками и заводами. Однако мы видели выше (гл. III), что в среднем зарабатывающему отвечает по крайней мере 2,5 жителя, живущего этим заработком, а потому фабрично-заводской заработок в названных 8 городах кормит по крайней мере 60 % всех жителей названных городов. Остальные 40 % городских жителей, отчисляя перевозчиков, торговцев, прислугу и т. п., очевидно, представляют по преимуществу соль страны: ее интеллигенцию, ее администрацию и ее просвещение, потому что они сосредоточиваются везде в городах. Нельзя и представить себе такой умственной аберрации, которая требовала бы уничтожения этой доли современного общества уже по той одной причине, что лица, ворчащие на города, сами с ними во всех отношениях тесно связаны и только в городах сосредоточилось то писательство, которое будирует против них. В будущем, когда теснота будет велика и взаимная связь людей, начиная от необходимости свободы печатного слова, возрастет, необходимо представить себе все деревни превратившимися в города и всю свободную землю — в виде огородов у их жителей. Если этого не видеть, надобно уж восставать против умножения числа людей, против возможности обеспечить жизнь небольшими площадями земли[22] и против всей союзности людской жизни, лучше всего, так сказать, ежедневно выражающейся лишь в городах.

Таким образом, существо того, что я назвал выше защитой городов, сводится, с одной стороны, к защите фабрик и заводов, а с другой — всей союзности людской и всей их образованности. Защищать эти последние я вовсе не думаю, потому что на них нападали разве только при

уродствах и крайностях некоторых движений революционного свойства, например нередко во времена Великой Французской революции против науки, а во времена анархистов против государственности, представляющей высшую форму того объединения людей, которое обозначено выше словом «союзность». Поэтому обратимся к фабрикам и заводам.

Лица, видящие в прошлом рай земной, а в современности лишь худое, восстают еще сильнее, чем против городов, против фабрик и заводов, и такое их будирование смущает умы еще в большей мере, в особенности у нас, где фабрик и заводов очень мало, они новы и вызываются правительственными мероприятиями и где масса писателей еще проникнута пережитками помещичьих преданий. На фабрики и заводы сыплются громы отовсюду, они нарекаются с разных сторон, а потому защищать их много труднее, но так как в моих «Заветных мыслях» фабрики и заводы представляются делом неизбежным, полезным и важным, хотя и подлежащим своим улучшениям и изменениям, то я, ранее чем перейти к чему-либо иному, желаю с возможною ясностью высказаться в отношении к этому предмету, полагая, что в нем господствует еще более недоразумений и предвзятостей, чем по отношению к городам. Свое изложение я стараюсь сделать сперва качественным и, так сказать, абстрактным, полагая, что главнейшие посылки всем более или менее известны, но потом присоединяю численные данные, так как верю в то, что числа учат глубже и наставительнее, чем рассуждения, хотя бы и оптимистические, хотя бы и основанные на посылках на вид несомненнейших.

Жить людям было бы можно еще поныне наподобие зверей, полярных эскимосов и тропических негров, охотясь, собирая съедобные готовые растения и кое-как укрываясь в своих логовищах и гнездах, но размножаться до

преобладающего значения в природе нельзя теми способами, которых образцы рассеяны в самой природе, и необходимо стало изобретать и приспособляться, руководясь началами союзности, мены и любви, которые, в сущности, заложены уже и в зверях, но развиваются только в людях. На первых шагах людской жизни, конечно, пресловутым свободе, равенству и братству было больше места, чем во все последующие времена, когда все стало приводить к необходимости неравенств, подчинений, обязанности и самостеснений. Кочевой быт, очевидно, уже есть первый шаг в прогрессе, но ненадолго, главным образом по двум причинам: по необходимости большого количества земли — а на ней все теснее и теснее жить при размножении населения — и потому еще, что везде и всегда кочевая жизнь вела и ведет к морам и войнам по незакрепленности земли.

Земледельческий быт оттого и взял повсюду верх, что обусловливается собственностью на землю и стремлением к господству мира, допускающему первые успехи в размножении народонаселения и просвещения.

Целыми веками, даже тысячелетиями совершенствовалось земледелие и неизбежно привело к тому строю, который господствует в мире, т. е. к государственности, мене, или торговле, и неравенствам всякого рода, основанным на том, что землю нельзя уравнять на всех и она подчиняется только труду сильных. Совершенствуясь, земледелие дошло до того, что труд немногих достаточен для получения плодов земли многими. Первоначальное, или натуральное, сельское хозяйство группирует около хозяина, или собственника, земли не только его семью, но и ряд подчиненных людей, начиная от рабов и крепостных. Скопление группы людей в земельном хозяйстве становилось тем необходимее, что хозяйственные продукты требовали обработки, начинающейся с переделки зерна в муку и

хлеб, а молока — в масло, сыр и т. п. и кончающейся заготовкою жилья, всяких орудий и одежды. Эта переделка, вначале ничтожно малая или простая, постепенно, с возрастанием потребностей, стала усложняться и дошла до того, что труда и искусства над ней стало требоваться даже больше, чем в самом извлечении полезностей из земли.

Отсюда родились ремесла — первообразы фабрик и заводов и первопричина возбуждения торговых отношений, возникших от мены ремесленных продуктов на земледельческие. Выделение ремесленников и торговцев из среды земледельцев в города и обмен сельских произведений на городские совершенно естествен при умножении народонаселения, при улучшениях в сельском хозяйстве и при началах освобождения людей, тем более что ремесла не только связаны с сельским хозяйством, доставляющим сырье, но и очень тесно между собою по двум причинам: во-первых, потому, что ремесло прежде всего предполагает специализацию, т. е. производство лишь одностороннее, т. е. нуждающееся во множестве других произведений, и, во-вторых, потому, что ремесла более всего нуждаются в рынках сбыта и, следовательно, в известной обширности рынка для своих товаров и в мирном быте, определяемом лишь крепостью городов и сосредоточением там центральных сил округа. Тут действовали и продолжают действовать два важнейших фактора: стремление сократить количество людского труда для получения данного количества переработанных продуктов и стремление заставить вместо людской силы работать силы природы: ветер, воду, пар, электричество.

Их изучение и приспособление к переделке сырых природных продуктов составляют не только естественное начало возникновения реальных знаний, но и первую причину возникновения фабрик и заводов вначале в виде мастерских, где скапливалась работа и специализировались

занятия. Адам Смит в своем знаменитом трактате «О богатстве народов» над примером булавочного производства рельефно выставил великое сокращение работы при совместном занятии мастеров отдельными частями переделки, при пользовании соответственными машинами и орудиями. Нельзя требовать, чтобы люди не искали, с одной стороны, возможности удовлетворения умножающихся потребностей взамен данного количества труда, т. е. дешевизны всяких товаров, а с другой стороны — развития искусства получать потребное с наименьшею затратою людского труда. Этим определяется весь материальный прогресс человечества, и на этом пути величайшее значение для понимания возникновения фабрик и заводов имеет изобретение паровых двигателей, а еще больше значения может иметь применение электрических двигателей. В прядильном и ткацком производстве и вообще в производстве одежды это сказывается всего яснее. Не вдаваясь в историю техники этих предметов, всем более или менее известных, результат фабрично-заводского дела можно ясно видеть в том, что хлопок из Америки везли долго в Англию взамен получаемых из нее тканей, и то же можно сказать про Индию и Египет. Ручная переделка не только дает товар более дорогой, чем фабричная переделка, но и худший во всех качественных отношениях.

Отдельные прядильщики и ткачи не только тратят много больше людского труда, чем фабрика, включая даже и труд, потраченный на топливо, на производство машин и на перевозку с торговлей, но и не могут достичь ни такой предварительной подготовки волокон, ни такой, как на фабриках, однородности нитей и тканей, а потому те, которые сетуют на переход к фабрикам домашнего прядения и ткачества, в сущности, восстают против основных начал экономической жизни, стремящихся уменьшить количество труда и удешевить продукты, чтобы

удовлетворить нарождающиеся потребности. Соображения, относящиеся к этому предмету, я не считаю надобным умножать, но считаю совершенно необходимым указать на то, что для личного труда в семействе остается еще многое при возникновении фабрик и заводов вместе с умножением потребностей[23], включая в их число и духовные, начинающиеся с грамотности и всего просвещения. Сверх того, здесь необходимо принять во внимание вместе с умножением народонаселения постепенное возрастание улучшений в самом сельском хозяйстве и недостаточность одних произведений земной поверхности для удовлетворения умножающихся надобностей всякого рода. Меру улучшений в сельском хозяйстве должно определить, как и меру улучшений во всем экономическом быте, тем, что для получения данного количества продуктов последовательно уменьшается количество людской работы и трудов. Хороший плуг, рациональное удобрение, соответствующее почве, жатвенная машина, конная или паровая молотилка играют здесь такую же роль, как ткацкий или прядильный станок, как швейная машина в деле производства одежды. Когда таких естественных и полезнейших улучшений в сельском хозяйстве нет, не может быть и речи об улучшении земледельческого быта и всего производства земледельческих продуктов, потому что оно не состоит только в увеличении площади запашки. Лица, сетующие у нас о том, что силы народные обращаются к промышленности, а не к земледелию, очевидно, упускают это из внимания, потому что для умножения продуктов земледелия не столько нужно умножения в нем простой ручной работы, сколько умножения в количестве и качестве урожаев. Наши урожаи, в среднем достигающие лишь трети того, что получают в Бельгии или Англии с того же количества земли, явно указывают на это, а потому умножение количества босяков определяется отнюдь

не размерами нашего сельского хозяйства, а исключительно тем, что рядом с ним не развиваются другие виды промышленности, везде и всегда возникающие, между прочим, из необходимости дать работу всюду размножающимся босякам, называемым чаще всего просто «пролетариями», а потому на переделывающую промышленность можно смотреть как на единственно верное средство к уменьшению числа босяков, ищущих работы. А улучшения сельского хозяйства должно ждать отнюдь не от того, чтобы занять этих босяков земледелием, а лишь от приложения к нему капиталов и знаний, везде накопляющихся только с развитием других видов промышленности, ибо сельское хозяйство само по себе возникает лишь при первых зачатках просвещения и в нем, по существу, мало заинтересовано, как видно уже из того, что всякого рода неудачники прежде всего идут в эту первичную промышленность.

Земная поверхность, обособляемая в собственность землевладельцев для удобств всей обработки земли, с развитием умножающихся потребностей не может уже их удовлетворять в настоящее время, как она может удовлетворять потребности первичного быта, если не по отношению к питательным веществам, то, по крайней мере, по отношению к жилищам, а особенно орудиям разного рода. Для этого служат недра земные, доставляющие при развитии земной жизни не только кирпичи, камни, известь, стекло для жилищ взамен горючего дерева, но и соли, подобные поваренной, гипсу, извести и квасцам, а также металлы, составляющие первичную потребность для всякого рода орудий, облегчающих работу, значение чего понято с глубокой древности (века бронзовый и железный), но возросло с особою силою лишь с развитием переделочной и перевозочной промышленности. Особенную экономическую важность имеют здесь не медь, серебро и золото,

а железо, сталь и каменный уголь, преимущественно же последний как главный материал для двигателей, заменивших людской труд и силу волов и лошадей, воды и ветра во множестве в производстве и в перевозке. Хлебные зерна еще можно кое-как жевать без переделки в муку и хлеб, сырым мясом еще можно питаться и сырыми кожами прикрываться, но произведения ископаемого царства в громадном большинстве случаев вовсе не пригодны для непосредственного применения, тем более что большинство их лежит глубоко зарытыми в земле, и нужны были фонари опыта и знаний, блеск открытий и изобретений для того, чтобы они поступили из своей темноты на людскую пользу при помощи соответственной переделки, т. е. приспособления к непосредственному применению. Ими до сих пор еще не питаются[24], но пользуются все в большем и большем количестве, как видно из совершенно рационального стремления жилища сделать негорючими, т. е. складывать на извести и цементе из железа, кирпича и камней, обставлять эти жилища, даже в мелочах, по возможности металлическими изделиями, стеклом, фарфором и т. п.; это видно даже в стремлении получать из каменного угля краски, заменяющие растительные и животные, получать искусственно добываемые удобрения, лекарства и т. п. (например, суперфосфаты, серноаммиачную соль, селитры и т. п.).

В современной промышленности добыча ископаемых составляет громадную отрасль труда, а их переделка в изделия занимает виднейшую роль во всей фабрично-заводской и ремесленной промышленности стран и уже почти равняется по стоимости переделке земледельческих продуктов, с течением же времени, без сомнения, сильно возрастет, потому что везде, где возможно, люди стремятся заменить земледельческие продукты ископаемыми опять по причине возрастания народонаселения и умножения всех

его потребностей. К тому же разряду причин для умножения фабрик и заводов должно отнести и стремление к переделке всякого рода отбросов. В деревенской или сельскохозяйственной жизни очень часто все отбросы прямо поступают в навоз, т. е. для удобрения почвы. В городской жизни первоначально был ощущаем великий недостаток именно в том, что множество отбросов в городах просто пропадало, но всем известно, что современные города устраиваются так, чтобы этого не было и чтобы полезные для земли отбросы всякого рода, или городские нечистоты, поступали на пользу окрестного земледелия, что особенно хорошо развито первоначально в Голландии, а еще раньше первобытным образом началось уже в Китае. Но этого мало, развивающаяся индустрия воспользовалась множеством отбросов, начиная с тряпья и костей, для прямой пользы, на особых фабриках и заводах превращая их в полезность, например бумагу, клей, суперфосфаты и т. п. Одну из особенностей современной фабрично-заводской промышленности составляет стремление превратить в полезности (утилизировать) всякие отбросы самих производств. Чтобы не остаться голословным, укажу хоть на тот пример, что содовые заводы прежнего времени накопляли около себя целые горы остатков (содовые остатки), а в настоящее время производство так направилось, чтобы этого не было и «содовые остатки» не существовали. Недавно было время, когда железные руды, содержащие фосфор, совсем не перерабатывались, потому что давали хрупкое фосфористое железо, а ныне все такие руды переделываются по способам Томаса и других изобретателей, и притом так, что фосфор поступает в такие шлаки, которые прямо переделываются в суперфосфаты, т. е. на пользу земледелия. В будущем это направление промышленности должно привести к тому, что все добытое в земледелии или в горном деле, в рыбопромышленности или скотоводстве, все

до конца, без всяких почти остатков будет превращаемо в предметы, полезные для людского обихода.

Все вышеперечисленные и многие иные стороны фабрично-заводской промышленности составляют ее, так сказать, казовую сторону, которую, думается мне, признают даже все те, которые нарекают на фабрики и заводы.

Они выставляют обыкновенно их основным недостатком необходимость для основания фабрик и заводов громадного скопления капиталов и возникшую от того власть капитализма в современном мире. Прежде чем рассматривать этот предмет в его существе, я считаю необходимым указать, во-первых, на то, что преобладание землевладельцев, предшествующее преобладанию капиталистов, совершенно таково же, как современное преобладание капиталистов, а во-вторых, на то, что ни то ни другое преобладающее значение не определяется сущностью «блага народного» и всего государственного и общественного устройства, так как они мыслимы с преобладанием совершенно иных влияний, например, в монархическом правлении — при преобладании монарха и поставленных им чинов, а при конституционном или республиканском устройстве — вместе с преобладанием лиц, совершенно не связанных ни с землевладением, ни с капитализмом, например стариков, лиц духовных, лиц ученых, лиц, отличающихся явными заслугами и известными нравственными качествами, и т. п.

Чтобы сделать мою мысль более ясной, укажу на то, что в прошлом, 1902, году мне пришлось в одном кругу просвещеннейших людей Парижа слышать большие нарекания на систему парламентских выборов и указания на то, что в умах множества людей уже ютится мысль о том, чтобы народных представителей избирать исключительно не по цензу имущественному, а лишь по цензу научной подготовленности и нравственных качеств в том

предположении, что лишь научная подготовка дает такую широту воззрений, которая нужна для обсуждения государственных дел.

Лично от себя при этом считаю нужным сказать, что выбор народных представителей из числа ученых мне нравится не больше выбора их из числа землевладельцев или капиталистов, потому, собственно, что дело государства я считаю не только теоретическим, но и чисто практическим, в котором нужна своя особая подготовка, и правильное движение вперед для меня мыслимо не по решению большинства, составленного из лиц какого бы то ни было рода, а лишь под влиянием передовых единичных людей, выбор которых при всяком образе правления останется в некотором отношении случайным, что, по мне, все же вероятнее при господстве монархизма, не заинтересованного в частностях, а определяемого лишь общими народными интересами.

Этим я не хочу говорить против участия землевладельцев, капиталистов и ученых в народном представительстве, а хочу только сказать, что по существу государственного дела участие в нем капиталистов вовсе ни из чего не следует, и если оно существует в настоящее время во многих странах Западной Европы, то это ничуть не касается России, в которой может развиваться капитализм без всякого прямого его участия в правительственных сферах, не только общих, но и местных.

Для уяснения этого укажу, не в виде своей заветной мысли, а только в виде пояснения вышеуказанного, что капиталы, надобные для фабрик и заводов, можно доставать путем государственных займов, предоставляя их, конечно, за соответствующий процент вознаграждения, или интереса, лицам, могущим двигать промышленность. Мне известно учение социалистов, желающих, чтобы вся индустрия двигалась как государственная машина, без

всякого накопления индивидуальных капиталов, но я считаю такие мысли социалистов совершенно непригодными к действительности, которою двигают не одни общественные побуждения, но и личные интересы. Этими последними определяются всякие успехи всех видов промышленности еще в большей мере, чем стремлением ко всяким видам союзности и государственности. Отлагая до одной из последующих статей развитие своих мыслей о способах, наиболее подходящих к современному быту России для приобретения громадных капиталов, нужных для развития ее промышленности, заключу эти побочные соображения тем основным замечанием, что капиталы, нужные для промышленности, вовсе не заключают в себе никаких других требований, относящихся ко всему ходу народной жизни, кроме обеспечения получения процентов, или интереса, и я бы ничего не дал в государственном отношении представителям капиталов, вложенных в промышленность России, как не дал бы ничего и землевладельцам, на которых я смотрю не иначе как на капиталистов. Перейдем, однако, к самой по себе потребности капиталистов в промышленности.

Первый вид промышленности, т. е. земледелие в его первичном виде, содержит главный капитал в виде земли и состоит в труде на этой земле. Мне известно, что большинство мыслителей-экономистов глубоко отличают землю от капиталов и в земледелии капиталом считают только остатки труда, приложенного к земле для приведения ее в культурное состояние, например труд расчистки от леса, осушение болот, обработку, ограждение и т. п. Пусть это верно для первоначального быта, оно все же совершенно не верно по отношению к современному, а тем паче к будущему, потому что земли продаются и имеют ценность, возвышающуюся от приложенного труда, но существующую помимо него, так как пустопорожними

местами все же торгуют, затрачивая прямо деньги, т. е. в реальности земля есть такой же капитал, как здание, фабрика или склад товаров. Ценность земли определяется ее ограниченностью, ее качествами и спросом, как и всякая другая ценность, и начальная стоимость земли без всякого видимого приложения к ней труда определяется трудом государственным, т. е. занятием земли. Государство может дать эту землю тем, кому хочет, совершенно так же, как я могу отдать свои деньги тому, кому пожелаю, и он станет собственником этих денег, как начальный землевладелец — собственником земли, дарованной ему первоначально государством. В реальном же, обыденном, или современном, быте земля продается и покупается, как завод или какое бы то ни было имущество, на деньги, как и все прочее. Все отличие земли от большинства других ценностей сводится к тому, что она существовала помимо человека, конечно, даже раньше его появления, с всей ее способностью давать пищу растениям и животным и содержать в своих недрах полезности[25].

Когда от земледелия переходим к переделывающей промышленности, то и в ней видим, что сама по себе она существовать не может и должна получать что-либо от земли или из недр земных, или от обработки ее поверхности, т. е. от земледелия. Ту роль, которую играет в земледелии и горной промышленности земля с ее недрами, занимает в промышленности начальное сырье, поступающее в переработку. В ремеслах прямо к этому сырью прилагается труд и ценность сырья увеличивается от приложения этого труда, но и тут кроме приобретения сырья, поступающего в обработку, надо приобрести место, нужное для обработки, и орудия или средства, для нее потребные, а так как фабрики и заводы возникли, в сущности, из ремесел, то и в них нужна та же самая первоначальная обстановка в виде места и орудий переработки.

Ценность этих последних составляет обыкновенно основной капитал производства, а ценность приобретаемого сырья — главную часть оборотного капитала, так что в параллель с землей в земледелии здесь становятся место и орудие производства, т. е. капитал. В ремеслах они были ничтожно малы, а здесь их величина все возрастает, подобно тому, как в горном деле все возрастает относительная ценность самих недр и предварительного обзаводства, т. е. прорытия доступов к отыскиваемым рудам.

Возрастание ценности орудий производства происходит преимущественно вследствие того, что переработка становится наиболее выгодною только при большом скоплении перерабатываемых предметов. Так, например, даже небольшой двигатель в несколько лошадиных сил обходится всем своим содержанием гораздо дороже большого двигателя, если расчесть стоимость на одну лошадиную силу. Какая-нибудь дробилка для камня или костей тогда только действует правильно и выгодно, когда движется сильным, а не слабым двигателем и требует поэтому для выгодности действия громадной массы сырья, так что дробить переделку на мелкие заводы оказывается весьма невыгодным. Весь присмотр за какой-нибудь доменной печью, дающей в день тысячи пудов чугуна, стоит почти столько же, сколько присмотр за домной, дающей в десятки раз больше чугуна в день. Множество предметов и орудий в настоящее время выгоднейшим образом получаются штампованием, и машина, его производящая, не окупилась бы, если бы не работала постоянно, т. е. если бы не выделывала огромное количество штамповочных вещей, совершенно так, как скоропечатная машина оказалась бы невыгодною, если бы, поработав час, затем стояла бы многие сутки без дела. Подобными соображениями технического свойства объясняется, с одной стороны, скопление производства больших количеств на одном

заводе, а с другой — удешевление через это большинства товаров по мере улучшения техники производства и увеличения скопления. Если же требуется устройство фабрик и заводов, переделывающих в год большое количество сырья, то, очевидно, требуется и большой капитал, как основной, так и оборотный, для устройства подобных заводов, а вместе с тем уменьшается потребность в личном труде рабочих на единицу производимого товара. Отсюда прямо следует потребность больших капиталов для выгодного производства товаров. В этом капитале, потребном для переработки спрашиваемых товаров, лежит причина того, что развитие переделывающей промышленности прямо определяется величиною капиталов, вложенных в этого рода дела. А так как торговля и перевозка массы произведенных товаров также требует для своей организации и для своего течения больших соответственных капиталов, то и выходит, что вся переделывающая промышленность сильно зависит от величины вложенных капиталов. Зависимость эта так же велика, как зависимость земледелия и всего сельского хозяйства от количества земли. Тут уж надобно мириться по существу и прямо видеть реальную сторону предмета, состоящую в том, что переделывающая промышленность не может обойтись без капиталов, а потому, если переделывающая промышленность нужна, необходимы и капиталы. Если усовершенствования переделывающей промышленности удешевляют произведение, то это удешевление не обходится без участия капитала. Знание, труд, предприимчивость и все прочее здесь нужны, но одни они не могут совладать с переделкой, как в земледелии не могут ничего сделать без земли.

Можно писать еще очень многое по поводу роли капитала в деле перерабатывающей промышленности и по отношению к тому, что капитал является здесь таким

же кормильцем прибывающему народонаселению, как и земля, но я не считаю необходимым и полезным умножать подобные соображения чисто реального свойства, потому что не считаю их достаточно убедительными для тех многочисленных пессимистов, которые сетуют на роль капитализма в особенности ввиду того, что капиталы скопляются в руках немногих, и эти немногие, т. е. капиталисты, везде получают такое же значение, какое в свое время имели крупные землевладельцы.

Со своей стороны я уже высказался относительно того, что мыслим капиталистический строй переделывающей промышленности без всякого увеличения в значении капиталистов, но мне остается сделать хоть краткий намек на то, что за последние десятки лет особо важное значение во всем мире начинают приобретать капиталы не единоличные, а сборные, составленные из мелких вкладов множества лиц. Это совершается не только при помощи акций и облигаций всякого рода, но особенно при помощи банков, сберегательных касс и тому подобных учреждений, берущих мелкие сбережения, уплачивающих по ним проценты интереса вкладчикам и долженствующих искать помещения этих капиталов в предприятия, дающие больший процент, чем выдаваемый вкладчикам. Это ведет к тому, что указанные банки снабжают переделывающую промышленность капиталами, и, следовательно, к тому, что основная выгода всех операций распределяется на массу вкладчиков. Во Франции всякий, кто только может, делает мелкие сбережения и участвует поэтому в огромном количестве предприятий, снабжаемых французскими капиталами. То же можно сказать и про многие другие страны, особенно о Голландии и С.-А. С. Штатах. При современном порядке течения дел подобные мелкие сбережения, скопляющиеся в банках и движущие промышленность, мало мыслимы в странах земледельческих

именно потому, что в них весь валовой доход жителей мал и из него кое-какие возможные сбережения тратятся во время неизбежных неурожаев и голодовок. Заработки же на переделывающей промышленности не только прочнее и постояннее, но и выше, чем на земледельческой промышленности. Тут более, чем где-либо, необходимы для убеждения численные данные. Множество их можно было бы представить в доказательство вышесказанного, но я считаю достаточным ограничиться числами, относящимися к переделывающей промышленности С.-А. С. Штатов, тем более что они полнее, чем для какой-либо другой страны. Числа же, относящиеся к сельскохозяйственным странам, всякому читателю будут ясны уже из того, что он знает по отношению к России, и мне, признаться, грустно было бы их приводить в параллель с числами, относящимися к американской переделывающей промышленности.

В прилагаемых таблицах удержано то распределение переделывающих производств С.-А. С. Штатов на группы числом 15, какое введено американскими статистиками в отчете о 12-й переписи 1900 г. Группировку эту нельзя считать сколько-нибудь удовлетворяющею рациональности, но всякая переделка привела бы к затруднениям и запутанностям всякого рода, а потому лучше было ее сохранить, и вследствие этого для уяснения группировки далее приводится перечисление производств, отнесенных в американском отчете к каждой группе. Но предварительно считаю не излишним указать такого рода группировку переделывающих производств, которая исключает группу разных производств, обыкновенно встречающуюся в классификациях; таковы, например, в американской классификации группы 14-я и 15-я.

Рациональная группировка, по моему мнению, должна основываться на различии потребностей, вызывающих производство, и в данную группу, отвечающую опреде-

ленным потребностям, должно включать не только начальные виды переделки (ручной труд), но и окончательные. Между потребностями же на первом месте, конечно, должно поставить пищу, на втором — кров и вообще обстановку жилья и способы передвижения, на третьем — производство одежды во всех видах. Потребность в металлах и химических продуктах возникла позже, а потому и группы производств, удовлетворяющих этим потребностям, следует поместить лишь после вышеуказанных. В конце же всех производств мне кажется приличнее всего поставить производства, связанные со словом и печатью.

Таким образом, получится 6 основных групп.

1) Производства, относящиеся к питательным веществам, напиткам и приправам всякого рода, считая сырые материалы полученными от добывающих производств. Понятное дело, что во главе переделывающих производств этой группы нужно поставить производства муки, крупы и т. п., а в конце следовало бы поставить трактиры, гостиницы и т. п., если бы классификация производств достигала бы до таких концов в обычном своем виде, ныне же ни в американской, ни во всех иных классификациях производств трактиры и т. п. не причисляются к фабрикам, заводам и производствам, хотя, по моему крайнему разумению, нет никакого существенного различия между производством макарон, печений или конфет на фабрике, хлебов в булочной и всякого рода кушаний в трактирах и гостиницах. Все виды переделки питательных веществ, включая, например, подготовку кофе, конечно, должны быть отнесены в эту группу. Сюда же должно быть отнесено производство всякого рода напитков: от вина и спирта до производства газированных вод, и если подготовку горчицы и перца включают в производство питательных веществ, то сюда же нужно отнести и производство табачных

изделий, хотя табаком не питаются, как не питаются минеральными водами. Обособлять же в особых группах напитки или табак (как делается в американской классификации) мне кажется совершенно напрасным по их небольшому значению по отношению к удовлетворению людских потребностей.

2) Вторую весьма обширную группу потребностей составляют жилища и всякие приспособления, к ним относящиеся. Здесь можно отличить производство изделий растительного царства от изделий минерального, если даже не включать в их число металлов. Обе подгруппы обширны. Первая должна начинаться с лесопилен, а вторая — с каменотесного дела, и к этой последней необходимо причислить все производства из глины и стекла. В эту же группу должны войти все ремесла, относящиеся к возведению зданий, производству мебели и всякой обстановки жилищ.

3) В третью группу производств, относящихся к одежде, следует включить не только все виды переделки волокнистых веществ в пряжу и ткани, не только всю обработку кожи и разных других растительных и животных продуктов для одежды, но и такие ремесла, как сапожное, портняжное и т. п., что в некоторых классификациях совсем не вводится в группировку, а причисляется к ремеслам, а в других далеко удаляется от производства тканей, кож и т. п.

4) К четвертой группе переделывающих производств следует причислять, по моему мнению, всю добычу и переделку всякого рода рудных металлов, относя к горному или добывающему производству только добычу руд, как к сельскому хозяйству должно причислять добычу зерна, дерева, листьев табака и т. п. То, что называют добычей металлов, есть, без сомнения, вид обработки прямо никуда не пригодных руд в потребные металлы. Сюда же должно отнести все виды переделки металлов до

булавочного и ювелирного производств. А если ремесла (чего именно не делает американская классификация) не отделять от фабрик и заводов (ибо последние произошли из первых), то сюда же, а не в неопределенную группу разных производств или ручного труда должно отнести кузницы, слесарни, водо- и газопроводное дело и т. п.

5) В пятую группу переделывающих производств, можно сказать с уверенностью, возникшую позднее предшествующих, следовало бы включить не только все виды химических производств, начиная от получения кокса или светильного газа из каменных углей, но и все производства, группирующиеся около электричества.

Сюда должны войти сухая перегонка, получение смол, мыла и других парфюмерных товаров, зажигательных спичек и т. п. Конечно, эта группа производств окажется довольно сложной, но причину этого, прежде всего, должно искать в сложности многих новых народившихся потребностей и в разнообразии применения науки о внутренних силах для производства товаров, удовлетворяющих таким потребностям.

6) Последнюю группу переделывающих производств должно составить, по моему мнению, главным образом из бумажного и печатного производств, переплетного мастерства, гравировального, фотографического и тому подобного производств, так как ими удовлетворяются потребности, наиболее далекие от первичных. В тех классификациях производств, где типографии, фотографии и тому подобные заведения не включаются в число фабрично-заводских, упускается из вида, что в типографии или фотографии материальное существо дела совершенно таково же, как в фабриках и заводах.

Коснувшись такой упрощенной классификации переделывающих производств, которая обнимала бы не только фабрики и заводы, но и ремесла и не заключала бы

неопределенных групп разных производств, я знаю, что в приложении ее встретится немало затруднений и необходимость условных соглашений, но я пытался и могу сказать, что не встретил затруднений приложить такую классификацию к обзору переделывающей промышленности С.-А. С. Штатов, через что дело выиграло в наглядности.

Однако, как помянуто выше, я сохранил в дальнейших таблицах американскую классификацию, чтобы облегчить сличение далее приводимых выводов с подлинными результатами переписи и чтобы избежать перечисления всех отдельных, многих сотен переделывающих производств и ограничиться лишь отдельными группами. Но значительная условность американской классификации заставляет прибегнуть к перечислению отдельных производств, включенных в каждую из 15 групп.

1. К *первой* группе американской классификации отнесены: мукомольное дело и все виды переделки зерен до фабричного хлебопечения включительно, все виды переделки молока, переделка сахара-сырца в рафинад и кондитерские изделия, переделка какао, производство глюкозы, получение консервов всякого рода, обработка рыбных и мясных товаров, пряностей, жиров до приготовления маргарина включительно, а также уксуса и сидра[26].

2. Ко *второй* группе отнесены производства из хлопка, льна, пеньки, джута, шерсти и шелка, получаемых в сельском хозяйстве, всякого рода очищенных товаров, пряжи, ниток, веревок, канатов, лент и тканей, включая сюда и изделия, подобные вязаным, например чулкам, мешкам, коврам, покрышкам всякого рода, а также и окраска их, получение клеенки, парусов, неводов и т. п., если они производятся не одними ручными способами, а с участием двигателей.

3. К *третьей* группе отнесена переделка чугуна, железа стали, получаемых в горном деле, на проволоку, железные

канаты, листовое железо, литые изделия, трубы всякого рода, пружины, всякого рода железные инструменты и машины до пушек, ружей, стальных перьев, швейных и вязальных машин, весов, гирь, железных печей, гвоздей, шорных изделий и т. п.[27]

4. К ч*етвертой* группе отнесены все производства, основанные на переделке дерева в доски, фанеры, корзины, трости, древесный уголь, всякую мебель, бочки, ящики, футляры, рамы, жалюзи, линейки и древесную массу для бумажных изделий, а также переделка пробки, если они ведутся не одним ручным трудом.

5. К *пятой* группе отнесены производства, основанные на переделке кож: само кожевенное производство, т. е. дубление и подготовка кож, производство ремней, сапожные и башмачные фабрики[28], производство седел, записных книжек и т. п.

6. К *шестой* группе американской классификации отнесены производства бумажной массы, бумаги, обоев, конвертов, картонажей, ярлыков, гравюр, типографских и фотографических изделий, издательское и переплетное дело.

7. К *седьмой* группе отнесены производства спиртных напитков, включая пивоварение, виноделие, разливы вин и очистку спирта, минеральных вод всякого рода и солода[29].

8. К *восьмой* группе отнесены химические и сходственные производства, сгруппированные на особых заводах, а именно производство товаров химических, аптекарских, красок и красильных, мыла и всяких парфюмерных экстрактов, пороха и всяких взрывчатых, искусственных удобрений, минеральных масс (керосина, смазочных и т. п.), костяного, эфирных, льняного и тому подобного масел, видов сала и жиров, камеди и смол.

9. К *девятой* группе отнесены производства стекла и изделий каменных и глиняных, и эту группу должно

считать наиболее естественной и не требующей дальнейших объяснений.

10. К *десятой* группе отнесены производства, основанные на переделке разных металлов, кроме железа и стали (группа 3). Эта группа производств также не требует особых объяснений, и само собою подразумевается, что добыча самих металлов из руд здесь не включена, а переделка включена только та, которая ведется машинным способом, а не одним ручным трудом (группа 15), до машинного производства ювелирных изделий и часов.

11. К *одиннадцатой* группе причислены все производства, основанные на переделке табака.

12. К *двенадцатой* группе причислены производства всякого рода экипажей, начиная от детских колясочек, санок и велосипедов и кончая вагонами для конок и железных дорог.

13. К *тринадцатой* группе отнесены все производства, касающиеся всяких судов, начиная от маленьких лодок и кончая большими кораблями.

14. *Четырнадцатая* группа производств содержит всякого рода остатки предшествующих групп, т. е. все фабрично-заводские или машинные производства, не вошедшие в 13 первых групп. Сюда отнесены, например, производство музыкальных инструментов, газовое освещение, каучуковое производство, производство электрических приборов, земледельческих орудий, свеч, искусственного льна, кокса, клея, графитовых изделий, метелок, щеток и тому подобных полировальных средств, колесной мази, ваксы и чернил, скипидара и смол, пуговиц, искусственных цветов, игрушек, костяных товаров, перчаток, отделка мехов, производство волосяных товаров, научных, медицинских, хирургических приборов и некоторые другие, перечислять которые в подробности нет особой надобности, так как группа эта и без того очевидно сложнее,

чем большинство других, по количеству и свойству содержащихся в ней производств.

15. В последней, или *пятнадцатой*, группе американской классификации соединены производства под названием «ручного труда», т. е. такие, которые чаще всего носят название ремесел. Сюда отнесены, например, кузницы, мастерские для починки всякого рода приборов, те бондарни, которые работают без паровых или иных двигателей, сапожные, портняжные и тому подобные мастерские, столярные и т. п. заведения для сооружения зданий и отделки их.

В дальнейшем изложении указанные группы производств сохранены в том виде, как они даны здесь и в 12-й переписи, потому что нередко очень поучительно сравнить разные категории производств друг с другом, например по отношению к размерам отдельных заведений, их основному капиталу, числу в них рабочих и т. п. Американская перепись тем и драгоценна, что она дает многие элементы, касающиеся разных видов обрабатывающей промышленности по всякого рода производствам. Мы здесь ограничимся только сводом, относящимся к целым группам и ко всей их совокупности, потому что и этот свод дает возможность сделать много таких выводов, каких нельзя сделать не только для нашей, но и ни для одной западноевропейской фабрично-заводской и ремесленной статистики. Свод этот тем поучительнее, что он дает числа для трех переписей: 1880, 1890 и 1900 гг., что показывает изменения, происшедшие в течение 20 лет, и общий характер, сохраняющийся в последней четверти XIX столетия.

Таблица 5

Свод сведений о годовых оборотах переделывающей промышленности (фабрики, заводы и ремесленные заведения) Соединенных Штатов Северной Америки по переписям 1880, 1890 и 1900 гг. (ценности в миллионах долларов)

Группы производ-ства	Год переписи	Число или количество промышленных хозяйств	Основной капитал в миллионах долларов	Надсмотрщики, конторщики и тому подобные посред-ники		Исполнители или рабочие		Разные расходы (подати, страхование и т. п.) в млн долларов	Стоимость сырых материалов в млн долларов	Стоимость продуктов в млн долларов
				Число в тысячах	Им жалова-нье в млн долларов	Число в тысячах	Им возна-граждение в млн долларов			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Пищевые продук-ты всякого рода (исключая напитки)	1900	61 302	1940,9	46,7	39,3	313,8	129,9	78,0	1839,3	2277,7
	1890	41 296	507,7	48,1	33,4	249,3	90,4	52,9	1319,0	1636,2
	1880	38 427	318,8	–	–	174,4	51,8	–	1002,5	1171,2
2. Пряжа и ткани	1900	30 048	1366,6	44,5	50,0	1029,9	341,7	128,5	896,0	1637,5
	1890	16 847	1008,1	34,0	34,0	824,1	278,2	78,4	705,0	1261,7
	1880	14 137	594,9	–	–	710,5	198,5	–	569,6	971,3
3. Переделка добы-тых железа и стали в изделия всякого рода (другие метал-лы в группе 10)	1900	13 896	1528,9	49,8	58,1	734,0	381,9	91,5	987,2	1793,5
	1890	11 169	997,8	30,9	36,6	531,8	285,4	57,7	617,6	1144,1
	1880	8823	487,9	–	–	379,5	160,9	–	369,1	659,4

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
4 Обработка дерева	1900	47 079	946,1	31,1	29,0	547,0	212,2	42,1	561,5	1030,9
	1890	35 586	844,4	41,3	30,9	547,8	201,6	45,5	462,7	878,0
	1880	42 336	313,6	–	–	319,7	96,3	–	282,8	489,4
5. Кожа и кожаные изделия	1990	16 989	343,6	14,0	14,2	238,2	99,8	22,9	395,6	583,7
	1890	12 918	246,8	17,8	15,3	212,7	98,4	18,6	294,4	487,6
	1880	16 208	139,8	–	–	181,8	70,5	–	293,8	425,9
6. Бумага и печатное дело	1900	26 747	557,6	48,2	49,0	297,6	140,1	76,1	214,2	606,3
	1890	20 160	344,0	35,5	34,6	225,6	117,6	59,5	149,6	455,6
	1880	6044	135,4	–	–	119,4	53,4	–	91,8	198,3
7. Напитки	1900	7861	534,1	10,9	16,9	63,1	36,9	188,8	122,2	425,5
	1890	4219	310,0	8,4	11,1	48,4	29,1	117,0	109,8	341,2
	1880	3880	135,0	–	–	38,7	17,1	–	102,4	167,3
8 Химические производства	1900	5444	498,4	22,3	26,3	101,5	43,9	49,8	356,2	553,0
	1890	5642	322,5	13,5	14,2	76,5	33,9	29,5	239,9	380,1
	1880	2914	113,9	–	–	45,4	17,3	–	112,8	170,1
9. Стеклянные, глиняные и каменные изделия	1900	14 809	350,9	13,6	13,7	245,0	109,0	19,2	94,6	293,6
	1890	11 711	217,4	13,5	11,4	221,4	90,5	14,1	69,0	229,8
	1880	10 418	83,1	–	–	132,6	39,9	–	40,1	108,0
10. Производство изделий из разных добытых металлов	1900	16 305	410,6	14,0	16,1	190,8	96,7	21,3	497,0	748,8
	1890	10 019	204,3	14,8	14,9	123,2	64,1	14,7	179,2	316,9
	1880	9801	87,6	–	–	85,3	38,9	–	99,6	173,3
11. Произвоство табачных изделий	1900	15 252	124,1	8,3	9,0	142,3	49,9	79,5	107,2	283,1
	1890	11 643	96,1	13,2	10,2	122,8	44,6	37,6	92,3	211,7
	1880	7674	40,0	–		87,6	25,1	–	65,4	118,7

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
12. Производство экипажей всякого-рода	1990 1890 1880	10 113 10 175 4472	396,8 248,2 55,3	16,4 13,3 –	15,2 11,2 –	316,2 221,1 68,7	164,6 118,2 27,8	19,8 9,5 –	268,3 174,6 56,1	508,6 344,5 105,0
13. Производство кораблей, барок и т.п.	1900 1890 1880	1116 1010 2188	77,4 53,4 21,0	1,4 1,1 –	2,0 1,2 –	46,8 24,8 21,3	24,8 14,8 12,7	3,7 1,4 –	33,5 16,9 19,7	74,6 40,3 36,8
14. Разные особо поименованные производства (см. выше)	1900 1890 1880	29 479 19 304 11 149	1349,0 768,9 180,2	53,2 33,2 –	49,2 33,4 –	483,3 302,6 188,8	202,7 136,6 66,1	81,9 49,0 –	490,1 300,2 171,4	1004,1 645,6 311,4
15. Портняжное сапожное и другие мелкие ремесленные производства (см. выше)	1900 1890 1880	215 814 143 716 75 381	392,4 355,5 83,7	22,3 142,4 –	15,8 98,2 –	559,1 519,3 178,9	288,1 287,9 71,7	124,6 45,7 –	482,7 431,8 119,8	1 183,6 1009,3 263,6
Итого переделывающая промышленность (без горной, сельскохозяйственной и вообще добывающей)	1900 1890 1880	512 254 355 415 253 852	9817,4 6525,2 2790,3	396,8 461,0 –	403,7 392,0 –	5308,4 4251,6 2732,6	2322,3 1891,2 948,0	1027,8 631,2 –	7345,4 5162,0 3396,8	13 004,4 9372,4 5369,6

Приводимые сведения для каждого рода производств помещены в 11 столбцах, а именно: в столбце (3) дано число промышленных переделывающих заведений; в столбце (4) — величина основного капитала, в них действующего; в столбце (5) — число тысяч лиц, названных нами посредниками, т. е. техников, руководителей, надсмотрщиков, конторщиков и т. п.; в столбце (6) дается в миллионах долларов сумма получаемого ими в год жалованья, или содержания; в столбцах (7) и (8) даны число и получаемое содержание рабочих, действующих в производстве, переводя временных на годовые сообразно со временем занятий. Числа подобного рода встречаются еще в статистиках других стран, но то, что дано в столбцах (4), (5), (6), (9) и (10), представляет драгоценные особенности американской статистики, позволяющие делать много выводов, почти невозможных по отношению к переделывающей промышленности других стран. В столбце (9) дана в миллионах долларов сумма расходов, названных «смешанными» (miscellaneous expenses).

Под этим названием подразумеваются такие неизбежные текущие, т. е. ежегодные, расходы производств, как подати и повинности всякого рода, страхование, ремонт и присмотр зданий и т. п. Величина расходов этого рода оказывается весьма значительной и все год от года возрастающей и превосходящей, например, расход на техников и посредников, так что упущение величины этого рода расходов, существующее в статистиках других стран, не позволяет делать таких суждений, какие возможны для фабрик и заводов С.-А. С. Штатов. В столбце (10) дается сумма ценностей всех сырых материалов, примененных в годовом производстве данного рода товаров. На первый взгляд, можно думать, что вся та огромная сумма этих ценностей, которую дает статистика, представляет доход сельскохозяйственной и горной промышленности, добывающей

сырье, но в действительности это не так, потому что не только все ремесленные заведения, но и почти всякие фабрики и заводы получают часть своего сырья от других фабрик и заводов, например кораблестроительные верфи — от железозаводчиков, столяров, канатчиков, парусников и т. п.; фабрики материй получают краски и многие другие материалы от химических заводов, а ремесленники все почти свое сырье — от фабрикантов. Не зная размеров затрат на сырье, а только количество годовой производительности, как это бывает в статистиках многих стран, можно делать очень ложные заключения, что можно ясно видеть из примера ткацких фабрик, получающих готовую пряжу, составляющую главную ценность тканей, от прядильных фабрик; и если ценность сырья не дана, а дана только сумма ценности продуктов, очевидно, что цена пряжи взойдет двукратно — в сумму производительности прядильных фабрик и в ту же сумму ткацких фабрик. Наконец, в 11-м столбце дается общая сумма ценности годового производства промышленных заведений, что дается обыкновенно и в статистиках других стран.

В приводимой *табл. 5* просто перепечатано без всяких изменений то, что дано в 12-й переписи, на с. CXLIV и CXLV, vol. VII, part I (Census Reports, 1902), а потому все ценности даются в долларах. Для наших же соображений, конечно, яснее перевести ценности на рубли, что и делается в дальнейшем изложении, приняв 1 доллар равным 1,9434 руб. Затем предварительно считаю необходимым упомянуть о том, что в столбцах (5), (7) и (9) для 1880 г. не дается соответственных цифр, потому что просто не собирались сведения, относящиеся к «посредникам» и «смешанным расходам».

Поэтому надлежащая полнота всех данных имеется только для 1890 и 1900 гг. Однако же до некоторой степени можно пользоваться и цифрами для 1880 г. как по той

причине, что величины цифр (5), (6) и (9) столбцов все же относительно невелики, так и по той, что во всех суммах замечается довольно близкая арифметическая пропорциональность, т. е. числа для 1890 г. близки к среднему между числами 1880 и 1900 гг. Так, например, в эти последние годы число заведений было 254 и 512 тысяч, среднее дает 383, а в 1890 г. было в действительности 355 тыс. заведений, ценность сырья, столбец (10), для 1880 и 1900 гг. была 3347 и 7345 млн долларов, среднее равно 5346, а в действительности для 1890 г. оно равнялось 5162 млн долларов.

Конечно, полной пропорциональности тут нет, но ее можно предполагать недалекой от действительности для кратких промежутков времени, например от 1890 г. до 1900 г. Отсюда вытекает возможность упростить все соображения, касающиеся общего положения промышленности С.-А. С. Штатов, получая среднее из наиболее полных данных для 1890 и 1900 гг. (*табл. 6*), что и будет отвечать годовым оборотам для периода, близкого к 1895 г.

Конечно, это можно сделать только для тех соображений, которые касаются общего строя современных промышленных дел, но не их изменения с течением времени, для чего и будут служить различия данных по периодам переписей.

Приводимые далее сведения относятся к промышленным заведениям, действующим при помощи машин (группы от первой до четырнадцатой) или лишь при помощи инструментов (группа пятнадцатая), когда эти заведения производят в год товаров более чем на 500 долларов, или на 972 руб.

Прежде всего обратим внимание на те стороны предмета, которые представляют существенные изменения во времени, заметив предварительно, что в 1880 г. в Америке насчитывалось 50,2 млн, в 1890 г. — 62,6 и в 1900 г. — 76,2 млн жителей, и сравним рост переделывающей промышленности с возрастанием числа жителей.

Год	Млн жителей	Число всех заведений в тыс.	На 1 млн жителей приходится заведений	Общая годовая производительность переделывающей промышленности, млн руб.	На каждого жителя приходится продуктов в год, рублей
1880	50,2	253,9	5055	10 435	208
1890	62,6	355,4	5677	18 214	291
1900	76,2	512,3	6722	25 273	332

Числа эти совершенно явно показывают, что в С.-А. С. Штатах переделывающая промышленность за последнюю четверть века возрастает быстрее, чем умножается население, так как и число переделывающих заведений, и ценность доставляемых ими продуктов постепенно, но несомненно возрастает, считая на одного жителя. Особенно это важно по отношению к ценности продуктов, явно показывающей, что потребности жителей и их богатства умножаются с поразительной быстротой. Этим определяется более всего всем известное умножение всей силы этого сравнительно молодого государства. Возрастание производительности переделывающей промышленности за последнюю четверть века идет и повсюду, но не с той быстротою, как в Штатах, что можно было бы показать цифрами, но мне не хочется переходить к этому предмету, чтобы сильно не усложнять изложение, тем более что в статистике С.-А. С. Штатов совокупляются ремесла, годовая производительность которых более 500 долларов (группа 15), с фабриками и заводами, а во всех почти других странах существует более или менее полная отчетность почти исключительно только для фабрик и заводов. Для того чтобы вывод становился яснее, сопоставим теперь по годам предшествующие данные для всех первых 14 групп, не включая 15-й, где содержатся ремесла; поэтому для фабрик и заводов (группы 1–14) получаются следующие цифры, распределенные по тем же столбцам, как в предшествующем сопоставлении.

Год	Млн жителей	Тыс. заведений	Заведений на 1 млн жителей	Млн рублей	Рублей
1880	50,2	178,5	3554	9923	198
1890	62,6	211,7	3383	16 253	260
1900	76,2	296,4	3890	22 973	301

Отсюда видно, во-первых, что значение ремесел сравнительно с фабриками и заводами невелико по отношению к ценности произведений, приходящейся на 1 жителя, во-вторых, что число заводов и фабрик, приходящихся на данное количество жителей, можно сказать, остается почти одинаковым, но их производительность явно возрастает с течением времени, потому что они дают на 1 жителя все больше и больше товаров, хотя при этом многие товары дешевеют, и, в-третьих, что относительное число ремесленных заведений с годовым оборотом более 500 долларов не уменьшается, а возрастает и растут даже их обороты; это полезно показать отдельным сопоставлением для производств 15-й группы, т. е. для ремесел.

Год	Млн жителей	Тыс. заведений	Заведений на 1 млн жителей	Млн рублей	Рублей
1880	50,2	75,2	1502	512	12
1890	62,6	143,7	2296	1961	31
1900	76,2	215,8	2832	2300	30

Это сопоставление имеет большую поучительность для тех у нас особо многочисленных поборников кустарного, ремесленного, т. е. вообще ручного, труда, которые сетуют о том, что фабрики и заводы убивают ручной труд подобно тому, как железные дороги убивают гужевую перевозку.

В действительности это не так: фабрики и заводы, увеличивая все благосостояние жителей и все их обороты (ибо они дают совершенно новые и крупные заработки) и отнимая кое-что от кустарной и ремесленной промышленности, во-первых, родят новые кустарно-ремесленные

заведения и даже увеличивают их число и обороты, а во-вторых, делая жителей в среднем более богатыми, вызывают новые кустарно-ремесленные заведения, так что на долю 1 жителя приходится не только возрастающее число фабрично-заводских продуктов, но и возрастающий оборот заведений ручного труда, т. е. кустарно-ремесленных[30]. Так возникают разного рода заведения для починки часов, по мере того как часовое производство возрастает из-за удешевления часов, производимых на особых фабриках.

Так, потребность в кружевах ручного производства и в портных возрастает, по мере того как улучшается вся женская одежда с удешевлением тканей и со всем обогащением народонаселения.

Так и во множестве всяких других отношений, даже прямо возбуждаемых фабрично-заводскими оборотами.

Поэтому мое личное мнение по отношению к развитию ремесленной и кустарной промышленности России таково же, по существу, как и в отношении сельского хозяйства, т. е. я утверждаю, что и наша страна, обогащаясь от развивающейся фабрично-заводской промышленности, будет непременно развивать как свое сельское хозяйство, так и свои кустарные и ремесленные промыслы.

Если одни из последних пропадут с развитием фабрик и заводов, то возникнут взамен их новые, другие; перестанут делать колеса для телег, а станут делать или шпульки для ниток, или формы для отливок, или подкладки для электрических проводов и т. п., т. е. и в кустарно-ремесленном деле, как и во всей промышленности, с течением времени должны наступать свои перемены, и, на мой взгляд, времена и их условия во всем мире так переменились и так быстро меняются на глазах наших, что отстаивать прежнее положение вещей — значит тянуть назад, а не заботиться о

сохранении стройного движения вперед, быть не консерватором, а ретроградом, так как неподвижная неизменность среди растущих поколений представляла бы явные смертные признаки, надобны же изменчивость жизни и роста и приноровление к изменяющейся обстановке.

Не считаю надобным более останавливаться над теми переменами, которые видны в 1-й таблице для С.-А. С. Штатов от 1880 до 1890 г., между прочим, потому, что период сравнительно краток и статистические приемы в самих Штатах за это время немного изменились, а потому некоторые сравнения страдали бы отсутствием параллелизма данных.

По этой последней причине преимущественного внимания заслуживают наиболее параллельные данные 1890 и 1900 гг., в которых условия составления статистических отчетов в Америке были почти одинаковыми.

Для целей дальнейших выводов совсем незначительно влияние тех различий, которые замечаются в числах обеих последних переписей, а потому я считаю наиболее поучительным взять из них среднее, которое будет относиться поэтому примерно к 1895 г., недалекому от современности.

Из таких средних составлена наша *табл. 6*, не требующая дальнейших объяснений, кроме указания на то, что доллары переведены в рубли и всякие десятичные части отброшены. Из этой таблицы выведем три основных следствия, имеющих, на мой взгляд, важное значение.

Число всех жителей С.-А. С. Штатов в 1890 г. было 62,6 млн, а в 1900 г. — 76,2 млн, следовательно, в среднем около 69,5 млн. Из этого числа жителей от перечисленных выше производств получали заработок:

434 тыс. хозяев или предпринимателей
429 тыс. надсмотрщиков или других посредников
4780 тыс. рабочих или исполнителей

Итого: 5643 тысячи лиц

Таблица 6

Средние для 1890–1900 гг. данные для фабрик, заводов и ремесленных заведений (с производительностью более 1000 руб. в год) С.-А. С. Штатов, считая на один год производства

Группы	Число заведений	Основной капитал, млн руб.	Техники и другие посредники		Рабочих или исполнителей		Податей и других расходов, млн руб.	Сырых материалов, млн руб.	Готовых товаров, млн руб.
			число тысяч	вознаграждение, млн руб.	число тысяч	вознаграждение, млн руб.			
1. Пища	51 229	1408	47	71	281	214	127	3069	3803
2. Пряжа и ткани	23 448	2307	39	83	927	602	201	1556	2817
3. Переделка железа и стали	12 537	2455	40	92	633	648	145	1559	2 854
4. Обработка дерева	41 333	1740	36	58	547	402	85	995	1855
5. Кожи	14 953	574	16	29	225	192	40	670	1041
6. Бумага и печать	23 454	876	42	81	262	250	132	354	1022
7. Напитки	6040	820	10	27	56	64	296	225	745
8. Химические производства	5543	798	18	39	58	76	77	579	907
9. Стекло, глина и камни	13 260	552	14	24	233	194	32	159	508

Окончание табл. 6

Группы	Число заведений	Основной капитал, млн руб.	Техники и другие посредники		Рабочих или исполнителей		Податей и других расходов, млн руб.	Сырых материалов, млн руб.	Готовых товаров, млн руб.
			число тысяч	вознаграждение, млн руб.	число тысяч	вознаграждение, млн руб.			
10. Изделия из разных металлов	13 157	597	14	29	157	156	35	657	1036
11. Табак	13 447	214	II	19	133	92	114	194	481
12. Экипажи	10 144	629	15	26	269	275	28	411	829
13. Корабли	1063	127	1	3	36	38	5	49	112
14. Разные производства	24 397	2058	43	80	393	330	127	768	1603
15. Ручной труд	179 765	727	82	111	539	560	166	889	2131
Итого около 1895 г.	433 840	15 882	429	772	4780	4093	1610	12 134	21 744
Процент от годовой стоимости товаров	–	73 %	–	3,6 %	–	18,8 %	7,4 %	55,9 %	100 %

Следовательно, прямой заработок от перечисленных видов переделывающей промышленности в С.-А. С. Штатах получило около 5,6 млн лиц, или 8,1 % всех жителей. А так как один зарабатывающий, как мы видели выше (в гл. III), кормит в среднем своим заработком по крайней мере $2\frac{1}{2}$ жителя, то переделывающей промышленностью в С.-А. С. Штатах жило в конце XIX в. по крайней мере 20 % жителей.

Число лиц, живущих переделывающей промышленностью в Штатах, несомненно, возрастает с годами, как видно из того, что в 1880 г. хозяева, посредники и рабочие составляли лишь 6 % жителей, в 1890 г. — около 8 %, а в 1900 г. — около $8\frac{1}{4}$ %[31].

Из других четырех видов заработков, а именно земледелия, горного дела, перевозки с торговлей и профессионально-административной деятельности, только одно земледелие кормит еще больший процент жителей, хотя и дает им меньше доходов, чем переделывающая промышленность; три же других главных вида заработков, наверное, кормят меньшее число жителей и в общем целом представляют меньший совокупный доход.

В будущем, сколько я понимаю предмет, число лиц, зарабатывающих свое содержание на деятельности: a) земледельческой, b) горнопромышленной с фабрично-заводскою и c) торговой с перевозочною и с профессионально-административною, — будет почти приравниваться, но индустрия в конце концов, вероятно, возьмет повсюду верх. В первичном же состоянии жизни земледельцы, конечно, должны преобладать.

У нас в литературе очень часто встречается неправильное понятие о том, что в настоящее время около 85 % жителей России кормятся земледелием. Эта ошибочность соображений основывается на том делении на классы, по которому всех крестьян, приписанных к общинам, считают

за земледелов, тогда как огромное их количество, к сожалению, в настоящее время неизвестное в точности, живет по городам, при торговле, промышленности и перевозке и при разного рода служебных обязанностях, вовсе не имея никакого отношения к земледелию, и всякий, кто без предубеждения смотрит на современное положение у нас крестьянства, знает, что те крестьяне, которые не живут при земледелии, кормят многих и многих из своих родичей, остающихся в деревнях при полях и земледелии и только ищущих других, более выгодных заработков, которых, увы, не находят, что и дает пресловутых босяков. Крестьянин — плотник или землекоп, каменщик или маляр — всю зиму живет, почти ничего не делая, в деревне, а весь свой заработок достает отнюдь не от земледелия, а от своего отхожего промысла в городах. Громадное большинство крестьян Урала, виденного мною в поездке 1899 г., только неделю или две занято на покосе, земледелия в истинном его объеме вовсе не знает и все же причисляется всей своей массой к числу земледельцев, потому что приписано в крестьянстве, а заработки их идут на заводах или около них. Крестьянство целых губерний, например Ярославской или Олонецкой, получает от земледелия гроши, хотя от других видов промышленности зарабатывает рубли. Тут много предстоит хорошей статистике разрушить господствующих предрассудков, и тут яснее, чем в чем-нибудь, выступит государственное значение городов, переделывающей промышленности, торговли, перевозки и профессионально-административной деятельности. У нас все это сбито в какую-то кучу преимущественно на основании того, что крестьянскую общину отождествляют с земледельческой деятельностью.

Но я не оставлю этих беглых замечаний без выражения, во-первых, того, что в числе моих заветных мыслей не содержится нисколько каких-либо стремлений к разрушению

крестьянской общины, так как я думаю, что община крестьян может в наше неустроенное время лучше, чем разрозненные мелкие собственники, бороться с посягательствами сильных соседей, в общину не включенных; во-вторых, того, что прежде разрушения крестьянской общины всего нужнее специальная выработка законных условий для выхода из общины и разрушение тех преград, которые существуют ныне для сравнительно свободного приложения труда к разным деятельностям помимо сельскохозяйственной, и, в-третьих, того, что наступление зрелости, требующей полной свободы частной собственности, и в развитии сельского хозяйства должно, по моему мнению, предоставить усмотрению самих членов общины, т. е. я желал бы, чтобы община, если надобно, распадалась не путем единовременного общего предписания или постановления, а постепенным, или эволюционным, путем, определяемым сознательностью своих участников[32].

Второе замечание, относящееся к предшествующей таблице, сводится к тому, что в С.-А. С. Штатах одна переделывающая промышленность в конце XIX в. доставила товаров почти на 22 млрд руб., т. е. по 300 руб. на каждого жителя, но больше чем половина (около 56 %) этой стоимости падает на сырье; складывая же все расходы фабрик, заводов и крупных ремесел, получаем:

3,6%	стоимости	посредников
18,8%	»	рабочих
7,4 %	»	разных доходов
55,9%	»	сырья
В сумме	85,7 %	

Следовательно, для капиталистов и предпринимателей, заводящих фабрики, заводы и ремесла, остается из стоимости товаров 14,3 %. Какая доля из этого остатка, или дохода, в некоторых отношениях еще валового, должна быть отчислена предпринимателю и какая капиталу,

сказать в точности нельзя, и сведения об учетном проценте, в Штатах недалеком от 3 %, не может здесь служить для расчета, потому что учету подвергаются только векселя, преимущественно торговые, представляющие большую вероятность своевременной уплаты, заводы же, фабрики и ремесла всегда представляют громадный риск неудачи; множество из заведенных предприятий этого рода терпят полную неудачу, и капитал им, как основной, так и оборотный, дается только за высокие проценты. Притом капитал фабрик, заводов и ремесел глубоко отличается от основного капитала, примененного к земледелию и состоящего преимущественно из ценности земли, отличается тем, что каждый год изнашивается, становится менее стоящим при продаже, тогда как земля, даже запущенная, в своей ценности не падает, а повсюду повышается, а потому промышленный капитал неизбежно требует сильного, или быстрого, погашения.

Все, что я знаю по отношению фабрично-заводской промышленности, заставляет требовать погашения капитальных начальных затрат не более как в 10, много 20 лет, а потому из 14,3 %, достающихся предпринимателю и капиталу, должно отчислить на погашение и интерес основного капитала около 7,3 %, т. е. 10 % основного капитала, так как основной капитал составляет (*табл. 6*) 73 % от стоимости всех производимых ежегодно товаров. Но и этого мало; кроме основного капитала фабрикам, заводам и ремеслам необходимо всегда иметь большой оборотный капитал. Он нужен не только на покупку сырья, на заготовку топлива, на плату за непроданные товары посредникам и рабочим, на текущие подати, ремонт и всякие другие расходы, но и для кредитов торговцам, которым продаются товары, так как немного есть фабрично-заводских и ремесленных товаров, оплачиваемых прямо деньгами, а большинство должно лежать в складах или у самого производителя или у оптового торговца.

Из всего того, что я успел узнать в течение своей жизни по отношению к фабрикам и заводам, я полагаю, что для главной их массы и для их совокупности величину оборотного капитала должно принять не менее как в половину стоимости всей годовой производительности. Этот оборотный капитал, равный 5 % стоимости товаров, нельзя считать могущим получаться только по векселям, т. е. с учетным процентом. Мой жизненный опыт внушает мне мысль, что многие из не удающихся у нас промышленных предприятий оттого и бедствуют, даже часто банкротятся что при своем устройстве неправильно соразмеряют величину необходимого оборотного капитала, рассчитывая обыкновенно с большою тщательностью размеры основного капитала. Не только у нас, но даже и в С.-А. С. Штатах, где свободных капиталов ныне уже много, оборотный капитал фабрикам, заводам и ремеслам нельзя доставать в среднем менее чем за 5, даже, правильнее, 6 %. Считая величину оборотного капитала в 50 % стоимости товаров, получим, что на эту долю капитала нужно ежегодно тратить около 3 % всей стоимости товаров. Таким образом, на долю предпринимателя остается в сущности лишь 4 % от всех тех 14,3 %, которые остаются за вычетом непосредственных, или текущих, расходов.

Предприимчивость в обзаводстве переделывающих производств требует глубоких знаний всякого рода, начиная с социальных или общественно-экономических и кончая знанием современной техники производства, а потому здесь более чем где бы то ни было нужна подготовка, свое высшее образование, свой труд, своя смелость и своя настойчивость, которые нельзя же оставить без соответственного вознаграждения. Конечно, фабрики, заводы и ремесла основывают не потому, что они могут дать хозяину в среднем 4 %, а потому, что надеются получить гораздо высший доход, и без сомнения, что одни из предпринимателей получают много больше 4 %, но зато другие не только меньше или

ничего, но очень часто — и прямые убытки. Это видно даже в предшествующей таблице. Возьмем для примера группу 15, дающую товаров на 2131 млн руб., из этой суммы вычитаем 111 млн руб. на подмастерьев и вообще посредников (столб. 6), 560 млн руб. — на рабочих (столб. 8), 166 млн руб. — на подати и другие текущие расходы и 889 млн рублей — на сырье, т. е. в сумме 1 726 млн руб., и получаем на капитал и предпринимателю 405 млн руб., или 19,0 % от всей стоимости производимых товаров. Основной капитал предприятий этой группы равен 727 млн рублей, следовательно, по предшествующему, его интерес и погашение равны 72,7 млн руб. Оборотный капитал 106,5 млн рублей по 6 % требует 64,0 млн руб. Следовательно, всему капиталу надо отдать 136,7 млн руб., или 6,4 % от всей стоимости товаров. Таким образом, предпринимателям производств 15-й группы остается в среднем уже не 4, а 12,6 % от всей стоимости товаров. Это потому, конечно, что здесь сосредоточены предприятия мелкие, заводимые с риском гораздо меньшим, чем крупные, а главное, потому, что ручной труд приноравливается к окружающему спросу, имеет узкий круг для своего приложения и сами хозяева в нем непосредственно участвуют, как видно из того, что на 180 тыс. предприятий имеется только 82 тыс. помощников предпринимателей и 539 тыс. рабочих.

Очевидно, что такие предприятия, которые могут затеваться только в больших размерах, каковы, например, прядильни, многие химические производства, многие металлические и т. п., несут больший риск и в среднем дают меньший процент выгод предпринимателям, как можно видеть и из данных *табл. 6*.

Для примера разочтем данные 3-й группы (переделка железа и стали). Весь приход — 2854 млн руб., прямые расходы 92 + 648 + 145 + 1559 = 2444. Следовательно, для капиталов и предпринимателей остается 410 млн руб., а так как основной капитал равен 2 455 млн руб. то на его

интересы и погашение нужно 245,5 млн руб.; оборотный капитал равен 1427 млн руб., для его интереса из 6 % надо 85,6 млн руб., то предпринимателям остается 78,9 млн руб., или 2,8 %, т. е. менее средних 4 %. Но здесь-то именно и встретятся чаще всего предприятия безвыгодные или даже убыточные, которые очень часто тянутся и продолжают производство, видоизменяясь по требованиям рынка, в надежде получить барыш со временем.

Третье важное соображение, относящееся к вышеприведенной *табл. 6*, сводится к тому, что из массы лиц, зарабатывающих на переделывающей промышленности, наибольшую и несомненнейшую пользу и выгоду извлекают техники и другие посредники, рабочие, государство, собирающее подати и налоги, все те, которые получают от заводов и фабрик смешанные расходы (столб. 9), всякие производители сырья, т. е. преимущественно земледельцы и предприниматели горного дела, и, наконец, капиталисты. Весь же риск и только очень небольшую часть из всей сложности доходов получают предприниматели. Это видно прямо по числам общего свода, так как, судя по предшествующему, 21,7 миллиарда всей стоимости продуктов распределяется между всякими участниками, по существу, следующим образом:

На техников и других посредников (около 3,5 %)	772	млн руб.
На рабочих (около 19 %)	4093	»
На подати и другие смешанные расходы (около 7,5 %)	1610	»
На сельских хозяев, горнопромышленников и других поставщиков сырья (около 56 %)	12 134	»
Капиталистам:		
а) интерес и погашение основного капитала	1588,2	»
б) интерес оборотного капитала	652,2	»
Всего (около 10 %)	240	»
На предпринимателей и хозяев (около 4 %)	895	»
	21 744	млн руб.

Отсюда очевидно, что предприниматели, заводящие фабрики, заводы или ремесла, дают своей стране гро-

маднейшие доходы, оставляя себе лично за весь свой труд и риск — помимо своего капитала — лишь сравнительно очень немного. Рабочие, т. е., например, у нас это были бы босяки, жаждущие какого бы то ни было заработка, получают от фабрик и заводов в 5 раз больше, чем предприниматели.

Государство, облагая всякого рода сделки и прямо облагая производителей, получая акцизы и пр., едва ли от фабрик и заводов получает меньше, чем сами заводчики. Техники, конторщики и всякого рода посредники приобретают от учреждения заводов почти столько, сколько сами фабриканты и заводчики. Главный же куш, больше половины всей стоимости заводских товаров, достается поставщикам всякого рода сырья, т. е. преимущественно земледельцам и горнопромышленникам. Капиталистам же от фабрик и заводов достается в $2^{1}/_{2}$–3 раза более, чем предпринимателям, заводящим фабрики, заводы и ремесла. Здесь всего важнее напомнить, что все почти риски, неизбежно сопряженные с устройством переделывающей промышленности, почти целиком ложатся на предпринимателей и только отчасти на капиталистов, так как эти последние все же обеспечивают свои ссуды фабрикам, заводам и ремеслам разнообразными способами, т. е. залогом имущества и товаров, несколькими подписями векселей и т. п. Что же касается до всех видов исполнителей, включая и техников, то они совершенно обеспечены, потому что завод может разориться, а уговоренная рабочая плата, или жалованье, все же уплатится хотя бы на счет капитала, как то существует во всех образованных странах в обеспечение общего народного блага. Главные получатели выгод, т. е. поставщики сырья, получающие около 56 % всей выручки, приобретают в фабриках, заводах и ремеслах существеннейшую поддержку своих предприятий[33]. Между этими поставщиками сырья первейшее

место занимают именно сельские хозяева, сбывая соседним с ними заводам не только обычные свои произведения для содержания массы лиц, получающих заработки на заводах, но и множество особых продуктов, требуемых переделывающею промышленностью, начиная с леса, свекловицы, волокнистых веществ, кож, мяса и всякого рода других продуктов. От переделки на соседних или местных фабриках, заводах и в ремеслах множество ископаемых, растительных и животных произведений земли приобретает способность вывозиться далеко, сохраняться долго, а потому и поступать на общий мировой рынок, без переделки же большая часть этих продуктов вовсе бы оставалась лежать втуне и не давала бы поводов прилагать труд к их добыче и переделке, а труд есть единственный источник богатства народов, а следовательно, и «народного благосостояния».

Чтобы с ясностью выразить некоторые стороны вышеизложенных соображений, составлена прилагаемая здесь *табл. 7*, в которой по отдельным группам разочтены размеры отдельных, или единичных, производств, для чего дается размер их капитала (столбец 1-й) и число служащих (столбец 2-й), т. е. посредников и рабочих в одном заведении. Затем в столбце (3) дается также для отдельного заведения общий валовой доход, или стоимость производимых товаров. В трех следующих столбцах, (4), (5) и (6), даны расходы, отвечающие одному среднему заведению и состоящие в плате за сырье (4), в уплате техникам, рабочим, податей и пр. (5) и в уплате капиталу (6), рассчитывая его, как приведено выше, т. е. считая 10 % от основного капитала и 3 % от стоимости товаров. В столбце (7) дан тот остаток, который отвечает единоличному доходу хозяина, т. е. представляет его личный заработок. В столбцах (8) и (9) дается в рублях годовой заработок как той группы участников, которые названы выше посредниками (техники, конторщики и т. п.), так и рабочих-исполнителей (см. *табл. 7*).

Таблица 7

Средние данные для переделывающей промышленности С.-А. С. Штатов за 1890–1900 гг., разочтенные на одно предприятие и на личные заработки

Группы	На одно промышленное заведение приходится						На одно лицо приходится		
	Капитал, тыс. руб.	Число служащих и рабочих	В год товаров, на тыс. руб.	Годовой расход на сырые продукты, тыс. руб.	Годовой расход на служащих, подати и т. п., тыс. руб.	Годовой расход на капиталы, тыс. руб.	Хозяину в год, тыс. руб.	В год на одного посредника, руб.	В год на одного рабочего, руб.
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
1. Пища	27	6	74	60	8	5,0	1,0	1511	762
2. Пряжа и ткани	97	41	120	66	38	13	3	2128	649
3. Переделка железа и стали	196	54	227,6	124,3	70,6	26,4	6,3	2300	1024
4. Обработка дерева	42	14	45	24	13	5,6	2,4	1611	735
5. Кожи	38	16	69	45	17	5,9	1,1	1813	853
6. Бумага и печать	37	13	43	15	20	5,1	2,9	1929	955
7. Напитки	136	7	123	37	64	17	5	2700	1143
8. Химические производства	144	19	164	105	35	19	5	2167	854
9. Стекло, глина и камни	41	19	38	12	19	5,3	1,7	1714	833

Окончание табл. 7

Группы	На одно промышленное заведение приходится						На одно лицо приходится		
	Капитал, тыс. руб.	Число служащих и рабочих	В год товаров, на тыс. руб.	Годовой расход на сырые продукты, тыс. руб.	Годовой расход на служащих, подати и т. п., тыс. руб.	Годовой расход на капиталы, тыс. руб.	Хозяину в год, тыс. руб.	В год на одного посредника, руб.	В год на одного рабочего, руб.
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
10. Изделия из разных металлов	45	13	78	50	17	6,9	4,1	2071	994
11. Табак	16	11	36	14	17	2,7	2,3	1727	690
12. Экипажи	62	28	82	41	32	8,7	0,3	1733	1022
13. Корабли	120	35	106	46	43	15	2	2500	1056
14. Разные производства	84	18	66	31	22	10	3	1860	840
15. Ручной труд	4	3,5	11,8	4,9	4,7	0,8	1,4	1354	1039
Среднее для всех, 1890 и 1900 гг. Для 1880 г.	37 19 тыс. руб.	12 11?	50 40 тыс. руб.	28 26 тыс. руб.	15 7,2 тыс. руб.	5,2 3,4 тыс. руб.	1,8 3,4 тыс. руб.	1800 ?	856 674 тыс. руб.
			Приходы	Расходы			На одно лицо в год		

Разбор данных мы ограничим рассмотрением взаимного отношения разных производств и прямых заработков участников в предприятиях.

Между всеми видами переделывающей промышленности наименьшие размеры имеют заведения ручного труда, или ремесла (группа 15), как видно из того, что на каждое из них приходится менее всего капитала и менее всего служащих. Наибольшее же число капитала и служащих (единовременно) отвечает производству тканей, переделке железа, кораблестроению и химическим производствам (группы 2, 3, 8 и 13), т. е. фабрики и заводы этого рода в среднем отличаются наибольшими размерами и здесь-то именно находятся промышленные предприятия, иногда достигающие громадных размеров. Не лишено поучительности то обстоятельство, что в большинстве случаев увеличение основного капитала отвечает увеличению числа рабочих, действующих в отдельном заведении. В среднем на одного служащего на заводе приходится около 3000 руб. основного капитала, что явно указывает на важный социальный факт зависимости между размерами предприятий и числом действующих исполнителей. А так как эти исполнители, т. е. рабочие и посредники, в С.-А. С. Штатах средним числом получают годовой заработок около 1000 руб. и этот заработок, как увидим далее, возрастает год от года и превосходит непосредственные траты, необходимые на житье, то все дело переделывающей промышленности сводится к тому, что сами эти исполнители, сложившись и представляя сильную кредитную единицу (как наша сельская община) могут быть капиталистами, заводящими переделывающие предприятия на сборный, или акционерный, капитал. Без революций, без удовлетворения спешливым и малосостоятельным утопиям коммунистов, эволюционным путем, постепенно исправляются те недостатки, которые часто

указывают в промышленности. И если мы взглянем на то, как шло дело в сельскохозяйственной промышленности не у нас только, но и во всем свете, не говоря, конечно, о первичном сельском хозяйстве, имевшем в виду лишь одно прокормление своей семьи. Вначале крупные участки земель были только у крупных владельцев, баронов и помещиков, сельскохозяйственные работы на них вели или рабы, или крепостные, которым доставались только крохи из общего заработка, львиная же доля доставалась землевладельцу. Но постепенно дело приходит к современному положению вещей, когда нет ни рабов, ни крепостных, и на крупных участках земли действуют только босяки или лица, ищущие свободного труда, получающие за него вознаграждения тем больше, чем больше спроса на труд. С этого последнего состояния дел, с великим трудом достигнутого в сельском хозяйстве, начались те капиталистические формы промышленных предприятий, на которые сыплется столь много нареканий преимущественно со стороны землевладельцев, видящих тут прежде всего возрастание плат, необходимых для исполнителей (рабочих и посредников). Всякий знает, что сельское хозяйство, давая лишь временный труд босякам ли или каким другим рабочим, даже в самое спешное страдное время не может платить таких вознаграждений, какие дает промышленность, в своем основании представляющая применение свободного труда, без всякого остатка исторических преданий рабства или крепостничества, потому что в своих современных основаниях переделывающая промышленность началась только после эпохи уничтожения рабства и крепостничества. Мне бы пришлось сильно удлинить свою статью, если бы я стал приводить численные доказательства вышесказанному, а потому, считая основные факты, сюда относящиеся, общеизвестными, я остановлюсь только над числами, доставляемыми американскою переписью.

Они показывают, что в общем среднем годовой заработок рядового исполнителя (столб. 9 в *табл. 7*) в переделывающей промышленности С.-А. С. Штатов достигает до 856 руб., а в отдельных видах промышленности, например при переделке металлов или при производстве кораблей и экипажей, превосходит даже 1000 руб. Годовой заработок меньше всего только для производств 2-й группы, т. е. для переделки волокнистых веществ на прядильнях и ткацких, что зависит, наверное, прежде всего от того, во-первых, что здесь нужно меньше всего предварительной подготовки, во-вторых, от того, что здесь применимее, чем для остальных видов переделывающей промышленности, труд женщин и детей, всюду оплачиваемый ниже, и, в-третьих, от того, что прядение и производство тканей ранее множества других переделывающих видов промышленности перешло к фабрикам и одежда почти настолько же нужна, как хлеб, т. е. составляет отрасль первичных потребностей, в удовлетворении которых развитое человечество с полным успехом стремится к удешевлениям всякими способами.

Средний годовой заработок для эпохи 1890–1900 гг. рабочих, равный 856 руб., отвечает примерно 3 руб. дневной рабочей платы, и если принять, что одному зарабатывающему отвечает 2½ человека, долженствующих питаться этим заработком, то все же окажется, что современный заработок простого рабочего в С.-А. С. Штатах за последнее время далеко превосходит размеры средств, необходимых для удовлетворения первичных потребностей[34], потому что они при удовлетворении всех первичных потребностей, даже духовных, на среднего жителя (считая детей, стариков, женщин и т. п.) не достигают и 70 коп. в день, т. е. на 2½ человека — 1 руб. 80 коп. в день или в год 650 руб. Среднему работнику остается около 200 руб. в год или на улучшение своего быта, или на то,

чтобы откладывать про запас и, следовательно, постепенно становиться капиталистом и участником в предприятиях, требующих капиталов. Эволюция здесь сводится к тому, что годовой заработок постепенно, но неуклонно возрастает, как видно и по числам американской статистики. Они показывают совершенно явно это возрастание, так как средний годовой заработок исполнителей в 1880 г. равнялся в С.-А. С. Штатах только 674 руб., т. е. за последнюю четверть века он поднялся почти на одну треть.

Средний годовой заработок техников, конторщиков и тому подобных посредников более чем в 2 раза превосходит вознаграждение простых рабочих и достиг уже 1800 руб. в год для общей совокупности предприятий всякого рода. Он выше всего в таких предприятиях, как химические вместе с производством напитков, в кораблестроении и в производстве железных изделий, т. е. машин и т. п. (группа 3), несомненно, по той причине, что здесь требуется наиболее предварительной подготовки, т. е. учения, и достойно примечания то обстоятельство, что в предприятиях этого рода и простые рабочие получают более, чем в тех предприятиях, где предварительной подготовки не надобно или почти не надобно, что и дает простейшее объяснение низкой заработной платы, которую дает сельское хозяйство. Проведя главную часть своей жизни в среде молодежи, учащейся не только для того, чтобы сделаться просто современными людьми, но и для того, чтобы получить через это возможность зарабатывать насущный хлеб для себя и своей семьи, видя размеры средних промышленных заработков в С.-А. С. Штатах и зная то, чего достигают у нас на обычном служебном поприще, я не уставал и не устану говорить о том значении, которое имеет промышленность в деле единоличных заработков лиц со всякой подготовкой, и утверждать, что будущее благо отдельных лиц, а через то и всей страны

нашей первее всего зависит от меры развития у нас переделывающей промышленности. Наши газетчики, подделываясь под тон некоторой части наших отсталых людей, просто не понимают даже прямой своей выгоды, когда бичуют переделывающую промышленность, потому что газету покупать могут только те, у кого есть какие-то избытки, а не босяки и сельскохозяйственные рабочие.

Но перейдем, наконец, к хозяевам и капиталистам. Средний вывод, полученный в *табл. 7*, по вышеизложенному расчету показывает очень примечательный факт, что средний заработок самих хозяев (1800 руб. в год) за свой личный труд — помимо капитала — очень близок к среднему годовому заработку техников и всяких других посредников (столб. 7 и 8). Существо такого вывода весьма понятно из того, что от техников и других посредников требуется такая же подготовка и такой же неустанный труд, как от хозяев. Здесь надобно указать на то, что техник свое вознаграждение получит наверное, а хозяин может его вовсе не получить, если товары останутся на руках и если условия капитала будут сколько-нибудь тяжелы. Пропуская несколько промежуточных соображений, я выведу в назидание будущего два следствия вышеуказанного явления. Во-первых, то, что высшие техники, получающие, без сомнения, личный трудовой заработок больше, чем хозяева (помимо капитала), постепенно и неизбежно должны становиться капиталистами, что, в сущности, ведет к тому, чего достигать желательно и должно, так как в будущем знанию, настойчивости и труду должно же отдать все возможное. Во-вторых, должно видеть, что охота быть хозяином предприятия должна с течением времени убывать, так как вся личная подготовка и все личные труды станут оплачиваться для высших техников лучше, чем для хозяев, если они в то же время не суть капиталисты. Эти обстоятельства должны неизбежно привести к тому, что

единоличные предприятия сколько-либо больших размеров будут осуществляться только при помощи сборных капиталов и все распоряжение делом будет вверяться техникам или высшим служащим, как это в большем или меньшем размере стало уже осуществляться не только в кооперативных предприятиях, но и в обычных акционерных или паевых. Данные для 1880 г. показывают по тому способу расчета, которого мы придерживались, что 25 лет тому назад в С.-А. С. Штатах на долю хозяев приходилось больше (3400 руб. в среднем), чем в годы 1890–1900 (1800 руб.). Это зависит, по моему мнению, главнее всего от того, что в 1880 г. в среднем на одно промышленное заведение требовался капитал только в 19 000 руб., а в эпоху 1890–1900 гг. в среднем стало требоваться уже 37 000 руб. (*табл. 7*, столб. 1, последние строки), т. е. по мере развития промышленности на одно переделывающее заведение требуется все больший и больший капитал, и ход этого возрастания так велик, что на одного исполнителя в 1880 г. нужно было лишь около 2000 руб. основного капитала, а около 1895 г. стало требоваться уже около 3000 руб., что явно показывает замену текущего людского труда капитальными затратами на машины и другие средства, требующие капитальных затрат.

Но и увеличивающемуся капиталу с течением времени все труднее и труднее достаются заработки, как видно из того (*табл. 3*, столб. 3, последние строки), что в 1880 г. на 19 000 [руб.] капитала в среднем приходилось товаров на 40 000 руб., а около 1895 г. на 37 000 [руб.] капитала — только около 50 000 руб., а не 75 000, как бы следовало по пропорциональности. Тут должно видеть существо так называемого капиталистического строя — он увеличивает, а не уменьшает значение личного труда. Все дело сводится, значит, к капиталу, действующему в переделывающей промышленности. Его интересы мы приняли одинаковыми

как для 1880, так и для 1895 г., но сущность эволюции, совершающейся в промышленности, в реальности сводится к уменьшению интересов капитала, т. е. к уменьшению процентов на всякого рода капиталы, посвящаемые промышленности. Пропуская опять ряд промежуточных соображений, самих по себе, по моему мнению, очевидных, должно прийти к заключению, что и капиталистам в деле промышленности будет доставаться все меньший и меньший пропорциональный доход, выигрывать же, в сущности, будут не они, а только исполнители, т. е. рабочие, техники и т. п. А отсюда неизбежно не утопическое, а совершенно реальное следствие, приводящее к тому, что с течением времени неизбежно произойдет то, что капиталы для переделывающей промышленности будут поставляться самими исполнителями, рабочими, техниками и т. п., в виде мелких вкладов. Чтобы выяснить значение такого следствия, достаточно провести параллель с сельским хозяйством, если землю в сельском хозяйстве поставить в параллель с капиталами в переделывающей промышленности и интерес капитала — с рентой на землю. Разница будет очевидна и определится тем, что общее количество земли в данной стране, как и на всей земле, прямым образом нельзя — за известными пределами — увеличить, а капитал, потребный для переделывающей промышленности, сам собою неизбежно возрастает эволюционным путем, потому что капитал должен неизбежно выдавать в переделывающей промышленности исполнителям повышающиеся заработки, часть которых в виде сбережений и образует новые капиталы, тогда как новой земли они не дают, и хозяева последней не только постепенно повышают цены на землю, но и возвышают ежегодную с нее ренту, что находится, очевидно, во взаимной связи. От увеличения мирового капитала, состоящего из сбережений, усиливается тот интерес, или процент,

который он может доставать, все равно как было бы в сельском хозяйстве, если бы с увеличением потребности в земле увеличивалось бы все количество.

Такова сущность моих оптимистических представлений, касающихся хода промышленных дел в мире. Прямо из чисел видно, что от развития промышленности прежде всего зависит общее «благо народное», так как главный выигрыш от нее достается рабочим в виде возрастания их годовых заработков; и на капитал, по моему крайнему разумению, должно смотреть как на единственное вернейшее средство увеличить общий средний достаток людей, потому что капитал может беспредельно увеличиваться и распределяться между людьми, чего вовсе лишена земля, составляющая главный основной капитал земледелия. Логические следствия отсюда многочисленны и многообъемлющи. Будучи реалистом, я боюсь, однако, вдаться при этом в рассмотрение многих сторон предстоящего промышленного развития, но все же, хоть вскользь, укажу не на утопические следствия, а на два таких, которые, по моему мнению, неизбежно должны наступить, лишь только промышленная эпоха распространится на весь мир, что, без сомнения, произойдет, как, надеюсь, доказано в моей статье о народонаселении, много что в сто, двести лет.

При начале этой эпохи, уже ныне совершающемся, еще будут уповать на земледелие, потому что свободных или малонаселенных земель еще довольно, но это очень скоро пройдет, если прирост народонаселения не будет сильно уменьшаться всякого рода неудачами и войнами, а при тесноте народонаселения неизбежны будут босяки, и вначале для их прокормления, а потом из чисто личных соображений непременно будут затеваться промышленные предприятия, т. е. по миновании переходной эпохи все страны станут промышленными и земледелие просто станет в ряд других видов промышленности. Протекцио-

низм есть не что иное, как средство ускорить наступление этой эпохи, нужной для «общего блага». Тогда-то и должны наступить два упомянутых следствия. Первое сводится к тому, что капитал, умножаясь, раздробится и хотя не распределится совершенно равномерно, но сосредоточится огромной массой в руках наиболее просвещенных и трудоспособных людей. Второе следствие, относящееся к промышленности, сводится к тому, что переделывающая промышленность станет возможною только для сборного капитала, состоящего из мелких вкладов отдельных участников[35].

До такого предбудущего порядка вещей, однако, надобно добраться не иначе как исходя из действительности, ныне существующей, а она на вид совершенно иная, и в ней капиталы сосредоточиваются у Морганов, Ротшильдов, Рокфеллеров и тому подобных миллиардеров.

Просто и коротко сказавши свою заветную мысль, во-первых, я готов утверждать, что современный порядок есть преходящий, вытекающий из разных особенностей земледельческого порядка течения дел, во-вторых, что при всех недостатках современного, еще едва начинающегося промышленного строя все же он оказывается для народного быта благоприятнее прежнего, века длившегося, земледельческого строя, как видно из увеличения среднего общего прироста народонаселения (см. гл. II), из увеличения общего народного достатка и из развития, хотя еще все же зачаточного, общего просвещения; в-третьих, мне желательно, хотя и в очень сжатом виде, выяснить свое посильное суждение о тех свойствах, которые присущи капиталу и которые создают миллиардеров.

Земледелие не только у мелких собственников, но и у владельцев больших участков земли всегда было и навсегда останется делом, так сказать, кропотливым, зависящим весьма много от каждого исполнителя. Его сосредоточение

в немногих руках, постепенно убывая, стремится к раздроблению на отдельные фермы, хотя не дробящееся до размеров, сообразных с числом исполнителей, но, во всяком случае, разделяющееся до некоторого предела, более мелкого, чем было прежде, и потому существо его влечет к тому, что крупное сосредоточивание убавляется, несмотря ни на какие майораты. Такой порядок, уже начавшийся как в фермерских хозяйствах, так и в наших наделах крепостных крестьян, в будущем, без сомнения, станет только возрастать, т. е. дробление будет увеличиваться и может доходить до китайского, или огородного, хозяйства.

Земледельческому быту в переделывающей промышленности отвечают раздробленные ремесла, и хотя это дробление прекращается при учреждении больших фабрик и заводов, вызываемых преимущественно выгодностью применения машин и двигателей, а также развитой специализацией труда, но все же никогда не мыслимо уже из-за одного господства протекционизма отдельных стран и из-за подвозки сырья такое сосредоточение производства, чтобы оно представляло все увеличивающиеся размеры, тем более что переделывающая промышленность, как земледельческая, руководится началами собственности отдельных ли лиц или каких бы то ни было ограниченных союзов, артелей, компаний и т. д., т. е. разделяется на отдельные предприятия, друг с другом вечно соревнующиеся, какие бы стачки или тресты ни затевались. На основании указанных намеков очевидно, что размеры фабрик и заводов всегда останутся ограниченными, хотя и не столь дробными, как земледельческие участки. При многообразных успехах промышленной техники, составляющих один из двигателей всего промышленного строя, немыслим иной порядок дел, как более или менее дробный у отдельных предпринимателей. Своеобразное стремление к общению промышленных предприятий

выражается за последнее время с особенною силою в том виде сделок, который всем известен ныне под именем синдикатов, трестов и т. п., вызываемых, на мой взгляд, именно тем, что переделывающая промышленность заключает уже в себе начала союзности, зависимости одних предприятий от других и связь с общей мировой торговлей. Однако во всяком случае, даже при возможности господства синдикатов, трестов и тому подобных соглашений, несомненно, что на веки веков промышленные предприятия останутся вполне разделенными и в этом отношении представляют известную степень сходства с земледельческой промышленностью, тем более что оба эти вида промышленности подчинены законам государственности и национальности, которые нельзя представить себе ни уничтоженными, ни сглаженными, ни при каких аберрациях или утопиях современного порядка течения дел, так как прогресс человечества состоит не только в его объединении, но и в развитии индивидуальных народных особенностей, находящих свое выражение в обособленности государств.

Совсем иными качествами обладает капитал, или остатки труда народного, сбереженные от потребления или в него еще не вошедшие и способные при развитии трудолюбия у народонаселения беспредельно возрастать. Не по случайности, а по существу дела капиталы, в конце концов, выражаются деньгами или меновыми единицами, способными к международному обращению. Рознь, здесь когда-то господствовавшая, постепенно уничтожается и, без всякого сомнения, стремится к полному уничтожению, которое должно выразиться, по моим «Заветным мыслям», в международных монетных единицах. Принятие золотой валюты всеми важнейшими образованными странами, совершившееся, можно сказать, лишь на наших глазах, есть первый к этому подход. У капиталов, у золота,

у монет нет и не должно быть отечества. Они переходят из одной страны в другую с легкостью, во многие разы превосходящей возможность перехода каких бы то ни было товаров, переводятся просто по телеграфному сношению, занимаются для целей одного государства в других — словом, совсем лишены того свойства, которое присуще земле в наибольшей мере, а переделывающей промышленности хотя в меньшей, но все же совершенно полной. Другая крупная особенность капиталов состоит в связи их с доверием, или кредитом, т. е. свойством, или качеством, носящим в себе признак духовных свойств. Что бы ни делали, во всяком случае, земледелие наиболее материально: ему нужно вещество земли, и оно производит чисто вещественные продукты. Переделывающая промышленность также вполне материальна, потому что для нее нужны сырые продукты и она дает готовые товары; таковы же торговля и перевозка, имеющие реальным предметом, во всяком случае, вещественные объекты. Не таков капитал, потому что он даже не в золоте, а, по существу, в труде, т. е. в движении. Чтобы сделать эту основную мысль осязательно ясной, достаточно указать на то, что капиталов обращается в мире уже ныне во много раз более, чем существует монет. Капитал столь же удобно выражается в бумажных знаках, в банковых телеграммах, даже просто в доверенных словах, как в золотых или каких-либо иных монетах. Как бы ни увеличилось количество золота, ежегодно добываемого и в мире обращающегося, все же оно не может выразить и доли тех капитальных сделок между отдельными людьми и народами, которые уже ныне существуют и которые, без всякого сомнения, растут в наше время ежечасно с большою скоростью. Массу цифровых данных, сюда относящихся, не считаю нужным приводить, если только упомяну о том одном, что капитальный долг главнейших образованных стран превосходит ныне уже

50 млрд руб. и что в одних С.-А. С. Штатах, как мы видели выше, основной и оборотный капитал, обращающийся в одной переделывающей промышленности (без торговли, железных дорог и т. п.), не менее 27 млрд руб. Конечно, не каждый рубль существующих капиталов дает рублевый кредит, на который можно получить в любое время золотые монеты, но, наверное, можно сказать, что на 10-рублевый капитал всегда и везде можно получить рублевый кредит, т. е. на рубль золотых монет. Растет капитал вместе с ростом количества труда, производящего полезности или потребности, а так как количество людей возрастает и этому возрастанию предела еще не видно (см. статью о народонаселении), то и росту полезного труда и, следовательно, капитала в мире не существует никакого предела, так как капитал вещественным образом выражается не только монетами или золотом, но и всякими у людей остающимися, непотребленными полезностями, определяемыми в конце концов стремлениями к сбережению.

Чтобы сделать дальнейшие следствия осязательными, надо напомнить еще о том, что для обращения монет существуют менялы, а для движения капиталов устроились везде в мире банки, которые относятся к менялам, можно сказать, так же, как сапожная мастерская к большой ткацкой или прядильной фабрике. В банках скопляются главные обороты не только внешние, но и внутренние для всех движений капиталов, и хотя хозяйство в банке многостороннее, но имеет все свойства такого сосредоточения, которому нельзя умственно положить никаких границ. И если в капитале есть своя движущая сила, особенно необходимая для создания современной переделывающей промышленности и торговли с перевозкой, то банки, через которые капиталы так или иначе проходят, так же необходимы для развития всего современного строя, как фабрики и заводы, и банкирам, или лицам,

производящим банковские операции, очевидно, необходима хоть малая, но постоянная доля в выгодах, достающихся капиталу. Уже из того, что в одном банке, например ротшильдовском, могут скапливаться из всего мира, из всех стран многомиллиардные капитальные годовые обороты, можно видеть, что у лиц, прикосновенных к обращению капиталов, могут накопляться громадные свои капиталы из прямых заработков. Мелкий вкладчик несет к капиталисту свои сбережения для того, скажем, чтобы получать 3 % в год на скопленные суммы, и очевидно, что банку надобно принять участие в таком предприятии, которое дает более 3 %. Вот он и ссужает свой капитал государствам ли для их оборотов или строителям дорог, промышленникам и т. п., скажем, за $3^1/_2$ или 4 %, рискуя потерять весь капитал, но в уверенности, что избранные им кредиторы в конце концов все-таки дадут ему свой остаток. Он может быть очень велик уже сам по себе, при скоплении больших оборотов у одного лица или в одном банке, но к этому прибавляются еще обороты, основанные на повышении банковских ценностей, например акций и облигаций, потому что их спрашивают частные лица для принятия участия в барышах предприятия, и если дивиденд их велик сравнительно с тем процентом, который дается по обычным ссудам, то ценность акций или облигаций поднимется и разность остается в тех руках, в которых предварительно были сосредоточены эти бумаги. Таким путем и родятся миллиардеры, подобные Морганам, Ротшильдам и Рокфеллерам. А так как поднять ценность данной бумаги, отвечающей известному капиталу и известной доходности, могут, во-первых, известного рода случайности, а во-вторых, искусственные меры биржевого характера и на такие меры есть свои искусники, как есть искусники для производства всякого вида ценностей, то и понятно, что скоплению единичных владетелей капиталов

вместе с ростом их общего количества не может быть каких-либо пределов, как есть пределы для скопления земли или фабрик и заводов у известного лица, тем более что дело касается при этом не какой-либо отдельной страны, а всего мира, чем капитальные дела глубоко отличаются от земледельческих и промышленных.

На мой взгляд, тут нельзя придумать без остановки всего промышленного роста никаких иных ограничений, кроме перехода если не всех, то многих банковских операций в руки государств. Государство, приняв участие в банковских операциях, может руководиться не только фискальными интересами казны, но и общегосударственными экономическими интересами, тесно связанными с переделывающей, торговой и перевозочной промышленностью, т. е. с коренными интересами всех своих подданных. Но, взяв не абстракт, а действительность, очевидно, что этому участию государства в банковских операциях должен существовать свой практический предел, подобно тому как есть разумный предел всяким государственным монополиям, ибо сущность государства состоит не в одной общественной деятельности, но также и прежде всего в защите *личной* самостоятельности или инициативы своих подданных. Только утопия социалистов представляет поглощение всей частной деятельности общественной, не руководимой личными интересами. Однако я не вдаюсь здесь в сравнительно дешевую критику утопий крайних социалистов, а хочу только сказать, что объединяющая и международная роль государства, по моему мнению, в будущем еще более, чем в настоящем, должна выразиться в участии государств в обращении капиталов.

Быть может, в дальнейшем изложении своих мыслей я принужден буду возвратиться к вопросам, касающимся капиталов и банков, но теперь мне хочется заключить эту статью, касающуюся фабрик и заводов, указанием на то,

что доля зла, с ними сопряженного, ничтожно мала сравнительно с развитием «общего благосостояния», которое они производят, потому что без фабрик и заводов не накормить иными способами, в особенности земледелием, босяков, или то, что прежде всегда называлось пролетариатом. Но уже из численных данных, вышеприведенных для переделывающей промышленности С. Штатов, да и по самому существу всего дела несомненно, что одна комбинация босяков и капиталов не может образовать или вызвать сама по себе народного блага. Тут входит громадная сумма посредствующих необходимостей, между которыми просвещение с изобретениями, им вызываемыми, развитие трудолюбия и инициативы, вызываемое так называемыми гражданскими учреждениями или доверием, определяющим существенный признак капиталистического строя, стоят на первом плане, а потому к ним и обратимся в дальнейшем изложении.

11 августа 1903 г.
Боблово

Глава V
По поводу Японской войны

Причины особого подъема патриотизма при начале Японской войны. — Кичливая похвальба японцев. — Значение берегов Тихого океана в ходе русской истории. — Необходимость предстоящих на нас натисков по причине свободы расселения, вдвое большей у нас по сравнению со всем остальным миром. — Большая разность отношения к Китаю и Японии. — Состояние разных соотношений и умов в России к началу 1904 г. также выясняет особый и единодушный подъем патриотизма. — Соображения о конце войны

Ни противоположность образцового доблестного подвига «Варяга» с позорным — без объявления войны — первым натиском японских миноносок, ни продолжительность мирного затишья, требуемого рядом народившихся внутренних потребностей при большой военной подготовке, ярче всего видной во всеобщей воинской повинности, ни наступившая с занятием нами Порт-Артура особая близость соприкосновения с желтой расой, всегда — с незапамятных времен месопотамских шумероаккадиан и с почти забытого монгольского нашествия — враждебной всем белолицым, ни обаяние русского имени в Азии, ни даже внезапность начала жестокой войны на окраине, удаленной более чем на восемь тысяч верст от сердца России, не объясняют в должной мере того общего подъема сознательного патриотизма или долга пред страной, какой наступил в России с началом Японской войны. Уже учителем гимназии (в Симферополе и Одессе) видел я близко порыв севастопольской борьбы и хорошо помню энтузиазм болгарской освободительной войны, не говоря уже о войнах Кавказских, Среднеазиатских и Китайской, теперь же вижу что-то гораздо более сознательное и твердое, более решительное и длительное, имеющее, по всей видимости, значение историческое. Так полагают и многие

мои старые друзья. И невольно хочется писать в ответ на неизбежный вопрос: от чего же зависит такой подъем? В моем ответе может сказаться часть моих заветных мыслей в наиболее ясной форме, а потому уже теперь (хотя рановато) решаюсь говорить, как диктует мне разум и опытность, вначале о внешних, а потом о внутренних причинах, определяющих повышенное против нормы отношение России к начавшейся войне.

В чем другом, только не в самообожании можно упрекать русских людей, умеющих уживаться и даже сливаться со всякими другими. Это нас сильно отличает не только от китайцев, достоинствам которых должно отдать многое, но и от англичан, гордящихся — не без правильных оснований — своим первенством во всем передовом мировом значении, не говоря уже о евреях, считающих себя единственным народом Божьим и за эту гордыню лишенных всех благ независимого государственного преуспеяния.

Законную степень народной гордости, составляющую принадлежность любви к отечеству[36], должно глубоко отличать от кичливого самообожания; одно есть добродетель, а другое — порок, или зло, задерживающее движение прогресса, требующего, по моему крайнему разумению, прежде всего признания принципиального равенства народов, без которого немыслимо правильное приближение к идеальному сочетанию личных «свободы, равенства и братства».

Несомненно, что между китайцами, англичанами и евреями, как простыми, так и просвещеннейшими, есть немало отдельных лиц, думающих подобным образом, как есть между русскими узкие самообожатели своей страны, но в больших массах, в тех, которые привыкли называть народом, отдельные из них характеризуются довольно ясно степенью развития порока самообожания, а в нас, русских, при всех других наших недостатках, этот развит

очень слабо. С турком и ламаитом, как с немцем и англичанином, мы готовы дружить и делиться и отыскивать у них свои особые достоинства, если только они того захотят и готовы протянуть к нам руку так же охотно, как протянули французы, долго с нами враждовавшие.

Такова уж наша покладистая природа, не терпящая похвальбы самообожания и рвущаяся обнять весь мир. В нас возмущается заветное, живое, хотя и совершенно бессознательное чувство, когда пред нами чем-либо кичатся даже в частной жизни, а в государственной, выражающей (хоть и не всегда) так или иначе равнодействующую общенародных ощущений, и подавно. И вот рядом с самообожающей похвальбой англичан да немцев выступили недавно японцы и ну нас корить всеми нашими недостатками и похваляться своими прирожденными, а особенно вновь приобретенными достоинствами, начиная с того, что они-де лет в тридцать приблизились к современному совершенству, начиная с парламентаризма, больше, чем мы успели в два столетия, а потому стали похваляться и взаправду верить, что они нас побьют, хотя их всего около сорока пяти миллионов, а у нас около ста сорока. Хвастливой похвальбы немало слышали мы ранее, но шла она с Запада, от наших действительных учителей, к ней мы привыкли, а тут не из тучи гром расшевелил наши просонки. Успех внезапного коварства, хвастливость этим перед европейцами и азиатами, притворяющимися сочувствующими японцам, наша видимая неподготовка и некоторая темнота всех исходных событий играют немалую роль в разгаре того чувства, с каким Россия отнеслась к натиску японцев, в сущности ничего не выигравших своими почти оригинальными приемами.

Поступи так с нами какой угодно другой народ, на какой бы то ни было грани России, был бы общий подъем духа, похожий на случившийся, но и то едва ли в таком

размере, конечно, за одним совершенно, однако, для меня ныне немыслимым исключением, столь же внезапного и коварного нападения, да с лживой похвальбой, со стороны ближайших западных соседей, с которыми, благодаря Бога, никаких столкновений, кроме тарифных, нынче не предвидится и даже, на радость нашему благодушию, как будто бы напрашиваются сближения.

Разность отношения зависит от многих причин, причисляемых мною к внешним, хотя все же стихийным или едва-едва сознаваемым.

Между ними видное место занимает положение театра войны на Великом, или Тихом, океане, который, вероятно, в недалеком будущем станет больше других бурлить от бомб броненосцев и крейсеров да от мин всякого фасона. В старых наших сказках зачастую уже говорилось про море-океан, означая тем инстинктивное стремление из лесов и степей добраться до свободных теплых морей, а вся сознательная история России, особенно со времен Александра Невского и Великого Петра, явно направилась к укреплению на морских берегах как на местах наступившей истории человечества, которому кроме опоры для жилья и почвы для хлеба насущного нужны и взаимные сношения, и свобода, и мирный охват, выраженные сильнее и величавее всего свободными морями, преобладающими по величине поверхности над сушей, очищающими или омывающими и в известной мере уравнивающими всю землю.

Самобытность народного сознания о единстве, выражаемом государственностью, отлично согласуется не с тем нивелирующим космополитизмом, который стали проповедовать умственные еретики XIX в., ас тем необходимым, даже неизбежным, реальным сближением всех народов, о котором, кажется, все сказал, что думал, уже в первых главах своих «Заветных мыслей», и с тем идеалистическим

единством, которое заставляет из белых, желтых, красных и черных людей делать один зоологический вид (*Homo sapiens*) и которое проще всего выражается единством разума или истины, совести и справедливости, не довольствующейся заветом любви к «ближним», а стремящейся распространить ее и на «дальних», до негров, китайцев и полинезийцев включительно. Центростремительная сила наша, однако, столь велика (ибо от нее мы и стали народом историческим), что брала не раз верх над сказочной центробежностью, которая видна даже в судьбе наших занятий Калифорнии, Аляски и Шпицбергена. Дошли мы первее всего до входа в свободные океаны на Белом море, но тут свободу хода сдерживают и до сих пор льды Северо-Полярного, или Ледовитого, океана[37], куда текут воды громадного большинства наших рек. Двинулись затем вниз по матушке по Волге, да не нашли выходов из ямы Каспия[38], хотя они и были когда-то и будут искусственно достигнуты в будущем, когда, наполнив свои рынки, наши товары пророют соединительные каналы между низовьями Волги и Дона, как уже проектировано довольно давно, но почти уже совершенно позабыто в настоящее время, и когда с запрудою Керченского пролива, как рассчитал мой покойный сын (см.: В. Д. Менделеев. Проект поднятия уровня Азовского моря запрудою Керченского пролива. Посмертное издание, 1899), углубится Азовское море, давая тем возможность глубоко сидящим морским торговым кораблям входить (без перегрузки) вглубь нашего богатого Юго-Востока, а военным нашим судам — безопаснейшие порты.

Настал за этим славный для нас и для всего мира XVIII век, когда мы твердо сели у морей Балтийского и Черного, оттеснив для того тевтонцев, шведов, татар и турок, но и тут оказались свои преграды в виде узких проливов, ведущих к свободным океанам, принадлежащих

соседям, а не нам, и длинных берегов, уже оживленных всеми благами жизни на грани свободных вод, омывающих всю Землю. И стало нам казаться да кажется иным и по сей день, что мирными трактатами, да дипломатическими сделками в связи с мирным давлением на владетелей Мраморного моря, да мерами, подобными переводу порта из Кронштадта в Либаву, можно обойтись во всем океанском нашем стремлении. Судьба Сан-Стефанского договора и следовавшего за ним Берлинского конгресса, а затем рассуждение о том, что за выходом из проливов встретим не друзей, а противников, нас желающих остановить во что бы то ни стало, убедили теперь, кажись, всех, что тут и впредь мало будет толку, хотя в идеале — при всеобщем вооружении — и стали мелькать лучи Гаагской мирной конференции, которой, на мой простецкий взгляд, недостает устройства международной полицейской власти, соблюдающей исполнение приговоров международного суда, как обычная полиция обеспечивает приговоры гражданских и уголовных судов. Пока мы по морям везем народу нужные хлеба да продукты лесов и нефти, недостающие у других, еще мирятся с этим, лишь бы мы сами жили впроголодь, освещались скудно и горели ежегодно на все барыши нашей внешней торговли. Но не об том нам говорила сказка, когда упоминала о «лукоморье», о «водах ясных» да о «витязях прекрасных». Не по нас темная канитель неясных соглашений, и наши глаза стали искать иного выхода; коль его нету здесь, поищем в другом месте.

Ведь Атлантический океан — куда мы с грехом пополам летом попадаем чрез Финский залив, Балтийское море и Немецкое море прямо к берегам Великобритании, очевидно, нам ныне не особо дружелюбной (хотя с ней-то нам лучше было бы столковаться для обоюдных выгод), или через Черное, Мраморное и Средиземное моря — едва превосходит Индийский океан, к которому для нас

мыслим, и то с великим разве трудом, доступ только при помощи Персидского залива, опять запертого Ормузским проливом. Тихий, или Великий, океан больше суммы двух названных, т. е. в два раза превосходит Атлантический, потому что в первом около 165 млн кв. км (без заливов и морей Японского, Охотского, Берингова и т. п.), а во втором (без Средиземного, Черного и Балтийского морей) — лишь около 80 млн кв. км[39]. Сибирские казаки дошли и доплыли до берегов Тихого океана немного разве после Магеллана, раньше Кука, и первые из европейцев укрепились на берегах этого величайшего океана, хотя и не доставили сколько-либо точных о нем сведений. Лишь долго потом благодаря Невельскому, Муравьеву и Игнатьеву подвинулись мы на тех берегах к югу, т. е. к Китаю и Японии. Но и тогда за кучей своих более близких, домашних дел мало кто у нас глядел в ту сторону, на те берега.

Внимание наше к ним обратилось только после того, как миротворец Александр III, провидевший суть русских и мировых судеб более и далее многих своих современников, решил, что надо всеми способами покровительствовать развитию всех видов промышленности в своей стране, и как можно скорее, с двух сторон, повелел строить Великую Сибирскую железную дорогу, чтобы связать Россию с теми берегами Тихого океана, где нет ни полярных льдов, ни стесняющих проливов в чужих руках. Туда отправил он и своего наследника, заложившего во Владивостоке концевую часть пути, а затем достроившего и всю его громадную длину.

Только неразумное резонерство спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело, теперь же, когда путь выполнен, когда мы крепко сели на теплом и открытом море и все взоры устремлены на него, всем стало ясно, что дело здесь идет о чем-то очень существенном, что тут выполняется

наяву давняя сказка. К этому надо прибавить указание на всем известный перелом хода всех дел в Японии и отчасти в Китае, на события японо-китайской войны, бывшей за 9 лет сему назад и конченной Симоносекским договором, подписанным Японией только по настоянию России и ее союзников (за этот-то договор теперь и хотят отомстить нам японцы), затем на большой интерес, обратившийся в 1900 году на международное «усмирение восстания Больших Кулаков», кончившееся тем, что европейцы получили новые льготы в империи Богдыхана.

Но и всего этого еще недостаточно: указанные события приобретают свое правильное освещение только при сознании великого будущего на берегах Тихого океана, что выяснилось лишь в самом конце XIX века и связано с тем, что земной шар оказался уже вполне охваченным цивилизующим влиянием европейских народов, их промышленности, организации и просвещения, а на азиатских побережьях, до тех пор полусказочных, куда пришлось теперь устремить все взоры, живет ведь много больше людей, чем на берегах Средиземного, Черного и Балтийского морей и всего Атлантического океана. Там началась ярмарка новой мировой жизни, и впереди виден ее разгар. Недаром немецкий император пишет картину, указывающую на народы Дальнего Востока, недаром и чуткий мой покойный друг В. С. Соловьев стал проповедовать о возможности покорения Европы массами сынов желтой расы. Хотя мне и кажутся напрасными все страхи подобного рода, но о них мне следует говорить, чтобы выяснить сознательность того русского внимания, которое за последние годы обратилось к нашему Порт-Артуру, к Корее и Маньчжурии, чтобы стала понятной одна из причин особого подъема русского духа при желании Японии войной нас оттеснить от берегов Тихого океана.

Не надо молодому[40] русскому народу ни картины немецкого императора, ни вдохновенных рассказов Соло-

вьева, ни сознания противоположения белой расы с желтой (это, на мой взгляд, тщедушная попытка резонерства), ни всех этих видов на представляющее торгово-промышленное значение Великого океана, чтобы сплотиться с молодым пылом для защиты всяких попыток отнять у нас хоть пядь занятых там — на Тихом океане — берегов, потому что эти берега действительно свободны и первые дают нам тихий и великий путь к океану и Тихому, и Великому, к осуществлению родной сказки, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет совершаться на берегах и на водах Великого океана. Инстинкт молодежи тут сошелся с взвешенным суждением стариков. Оттуда и напряженность пыла, вызванного Японской войной.

К двум указанным выше причинам особого подъема патриотического чувства, проявившегося при объявлении Японской войны, считаю совершенно необходимым прибавить еще две другие, также внешние, а именно нашу необходимость держаться в готовности войн и нашу особенность отношений к Японии.

Не подлежит никакому сомнению, что русский народ, взятый в целом, принадлежит к числу мирнейших и его лучше всего уподобляет сказка сонливому доброму молодцу из такого-то села, больше всего думающего о своей пашне, умеющего выносить «страду», но не умеющего заставлять ее делать для себя других. Вся наша история это показывает; три четверти наших войн были защитными от половцев, от татар, от тевтонских рыцарей, поляков и шведов да турок, от набегов черкесских, киргизских и хивинских да от посягательств западных европейцев, и если мы после этих войн часто расширялись, то лишь для того, чтобы оберегать себя от дальнейших покушений на наши земли; лишь маленькая часть русских войн, вроде

суворовской в Италии и Венгерской, приходится на долю преследования целей внешней политики, а затем остальная часть русских войн велась для освобождения славянских наших братьев. Тот путь, которым Россия расширилась до громадной современной величины, особенно в Азии, определился больше всего тем, что почти без войн делали казаки, присоединяя к Русской державе земли маленьких народов, затем охотно сливавшихся с Россией, так как через это слияние их выгоды были, очевидно, большими, чем для покоряющей России. Как бы там ни было, с ледовитыми тундрами у нас скопилось 22 млн кв. км земли. А так как в квадратном километре 100 га (1 гектар равен 0,915 десятины, т. е. немногим только меньше десятины), то на 140 млн русских подданных приходится около 2200 млн га, т. е. примерно по 16 га (точнее, по 15,7 га) на душу в среднем, хотя есть русские губернии, например в числе польских, где на человека в среднем приходится лишь около десятины, и есть края совершенно пустынные — вроде северных сибирских тундр. Если дело идет о густоте населения, то оно, конечно, может касаться только крупных единиц, подобных целой России, потому что внутреннее распределение жителей по поверхности государства[41] составляет уже дело местных порядков, не имеющих ничего общего с государствами, странами и народами. В этом отношении положение России чрезвычайно поучительно, потому что в ней оказывается вдвое свободнее, чем во всем остальном мире, взятом в целом, не говоря уже о том, что рядом с нами, например в Германии, приходится лишь 1 га на жителя. Вся поверхность суши вместе с необитаемыми тундрами и пустынями вроде австралийских едва достигает 135 млн кв. км, и на всей суше живет всего около 1620 млн людей всех возрастов. Если теперь из этого числа жителей исключить 140 млн русских подданных, останется всего жителей,

кроме России, 1 480 млн, а всей земли для них (вычитая из 13 500 млн га 2200 млн га) — 11 300 млн га, т. е. на каждого приходится около 7,7 га земли, следовательно, ровно почти вдвое меньше, чем на каждого русского подданного в среднем.

Многознаменательно это отношение, потому что оно показывает совершенную исключительность нашего положения, в особенности если не принимать во внимание удаленные от нас Африку, Америку и Австралию с их малой густотою населения. Многие ближайшие наши соседи с востока (Япония), юга (например, Китай, Балканский полуостров) и запада живут теснее нас. Так, например, в Японии на 46 млн жителей — менее 42 млн га земли, т. е. на каждого жителя приходится менее гектара, т. е. менее и того, что в Германии. Если мы теперь обратим внимание на то, что главные черты истории определяются стремлением народов заполучить себе землю, что за последний век выразилось преимущественно в колониальной политике, то станет донельзя очевидно, хотя бы мы приняли во внимание и громадность наших бесплодных тундр, что наша земля представляет великий соблазн для большинства окружающих нас народов, т. е. что нам помимо всяких соображений должно быть готовыми к отпору против аппетитов, естественно свойственных всем людям. Конечно, мы размножаемся за последнее время с такою быстротой, какой, наверное, нет у наших соседей, т. е. можем быстрее их увеличивать численность своего народонаселения, и не подлежит сомнению, что многие из северных наших земель не составляют лакомого куска ни для кого, но все же нам нельзя по чувству самосохранения не принимать в большое внимание указанных выше соображений. Это значит, что мы должны быть еще долго и долго народом, готовым каждую минуту к войне, хотя бы мы сами этого не хотели и хотя наши императоры Александр III

и благополучно царствующий государь явно и торжественно выразили русское миролюбие своей инициативой. Хотя мне как русскому, выросшему в Сибири, где на чудо всему миру совсем не было сколько-нибудь заметных войн, чрезвычайно симпатично стремление ко всеобщему миру, о котором молится каждый день Церковь, но я совершенно ясно понимаю, почему русский народ без большого доверия относится ко всяким миролюбивым тенденциям; ему в том чудится несогласие с реальной действительностью, грозящею именно нам больше, чем кому-нибудь на свете, бедствиями военного быта.

Поэтому-то японская вспышка на Дальнем Востоке не удивила русских, а, так сказать, заставила их очнуться от призраков возможности долгого мира и повторять, что мы ничего другого и впереди не видим, как войны да войны. Тут, по моему мнению, находится одна из причин, объясняющих ту пылкость, с которой все рванулись к представившейся войне.

Как народ очень реальный, русские не могут долго жить самообманом и в своем царе прежде всего видят своего державного предводителя русских войск, защищающих простор земли, нужный для скорого умножения русского народонаселения. Сколько бы нам ни твердили извне и сколько бы раз сами мы ни чувствовали, что будущность наша много зависит от качества внутреннего строя жизни, но живой, чисто реальный инстинкт подсказывает нам при этом всегда, что важнее-то всего оборона страны и организация ее военных сил. Японская война случилась именно в то время, когда ребром становились в уме русском вопросы этого рода и здоровое народное, русское решение нашло свой исход по случаю дерзкой войны, объявленной Японией.

Как ни покладист русский человек, как он ни хочет мирно жить со всеми народами, как ни широки его объя-

тия, все же у него к одним народам исторически сложилось более дружественное отношение, чем к другим, в особенности к тем, которые его дразнят. Для русского человека совершенно безразлична китайская кичливость, прозывавшая все народы варварами, потому что в этой кичливости мы участвуем рядом со всеми прочими некитайскими народами, и наше добродушие никогда не оставляло нас в сношении с китайцами, мы даже не раз им помогли в критических положениях, например в 1859 и в 1895 гг., при внешних опасностях и при Тайпинском восстании, при внутренней опасности. Едва ли какой другой народ в мире отдает столько справедливости, как мы, китайцам. Ведь они сумели сохранить семейственную благодушность и миролюбивое следование за своими мудрецами при всех исторических передрягах, с ними бывших. Другие народы совсем исчезли или слились с пришельцами в обстоятельствах и условиях гораздо менее тяжких, чем китайские. Их не понимают правильно, когда полагают, что это народ по природе косный и принципиально одряхлевший, потому что судят о китайцах только по современному Китаю в его внешних проявлениях, забывая, что народ этот раньше европейцев изобрел не только письмена и бумагу, но и печать, что он противник войн, великий и передовой земледел, умеющий обходиться без аристократических привилегий, почитающий мудрецов и лиц ученых, добродушный и верный, изобретший и компас, и астрономические счисления, сумевший сам по себе хлопок превратить в ткани, которыми мы пользуемся, открывший искусство получать шелк из червяка, изобретший фарфор, давший всем людям чай, нашедший порох и т. д. Чтобы получить единственно правильное понятие о Китае, надо не забывать, что он и по сих пор находится под маньчжурским игом, да вообразить, что произошло бы с Россией, если бы татарские ханы,

покорив Москву и Киев, не откочевали бы в заволжские степи, а сели бы в Москве или Киеве, объединили бы всю тогда разбитую на клочки Россию в одно сильное государство, приняли бы нашу веру, окрестили бы в нее татар, предписали бы производить экзамены по старообрядческим книгам и «Домострою» и отдавали бы все должности только тем татарам, которые хорошо выдержали экзамен по готовым требованиям, заключающимся в этих книгах, да блюли бы интересы только свои, татарские. Надо полагать, что в этих условиях не родились бы преобразователи, подобные Грозному, Годунову, Петру Алексеевичу и его наследникам, и мы были бы не то что китайцы, а, вероятно, пониже их, потому что за нами не было бы веков изобретательности и мудрости первоначальных, коренных китайцев.

Сходство было бы, однако, несомненно, в том, что и мы восставали бы против пришельцев, как они бунтуют все время с тех пор, как монголы их объединили, и маньчжуры их еще больше обособили от всего мира. Большие Кулаки — это, в сущности, такие же повстанцы против маньчжурского ига, как бывшие тайпинги и дунгане, только с азиатской мудростью переведенные на озлобление против пришедших варваров, что и послужило прекрасным способом дешево отделаться от внутренней неурядицы. Этим объясняется и то на первый взгляд совершенно непонятное явление 1900 г., что правительственные китайские войска, предводительствуемые обычно маньчжурами, действовали то против Больших Кулаков, то вместе с ними. По моему посильному мнению, китайцы современные в существе своем смирный, земледельчески трудолюбивый, торговый, промышленный и во всех отношениях весьма способный народ, только лишенный организационной способности и мало склонный к воинским приключениям. Мне кажется затем, что сами они при всем

избытке народонаселения если куда и пойдут, то не к нам в холодные страны, а уж, скорей, в такие теплые места, как Индия, Зондские острова, Австралия и т. п.; не подобьют их против нас и японцы, если не сумеют в том заинтересовать маньчжурских властителей, а в этих последних довольно прозорливости и расчетливости, чтобы рискнуть на дело очертя голову, когда они видели от России столько помощи, а от Японии только набеги. Не в характере китайца, как я его понимаю, бросаться в военные приключения или поступать зря, как то свойственно, по всей видимости, именно японцам. Отношения наши к японцам совсем иного рода и сопряжены почти всегда с неприятными воспоминаниями. Достаточно напомнить, каким изменническим маневром захватили японцы в былые времена нашего первого к ним посланца капитана Головина в начале XIX ст. и каким гадким приемом полицейский рыцарь (самурай) Японии сзади напал на цесаревича, мирно осматривавшего примечательности курьезного края, в конце того же столетия. Для русского коварство и японцы до некоторой степени сливаются. Если вспомнить затем, что мы никогда не пытались затронуть этих островитян и даже радовались, что они начали приобщаться к европейской культуре, то станет понятным большое недовольство, распространившееся у нас, когда японцы выдумали вмешиваться в наши отношения к китайцам, маньчжурам и корейцам, а когда дело дошло до изменнического начала военных действий, невольно проснулось недоброе к ним чувство. Конечно, мы простим со временем, быть может, и им, как туркам, станем помогать со всем доброжелательством, но такого отношения, как к китайцам или корейцам, маньчжурам или монголам, конечно, никогда не будет в России, потому что мы их не трогали, а они первые пошли на нас и против наших естественных отношений к нашим соседям по суше. Притом

это и народ совсем иной, чем китайцы, лишенный всякой оригинальности, по существу ничего не давший миру, хотя и умеющий ловко принимать заимствованные образцы. Если им тесно уже у себя, пускай они отыщут себе свободные уголки, но только не рядом с нами, которых они не раз коварно обманывали своими приемами.

Вот те внешние, как я их назвал, причины, по которым Японская война отозвалась у нас особенно пылким общим подъемом патриотического чувства. Но эти внешние причины не все еще объясняют, их одних, мне кажется, недостаточно для понимания того состояния, в котором мы находимся. На то есть причины временные и внутренние, чисто русские, т. е. такие, по которым ко всякой войне, вспыхнувшей около начала текущего года, русские отнеслись бы с большим порывом, чем в другое время. Причина та определяется напряженным вниманием, с которым вся Россия ждала за последнее время чего-то нового, крупного, определяющего и передового. Люди, прожившие царствование императора Александра III, ясно сознавали, что когда наступила известная степень сдержанной сосредоточенности и собирания сил, направляемых от блестящих, даже ярких преобразований и новшеств предшествующего славного царствования — к простой обыденной мирной внутренней деятельности, особо относящейся до народной промышленности и до финансов, так как о них пред тем почти забыли, а они напомнили о себе давлением извне.

Важнее всего, что тогда от немцев мы повернули в сближение к французам, а в долах наших финансов и промышленности сделали чрезвычайно важные шаги, особенно благодаря прозорливости таких исполнителей, как бывшие министры И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте. Нижегородская выставка, подведшая часть итогов прошлого царствования, задумана и решена была отцом, хотя и открылась только после коронации державного

сына, и ему же пришлось не только закончить Великую Сибирскую дорогу преимущественно на небывалые давно избытки в финансовых поступлениях, но и совершить многознаменательнейшую реформу денежного обращения, составляющую одну из основных причин того, что нам теперь не страшна с финансовой точки зрения никакая война, чего не бывало во все продолжение XIX ст. С отменой крепостничества, с выкупом земель, с устройством гласного суда, всеобщей воинской повинности и земства Россия уже крупно выиграла в своем внутреннем быте, а оттого и в своем внешнем значении или достоинстве, установленном ее размерами и военными силами.

Но ее современное положение во всем мире не в меньшей мере определяется несомненным ростом ее промышленности, устройством ее финансов, золотым обращением, союзом с Францией и явно миролюбивыми тенденциями, составляющими несомненные плоды прошлого и текущего царствований, слившихся в этих отношениях в одно целое. Отчасти явно отсталая, отчасти же бесшабашная доля передовиков стала, однако, затем уверять, а простодушные и лишенные критических способностей русские люди стали даже искренне верить, что со всеми этими успехами русский народ пошел назад, а не вперед, что бедность наша растет, как и наши неурядицы, что мы в ходе нашего развития после преобразований 60-х и 70-х годов стали отставать и что у нас для одних надо развить аристократизм, усилив и без того не слабое дворянство, а для других, наоборот, наш и без того принципиально явный демократизм, оставить в стороне всякий милитаризм и сосредоточиться исключительно на гражданском нашем устройстве, от явных недостатков которого зависит-де вся наша бедность и умножение босячества. В наветах тех если не запутался, то стал сильно запутываться здравый русский ум, а кто-то стал даже полагать, что Россия близка к революции.

Напрасны тут уверения действительности в противном, на место явных фактов русского успеха выставляются несомненные факты русских бедствий, забывая о том, что было ранее, и не обсуждая того, что было при современном положении вещей, если бы не было мероприятий двух последних царствований, и все требуя каких-то крупных преобразований, подобных тем, какие совершил Александр II, а каких — о том только шептались, кивая на Японию и всегда ссылаясь на действительно уже излишние у нас, по моему мнению, стеснения печатного слова. Думая со своей стороны, что военное время, вся современная напряженность благодушного русского духа, как и недавние слова царя, позволяют теперь больше и прямее говорить, чем было еще недавно, я не оставлю сказанного выше в одних крупных намеках и, рискуя то, что на уме у массы здравомыслящих русских людей, коснусь с некоторой определенностью тех фактов и намеков, о которых упомянул выше и которые особенно выяснились как раз ко времени начала Японской войны, то есть к началу текущего года.

Не теперь, а в следующих статьях предполагается мною говорить обо всем этом с той подробностью, откровенностью и ясностью, с каким взялся писать свои «Заветные мысли», но теперь же со всей возможной краткостью постараюсь придать полную определенность своим утверждениям, чтоб не могло быть тех основных недоразумений, из-за которых чаще всего у нас происходят огульные суждения и осуждения, зависящие зачастую от той ложной исходной мысли, что в сложнейшем практическом деле внутреннего устройства страны неизбежно необходимо и всего желательнее общее единомыслие по отношению к частностям, тогда как, по моему мнению, тут возможна правильность только при выборе из ряда свободных суждений, хотя бы и далеко друг с другом несходных.

Мои суждения не претендуют быть общими, хотя стремятся быть и правильными, и свободными, и прилагаемыми к делу.

Чтобы быть понятым по существу, прежде всего мне следует сказать, что со своей стороны я понимаю совершенную необходимость в гражданской жизни как мер решительно резких, так и осторожно-постепенных, или, иначе, как революционных, так и эволюционных действий, как со стороны власти, так и со стороны общей массы, но эволюционным влияниям придаю гораздо большее значение, чем революционным. Чтобы показать для людей, не освоившихся с тем языком, которым я заговорил, необходимость и смысл действий революционных, мне кажется достаточно сказать, что освобождение крестьян я причисляю именно к таким действиям, а польза от освобождения крестьян, бесспорно, громадна.

Что же касается до эволюционных действий, то для выяснения их смысла достаточно сказать, что в 60-х годах, когда самое слово «эволюция» еще не было в ходу, в частном разговоре (то было в Париже, в Café de la Regence) со знаменитым уже тогда И. С. Тургеневым я развивал мысль о наибольшем значении ясно сознанных и разумных, но не резких и быстрых, не крупных по виду, но влиятельных мер и преобразований; а мой знаменитый собеседник сказал: «Так вы, значит, постепеновец, и я тоже стал им, хотя был прежде иным». Мне очень памятно это слово, «постепеновец», и я думаю, что оно лучше, чем «эволюционист», выражает сущность того мышления, которого вместе со многими другими я придерживаюсь, потому именно, что в самом понятии о постепенности видны разумность, воля и неспешное достижение цели, тогда как эволюция говорит только об изменении и последовательности. Был и остаюсь «постепеновцем», хотя и не думающим всегда держаться пословицы: «Тише едешь — дальше будешь».

Затем самое главное и важнейшее, на мой взгляд, решить, обеднел ли или нет, или же разбогател русский народ в целом своем составе за время последних двадцати трех лет, т. е. во время, протекшее с кончины императора Александра II? Суждение мое о том, что русский народ за это время в целом много разбогател (как вообще, так и на одного, т. е. в среднем), основано на ряде всяческих статистических данных, начиная с чисел о миллиарде мелких народных сбережений, вложенных в сберегательные (сохранные) кассы, о числе выпущенных акций и облигаций, о запасах золота в кладовых государственного банка, о величине торговых оборотов, о количестве грузов, движущихся по железным дорогам и водным путям, о ценности земель и услуг и т. п. Все это выразимо цифрами, но не привожу их, потому что считаю достаточно известными всем, только недостаточно принимаемыми во внимание. Откуда же, спрашивается, и в частных разговорах, и в газетно-журнальных статьях столь часто, явно или в темных намеках, происходит утверждение, будто народ наш начал беднеть?

По мне, отнюдь не от пустого верхоглядства или недовольства и тем паче не от одного злостного недоброжелательства, как утверждают зачастую наши ярые охранители, а просто от того, что внутриполитически народ наш еще малозрел и привык все главные улучшения своего быта видеть совершающимися сразу, мановением руки, как было ярче всего при царях Московских, при Петре Великом и впоследствии в деяниях Александра II; все же то, что сделалось в последнее двадцатилетие, происходило понемногу, путем не тем скорым, который выше был назван революционным, а постепенно, не вдруг, способами эволюции, без резкой ломки старого, созидая лишь новое на основании данного. Особенно это касается до всего промышленно-торгового и денежного. Дела эти

никак не могут иметь шумного революционного характера, т. е. течь быстро, а могут происходить только понемногу, без важных переворотов, постепенно.

Да и шли они большею частью за то время порывистыми скачками, под влиянием временного прояснения мыслей и не без порывов бросить намеченные пути, во всяком же случае без должного объяснения твердости новых исходных начал, с большой и явной разноголосицей из разрозненных центров. Особенно это относится до дел промышленности и торговли, которые, очевидно, должны: 1) занять со времени освобождения крестьян и с введением первых сельскохозяйственных улучшений много-много рук освобожденного народа; 2) перестроить много прежних отношений чисто сельскохозяйственного, или начального, быта; 3) переместить центры тяжести многих внутренних соотношений прежнего быта; 4) занять людей не столько страдным трудом, сколько настойчиво-постоянным, требующим подготовки, внимательным и, надо сознаться, малопривычным нашему народу, и 5) увеличивать все больше и больше общий и средний труд и достаток на основании разработки несметных запасов, данных нам природой.

Вести по этому пути, бесспорно, трудно, но начала положены хорошие, и пришло время, когда и тут нужны стали меры хотя и постепенные, но ясно, твердо и бесповоротно обозначенные, тянулась же какая-то канитель неясностей и нерешительности. Привык же народ к влияниям и мерам иным, а на такие мелочи, как небольшие перемены в величине таможенных пошлин, изменчивость или постоянство денежного курса рубля, на изобилие или отсутствие звонкой монеты и внимания обращать почти не хотел. Шуму и блеску не было, совершались же дела важные и трудные, а думали и стали утверждать, что после

эпохи преобразований ничего не делается полезного. Чтобы хоть в одном примере указать разность нынешнего от прошлого, достаточно вообразить, что бы произошло со всеми нашими денежными оборотами при объявлении Японской войны, если бы не было мероприятий времен Александра III и Николая II.

В эти два царствования больше, чем когда-нибудь ранее, стали всемерно на государственные средства по возможности ослабляться бедствия временных и местных голодовок, всегда и во всем мире, даже в тропической Индии, сопровождающих тот начальный, или земледельческий, быт, который остался от эпохи преобразований и еще поныне считается у нас наилучше могущим обеспечить народ от бедности, но который в действительности составляет только первую, или начальную, ступень в развитии благосостояния, а потому и силы государств, их порядка и возможного общего благоденствия. Современные голодовки выставляли на вид, а про прежде чаще бывавшие у нас голодовки, сопровождавшиеся несравненно большими бедствиями, многие говоруны или позабыли, или даже, по-видимому, не знали.

Последнее должно полагать справедливым особенно по той причине, что единственный способ, которым многие государства Европы избавились от бедствий возобновляющихся голодовок и достигли быстрого роста благосостояния жителей, состоит именно в доставлении на развивающихся разнородных видах промышленности и торговли средств для правильного движения вперед на пути преуспеяния, а об этом самом и стали более и деятельнее всего заботиться именно в последние десятилетия благодаря ныне царствующему императору. «Босяки», тщетно ищущие прочных заработков, но всегда бывшие на Руси, без всякого сомнения, за последние десятилетия

сильно у нас умножились по причине небывало большого прироста народонаселения, еще малого развития переселения на свободные земли[42] и поздно начавшегося роста промышленности и всякой предприимчивости, дающих этим босякам прочный заработок, а стране — новые виды богатств, предметов торговли и общего достатка. По мнению немалого числа наших знахарей, тут видно только падение «исконного» нашего промысла — хлебопашества и необходимы только всемерные заботы о земледельческом росте страны. Учреждение особого Совещания о нуждах сельского хозяйства косвенно одобрило таких людей, и о «зле промышленного покровительства» стали говорить не одни крупные землевладельцы, но всюду, где говорилось о предстоящих России дальнейших преобразованиях. Наступившая сбивчивость понятий о главной цели — общем благе народа — выяснилась при спросе мнения местных комитетов.

Считаю не излишним повторить (подробнее это говорил уже ранее, в первых главах моих «Заветных мыслей»), что большинство забывало или, правильнее, не понимало, что земледелие после некоторого истощения, в коренной России уже наставшего, для своего правильного, усиленного и выгодного роста (на площадях, давно распахиваемых) требует капиталов несравненно больших, чем учреждение вновь совокупности других видов промышленности, а дает заработки — при своем надлежащем усовершенствовании — гораздо меньшему числу жителей, чем другие виды промышленности при том же размере вновь затраченных капиталов, что избыток в производстве хлебных товаров сильнее роняет их продажную цену (а поэтому и заработки), чем избытки в производстве почти всех важнейших иных товаров (как, например, уголь, железо, ткани и т. п.), потому что потребление на душу этих последних быстро

возрастает по мере удешевления стоимости производства и торговой цены, а для хлебов лишь пропорционально числу людей, что надлежащее современное развитие земледелия возможно только рядом с развитием других видов промышленности, требующих продуктов, не терпящих далекой перевозки, доставляющих машины, удобрения и близких потребителей, что земледелие, особенно у нас, дает лишь на короткие недели много труда, не обеспечивая никаким заработком наибольшую часть года, и т. д.

Уже из того, что достаток стал переходить из прежних землевладельческих рук в разные новые, особенно к инженерам и промышленникам, уже из того, что учение стало требоваться в небывалых до сих пор размерах и стали искать жизненного, а не одного словесного или литературного образования, уже из того, какие сюжеты стали описывать и читать, видно стало явное наступление какого-то особенного перелома, в сущности составляющего естественное последствие преобразовательной эпохи, последовавшей за Севастопольской войной. Когда вспыхнула Японская война, напряженное ожидание какого-либо выяснения разноречий от городского населения начало уже переходить в сельское и стало принимать острый характер — жгучего вопроса.

Ожидание было совершенно естественным и, по существу, благодушным, неестественно же было подозревать в этом ожидательном состоянии какую-то крамолу, что-то грозящее правильному течению дел, и только люди, совершенно не знающие Россию, могли думать, что наступившее ожидание может дать поводы к существенным внутренним беспорядкам, как о том писалось, однако, не раз в заграничных газетах и говорилось в некоторых будирующих у нас кружках и во многих праздноболтающих наших сферах — только от скуки и рисовки. Мне думается,

что в Англии и С.-А. С. Штатах худо и мало осведомленные люди, а от них заправилы Японии полагали именно так, что малейший внешний толчок теперь, дескать, повредит России более, чем когда-либо ранее, потому что этим воспользуются недовольные внутри страны, и я полагаю, что всем очевидный общий русский патриотический порыв по поводу столь внезапной Японской войны сделал ясной ошибочность скороспелых суждений о состоянии внутренних русских порядков и убеждений.

Каждый русский, начиная от царя, судя по его манифестам, знает, что у нас еще многое не в должном порядке, что во многих наших внутренних делах настоятельно нужны прогрессивные, т. е. улучшающие, реформы, но большинство верит в то, что придут они ныне лишь медленно, что они могут прийти в свое время и сразу или быстро, а что такое время у нас чаще всего тесно связывается с нашими внешними войнами.

Здравый русский ум, весь характер народа и вся его история показали ему, что войны для нас составляют своего рода революционную передрягу, освежающую весь воздух страны и дух ее правителей, а за войнами следуют почти всегда новые внутренние успехи и преобразования. Эти последние по русскому упованию неизбежно последуют с концом современной Японской войны потому уже, что она, надеюсь, открыла всем глаза на необходимость быть нам готовыми к еще многим войнам в недалеком будущем, а готовым можно быть ныне только внутренне благоустроенному государству, с обеспеченными условиями роста всего общего благосостояния. Необходимость же недалеко предстоящего напора на нас с разных сторон видна, по мне, уже из того, что у нас на каждого жителя, как показано выше, приходится в два раза более земли, чем для всего остального человечества (с лишком 15,7 га на душу в России и 7,7 — в остальном мире), если же принять

во внимание *лишь* наших непосредственных соседей, то еще в большей пропорции.

	Поверхность в млн га	Число млн жителей	На 1 жителя приходится га земли (около)
Швеция и Норвегия	77	7,4	10,4
Германия	55	56,4	1,0
Авчтро-Венгрия	68	45,5	1,5
Румыния, Сербия и Болгария	28	12,4	2,3
Европейская и Азиатская Турция	194	23,2	8,5
Персия	164	9,0	18,2
Афганистан	62	4,6	13,5
Китай (с пустынями Монголии)	1114	426,5	2,6
Корея	22	9,7	2,3
Япония	42	46,5	0,9
С.-А. С. Штаты	981	85,6	11,5
Всего:	2807	726,8	3,9

Выходит, что близкая к нашей свобода расселения существует из наших соседей у персов, афганцев, североамериканцев, шведов, норвежцев и турок, а у немцев и японцев тесноты раз в 15–17 более, чем в России.

В общем же целом у нас раза в четыре свободнее, чем у совокупности всех наших соседей. Войны же (как и переселения) ведут, прежде всего, из-за обладания землей, т. е. чаще всего сообразно с теснотой населения. Так ветер идет из мест большого давления в места с меньшим давлением. У Японии тесноты больше, чем у всех наших соседей. Она и начала. На нас пока еще мало напирают, потому что есть Южная Америка, Австралия и, главное, Африка со своими пустынями и редким, которого европейцы не боятся ни теперь, ни впредь, черным населением, но в статье о народонаселении (гл. II) уже показано, что прирост населения ныне — это за последнее лишь время — так велик (много, много сильнее, чем в былые века, как доказано там же численно), что еще чрез какие-нибудь сто, много, двести лет во всем мире в среднем будет столь же тесно, как

теперь в Германии, а кругом нас и очень уж тесно. Поэтому-то нам загодя надо, во-первых, устраивать так свои достатки и все внутренние порядки, всю частную свою жизнь, чтобы размножаться быстрее своих соседей и всего человечества, что мы теперь, т. е. в последние десятилетия, с успехом и выполняли, а во-вторых, нам необходимо помимо всего быть начеку, не расплываться в миролюбии, быть готовыми встретить внешний напор, т. е. быть страной, быстро возвышающей свои достатки всемерно (как земледельцы, как промышленники и как торговцы), пользующейся богатствами и условиями своей земли, блюдущей внутренний свой порядок и внешний мир, и в то же время страной, всегда готовой к отпору всякому на нас посягательству, то есть страной, прежде всего военной, как это поняли наши императоры. Грозными нам надо быть в войне, в отпоре натисков на нашу ширь, на нашу кормилицу-землю, позволяющую быстро размножаться, а при временных перерывах войны, ничуть не отлагая, улучшать внутренние порядки, чтобы к каждой новой защите являться и с новой бодростью и с новым сильным приростом военных защитников и мирных тружеников, несущих свои избытки в общее дело. Разрозненных нас сразу уничтожат, наша сила в единстве, воинстве, благодушной семейственности, умножающей прирост народа, да в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия. Японский парламент одобрил решимость своего правительства воевать с Россией, а мы и без парламента явно для всего мира всемерно одобряем свое правительство вести эту и всякую оборонительную войну, зная, что так надо не только для минуты, но и для предстоящего нам будущего. Все говорит, что мы дружно, спокойно, бодро пошли на вызов врагов, так пойдем, Бог даст, и завсегда, несмотря ни на какие нам ясно видимые внутренние недочеты.

Не просто по одному инстинкту самозащиты, а по сумме общих впечатлений — такие, по моему мнению,

сложились убеждения у главной, страшно преобладающей массы молодого русского народа, взглянувшего на японскую войну как на начало предстоящей эпохи, когда будут повторяться внешние натиски на занятую нами землю и станут в промежутках еще и еще улучшаться внутренние наши порядки.

Так, полагаю я, полуинстинктивно думает молодой наш народ, а мне, старику, хочется объяснить это внутреннее наше состояние не впечатлениями минуты, а сложившимися условиями, подлежащими мере и весу, так как мне и на старости лет приходится стоять у дела мер и весов. Числам можно многое доверить, потому что их можно проверить, а они показывают, что на нас должны напирать, отпор же давать нельзя не устроенной внутри стране. Мне уже поздно воевать, глядя в могилу, но в виду ее еще есть довольно сил, чтобы говорить об устройстве внутреннего быта, для чего и пишутся мои «Заветные мысли», и я полагаю, что, чем проще, откровеннее и сознательнее станут русские речи, тем бодрее будут наши шаги вперед, тем дольше будут длиться мирные промежутки между оборонительными войнами, нам предстоящими, тем меньше на Западе, Востоке и Юге будут кичиться перед нами и тем более выиграет наше внутреннее единство, страдающее более всего от того, что, «беснуясь в метафизических мышлениях», наши передовики часто забывают вносить надлежащую сознательность в народную уверенность о правильности своеобразных основных начал, завещанных нам всем прошлым и открывающих благие виды на предстоящее. Оставляя врагам мысль о пользе для них наших внутренних разноречий, мы показываем миру наше единодушие в порыве общего чувства, когда японцы подали к тому прямой повод, и я убежден, что это наше единодушие не менее наших штыков и пуль сдерживает натиски наших врагов.

Задумав писать свои «Заветные мысли», я вовсе не хотел говорить о внешних войнах; своим наступлением японская война до некоторой степени прервала намеченную нить статей о внутреннем нашем строе, как счастливо удавшаяся операция (сделанная профессором И. В. Костеничем), возвратившая полуутраченное зрение, прервала наступившее во мне отношение к внешнему миру. Угасавшие глаза заставляли углубиться внутрь и изложить заветы, внушенные протекшею жизнью; теперь физический глаз открылся, войны внешние увидел, но даже в смысле их успешного течения еще больше выступила надобность улучшений внутреннего быта, особенно в областях народного образования и развития производительных сил страны, что немыслимо для меня, с одной стороны, без сохранения исторических наших основных начал, а с другой — без усовершенствования всей сложной машины самодержавного управления столь обширною страною, какова борющаяся теперь с Японией Россия. Мои мысли всегда были «постепеновскими», таковы, конечно, и все «Заветные», войны же носят характер временный, преходящий, глубоко отличный от эволюционного и названный выше революционным, а потому мне следует кончить эту статью, пожелав России успеха в отпоре натиска, в самостоятельности условий предстоящего мирного соглашения и в необходимых внутренних преобразованиях, а Японии — сверх милости русского царя — возрождения разумности и осторожности, без которых можно потерять не только приобретенное положение в мире, но даже и Формозу, могущую опять годиться Китаю вместо части Маньчжурии. Хотя поверхность Маньчжурии (94 млн гектаров) велика, вдвое более, чем всей Японии, но жителей (около 8,5 млн) в ней мало, так что на каждого приходится около 11,6 гектара, а это от нашего недалеко; туда-то, а не в Корею хотят попасть наши теперешние

враги. На Формозе же (поверхность — 3,5 млн гектара, жителей — 2,7 млн) тесновато (1,3 гектара на жителя), так что она, как и Корея, мало подходит для избытков японского народонаселения.

Март 1904 г.

Когда была кончена предшествующая статья и я прочел ее некоторым из своих друзей, многие из них выразили сожаление о том, что в ней ничего не говорится о возможном конце войны, т. е., правильнее сказать, о том, чего можно требовать от Японии после благоприятного для нас исхода войны, в котором никто не сомневается. Хотя мне понятна вся рискованность ответа на предлагаемый вопрос о «дележе шкуры», тем не менее я его стараюсь высказать с полной определенностью по той причине, что при этом можно выразить одну из заветнейших моих мыслей, состоящую в том, что разнообразие народов, стран, государств, религий и тому подобных отношений вполне необходимо еще ныне для правильного течения всего дальнейшего прогресса человечества. Не одному мне, а, вероятно, немалому числу лиц приходилось слышать завистливые речи по отношению к всемирному могуществу и господству Англии на всех морях и такое вожделение, по которому России будто бы суждено приобрести на старом материке такое же господство. Моему уму совершенно чужды подобного рода соображения, прежде всего уже потому, что я не могу никоим образом сравнивать расширение Великобритании, особенно в Индии, с расширением России, особенно в ее азиатских областях. Одно основано на нарочитом желании покорять, иметь у себя в руках потребителей для избытков произведений метрополии, а другое вынуждено историческими событиями, более или менее побочными, не имеет никакого отношения к производительности России и клонится к тому, чтобы народы, вошедшие в ее состав, постепенно слились

с ее коренным населением. Английские захваты во всех концах мира, хотя не прямо, но вполне отвечают тем соображениям, которые подвигали Александров Македонских и Наполеонов I сделаться всемирными обладателями, а наши очень далеки от подобных классических мечтаний, стремящихся при помощи материального господства нивелировать весь мир. На основании такого суждения я бы желал, чтобы японцы, как китайцы, жители Индии или даже негры, развивались совершенно самостоятельно, без прямого нашего вмешательства, так как у нас и без них довольно дела внутреннего на занятой площади земли. Пусть окажется, например, вследствие упорства японцев надобность занять их страну, начиная операцию этого рода с Сахалина, все же после войны нам нет никакого повода и никакой разумной причины не только покорять Японию, но и делать ее в каких бы то ни было отношениях от нас зависящей. Это потому, что мы не можем ассимилировать такой большой народ, как японцы, так как им и самим очень тесно, а нам в их условиях, с нашими привычками к шири жить невозможно.

Почти то же хотелось бы мне сказать и по отношению к Корее, т. е. я бы не желал, чтобы Россия добровольно, сама собой заняла эту страну, если она сама не пожелает войти в наш состав. Все территориальное, что, по моему мнению, желательно достичь, в конце концов, после успешного окончания Японской войны, сводится к приобретению занятой уже нами части Маньчжурии, по которой проходит путь к Порт-Артуру. Атак как Маньчжурия — страна китайская, то вознаграждение за нее желательно достичь соответственными уступками со стороны Японии для Китая. Будет ли это вознаграждение состоять из Формозы, возвращаемой Китаю, или из передачи этому последнему части японского флота, или в чем-либо другом, мне нет никакого до этого дела. Япония начала войну, она, если ее

потеряет, должна и платиться за нее. Здесь, однако, встает коренной вопрос о том, что мы и без войны уже заняли с согласия Китая часть принадлежащей ему Маньчжурии, а потому может казаться, что закрепление за нами Маньчжурии последует само собой и не может составлять нашего трофея победы, если таковая будет. «Что за выгода и что за вознаграждение военных убытков в приобретении того, что фактически уже считается за нами?» — спросят, вероятно, очень многие, проникнутые той совокупностью мыслей, какая господствует в настоящее время всюду. Мой ответ на такой вопрос касается тех начал, которые проникают всю нашу историю, по моему крайнему разумению. Наши усилия более всего содействовали освобождению — почти сто лет тому назад — Германии, Австрии, Италии и других стран Западной Европы от гегемонии Наполеона вовсе без прямой цели что-либо завоевывать. То же мы сделали, содействуя освобождению Румынии, Сербии, Болгарии, Герцеговины и др. от турецкого господства, да и Китаю мы помогли временным занятием Кульджи не по английскому рецепту, возвратив ее Китаю. Наши начала иные, и в их-то смысле, мне кажется, после самого успешного окончания Японской войны, лучше всего ничего себе не брать (конечно, не считая контрибуции), кроме того, что у нас находится в руках уже сейчас и что нам нужно для выполнения наших исторических задач, часть которых, без сомнения, лежит в развитии нашего Дальнего Востока, прилегающего к Великому океану. Этим путем, как успешным окончанием войн с Наполеоном и Турцией, мы поддержим обаяние нашего имени в гораздо большей мере, чем подражая в каком бы то ни было виде англичанам, особенно же по отношению ко всей Азии, в которой наша роль должна остаться освободительной и просветительной.

Пусть война из-за упрямства японцев затянется, мы вытерпим ее тяготы теперь при запасах, собранных усилиями

последних царствований, если могли вынести почти трехлетнюю войну 1812–1814 гг. Все, что известно о Японии, напротив того, показывает, что ей долго терпеть жестокую войну не по силам. Бояться нам нужно только рановременного окончания войны, вмешательства посредников и своего благодушия, которое может спешно пойти на мир, если нас о нем попросят, оставляя нам лишь Маньчжурию, а Корею предоставляя Японии. Но до этого, Бог даст, не дойдет не только потому, что мы довольно научены прежним опытом вроде Берлинского конгресса, но и потому, что кичливость Японии не позволяет думать, что она сама скоро попросит о мире. С формальной стороны, для заключения благоприятных для нас условий мира, кажется, следовало бы принять во внимание даже и то обстоятельство, что Корея, допустив оккупацию Японией, сама отдалась в руки судьбам войны. Если мы при этом поступим великодушно с Кореей, оставив ей независимость, на мой взгляд, мы покажем небывалый в истории образец, лучше всяких дипломатических нот раскроем глаза всему свету на задачи, которые мы преследуем, и нам будет спокойнее за будущее, чем многим другим народам. Пожелаем же нашим войскам побед, а нашей дипломатии — прозорливости.

10 апреля 1904 г.

Глава VI
Об образовании, преимущественно высшем

Взаимная связь правительственного, промышленного и просветительного строев. — Личное и общественное, или индивидуальное и социальное — Социализм и периоды истории. — Возраст, предметы и учителя средних учебных заведений. — Их специализация и сочетание в них абстракта с конкретом. — Доступность их для всех имеющих подготовку не исключает необходимости как надзора и руководительства за успешностью занятий, так и различий в аттестации. — Влияние отдельных профессоров, их общего Совета, товарищей и практических занятий. — Способы испытания. — Число слушателей и занимающихся. — Число предметов и специальностей. — Аттестация. — Стипендии и другие виды пособий слушателям

Сказав в предшествующих статьях свое посильное мнение по некоторым вопросам внешних отношений нашей страны по сравнению ее с остальным миром, считаю теперь возможным прямо обратиться к трем основным, центральным предметам, ради которых и начаты мои «Заветные мысли», а именно к изложению своих мнений, относящихся до настоятельных мероприятий, необходимых, по крайнему моему разумению, в нашей правительственной системе, в нашем промышленном строе и в нашем просвещении. Знаю, что никто моих мнений об этих предметах не спрашивает, никому до них и дела не будет, однако писать решаюсь преимущественно по двум причинам. Прежде всего по той, что ради упрочения общего народного благосостояния всеми, начиная с царя, признается необходимость улучшений в современном течении дел по трем вышеназванным предметам и о недостаточности их современного положения до того часто толкуют, что нет надобности над этим останавливаться,

своего же пригодного к делу, т. е. практически исполнимого, плана, исходящего из тех или иных общих начал, обыкновенно при этом не выясняют, мне же думается, что одно критическое отношение здесь недостаточно, а всего важнее обсуждение планов или основных приемов действия, о которых у меня сложились в голове свои представления, и мне нежелательно замалчивать об этом, так как во всем сколько-нибудь общем и сложном слово должно предшествовать делу, хотя в единоличном этого может и не быть, по указанию воли, привычек и сложившихся убеждений.

Во-вторых, решаюсь говорить про три названных предмета по той причине, что слышу и читаю о них много такого, с чем никак согласиться не могу, вдаваться же в критику и полемику отнюдь не желаю, однако сметь иметь свои убеждения и излагать их считаю себя вправе на исходе лет, когда личные интересы гаснут, а опыт жизни многому научил. Притом мысли свои берусь излагать отнюдь не наставительно, а лишь как свой посильный вклад в общее дело и только в виде набросков карандашом или картонов, без отделки подробностей и без красок. Кому приглянется — разрисует или воспользуется хоть частями. Вопросы, сюда относящиеся, будут рано или поздно решаться на таком верхе, до которого мой голос и мои наброски едва ли достигнут, но я надеюсь, что отзвуки откровенного голоса и силуэты стареющей руки хотя слабо, но сколько-нибудь да проникнут куда следует, потому что сделаны они без задних и личных мыслей, на основании опыта и дум.

Словом, пишу так, как Бог в душу вложил; защищаться и оправдываться поэтому вовсе не полагаю, не считая, однако, свои слова последними и не отказываясь пристать к другим мнениям, если они покажутся мне не только удовлетворительными в теоретическом смысле, но и возможными для практического осуществления.

Начну с вопросов образования, преимущественно высшего[43], не только потому, что оно близко мне знакомо, так как преимущественно ему был отдан весь цвет моей прошлой жизни, но и потому особенно, что плоды всяких мероприятий, относящихся к народному просвещению, зреют вообще очень медленно, медленнее, чем для мероприятий, касающихся промышленности и правительственного строя (для высшего образования, однако, немного скорее, чем для низшего и среднего), а без них нельзя ни представить, ни даже ожидать правильного в современном смысле направления ни для правительственных учреждений, ни для промышленности, так как там и тут, прежде всего, необходимы просвещенные исполнители. Однако для понимания задач просвещения, в особенности высшего, не должно ни минуты терять из виду обратной зависимости хода просвещения от течения дел правительственных и промышленных, так как просвещение получило правильное направление и истинное развитие только для удовлетворения государственных и общественных потребностей или надобностей, а они многозначительнее и первее всего выражаются ростом и усложнениями правительственных и промышленных отношений, подразумевая под первыми не только одно коронное и выборное чиновничество, но и воинство, учителей, пастырей церкви и т. п., а под вторыми — не только фабрично-заводские дела, но и сельскохозяйственные, горные, перевозочные и всякие профессиональные. В стране с неразвитою или первобытною правительственною машиною и промышленностью нет спроса для истинного образования, особенно высшего, и там, где господствуют вялость и формализм, самостоятельные специалисты с высшим образованием не находят деятельности в общественных и государственных сферах, а потому впадают или в метафизические абстракты и уродливые утопии, или

просто в отчаяние и излишества, а в лучшем случае — в ненужную диалектику и декадентское празднословие. Истинно образованный человек, как я его понимаю в современном смысле, найдет себе место только тогда, когда в нем с его самостоятельными суждениями будут нуждаться или правительство, или промышленность, или, говоря вообще, образованное общество; иначе он лишний, и про него писано «Горе от ума».

Высшее образование в его специальном объеме достигается только трудом, и очень долгим, и дается только немногим к нему способным, а лица, его получившие, повсюду пользуются особыми преимуществами, или, если угодно, привилегиями, отнюдь не потому, что они имели практическую возможность получить такое образование, а лишь потому, что они нужнее и полезнее других сравнительно с массой людей, не получивших или не могших получить такой же меры образования. Другими словами, образование есть благоприобретенный капитал, отвечающий затрате времени и труда и накоплению людской мудрости и опытности. Преимущества, или привилегии, доставляемые высшим образованием, конечно, зовут к себе многих, и никакому сомнению не подлежит, что многие из жаждущих — не образования, а привилегий, им доставляемых, — не в силах вынести на своих плечах ни того, что нужно для достижения этого высшего образования, ни тех общественных обязанностей, которые оно налагает на лиц, его получивших, т. е. обязанности служить тем или иным путем для общественных и государственных целей, которые и выражаются, прежде всего, в правительственных органах и руководительстве промышленностью.

Древний идеал «совершенного человека», т. е. «силача и мудреца», к нашему времени, когда общественная жизнь преобладает над личною и тем глубоко отличает

современное общество от простого стада или кагала, суммирующего личные интересы, ныне уже не удовлетворителен, или, правильнее сказать, должен быть усложнен тем понятием, что человек тем более совершенен, чем более он полезен для широкого круга интересов общественных, государственных и всего человечества. Это требование тем законнее или тем справедливее, что высшее образование ныне исключительно или, по крайней мере, почти исключительно доставляется средствами, затрачиваемыми обществами или государством. Высшее просвещение для одного единоличного удовлетворения, без общественно-государственной деятельности совершенно не удовлетворительно, на мой взгляд, в наше время, так как в том или ином виде схимник, аскет, эпикуреец и вообще индивидуалист того или другого вида суть произведения уже прошлого, представители личного блага без всякого прямого отношения к общественному, выступающему — без порабощения — тем тверже и влиятельнее, чем теснее, мирнее, и переплетаясь интересами, уживаются люди на занятой части земли, т. е. чем более удаляются они от начального, стадного, кое-кому еще любезного быта.

В решении сомнений, сюда относящихся (их я знаю и понимаю, потому что в них более или менее долго оставался), должно искать исторический ключ к пониманию множества вопросов, касающихся до дела народного просвещения. Отдельные лица с их личными интересами всякого свойства составляют, конечно, начало общества, их интересы первичные, но не всеобъемлющи, и «Общественный контракт» («Contrat social») Ж. Ж. Руссо так же не удовлетворяет надобности современной и предстоящей жизни людей, как буддийский аскетизм, платоновская республика с ее рабами да с презрением к скромному труду и ницшеанский «сверхчеловек», потому что во всех них господствует индивидуализм немногих, а живущие

совместно с развитием индивидуализма немногих начала общественности, полнее всего и ярче выраженные в государственности, до такой степени скрываются, что подвиги действительных героев лишь ложно объясняются желанием славы, дела же «долга» не личного, а общего прикрываются какою-то тогою личных отношений, или эпикурейством магометова рая, или стоицизмом, в сущности всё, кроме себя самих, презирающих. Становясь на такую точку зрения, мне кажутся совершенно выясняемыми многие отношения, касающиеся современного высшего народного просвещения. Такова моя основная мысль. Личное, нераздельно связанное с общим, т. е. преимущественно государственным, предшествует как в общей истории, так и в жизни каждого лица этому общественному, или государственному, как детство предшествует зрелости. Как в детстве преобладают животные и личные требования над требованиями, вызываемыми сношениями с другими людьми, так и во всем просвещении первые предшествуют вторым.

По этой мысли в начальном и среднем образовании должно преследовать преимущественно развитие личное, а в высшем образовании — общественное и государственное. Личное, или индивидуальное, само по себе всякому даже малоразвитому человеку, даже животному понятно, просто и ясно, а общее, или государственное, начиная с материальных отношений этого рода, например в промышленности и в войне, и кончая высшим и моральным, например в деле религии, долга и просвещения, становится понятным и требующим настоятельного удовлетворения только понемногу, только при скоплении людей, только при увеличении народонаселения и только под влиянием вдумчивого отношения ко всей современной совокупности обстоятельств сложившихся условий жизни. Личному, или индивидуальному, отвечают права,

свобода — до произвола включительно и разумность — до рационального вывода истины, а общему, позднее развивающемуся, соответствуют обязанности, преклонение пред законом и признание истины лишь трудным путем опыта и наблюдений. Надо, очевидно, сочетание личного с общим, и одно первое, даже доведенное до райского блаженства, уже не удовлетворяет требованиям возрастающего мышления, успокаивается лишь удовлетворением общему. Всегда это жило, но в зародышном состоянии, теперь же, когда люди стали столь быстро множиться (см. гл. II), оно выступило явственнее прежнего во много раз, и общее, по своей широте захватывая личное, обнимает все индивидуальное, хотя по самому своему существу отнюдь не вытесняет его, даже не ставит на дальний план, а просто стремится к согласованию с ним, как в науке безличный опыт — с личным рассуждением, конкрет — с абстрактом. Не хочу, да, признаться, даже и не в силах, если бы и захотел, доказывать эту свою заветную мысль, а желаю только достичь ясного о ней представления. Для этого мне кажется достаточным, с одной стороны, указать на способ понимания того, что называется социализмом, а с другой — обратить внимание на сумму исторических перемен, наступивших к нашему времени.

Хотя происхождение социализма должно искать в глубокой древности, но всем известно, что учение это стало приобретать последователей преимущественно во вторую половину XIX ст. Сущность этого учения настолько известна, что я не считаю надобным на этом останавливаться, а быстрота распространения учения социалистов, несмотря на всю несообразность многих понятий, конечно, поражала многих, и я не раз слыхал объяснения этой быстроты тем, что социализм отвечает дурным наклонностям людей и потому привлекает их массы, а иногда ставят распространение социализма в зависимость от расширения

фабрик и заводов, банкиров и капитализма, антимонархических начал и пролетариата. Не отвергая влияния всех этих сторон на распространение очевидно ложного учения социалистов, я полагаю, что главную для того причину должно искать в том, что новейший социализм по названию и до некоторой степени по своему существу должно противопоставить индивидуализму, так как последний имеет в виду, прежде всего, благо отдельного лица, а социализм благо общее, для всех одинаково равное, так сказать, обязательно равное.

Социализм ответил известным образом преобразованию времени, когда начали уже понимать, что личное благо возможно лишь только внутри, а внешнее удовлетворение более или менее необходимо для всех живущих — иначе наступит рано или поздно беда, даже личная. Его стремление идти наперекор всей истории человечества, всегда более или менее выставляющей значение как личных, так и общих начал, впало в такое внутреннее противоречие, по которому внешние мелкие личные интересы удовлетворяются в равной мере для всех, а наиболее творческие начала, начиная с прогресса и изменений всякого рода, совершенно уничтожаются, потому что они определяются не общим стремлением, а всегда единоличной инициативой. Внутреннее противоречие между красивым названием и некрасивым содержанием социального учения ведет к тому, что умы пытливые и уравновешенные, наиболее способные к восприятию новых начал повсюду стали отвергать это учение, и оно увлекло только малоразвитых людей, в которых погашена живая струна личной инициативы, и впереди видится только потребность в хлебе насущном и в удовлетворении низких склонностей. Следствия социализма очевидны: застой и неизбежность порабощения новыми, или свежими, народами, чуждыми утопических увлечений

социалистов; для них общее благо низводится исключительно только до сытости.

Развитие человечества началось именно с признания потребности сперва личного, а потом и общего блага, и на их сочетании покоятся все законы и образы правления. Но то одно, то другое временами берет верх, и вот ныне, когда крайнее процветание индивидуализма начинает, видимо, забирать верх, появление социализма и его быстрое распространение становятся понятными по существу. Его общественное и моральное значение в известной мере можно считать даже благоприятным для общего роста сознательности, особенно если иметь в виду «теоретический социализм», но предлагаемые в нем приемы прямо несообразны с целью, которой желают достичь, и я не думаю, как полагают, однако, многие, что учение социалистов служило источником для возрождения таких общегосударственных предприятий, как виды государственных монополий (например, железнодорожных), попечения о рабочих на фабриках и заводах, всеобщего страхования и т. п., потому что уже с древних времен видны начала, из которых развились подобные меры, выражающие собою известную форму сочетания государственных интересов с личными.

Уже возникновение постоянных войск, водохранилищ, орошений, даже дорог и почт свидетельствует о том, что государственные средства никогда принципиально не отождествлялись с понятием казны как собственности правящих классов, а назначались для удовлетворения тех общих потребностей, которые могли быть выполнены только большим сборным государственным капиталом.

Во всяком случае, увлечение социализмом, по моему мнению, нельзя правильно понимать, если не принять во внимание лучших его стремлений к достижению общего блага и если не видеть, что основную ошибку социализма

составляет подавление личной инициативы, которая в сущности своей ведет ко всем видам прогресса, заставляя, как показал Тард, массы народа «подражать» единоличному примеру. Словом, утопия социализма есть крайняя противоположность утопии индивидуализма. Истина в срединном сочетании.

Моя мысль об отношении единоличного к общему, или индивидуального к социальному (которое должно явно отличать от социалистического), скажется, я полагаю, еще яснее, если я выражу уверенность, что глубокие изменения во множестве прежних, стародавних отношений заставят, по моему мнению, признать наше время концом «новой» истории и началом «новейшей», или современной. Новая история характеризуется преобладанием и развитием интересов индивидуальных, новейшая должна дать наибольший простор и широкое, прежде небывалое развитие интересам социальным. Внешним признаком наступления новейшей истории можно считать распространение, и даже преобладание во всех частях света начал западноевропейской, или, лучше, латиносаксонской, цивилизации, в усовершенствовании которых и протекла большая часть новой истории. Эта последняя начинается с открытия Америки, теперь уже занявшей самостоятельное и видное положение во всех мировых отношениях. Новейшая история, начинаясь с распространения тех же начал на громадные пространства Азии и Африки, введет народы этих частей света в общую историю человечества, и в ней китайцы и даже негры должны занять такую же роль по отношению к остальному миру, какую заняли С.-А. С. Штаты в новой истории. Но С.-А. С. Штаты, в сущности, представляют тех же западных европейцев, пересаженных на новую почву и в новые условия, тогда как у китайцев, индейцев и негров есть уже много своего народа со многими своими особенностями до расовых включительно,

и эти народы, сколько бы ни восприняли общеевропейской цивилизации, все же останутся со своими особенностями и, без сомнения, внесут в мир много такого, что отличит новейшую историю от новой в большей мере, чем эта последняя отличается от «средней». Борьба всякого рода, начиная от войн, на мой взгляд, при этом неизбежна, и нельзя допустить мысли, чтобы она кончилась, подобно тому, как кончилась война европейцев с североамериканскими индейцами, и вновь вступившие в мировую область народности Азии и Африки, по моему разумению, должны внести для удержания своей самобытности усовершенствование начал цивилизации выражением, даже преобладанием общественно-социальных начал в такой мере, которая еще не существует в нашем обиходе, преимущественно индивидуалистическом. Надо же помнить, что Древний мир обновлен преимущественно вследствие пришельцев из Азии, что там родились и воспитались начала широкой государственности, правда первобытной, что там же да в прилегающих частях Африки (Египте) зарождались наука и религии, что там раньше Европы сложились условия возможности быстрого размножения людей и что в одной Азии живет более половины всех людей, а в одном Китае (426 млн) более, чем во всей Европе (380 млн). Взойдя в мировую жизнь при помощи европейцев, а они явно входят уже, азиаты повлияют на эту жизнь, и повлияют общностью, массою. Они выиграют в индивидуальных отношениях, а европейцы — в социальных. И всем будет лучше. Только, на мой взгляд, произойдет это никак не при помощи таких грубоподражательных [государств, как Япония], умеющих быстро собезьянить лишь такие внешности, как фабрики, флот, парламент, войско и т. п., а, вероятнее всего, при помощи таких оригинально-устойчивых, крепко-живучих (потому что верят кое во что, но без фанатизма), благодушно-

мирных и многочисленных народов, каковы преимущественно китайцы. В новейшей истории они должны выступить на мировую сцену; их влиятельная самобытность видна уже в том, что они чужды воинственности и аристократизма, умели приручить себе покорителей (монголов и маньчжуров) и сохранились тысячелетия, как ни один другой народ. Значит, в них есть нечто высшее, общее или социальное.

Все главные части нашей русской истории совершились в новую эпоху человечества, мы восприняли начало латино-саксонской цивилизации позднее других западноевропейцев, и ни для кого не подлежит сомнению, что мы сохранили больше, чем западноевропейцы, некоторые начальные стороны азиатской жизни. По мне, все это может послужить к нашему благу, тем более что мы географически занимаем середину между настоящим Западом и Востоком и что сравнительно молодое Русское царство еще легко может одолеть труд объединения двух важнейших частей человечества. Волей или неволей по срединному нашему положению и по громадности протяжения наших азиатских границ, даже по причине текущей Японской войны мы должны принять большое участие в готовящихся мировых событиях. Чтобы при этом уцелеть и продолжать свой независимый рост, нам необходимо не только быть готовыми к отпору всякому на нас внешнему посягательству, но и всемерно позаботиться о таковом своем развитии, которое ответило бы нашим особенностям, нашему положению и предстоящим нам делам, а для этого, конечно, первее всего надобно скорее приняться за установление твердых начал всей нашей образованности, которая доныне, сказать правду, бралась лишь напрокат с Запада, а не делалась нашею благоприобретенною собственностью. Классические недостатки западноевропейского, преимущественно диалектического,

образования усилились у нас до того, что, за небольшими изъятиями, относящимися преимущественно к специализированному образованию, особенно высшему, у нас знание отождествляется с говорением или изложением. Хорошо говорящий, особенно же бойко пишущий почитается и знающим то, о чем идет речь. По существу это значит, судя по сказанному выше, что все наше образование направлено преимущественно в сторону индивидуалистическую, подобно древнему или средневековому, и на деле вовсе чуждо задачам жизненным и общегосударственным, для которых истинное знание состоит в умении видеть действительность, уловить условия, принять их в расчет и сообразно со всем этим найти выполнимое или в данной частности пригодное разрешение, будет ли то постройка машины, или ведение предприятия, или исполнение поручения, личное ли или общественное дело. Разговор и слова нужны, но они только начало, вся суть жизни — в делах, в умении перехода от слова к делу, в их согласовании. Начальное и даже все среднее общее образование должны иметь дело преимущественно со словом, а высшее — с делом, с жизнью, с общественными, так сказать, внеиндивидуальными отношениями.

От этих общих, или предварительных, соображений пора, однако, перейти к частностям, касающимся высшего образования, потому что в них виднее выступят мысли, которые мне желательно высказать. Но предварительно все же считаю полезным изложить, хотя и очень кратко, то, что считаю необходимым видеть в среднем образовании, для того чтобы оно могло дать свои настоящие плоды в жизни и преимущественно в высшем образовании.

В отношении к среднему образованию мои основные мысли сводятся к следующим положениям.

1. Нормальным возрастом для среднего образования должно считать период от 10 до 16 лет. Ранее 10 лет

неизбежно должно идти первоначальное обучение грамоте, счету, первым правилам жизни, приучению к труду и началам религиозным, без которых нельзя приступить к среднему образованию, оттого и носящему свое название, что ему предшествует начальное обучение и за ним следует высшее образование. Продолжать общее среднее образование далее 16, много что 17 лет, по моему мнению, не только совершенно излишне, но даже вредно, потому что юноша в указанном возрасте способен уже понимать философские начала, неизбежные при высшем образовании, и еще достаточно впечатлителен, чтобы в надлежащей мере увлечься высшими интересами избранной им специальности; жизненные же требования взрослого возраста, резко выступающие в период выше 20 лет, еще его не отвлекают от этого учения, необходимого для того, чтобы получались истинные специалисты. Один из крупнейших недостатков современного у нас среднего образования, особенно в гимназиях, состоит именно в том, что оно напрасно затягивается и из гимназий выходят уже в том возрасте, когда растут усы и борода и когда пора уже бросать школьные порядки и входить в жизнь со всеми ее треволнениями. Знаю это по опыту, потому что все 7 классов гимназии прошел тогда, когда мне еще не было 16 лет, и было это в холодном Тобольске, так что о влиянии юга здесь не может быть никакой речи. В Главном педагогическом институте у меня немало было товарищей, начиная с К. Д. Краевича, поступивших в возрасте 16–17 лет и успевших затем и в учении, и в жизни. Начав доцентуру в университете в 1856 г., я имел еще между немногочисленными своими слушателями немало безбородых юношей, горячо потом предавшихся науке, а окончив свое профессорство чрез 33 года, в среде большого числа своих слушателей я видел преобладание бритых или обросших бородою, и из среды их выдавался меньший процент

людей, отдавшихся науке, чем то было раньше. Одну из главнейших причин частых так называемых университетских беспорядков, по моему крайнему разумению, должно видеть именно в том, что ныне в университеты поступают позже, чем следует.

Когда заговорят потребности, естественные в возрасте выше 20 лет, тогда ученье и вся прелесть науки не могут уже так увлекать и захватывать на всю жизнь, как то делается с легкостью в более ранний период. Самым впечатлительным и влиятельным для всей остальной жизни должно считать, судя по моему опыту, основанному на многих тысячах испытанных мною юношей, именно возраст от 16 до 20 лет, и этот период наибольшей умственной восприимчивости должно назначать, прежде всего, для получения или специального образования в высших учебных заведениях, или по окончании среднего образования в жизненном вступлении в ту или иную специальность дальнейшего служения интересам общества. Указанная норма, конечно, не исключает частных особенностей, и педагогическому совету средних и высших учебных заведений нельзя отказать в праве допускать исключения по уважительным причинам, но, если мы желаем скорых и явных успехов всего русского просвещения, особенно высшего и самостоятельного, а не одного подражательного, весьма важно установить указанные выше нормы для среднего, особенно же для лиц, ищущих высшего образования. Талантливости у русского народа для этого найдется в достаточном количестве, а бесталанных нечего и звать для высшего просвещения, потому что оно им не дается, они в него идут не по влечению, не по требованию внутреннему, а по расчетам, чуждым прямым задачам просвещения. Успеть же к 16 годам пройти все то, что в норме необходимо для общего среднего образования, очевидно, возможно, если на то было в прежнее время множество

примеров и если из общих курсов гимназии изъять латынь и не тратить сил и времени на переводные экзамены.

2. Во всяком среднем образовании, т. е. в общем или специализированном для определенной цели, должно преобладать развитие в учениках индивидуальных сторон жизненных отношений, если высшее образование назначается преимущественно для развития общественных или социальных сторон жизни, всегда сопряженных со специализацией. Индивидуальные стороны и отношения выступают во всех смыслах раньше социальных, предшествуют им, но вторые без первых развиты быть не могут, а потому высшее, или специальное, образование и не может достигать высшего развития без правильного прохождения среднего образования, на чем основывается общеизвестная недостаточность одного самообразования, направленного к определенной специальности. Индивидуальные отношения отвечают лучшим чертам прошлой жизни человечества до наших дней включительно, а социальные отношения, за тем следующие, настойчиво выступают в настоящее время, а в предстоящем их значение еще более должно выказаться, и если в будущем специалистов с высшим образованием пропорционально будет больше, чем ныне, то это может случиться только при умножении и усилении среднего образования, ибо в общую пользу невозможно действовать, не сознавая своей истинной пользы.

В том переходном возрасте, который посвящается среднему образованию, жизненно-общественные интересы, конечно, уже чувствуются, но понимаются только по-детски и окрашиваются своего рода романтизмом юности, потому что не могут быть сознаваемы как общее средство, обеспечивающее движение всей массы людей, а в том числе и нас самих. Личное ведь проще общего, с первого и должно начинать при обучении, т. е. при передаче того, чего уже люди достигли и чему учить можно. Об общем

в средних учебных заведениях, кажется, и не следовало бы особенно много заботиться, оно придет само собой уже по одному тому, что всякое школьное обучение само по себе учит общественности, что в школе своя большая семья, что в ней есть, как в жизни, свои родители и свои братья и что в ней сама необходимость заставляет часто, много и ближе касаться всего родного, общего, отечества. Главная задача среднего образования состоит поэтому в личном развитии учеников, в росте сознательного их отношения к окружающему и в развитии личных свойств: наблюдательности, внимания, обсуждения и трудолюбия. Достигать этого с древних времен полагали проще и легче всего при помощи изучения слова, потому что оно дано каждому и составляет в глаза бросающееся первое отличие людей от других творений.

Крайность в этом правильном соображении составляет пресловутое классическое среднее образование по причинам, которых не стоит повторять по их общеизвестности. Не вдаваясь в теоретическую критику, которой, признаюсь, вовсе не люблю, я считаю, однако, не излишним повторить в сотый раз, что классический первообраз, оставшийся в уме с детства, привел классические народы, а за ними приводит и классиков к индивидуализму и мистицизму, диалектике и самообожанию до разлада между словом и делом включительно. А между тем слово само по себе, как число, есть абстракт, отвлечение от мелочи окружающего, и в образовательном отношении изучение языка по своему влиянию на развитие сознательности имеет такое же значение, как математика, ибо, с одной стороны, представляет отчетливую реальность действительности, а с другой стороны — явное отвлечение от нее и углубление в самого себя, что и нужно для развития сознательности. Но для этого, конечно, родной язык ближе, надежнее и доступнее всяких иных, хотя бы и наиболее выработанных с формальной стороны. Поэтому изучение

русского языка и математики неизбежно положить в основу нашего среднего образования для того, чтобы оно дало полезных, сознательных членов сложной современной общественной жизни. Естество — знание, физика, география, история, понятие о государственных законах и уроки закона Божия составляют тот второй ряд основных предметов общего среднего образования, который развивает личную сознательность в отношении к действительной обстановке и составляет элементарную подготовку возможности получения высшего, или специального, образования. К двум указанным разрядам предметов в среднем образовании необходимо (разъяснение мне кажется излишним) присовокупить ряд таких дополнительных предметов, как рисование и черчение, один из иностранных языков и ручной труд, чтобы получить программу общего среднего образования, удовлетворяющего современным потребностям и могущего быть пройденным в шестилетний срок, как видно из прилагаемой примерной таблицы, в которой я старался соблюсти всевозможное равновесие между предъявляемыми с разных сторон требованиями.

3. С должной подготовкой по указанным предметам можно идти в любое высшее учебное заведение, преследующее не чересчур узкие практические цели (например, приготовление толмачей), но требуемые специальными потребностями жизни. Не подлежит сомнению, что действительная польза среднего образования для всей жизни и для прохождения высших учебных заведений весьма сильно зависит от качества учителей, т. е. от их влияния на учеников, а не от одного качества предметов и не от числа учебных часов. Но, с другой стороны, несомненно и то, что самые лучшие учителя мало повлияют на подготовку и развитие учеников, если учение будет лишено общего обдуманного плана, допускающего возможность развернуться разнообразным способностям учеников, дающего им надлежащий простор во времени и постоянный интерес, без

которого нельзя оставить следа в душе учеников. Разъяснять сказанное в этих строках в подробностях не считаю надобным, потому что говорю о среднем образовании преимущественно для выяснения своих мыслей, касающихся высшего образования. Для среднего образования, носящего узкоспециальный характер, например для средних учебных заведений духовных, морских, коммерческих и т. п., равно как и для подготовки к некоторым специальным занятиям (например, филологическим), мне кажется, должно принять в основание следующие два требования: а) все предметы, требуемые в общих средних учебных заведениях и в том же объеме, как в этих последних, должны быть в составе преподавания всяких специальных средних учебных заведений для того, чтобы из каждого специализированного среднего учебного заведения кончившие курс могли поступать во всякие высшие учебные заведения, и б) специальные предметы в средних учебных заведениях особого рода должно располагать или в отдельных дополнительных классах, или между предметами общеобразовательных средних учебных заведений, но с тем, чтобы в последних случаях продолжительность курса увеличивалась сообразно количеству прибавляемых специальных уроков, т. е. в таких учебных заведениях число лет прохождения должно быть более нормального 6-летнего срока, например, продлено до 6,5, но не более 8 лет. Для частных средних учебных заведений, желающих получить для воспитанников право поступать в высшие учебные заведения, должно, по моему мнению, поставить те же основные требования.

Необходимость однообразия таких требований определяется тем, что главную цель образования должно видеть в высшем образовании и все лица, прошедшие среднее образование, должны удовлетворять той норме подготовки, которая принимается во внимание при составлении программ высших учебных заведений. Если же

основною целью всей организации образования должно считать высшее образование, то окончание курса лишь в средних учебных заведениях должно считать как бы ненормальным и соответствующим или малой талантливости ученика, или требованию его личного участия в жизни до окончания всего образования. Среднее образование вообще есть только подготовка или к непосредственному жизненному образованию, или к обучению в высших учебных заведениях, куда должны входить лица, лишь способные к тому особому труду, который необходимо требовать в усиленных размерах в высших учебных заведениях. В аттестаты средних учебных заведений непременно должно входить свидетельство учителей о том, что окончивший курс со стороны способностей и знаний годен для высших учебных заведений. Если этого нет в аттестате, кончивший курс не лишается прав, предоставляемых по закону лицам со средним образованием, но лишается права без особого специального экзамена поступать в высшие учебные заведения.

	Число часовых уроков в неделю по классам							
	I	II	III	IV	V	VI	Всего	
Основные предметы								
Русский язык и литература[44]	5	5	5	4	4	4	27	54
Математика	5	5	5	4	4	4	27	
Естествознание	1	I	I	2	2	2	9	54
Физика	–	–	–	3	3	3	9	
География (русская и всеобщая) и космография	3	3	3	3	3	3	18	
История (русская и всеобщая)	–	–	–	3	3	3	9	
Русское законоведение	–	–	–	1	1	1	3	
Закон Божий	1	1	1	1	1	1	6	
Дополнительные предметы								
Один из иностранных языков[45]	2	2	2	2	2	2	12	54
Рисование и черчение	2	2	2	1	1	1	9	
Ручной труд, пение и опыты	5	5	5	6	6	6	33	
Итого на уроки в неделю, часов		По 24			По 30			162
Итого на уроки в день, часов		По 24			По 30			

На промежутки между уроками — от 5 до 30 минут

4. Современный порядок переводных и окончательных экзаменов по величине отметок или баллов, по моему мнению, должен быть заменен простым приговором совета учителей. Поводом к изменению служит для меня особенно то обстоятельство, что устный или даже письменный ответ на экзамене ведет к преобладанию слова над делом или умением обращаться с действительностью и всегда неизбежно сопряжен с кучею случайностей, начиная от болезни, конфузливости, заикания и т. п. Экзамены притом отнимают очень много времени как у учителей и учеников, так и от успешного или внимательного прохождения курсов. Экзамены должно считать первым объяснением того формализма, который нередко портит многое в жизни. Учитель должен знать каждого ученика, а доверие к учителям составляет основу всякого образования. Подготовку учеников и их способность к продолжению образования учителя, должным образом исполняющие свое дело, знают гораздо вернее непосредственно, чем при помощи какой-нибудь системы баллов. В прежние времена, когда я учился в гимназии, совет учителей имел право переводить и при плохих баллах, которые ставились нередко для того, чтобы показать ученику, что он не все сделал, что мог. Меня самого перевели из IV в V класс и из V в VI при многих недостающих баллах, без сомнения, ввиду того, что общая подготовка и должное развитие все же у меня были, и оставление в классе только бы испортило, вероятно, всю мою жизнь. Дело обучения лежит на совести учителей, а потому первую заботу об образовании должно направить в сторону подготовки самих учителей и лиц, пекущихся об образовании. Мне кажется несомненным, что уничтожение классных отметок подаст добрый почин к уменьшению формализма, губящего в России много живого и талантливого. Вот если о подготовке должно судить лицам, не знающим учеников, тогда,

конечно, экзамены и им отвечающие баллы уничтожать нельзя, но в обычной обстановке учебного дела вполне можно обойтись без этих пережитков старого времени.

5. Так как вся польза для страны от распространения желаемого среднего образования определяется учителями, то в заботах о подъеме нашего среднего образования начинать необходимо отнюдь не с программ, а с подготовки надлежащих учителей, о чем я предполагаю говорить впоследствии более подробно как о лучшем примере высшего образования. Не считая духовных, военных, коммерческих и тому подобных средних учебных заведений, в ведомстве Министерства народного просвещения в 1901 г. было около 180 мужских и 160 женских гимназий, 110 реальных училищ, 60 мужских и 110 женских прогимназий, всего около 630 средних учебных заведений и в них около 6 тыс. учителей и других педагогов. Общее число всех учителей всех средних учебных заведений ныне нельзя считать менее 10 тыс. Если предположить, что каждый из них вынесет тяготы учительского положения даже 15 лет, то возобновлять в год придется, по крайней мере, 600 учителей. Эта специальная потребность страны так важна для ее общего блага и будущности, что невозможно предоставить ее восполнение простой случайности, и если нужны политехникумы для восполнения потребности в техниках, то не менее того нужно устройство училищ для наставников или педагогических институтов.

Современное вознаграждение учителям средних учебных заведений определяется от 40 до 70 руб. за годовой урок в каждую неделю, а потому учителю приходится набирать по 4–5 уроков в день, чтобы прожить сколько-нибудь сносно с семьей. Сам я выносил такое число уроков на плечах когда-то и знаю, что выносить долго никому не под силу, если только следить за успехами излагаемой науки, трудно даже правильно влиять на учеников, вникая

в их особенности. Не думаю, однако, что простым увеличением окладов жалованья можно сколько-нибудь улучшить все дело просвещения, зная, что любовь к делу может сделать мягким и черствый хлеб, а потому хочу сказать прежде и громче всего, что в заботах о просвещении народа необходимо образовать большой запас учителей, любящих свое дело — науки юношеству, а этого иначе достичь невозможно, как готовя учителей в особых институтах и давая им там живой пример любви к народному просвещению. Взятые в своей массе наши военные моряки, бесспорно, любят глубоко свое дело и выносят эту любовь из своих учебных заведений, руководимых истинными и опытными любителями его. При этом надо не забывать, что любовь ко всякому делу хорошо уживается только с требованиями, обусловливаемыми самым его существом, она их только укрепляет; она скоро охлаждается и даже возмущается всякой ненужной регламентацией, а потому известная степень педагогической свободы, например выбор учебников, приемы исправления, способы испытания и т. п., должна быть предоставлена не только советам учителей, но и отдельным учителям. Однако жизнь все же требует от учителей определенных с годами возрастающих размеров средств, а потому жалованье учителям необходимо с самого начала дать примерно за двенадцать недельных уроков — от 900 до 1200 руб. в год, а с годами, как это уже и водится, увеличивать его прибавками, через каждые 3–5 лет на 10–20 %. Размер прибавки, по моему мнению, должен определяться ходатайством совета учителей, в котором для этой цели (а отчасти и для других) должны быть представители от местного общества в виде депутатов от земства или от родителей, смотря по решению главного местного управления. Малая прибавка оклада жалованья, а тем паче отказ в этой прибавке может послужить мерою для исправления недостатков

в учительском персонале, а указанные эксперты будут лучше всякого временно пребывающего и мало осведомленного чиновного попечительства.

На этих немногих замечаниях, лишенных подробностей, считаю необходимым закончить свои мысли, относящиеся к средним учебным заведениям, потому что в деле народного блага, много зависящего от просвещения, ни средние, ни первоначальные школы не занимают того руководящего и определяющего положения, которое принадлежит исключительно высшим учебным заведениям. Это утверждение, уже выше указанное и уже многими признаваемое, настолько существенно и настолько отличает наше время от предшествующих, что над ним полезно остановиться еще раз. В исторической постепенности изменений можно заметить в отношении к высшему образованию главнейшую перемену с того времени, когда оно считалось принадлежностью только определенной касты или доли людей, подобных жрецам, рыцарям, мудрецам и т. п. Главная перемена состоит в том, что высшее образование отныне доступно в сущности всем и каждому, способному его вместить. У нас, например, по закону лица крестьянского сословия, получившие высшее образование, становятся совершенно в тот же разряд, как и лица других сословий, тогда как не имеющие дипломов лица крестьянского сословия не имеют права поступать на государственную службу. При всем господстве предубеждений по отношению к неграм и индейцам в Американских Соединенных Штатах те из негров и индейцев, которые прошли высшие учебные заведения, в действительности получают равноправие и доступность ко всем общественным областям деятельности.

Китай в этом отношении первый дал исторический пример, не имея никаких отдельных сословий и предоставляя лишь лицам, получившим высшее образование,

право быть мандаринами и вообще главными исполнителями правительственных функций. Во всем мире дело клонится, в сущности, в ту же сторону, и мне пришлось в 1902 г. слышать в Париже в среде просвещеннейших людей горячую проповедь о том, чтобы в будущем избирательный ценз определялся не величиною вносимых податей, а высотою образовательного ценза, причем совершенно правильно понималось как то, что по природным различиям людей не все и каждый способны достичь тех высших требований, какие необходимо выполнить для получения высшего образования, так и то, что диплом высшего учебного заведения не составляет еще гарантии полного равенства всех дипломированных и что высшие качества определяются не столько простым знанием прежней мудрости в данной специальности, сколько личным участием в дальнейшей разработке предметов наук, искусств и знаний.

Другая историческая перемена в коренных понятиях, относящихся к высшему образованию, состоит в том, что в прежние времена, почти вплоть до последних веков новой истории и до времени действительного учреждения высших учебных заведений, т. е. университетов, высшее образование почиталось способным обнять всю совокупность знаний времени, ныне же оно признается только за специалистами в данной области знаний, искусств или науки. Основывая в память своего умершего сына в 1891 г. в Калифорнии на свои громадные средства новый университет в Пало-Альто (The Leland Stanford Junior University), Станфорд отлично выразил эту мысль, сказавши так: «В древности казалось, что философ должен знать все и обо всем; ныне же увидели, что этого никому нельзя объять и современный философ должен знать все о чем-нибудь и что-нибудь обо всем». Сущность этой перемены определяется, по моему мнению, преимущественно не

обширностью накопившегося запаса мудрости людской, а тем, что в былое время людское самомнение стремилось охватить начало всех начал, но запуталось, пришло к непримиримым противоречиям и, смирившись, стало признавать недоступное познанию, а в том, что доступно, стало искать при помощи наблюдений и опытов непоколебимых законов, при помощи которых стало быстрее овладевать природой, чем то было ранее.

«Вечные истины», о которых так много говорилось покойным моим другом Н. Н. Страховым в его прениях со спиритами, без сомнения, нашлись в согласии умозрения с наблюдением и опытом, но не в тех абстрактных областях, в которых их гордо искали прежде, а в тех конкретных, где есть место наблюдению и опыту рядом с умозаключением и поверкой. Это и придало высшему образованию характер специализации. При этом предполагается и в действительности оказывается, что приемы для возможного достижения хоть частей истины, если и не разоблачения ее во всей полноте, повсюду, т. е. во всех областях, в сущности одни и те же. Оттого-то Маколей выставляет всеобъемлемость таких людей, как Данте, Микеланджело и т. п. Они сосредоточиваются на частностях, а не витают в одних абстрактах, потому что эти непрочны, потому что недоступны, а те касаются вечных истин, потому что доступны. Со своей стороны я не думаю, что высшие специалисты в науках и искусствах способны быть лучшими законодателями или правительственными чиновниками, потому что и это дело я почитаю таким специальным, которое требует своего особого изучения и своих особых склонностей. Сверх сказанного нельзя упустить для понимания современного положения высших учебных заведений из виду ни того, что из этих заведений выходят главнейшие руководители всех отраслей современной сложной и раздельной по специальностям жизни

от военачальников, пастырей Церкви и учителей до администраторов, техников, художников и литераторов, ни того, что здесь учат не только крайним пределам понимания долей истины, добра и красоты, но и способам личного достижения дальнейшего их отыскания, т. е. подводят к самому алтарю просвещения, ни даже того, что высшие учебные заведения проходятся в возрасте, определяющем всю последующую деятельность людей, когда слагаются от воспринимаемого более или менее независимо от условий окружающей жизни твердые и сознательные упования и убеждения, кладущие на весь строй дальнейшей жизни свой не блестящий, но явный отпечаток, тем более увеличивающийся, чем более эти упования и убеждения прямее происходят из чистого источника искания правды, а от нее истины, блага, а от него добра и красоты, а от нее и внутреннего удовлетворения. Физическая невозможность узнать «все обо всем» до того проникает во все дело высшего образования, что нередко всезнание почитается признаком ограниченности и тех добрых желаний, которыми устилается современный ад отчаяния и сверхчеловечества.

Даже и «все о чем-нибудь», например хоть бы о химии или о железных дорогах, немыслимо сообщить и воспринять ни в каком высшем учебном заведении. Да и не надобно этого для истинных целей высшего образования, т. е., с одной стороны, для возможно реального понимания и искания бесконечного, хотя в его долях, а с другой стороны, для умелого приложения узнанного к конкретным частностям, будут ли то пушки, или мосты чрез реку, или разбор письменных памятников, или определение и лечение органической или нравственной болезни, или даже простое и ясное выражение или изображение действительности.

В этом соединении абстрактно-бесконечного с конкретною действительностью весь смысл высших учебных

заведений. Это соединение недоступно в начальном возрасте, к нему надобно иметь своего рода склонность и способность, оно дается не каждому, потому что не все люди равны по способностям и склонностям, по вдумчивости и настойчивости. Но то образование, в котором нет этого соединения абстрактного с конкретным, где есть только перечисление узнанных рецептов, не может быть почитаемо высшим, хотя может быть признано и очень узкоспециальным, не только прикладным, но и абстрактным. Оттого-то нет высших учебных заведений и в них факультетов или отделений чисто философских, т. е. таких, в которых абстракты были бы исключительным предметом изучения. Оттого-то на математическом факультете повсюду сверх абстрактов математики видим конкреты астрономии, механики и физики. Оттого-то философия права составляет лишь небольшую долю, хотя и энциклопедическую, юридического факультета. А так как при всей своей конкретности слово есть по преимуществу абстракт, то ближайшее, или специальное, изучение философии везде относится к словесному, или филологическому, факультету, где история обыкновенно играет роль конкретной стороны изучения. Оттого-то в таких на взгляд узкоконкретных, или прикладных, высших учебных заведениях, каковы, например, Артиллерийская академия, политехникумы, инженерные институты и т. п., высшее образование начинается всегда со столь отвлеченных предметов, как высшая алгебра, дифференциалы и интегралы, как воображаемые движения и сочетания атомов в совершенно доныне абстрактной среде, называемой световым или мировым эфиром.

Чинить и даже строить мосты, лечить и делать всякие другие практические дела, конечно, можно по рецептам, по наглядке, но прямо, судя по опыту, оказывается, что наилучшим способом, т. е. наивыгоднейшим по затрате

времени, средств и усилий, практические дела делаются, только исходя из общих начал, только при знакомстве с абстрактами, до них относящимися, с теми интегралами, атомами и невидимыми движениями, прямую пользу которых первоначально вовсе не улавливают. Только абстракт, соединенный с проверенными опытами и наблюдениями, дает уверенность в предстоящем еще невидимом результате, в ожидаемом, как в настоящем. Когда-нибудь впереди, быть может, и будет время, в которое прямо сумеют и в сложных научных предметах переходить помимо абстрактов, всегда имеющих дело более или менее с бесконечностью, прямо от ощущаемых конкретов к будущим и ожидаемым конкретам, подобно тому как судят о наступлении дня после ночи, но доныне этот переход в огромном ряде заключений строго возможен только при помощи абстрактов, т. е. отвлеченных гипотез, имеющих всегда дело с вещами, прямо непознаваемыми. Возможность в будущем такого непосредственного и прямого перехода от известных конкретов к неизвестным отрицать нельзя, потому что столь основные законы, как, например, закон тяготения в астрономии и физике или закон периодичности в химии, по существу своему получены из опытов и наблюдений и абстрактами вовсе доныне не выясняются, не развиваются и не дополняются, а между тем дают возможность предугадывать множество конкретных частностей. Но, ссылаясь на такую возможность, ни в наше время, ни в предвидимое ближайшее нельзя ограничиваться одним знакомством с конкретными выводами, для того чтобы сколько-нибудь обладать ими, а необходимо возвыситься до абстрактов, потому что они кратко резюмируют множество конкретов. В этом сочетании конкретного, или действительного, с абстрактным, или отвлеченным, и должно видеть настоящий смысл высших учебных заведений и главную трудность их прохождения,

состоящую поэтому преимущественно в согласовании слова (отвлечений, абстрактов) с делом (действительностью, конкретом) и в умении, насколько то доступно людям, предвидеть предстоящее на основании существующего и прошлого.

Такие люди, которые способны видеть хоть немного вперед, хоть не везде, а в некоторых частностях, очевидно, нужны стране, и чем их больше, тем, без сомнения, лучше: их-то и стремятся получить или образовать высшие учебные заведения, для того-то они и сочетают конкрет с абстрактом.

Современная мудрость не прячется, не назначается для отдельных каст, все найденное передает или словом слушателям высших учебных заведений, или печати в специальных изданиях, назначаемых для сообщения вновь произведенных научных исследований, чтобы следующие поколения превосходили современные.

На этом фундаменте возводится здание некончающегося движения вперед, или прогресса, и если древность вывела плодотворный возглас: «Горе побежденным!» (Vae victis!), то современность может провозгласить еще сильнее: «Горе отсталым!» Оба эти возгласа, так сказать, дышат нигилизмом или показывают оборотную сторону медали, на лице которой написано, что благо народное неразлучно с деятельною защитою страны и с широким просвещением, знакомым с достигнутым и достигающим еще дальнейшего в постижении истины.

Так как все это теснейшим образом связано с общественным устройством и может быть достижимо только в отдельности и немногими из находящих подготовку в высших учебных заведениях, то эти последние назначаются не просто для получения чрез обучение высокоразвитых отдельных лиц, не для простого удовлетворения их личных требований, а прямо для получения полезных для

общества деятелей. Притом знание одних задов, т. е. уже известного, не удовлетворяет прямому назначению высших учебных заведений, они должны воспитывать лиц, могущих самостоятельно затем идти в область неизвестного, пытливых, обладающих всеми основными способами, необходимыми для достижения еще не известных областей знания, и всегда помнящих, как говорил мой незабвенный профессор Александр Абрамович Воскресенский, что «не боги горшки обжигают», а в то же время твердо знающих, что с голыми руками да с игрой воображения сделать ничего существенного нельзя, хотя говорить можно — и бесконечно много.

Из сотен слушателей высших учебных заведений, конечно, только отдельные единицы могут удовлетворить этому основному требованию, остальные же пойдут по следам уже проторенным, но все же внесут во всю свою деятельность особый оттенок, налагаемый той близостью, в которой должны быть высшие учебные заведения к самому алтарю знаний. Для указанной главнейшей цели высшие учебные заведения должны обладать профессорами, не только знающими свою специальность, но и влагающими в ее сокровищницу новые вклады, чтобы быть живыми примерами верности в оценке рекомендуемых ими приемов.

Для этой же цели высшие учебные заведения непременно должны быть снабжены обширными библиотеками, музеями, клиниками, лабораториями и тому подобными пособиями, при помощи которых учащиеся под опытным руководством могли бы готовиться к самостоятельной деятельности как в скромной области приложения современных знаний к действительности, так и в смелых попытках движения знаний вперед.

Эти пособия больше всего помогают личному умению, если лекции помогают действительному знанию и им

заражают слушателей. Сочетание умения со знанием более всего характеризует современные высшие учебные заведения и явно отличает их от подобных учреждений древнего и сравнительно недавнего прошлого времени, когда все дело высшего просвещения считалось в развитии индивидуумов, способных философски относиться ко всяким предметам.

Древность поручала действительные дела рабам и в конце концов опиралась на слово и софистику, сгубившую ее своими противоречиями. Другая крайность, считающая всю суть в умении, живущем подражанием, развилась под знаменем учений материалистов, подобных социалистам и коммунистам. И для них, несмотря на красивые названия, все дело сводится на индивидуумов, только уже не относительно их внутреннего, преимущественно умственного и нравственного строя, а относительно их внешнего благополучия.

Если для софистов нужны школы исключительно только философские, каких ныне нигде и не существует, то для современных материалистов нужны школы только ремесленные или профессиональные. Первым дай только абстракт, вторым — лишь конкрет. Высшие учебные заведения современного типа избегают двух указанных крайностей и в сочетании знания с умением нашли должный исход. Понимая в указанном смысле значение высших учебных заведений, мне кажется, легко вывести много практических следствий, к ним относящихся. Между ними приведу немногие, считаемые мною за важнейшие.

1. Высшие учебные заведения должны быть доступны для всех подготовленных к восприятию тех специальностей, для которых они назначаются. Это значит, что лица, успевшие в прохождении курса средних учебных заведений, должны быть допускаемы в высшие учебные заведения всякого рода без ограничения такими перегородками,

как сословные или специализированные. Этим я хочу сказать, например, то, что из духовных семинарий, кадетских корпусов и реальных училищ необходимо допускать в высшие учебные заведения так же свободно, как в университеты допускаются свободно кончившие курс в гимназиях, если для всех средних учебных заведений установлен будет твердый план непременных требований, подобных тем, которые выше изложены.

Широта доступа в высшие учебные заведения, по моему крайнему разумению, вполне необходима, потому что по отношению к основной цели высших учебных заведений вполне приложимо изречение «много званых, но мало избранных» и более всего приложимо понятие о том, что между избранными будут лишь немногие, ответившие первичной цели учреждения высших учебных заведений, т. е. стремлению стран и народов иметь своих «Платонов и Невтонов». Если не будет большого выбора, если не будет призыва ко всем могущим вместить, не может быть и вмещающих, т. е. если мы, русские, хотим развиваться самостоятельно, исходя из общих начал жизни и пользуясь светом, развиваемым всегда лишь исключительно немногими лицами, мы должны иметь и много высших учебных заведений, и много во всех них слушателей. Стремление к тому, очевидно, уже существует, если ежегодно узнаем, что и достойным нет входа в высшие учебные заведения из-за недостатка мест. Большого числа студентов высших учебных заведений нет никакого основания бояться, как боялись того пресловутой памяти граф Д. А. Толстой и его темные приспешники, потому что высшее учебное заведение, правильно поставленное и обставленное должным образом надлежащими профессорами, не может служить ни к чему иному, как к развитию истинного просвещения в стране, а без него страна не может правильно и самостоятельно двигаться вперед и готовиться к предстоящей ей будущности.

Из того, что двери высших учебных заведений должны быть широчайшим образом открыты у нас для всех подготовленных, вовсе не следует, что они должны быть широко открыты для всех, потому что толпа мешает течению академической жизни и никакие библиотеки, лаборатории и тому подобные пособия, даже никакие аудитории не могут вместить всех стремящихся к высшему просвещению без должной подготовки и, ограничиваясь плодами слова, не способны воспринять умения, более всего требуемого высшим образованием. Из многих входящих в высшие учебные заведения даже и с вполне надежной подготовкой, судя по аттестатам средних учебных заведений, конечно, не все могут воспринять философские и практические начала, излагаемые в аудиториях. Надо суметь сделать ясной для самих малоспособных или малоприлежных их непригодность для избранного дела, и надо не жалеть об этих исключаемых, потому что жизнь открывает простор для всех, и надо сделать ясным, что высшее образование, давая свои права, налагает и свои тяжелые обязанности, и жизнь без них в обычной норме, пожалуй, легче. Но для того чтобы такое убеждение привилось в действительность, необходимо, чтобы сам закон делал прохождение обычной средней жизни не выдающихся своими способностями людей сносной и легкопроходимой, для чего более всего и нужно развитие промышленности, в которой найдут заработки лица со всякою степенью научной подготовки.

2. Если начальный период жизни низших и средних учебных заведений и можно предоставить частной и общинной инициативе, без прямого воздействия правительства, как это долго было в Англии, а отчасти существует повсюду и доныне, то это отнюдь не относится к высшим учебным заведениям вообще, а особенно в современной России, где частная и общинная инициатива и их

средства малоразвиты. Не только учреждение, но и содержание высших учебных заведений и их организация должны составлять одну из первейших забот правительства, пекущегося о полноте блага народного, о сохранении самобытности страны и обо всех основных началах ее существования. Правительство, понимающее свое современное положение, должно ставить высоко все значение высших учебных заведений, хотя бы отдельные члены правительства и полагали, как утверждал граф Д. А. Толстой, что для современного у нас положения вещей нет большой надобности в университетах, т. е. в большом числе лиц, стремящихся обнять современную истину в ее частностях. Но из того, что правительство, заботящееся о будущности народной, должно открывать и вызывать высшие учебные заведения, вовсе не следует того, чтобы оно могло руководить ими во всех их отправлениях, потому что в деле просвещения, как в религии и искусстве, нужны совершенно особые люди, ничем прямо не связанные с теми функциями, для которых назначается правительство, нужны профессора-специалисты, которые одни могут влиять на юношество так, как должно по вышеизложенному, т. е. подводить их к самому алтарю знания и играть при нем ту роль, какую первосвященники играют в отношении религии, а художники — по отношению к искусству.

Это значит, что руководительство и выполнение всего дела высшего образования должно быть доверено профессорам, предоставлено их научной и нравственной ответственности, а все влияние правительства на весь ход высшего просвещения должно состоять поэтому только из двух частей. Первую и главнейшую часть этого влияния должно видеть в составлении уставов или законов, которым обязательно следовать прежде всего самим профессорам, а чрез них и всем их слушателям. Вторая сторона

правительственного влияния должна ограничиваться, по моему мнению, лишь утверждением тех профессоров, которым вверяется руководство всем учебным заведением, и поощрением их деятельности на пользу юношества и истинного просвещения, т. е. преимущественно дальнейшего разыскания истины, или их научных трудов. Не тот профессор должен получать высшее правительственное одобрение, который только блюдет законы и только сообщает юношеству признанные истины, но тот, который, сверх того, личным примером дает образцы того, для чего назначаются высшие учебные заведения, т. е. тот, который наиболее вносит в науку самостоятельного, нового. Профессоров, к этому не способных, т. е. способных лишь повторять зады и их излагать, мало для высших учебных заведений, хотя без них дело обойтись не может, и хотя в управлении высшим учебным заведением и им надо дать известное место, однако преобладающее значение во всех отношениях должны получать лишь те профессора, которые продолжают идти вперед и заражают своими стремлениями массу потомства.

Все управление высшим учебным заведением, по моему мнению, должно быть вверяемо совету профессоров-руководителей, избирающему из своей среды на определенные сроки одного из своих членов, называемого или директором или ректором и снимающего с совета все тяготы действительного вмешательства во множество частностей, неизбежных в каждом учреждении, а тем более в высшем учебном заведении, снабженном всякого рода пособиями и имеющем много слушателей. Этому директору или ректору необходимо иметь для заведования всеми внешними сторонами дела особое правление, состоящее отчасти из профессоров, отчасти из особых чинов, привыкших к подобного рода делам и назначаемых правительством по выбору совета.

Членами совета, по моему мнению, могут быть только те из профессоров, которые уже прослужили лет 10 по ведомству просвещения и, по крайней мере, года 2 или 3 пробыли преподавателями того заведения, в совете которого они участвуют. Это необходимо для того, чтобы все участники руководящего совета были людьми опыта и имели время вникнуть в действительные надобности данного учебного заведения со всеми его особенностями[46]. Члены руководительного совета избираются им самим, но утверждаются правительством.

Предоставляя заведование высшими учебными заведениями совету профессоров-руководителей, правительство окажет то доверие, без которого невозможно истинное просвещение.

При этом нельзя закрывать глаз на то, что возможны будут единичные случаи всякого рода злоупотреблений, но, прежде всего, должно помнить, что без доверия тут ничего сделать нельзя и что некоторые недостатки неизбежны в каждом людском деле. Но для того чтобы всегда оставалась должная доля правительственного влияния на ход дела в данном высшем учебном заведении, мне кажется, было бы полезным возобновлять через 10 лет для каждого члена руководительного совета утверждение правительством в звании члена совета, потому что для меня мыслимы такие случаи, когда профессор удовлетворяет всем главным научным и педагогическим требованиям, но не может быть хорошим советником в деле руководства учебным заведением. Этим я хочу сказать, что между профессорами могут быть такие, которым вполне можно доверить чтение лекций и руководство занятиями студентов без назначения, однако, их в состав совета. Но для того чтобы в этом отношении соблюдалась должная мера и не было господства случайности, устав каждого высшего учебного заведения должен определить наименьшее число

членов совета и вообще все те условия, которым все эти члены должны удовлетворять. Для правильного понимания предмета, однако, нельзя забывать, что в руках правительства всегда должно находиться право утверждать в звании профессора, хотя выбор профессоров должно предоставить руководительному совету на основании точно обозначенных условий, в число которых должно, по моему мнению, включать и рекомендацию кандидатов известными учеными других высших учебных заведений или ученых учреждений.

Сущность того, что я хочу здесь сказать, сводится к тому, что помимо профессоров никто не может влиять на результаты учебных заведений, а стране, как и ее правительству, нужны лишь эти результаты.

3. В настоящее время у нас существуют высшие учебные заведения чрезвычайно многих ведомств: духовного, военного, морского; министерств: народного просвещения, внутренних дел, юстиции, финансов, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ и т. п.

Такой порядок имеет свои хорошие стороны в период разыскания надлежащего типа высших учебных заведений, потому что разные ведомства стремятся осуществить различные типы и имеют в виду те специальности, ради которых сами учреждены.

При помощи рассмотрения уставов и частностей в таких коллегиальных учреждениях, как Государственный совет и Комитет министров, достигается единство приемов и планов, но все же дело, по существу однородное, оказывается раздробленным до крайности и от того во многих отношениях страдает, а в последнее время даже и запутывается до того, что, например, сельскохозяйственное высшее образование дается не только в институтах Министерства земледелия и государственных имуществ, но и в политехнических институтах, находящихся отчасти

в ведении Министерства финансов, отчасти под управлением Министерства народного просвещения, как, например, в Рижском политехникуме и Горыгорецком сельскохозяйственном институте.

Общеизвестная всем и весьма бедственная рознь разных наших ведомств усугубляет недостатки такой системы. Первым важнейшим способом ее исправления, по моему мнению, должно служить объединение наших министерств, необходимость чего я постараюсь выяснить, когда буду говорить о тех поправках, которые, по моему мнению, необходимы в нашей правительственной системе. Не желаю я сказать всем этим, что всякие высшие учебные заведения должно приурочить или подчинить одному ведомству просвещения, но полагаю, что дело просвещения России много выиграет, когда большинство учебных заведений будет соединено под одним управлением, которое, как было уже сказано выше, преимущественно должно устанавливать уставы, блюсти их исполнение и всемерно заботиться о снабжении их научными силами, отвечающими времени и потребностям.

Здесь я не стану входить в какие-либо подробности, потому что убежден, что все дела этого рода зависят преимущественно от лица, поставленного во главе этого дела, а для него излишни какие бы то ни было частные указания. Обращу лишь внимание на то, что желаемое объединение поведет за собой даже и экономию в содержании высших учебных заведений, не столько потому, что в каждом министерстве имеются особые отделения или департаменты для заведования высшими учебными заведениями, сколько потому, что дробление высших учебных заведений достигает совершенно нежелательных пределов. Так, например, в Министерстве государственных имуществ числятся не только общие сельскохозяйственные институты, но и для такой отдельной специальности, как лес-

ная, — отдельное учебное заведение. Присоединение лесной специальности к сельскохозяйственной столь естественно, что не требует особых доказательств, а такое присоединение поведет за собою сокращение повторений, а потому и кафедр. Так, физика, химия, ботаника, политическая экономия и тому подобные предметы для разных факультетов такого института могут быть читаны совместно, как это идет, например, в университетах и политехникумах по многим предметам. Притом я полагаю, что общее число высших учебных заведений сокращать отнюдь не должно, а следует только узкоспециализированные расширять до надлежащих пределов, чтобы в одном заведении соединялись однородные или близкие специальности. Это видно во многом. Почтово-телеграфное ведомство, очевидно, нуждается в высших специалистах и потому устроило свой Электротехнический институт, но электротехника, правда, с другой стороны, т. е. не со стороны телеграфов, а со стороны двигателей, электрометаллургии и т. п., входит в состав политехникумов и технологических институтов, и при соединении с ними, очевидно, выигралось бы немало средств, необходимых для учреждения столь ныне уже настоятельных новых высших учебных заведений. В том же министерстве имеется Строительный институт, преследующий те же цели, по существу, какие и архитектурное отделение Академии художеств, и строительное отделение некоторых политехникумов и отчасти Института путей сообщения. Вполне убежден, что никакие соображения подобного рода не приведут к надлежащему результату, пока у нас не объединятся министерства при помощи учреждения первого министра, а потому если я касаюсь указанного объединения, то лишь ввиду того, что считаю чрезвычайно важным и своевременным усилить у нас число высших учебных заведений, а это было бы в денежном отношении очень

накладно для страны, если бы не осуществилось объединение многих наших высших учебных заведений.

4. Зачатки публичного высшего образования, существовавшие в Древней Греции, несомненно, носили характер, во-первых, чисто философский, во-вторых, обучения у отдельных преподавателей и, в-третьих, в виде частных школьных учреждений. Первые следы возникновения объединенного, правительством учрежденного высшего обучения, сколько мне известно, возникли в Риме при Веспасиане, разорившем Иерусалим, в 69–79 гг. по Р. Х., так как тогда учреждено было преподавание риторики и оно велось на средства государственные. В XI–XII ст. под влиянием преимущественно папским возникли высшая Юридическая школа в Болонье и Парижский богословский факультет. Высшее медицинское образование началось вскоре затем, но и оно носило характер преимущественно философский и открылось с папского разрешения.

Умножение практических потребностей, уже видное в устройстве юридических и медицинских школ, выразилось вскоре затем, преимущественно в XIII и XIV вв., устройством первообразов университетов, учрежденных правительствами сперва еще с разрешения и под покровом папства. На правительственные средства в 1213 г. возник Парижский университет, а около 1250 г. — Оксфордский и Кембриджский, в 1347 г. — Пражский, в 1365 г. — Венский, в 1385 г. — Гейдельбергский, а затем начали развиваться университеты и в разных иных местах, всегда с факультетами богословским, юридическим, медицинским и философским. Под этим последним подразумевается совокупность отделений филологического, исторического, математического и естествознания. Хотя в прошедшие с тех пор 600 лет очень многое изменилось в мире, но университеты и поныне в образовании народов

продолжают занимать первостепенную роль, они служат и поныне образцом для всех прочих высших учебных заведений; здесь развились специализация и философское направление высшего образования.

Обучение у высших мастеров в данной специальности в университетах стало приурочиваться к общему образованию, ибо эти мастера приобретали в университетах большую независимость, общение и небывалый прилив учеников, что и дало много явных результатов, послуживших поводом к распространению таких высших учебных заведений повсюду. Та подражательность, или следование за началами данной школы, которою характеризуется вся образованность с древнейших времен, нашла здесь свое особое удовлетворение значительно дополнившимся общением, имеющим свое громадное влияние на подрастающее поколение, потому что в университетах, как вообще в школах, учащиеся находятся под влиянием не только профессоров, но и своих товарищей, а разнообразие специальностей, которыми занимаются эти товарищи, ведет к тому, что каждый получает большую широту просвещения, чем при следовании за отдельным, хотя бы и высоким учителем.

Этому влиянию должно приписать не только общераспространенное поныне и во многом справедливое мнение о том, что университеты дают общее высшее образование сверх специального, но также и то, что с возникновением университетов, совпавшим с эпохою Возрождения наук, школы в научном смысле стали расширяться, разнообразиться, умножаться и чрез своих адептов влиять на всю современную жизнь. Та мысль, которая лежит в основе университетов, сочетающих в себе разные специальности, в последней половине XIX в., когда живая надобность в специально образованных деятелях значительно усилилась, была во множестве случаев упущена учреждением

узкоспециальных учебных заведений, и мы в России живем в настоящее время в эпоху господства этого упущения. Ему по преимуществу обязано наше время тем, что по весьма широко распространенному мнению о данного рода делах могут судить с достаточным основанием только ближайшие специалисты, а эти последние очень нередко чужды надлежащего общего образования.

Мне бы не хотелось развивать эту сторону дела, потому что она мне кажется очень печальной, и я думаю, что можно не развивать этого, потому что всякий сознательный человек найдет кругом себя много примеров, ее подтверждающих. Бывши первоначально профессором не только университета, но и различных узкоспециальных учебных заведений, подобных Инженерной академии, Институту путей сообщения и Технологическому институту, я из жизни извлек эту мысль и на основании этого утверждаю, что дело высшего образования, даже специального, много теряет в узкоспециальных заведениях потому именно, что товарищи других специальностей влияют на все развитие слушателей едва ли меньше, чем профессора. Когда я учился в Главном педагогическом институте на отделении естественных наук, я жил рядом с товарищами, не только теми математиками, с которыми вместе слушал все общие науки на первых двух курсах, но и с филологами, историками и экономистами другого факультета, и я никогда не забуду тех столкновений во мнениях, которые у нас часто бывали и немало послужили к общей полировке всех нас. На основании сказанного и имея в виду необходимость множества специальностей и громадное их развитие, я полагаю, что наилучшие плоды от высших учебных заведений получатся лишь тогда, когда в каждом из них будет много разнородных специальностей, или факультетов.

Моя мысль станет, надеюсь, вполне ясной, когда я скажу, что желал бы соединения в одно учебное заведение

с отдельными факультетами таких академий, ныне совершенно отделенных, как Генерального штаба, Артиллерийская, Инженерная, Морская и Военно-юридическая. Конечно, в каждой из этих академий побочные предметы более или менее рассматриваются, но едва ли не все согласятся с тем, что сближение указанных специалистов в период их высшего образования в одно целое повлияло бы весьма плодотворно на все развитие каждого специалиста, не говоря уже о том, что множество расходов при этом значительно бы сократилось. Пусть будет требоваться для поступления на данный факультет практическое прохождение данной специальности в частях войска, это ничуть не нарушает плодотворности ожидаемого результата.

Еще больше это относится к высшим техническим учебным заведениям, объединение которых уже начато в виде политехнических институтов, а так как я со своей стороны смотрю на сельское хозяйство и тем паче на лесоводство как на отдельный вид промышленности, по существу совершенно такой же, как фабрично-заводская, горная, железнодорожная и т. п., то и желал бы видеть слияние отдельных высших учебных заведений технического характера в политехникумы, в которых мне кажется вполне необходимым всегда и факультет экономический, или камеральный, в котором обобщались бы экономические познания, очень часто недостающие у наших узких специалистов. При этом повторяю, что, по моей мысли, ввиду громадного расширения потребности в высшем образовании нет никакой надобности уничтожать существующие узкоспециальные высшие учебные заведения, а есть только надобность в расширении их и дополнении другими факультетами, что может делаться с весьма большими выгодами с большой постепенностью. Уже одно то, что при таком порядке дел для учреждения большого и расширенного специального учебного заведения

не потребуется, как пришлось недавно при устройстве политехникумов, сразу затрачивать большие средства на возведение множества новых зданий, показывает, что при предлагаемом порядке достигнется немалая экономия государственных средств, удовлетворяя народную и государственную надобности в расширении высшего образования в России.

Но, экономя кое на чем или где можно, не должно такой же экономический прием применять и к образованию большого контингента профессоров, совершенно необходимого для плодотворного расширения высшего у нас образования. А потому в следующей главе я обращаюсь к изложению своих соображений, сюда относящихся; это потому, что все высшее образование исключительно основывается на профессорах, и если Россия желает избежать следствий возгласа «горе отсталым», и если она должна впредь развиваться самостоятельно, она более и более всего должна позаботиться о том, чтобы у нее могли родиться свои Платоны и Невтоны, чего нельзя предоставить теперь случайности, и что нужно и, мне кажется, возможно вызвать своевременными заботами о получении высших специалистов-профессоров, что за последнее время совершенно упущено из виду.

5. Громадное усложнение знаний всякого рода, совершившееся особенно в истекшем XIX ст., приводит высшие учебные заведения при всем разделении на специальности по факультетам или отделениям все же в весьма большое затруднение, потому что слушателям желают сообщить полноту сведений, каких, надо сознаться, в сущности, не имеют и сами профессора, учившиеся в прежнее время, лет 20–30 назад. В особенности это относится и весьма затрудняет течение дел в высших технических учебных заведениях. У нас в этом отношении следуют до некоторой степени тем порядкам, какие заведены в Германии у

студентов, которых кто-то из англичан очень глубокомысленно сравнил с очагом до того заваленным топливом, что он уже начинает потухать. Мне подлинно известны примеры высших технических училищ, в которых студентов просто заваливают не только сведениями по всякого рода отдельным производствам, но и черчением до того, что для самостоятельных занятий чем-нибудь решительно не остается времени, если все выполнять добросовестно. От этого очаг в действительности потухает. Вот здесь-то и нужна большая благоразумность, которую можно ждать только у людей с опытом, накопившимся в течение многих лет от впечатлений не только жизненных, но и прямо педагогических. В действительности для надлежащего образования людей, которые могут или сами идти по проторенным путям жизни, прилагая к ней научные приемы, или, что еще важнее, далее развивать самое знание, нужно получить не столько в количественном отношении запасов знаний, сколько в качественном. Надо уметь отличить существенно необходимое, определяющее мировоззрение и направление деятельности, от того, что составляет мелкие подробности, для овладения примерами которых не столько важны лекции, сколько практические занятия. В виде примера укажу на то, что давно уже опыт показал возможность ограничиться в изучении аналитической химии лишь очень небольшим числом руководящих лекций, если они дополняются правильно организованными занятиями в лабораториях.

Эти последние должны вестись, как и главнейшие отрасли других практических занятий студентов, под наблюдением того разряда преподавателей высших учебных заведений, который носит названия ассистентов, лаборантов, хранителей музеев, туторов и т. п.; количество таких лиц особенно значительно в английских университетских колледжах, где они читают даже целые курсы,

дополняющие и приближающие к действительности общие курсы основных профессоров университета.

Если эти последние назначаются главным образом для того, чтобы живым словом и кратким общим выражением необходимых дисциплин заражать умы слушателей и направлять их в надлежащую сторону, ассистенты и другие пособники главным образом назначаются для того, чтобы придать сообщенному скелету жизненные определенные формы и показать приложение указанных начал к действительности.

Разряд ассистентов, туторов и тому подобных преподавателей высших учебных заведений имеет и то огромное значение, что из них постепенно образуются действительные ученые и профессора, обладающие запасом действительных знаний в определенной специальности. Но надлежащее значение этих профессорских помощников может получиться лишь тогда, когда выбор этих помощников будет определяться соответственным отдельным профессором и только утверждаться советом профессоров-руководителей, потому что в деле преподавания весьма важна известная степень единства направления, которая может давать адептов знаний и то, что называется научными школами.

В действующем ныне университетском уставе заложена мысль так называемой свободы преподавания, сводящейся по временам в действительности к тому, что у двух профессоров или доцентов слушатель иногда в тот же день слышит совершенно противоположные суждения об одном и том же предмете, и так как он не умеет еще разбирать, то становится в тупик и приноравливается не к науке и знанию, а к лицам и к их мелочным требованиям. Этим я не хочу сказать, что желательно иметь полное согласие научных начал между всеми преподавателями высшего учебного заведения, но желаю только выразить ту

мысль, что в направлении занятий слушателей, руководимых преимущественно туторами, ассистентами и т. п., должно быть полное согласие с направлением, даваемым основным профессором данного предмета.

Поясню и это примером из той области химических знаний, которая мне ближе всего знакома. Пусть между профессорами так называемой неорганической химии и химии органической существует много разноречий в основных представлениях, как это зачастую и бывает в действительности; это только полезно для развития студентов, если то и другое направления, конечно, согласуются с разными течениями нашей науки. Пусть ассистент, лаборант и т. п. находится еще в состоянии неуверенности в справедливости того или другого из противоречивых направлений; это опять может быть полезно не только для слушателей, но и для самой науки, для образования научных школ и направлений, для получения людей самостоятельных. Но при этом все же необходимо, чтобы при занятиях в лаборатории данного профессора были ассистенты, лаборанты и т. п., выбранные им и от него более или менее прямо зависящие, потому что только тогда из разноречий может выйти под конец единство, как оно и выходит в действительности при развитии современных знаний, опирающихся не на одни умственные соображения и разноречия, но и на расследование действительности в природе, памятниках и т. п. Главное же, что я хочу здесь сказать, состоит в том, что роль и значение ассистентов, лаборантов и тому подобных преподавателей высших учебных заведений чрезвычайно важны в деле всего высшего образования юношества, но и они определяются исключительно главными профессорами, выбор которых и должен составлять центр всех попечений о народном просвещении. Эти главные профессора определяют весь смысл, всю пользу и все значение высших учебных заведений.

Если это место люди займут по выслуге, а не по таланту, не по вкладу в сокровищницу наук, ничего нельзя ожидать плодотворного и особенно того самостоятельного, которое нам, русским, теперь нужнее всего.

6. Считая значение высших учебных заведений зависящим, с одной стороны, от философского направления, передаваемого слушателям преимущественно на лекциях основных профессоров, а с другой стороны — от сообщения им умения прилагать философские начала к жизненной действительности, что достигается преимущественно с помощью ассистентов, лаборантов и т. п., и в то же время, предполагая зависимость между первым и вторым приемами, я утверждаю, что при составлении уставов высших учебных заведений и при назначении для них определенных государственных средств необходимо обратить на вторую часть, т. е. на сообщение слушателям умения, не меньше внимания, чем на первую, т. е. на выбор основных профессоров. Это значит, переводя на язык более внятный, что высшие учебные заведения тогда только принесут надлежащие плоды, когда пособия, назначаемые для сообщения умений, будут в них значительно развиты. Это поняли за последнее время не только в других государствах, но и у нас, особенно при устройстве новых политехникумов, снабдив их такими библиотеками, лабораториями, чертежными мастерскими и т. п. для студенческих занятий и для возможности далее разрабатывать науку, о каких прежде, еще недавно, не было и помину. Мне случайно известно, что одно устройство и первое снабжение средствами трех политехникумов в Варшаве, Киеве и Петербурге обошлось около 15 млн руб. Этот вклад народных средств в дело высшего образования, однако, лишь тогда может быть считаем плодотворным, когда в этих еще новых учреждениях будут не только обучаться сонмы студентов, но и станут развиваться

соответственные знания, т. е. когда в них будут разрабатываться профессорами, ассистентами, лаборантами и при их помощи студентами новые отрасли или части знаний, а от того будут родиться самостоятельные Невтоны и Платоны. Мне пришлось ближе познакомиться с Киевским политехникумом, и я с полной уверенностью говорю, что начала там для этого положены хорошие и благоприятного результата впереди можно ожидать, если прилив надлежащих сил не будет чем-либо остановлен.

Говоря об ассистентах, лаборантах и тому подобных помощниках профессоров, я хоть вкратце укажу на то, что они должны быть приглашаемы в надлежащем количестве, соответствующем числу работающих под их руководством слушателей, должны доставлять профессорам ближайшую возможность оценивать работоспособность и успехи занимающихся и должны быть по возможности так обставлены в своем вознаграждении, чтобы могли оставаться исключительно при деле педагогики и науки. Не все это еще в настоящее время соблюдено в надлежащей мере, и уставы высших учебных заведений еще часто страдают тем, что на этот предмет обращено мало внимания и на него отпускается менее средств, чем должно. У нас существовал долгое время прием отправления для окончания образования и приготовления к профессуре за границу. На это в свое время, а особенно во времена министерства Норова, тратилось немало средств, и плоды оттого вышли, несомненно, хорошие в общих чертах; из таких лиц получилось много лучших наших профессоров своего времени и много действительных ученых. В настоящее время такую меру я бы считал не только не нужной, но даже и вредной для развития русской научной самостоятельности, хотя я, с другой стороны, полагаю, что командировка уже подготовленных профессоров за границу для ознакомления с тем, что делается в других странах, и для возбуждения

научных связей очень полезна. А так как средства, назначаемые для содержания отдельных профессоров, вообще говоря, незначительны, то нельзя и думать, чтобы они могли собственными силами совершать такого рода поездки. Поэтому нельзя не одобрить того, что в настоящее время уже входит в практику, — назначения особых средств для заграничных командировок как лиц, приготовляющихся к профессуре, так и самих профессоров и их ассистентов, если они уже заявили себя своими научными трудами. Сам я, бывши уже несколько лет приват-доцентом Петербургского университета и служивши, как было тогда, без всякого жалованья, много обязан тому, что на 2 года был командирован за границу, где имел возможность отдаться вполне научным работам, потому что был обеспечен хоть небольшим, но все же достаточным вознаграждением — по 1200 руб. в год. Однако главное, т. е. первое, вступление в науку, по-моему, именно должно совершиться уже в своей стране, потому что в ней уже есть много научных сил и средств. Самостоятельность научного направления без этого едва ли может совершиться. Хотя наука и всемирна, хотя она и чужда по существу особенностей по странам, тем не менее в действительности научные направления различаются или, если угодно, научные школы, не только по руководителям, стоящим во главе, но и по странам, как это видно даже в столь конкретных науках, как химия, в которой очень часто, не зная отечества исследователя, можно его угадывать по существу или направлению научного исследования.

7. Желая высказать свое мнение об испытаниях и аттестации слушателей высших учебных заведений, я прежде всего выставлю на вид некоторые факты и обстоятельства, из которых можно, по моему мнению, вывести уже с легкостью надлежащее следствие. Прежде всего обращу внимание на то, что существующие у нас в университетах

полунемецкие порядки совершенно чужды таким странам, как Англия и С.-А. С. Штаты, где, несомненно, высшие учебные заведения доставляют людей, действительно пригодных для гражданской практики. В университетских колледжах Англии сущность порядков такова же, как в бывших у нас закрытых высших учебных заведениях, подобных давно закрытому Главному педагогическому институту, т. е. там следят особые туторы или педели не только за посещением студентами лекций, но даже за посещением ими церковной службы, и следят столь пристально и столь влиятельно, что студент, не бывший три воскресенья в церкви, беспрекословно исключается. Когда я спросил в Кембридже одного из собратьев по науке, очень редко посещающего церковь, для чего заведен такой порядок, и выразил мнение, что он может вести к религиозному формализму, он ответил мне, что это делается по здравом размышлении преимущественно с целью получить из студентов истинных англичан до конца ногтей. Не входя в критику такого мнения, я укажу сразу на другой пример — американский, так как там строго наблюдают за тем, чтобы слушатели были на всех обязательных лекциях по главным или основным предметам; для этой цели в дверях аудитории имеется окно, чрез которое особый надзиратель записывает пустые места, которые все нумерованы и назначаются каждое для отдельного слушателя, как вешалки в прихожей и все вещи отдельного студента. Если студент три раза не был в аудитории основного предмета и не объяснит причины отсутствия, он без дальнейших разговоров исключается из заведения, потому, сказали мне, что на его место есть много желающих, а он, пропустивший много в основных предметах, не может следить за курсами. Особенно это наблюдается при практических занятиях в лабораториях, мастерских и т. п., потому что мест и средств нельзя на всех приготовить,

а что есть — должно быть заполнено, если есть желающие. При этом надобно заметить, что ни прав, ни чинов, никаких других привилегий, у нас обычных, ни в Англии, ни в Штатах прохождение курса в высшем учебном заведении не дает, и даже строить может всякий недипломированный, только он должен представить свой план на рассмотрение особому комитету.

Два эти указания я привел не для того, чтобы настаивать на необходимости введения у нас совершенно подобного, а только для того, чтобы сделать наглядным требование улучшений в существующей у нас практике, которая, сколько я понимаю дело, определилась преимущественно фальшивостью понимания той «свободы преподавания», которою проникнут новый университетский устав, сочиненный графом Д. А. Толстым и проведенный графом И. Д. Деляновым, но я тотчас же считаю необходимым совершенно резко высказаться за разделение предметов преподавания в высших учебных заведениях на основные и дополнительные, без чего весь смысл дела утрачивается.

Основных предметов, необходимых для получения высших специальных знаний, должно быть очень немного, и для них должны быть выбраны предметы, действительно отвечающие философски-жизненному направлению образования. Надо, чтобы таких предметов было немного, чтобы на них профессора были, короче говоря, первого сорта, чтобы в них не было тех удручающих мелочей, которые часто отвращают от знания, а не привлекают к нему, а главное, чтобы эти предметы были действительно руководящие в той специальности, которая выбирается. Перечислять такие предметы не считаю вовсе надобным, и избрание их необходимо предоставить руководящему составу для каждого факультета. Основные предметы, очевидно, должны быть охвачены слушателями вполне,

т. е. для того они должны не только заразиться от профессора тем направлением, которое их проникает, чего нельзя сделать без посещения лекций, но и по этим предметам более всего нужны занятия ассистентов и тому подобных помощников со студентами, чтобы они могли указать пробелы, которые надо восполнить для того, чтобы окунуться в науку и сообщить умение обращаться с этими предметами. Знакомства с основными предметами особенно должно требовать от слушателей, и притом своевременно, так как упущенное уже не повторится и не даст возможности следовать за курсом.

Дополнительными предметами, по моему мнению, должно считать большинство чисто описательных, т. е. таких, с которыми сравнительно легко познакомиться чтением книг и ближайшим знакомством с действительною жизнью. Для примера укажу на систематические подробности естествознания, на метеорологию, описательную астрономию, на описание отдельных производств, например, в технологических институтах — на мукомольное или хлебопекарное дело и тому подобные в области наук, мне ближе знакомых. По моему мнению, даже для приготовления надлежащих техников нет никакой надобности в требовании от них ближайшего знакомства со всеми отраслями производств, описываемых на всех курсах, и вполне достаточно сверх действительного знания главных, основных предметов ознакомления с подробностями какой-либо отрасли техники по выбору каждого слушателя, для убеждения в чем достаточно требовать практических занятий, если они существуют по этому предмету, и выполнения по нему двух проектов: одного — по собственному выбору, другого — по назначению профессора.

В основных предметах, по моему мнению, надо неукоснительно следовать за выработанною советом программой,

которая, конечно, должна быть сообразована с силами и временем слушателей, а в дополнительных предметах нужно предоставить свободу выбора в следовании за курсом, так как не надо забывать, что подробности и мелочи могут и даже должны приобретаться личною самодеятельностью слушателя.

Судить о том, насколько подготовился слушатель к тому, для чего назначается высшее учебное заведение в данной специальности, можно и, кажется, должно только четырьмя способами.

Первый из них, считаемый мною низшим, состоит в устном испытании по основным предметам. По-моему, такое испытание вовсе не нужно ни по одному дополнительному предмету, и я думаю, что наилучший способ устного испытания состоит вовсе не в экзаменах, приуроченных к определенному времени, отнимающему много от общего хода занятий и направляющему его в нежелательную сторону, а в беседе профессора со слушателями, в которой может лучше всего определиться степень подготовленности и в основном предмете. Когда в лаборатории, бывшей в моем ведении, было мало места для всех слушателей, я принимал туда лишь после беседы по пройденным курсам и узнавал слушателей тогда лучше, чем на экзамене.

Вторым способом испытания должны служить практические занятия, в которых даются главные основания умению, неизбежному в деле высшего образования. Здесь главную роль должны играть упомянутые выше и весьма важные в деле высшего образования ассистенты, туторы и т. п., и их отметки или мнения, проверяемые соответствующим профессором, должны играть ту же роль, какую должны иметь собеседования с профессорами. То и другое должно быть выполнено неизбежно студентами, и каждый, не удовлетворивший требованию, не может продолжать

дело высшего образования, т. е. или должен быть исключен, или должен по истечении определенного срока подвергаться новому испытанию. Как собеседования, так и занятия должны обязательно начинаться после первого года или вообще определенного срока после вступления в заведение; это, так сказать, первый курс или первое испытание, которое, как сказано выше, должно в соответственных случаях отлагаться на определенное время, чтобы дать возможность неуспевающим догнать их товарищей. Беседы профессора и занятия со студентами, конечно, должны продолжаться и после того первого испытания, которым определяется главным образом состав слушателей по каждой специальности. Чтобы сделать совершенно ясною необходимость такого двустороннего испытания каждого слушателя за все время его пребывания в высшем учебном заведении до самого конца или выпуска, лучше или проще всего припомнить положение дел на медицинском факультете, так как каждый выпущенный получает уже право в некотором смысле жизни и смерти для каждого из нас и, очевидно, что от него надобно требовать находчивости и знаний не только в общем смысле, но и в частном применении в данном случае, для чего при медицинских факультетах необходимы клинические занятия. Но и помимо этого во всяком предмете, хотя бы в химии, действительное знание определяется не одним знакомством с воззрениями и обобщениями всякого рода, но и с действительностью во всей ее полноте, хотя бы на совершенно отдельных узких частностях.

Третий способ испытания слушателей сводится к устному или письменному изложению им каких-либо частей данной науки, подразумевая под этим то, что в обычной практике называется или сочинениями или рефератами, т. е. такое самостоятельное изложение, которое определяется

отдельной работой каждого над какой-либо хотя бы небольшой веткой знания. Здесь уже вполне видна будет самостоятельность философской подготовки слушателей.

В части работ этого рода могут входить и свои новые расследования в природе, искусствах или в памятниках, но испытание в уменье обращаться с частностями составляет четвертый способ испытания, без которого, по моему мнению, нельзя выпускать ни одного слушателя высшего учебного заведения с полным дипломом. Не только сама жизнь вся состоит, в сущности, из частностей, но и всякое научное расследование определяется этими частностями, так как общее не может быть охвачено без этих частностей и в отвлечении или абстракте не может быть убеждения в безошибочности, которая в отдельных частностях может выступать с совершенною очевидностью. Умение разобраться в частности на основании того, что уже известно, вполне необходимо в жизни, а уменье из частностей доходить до вероятно справедливого, а тем паче до достоверного или несомненно истинного и составляет существо научной самостоятельности. Пусть это скажется в студенческой работе над какой-либо частностью лишь в зародыше или намеке, люди научного опыта это увидят с ясностью, и этим путем можно отличить среди подготовленных лиц тех, которые наиболее выдаются по своим способностям, свойствам и подготовке к достижению цели, ради которой и учреждается высшее учебное заведение.

По сказанному выше видно, что в высших учебных заведениях еще более, чем в средних, можно обойтись без всякого рода экзаменационных испытаний. В виде переходной меры экзамены могут состоять из одного обзора тех четырех способов испытания, которым подвергался выходящий из заведения слушатель. В его аттестации или дипломе, как в дипломе на бакалавра в Англии, полезно отличить два разряда подготовки: один обычный, доста-

точный для прохождения всех жизненных отношений, требуемых от специалиста, а другой — «с отличием» — для обозначения явно высказанных уже в студенчестве способностей обобщать частности и вообще охватывать предметы в их большей широте. Это отчасти подобно тому, что прежде практиковалось в виде различения степеней «действительного студента» и «кандидата», хотя я никоим образом не думаю это различие приурочивать к каким-либо привилегиям, доставляемым дипломом. Нужнее всего это различение для тех, кто на основании диплома будет принимать к себе под свое начальство или в свое предприятие лиц, кончивших высшее учебное заведение.

8. Уже из того, что сказано выше, можно ясно видеть, что, по моему мнению, желательно как можно шире открыть двери высших учебных заведений для всех достаточно к нему подготовленных и для этого необходимо иметь много учебных заведений с разнообразными специальностями, или факультетами. Даже в столь богатых странах, как Англия, Шотландия, С.-А. С. Штаты и Голландия, где, в сущности, высшее образование составляет в некотором смысле привилегию богатых людей, потому что стоит дорого[47], беднякам не отрезана дорога к высшему образованию. Они пользуются стипендиями, выплачиваемыми за все их потребности, или из капиталов, пожертвованных специально для этой цели, или назначаемых ведомствами и лицами (например, в Англии — колониями для снабжения их медиками), или особым обществом для пособия студентам с тем непременным условием, что все выданные таким обществом пособия возвращаются в течение всей жизни малыми, но постоянными процентными взносами лиц, получивших пособие. Все это, как известно, практикуется и у нас еще с тем дополнением, что у нас есть много стипендий высочайшего

имени совершенно безвозвратных, как и многие из всяких иных видов пособий, выдаваемых стипендиатам.

Должен признаться, что мое личное мнение склоняется к тому, чтобы стипендия и пособия всякого рода, выдаваемые при прохождении курса в высшем учебном заведении, непременно возвращались последовательно по окончании курса и чтобы при получении каждого пособия выдавалась получающим такая расписка, в которой эта обязательность возврата была бы явственно обозначаема. Когда государство дает свои средства отдельному лицу на его образование, оно, по моему крайнему разумению, должно всегда требовать или возврата выданной ему стипендии, или обязательной за нее службы в тех местах, куда будет назначен окончивший курс. Подобный порядок не есть какое-либо нововведение, он и теперь практикуется во множестве случаев, например в большинстве военных высших учебных заведений. Мне, как и всем моим товарищам, при поступлении в Главный педагогический институт пришлось давать при самом вступлении расписку в том, что я обязуюсь за каждый год, проведенный в институте, где все содержание было казенное, прослужить 2 года там, куда буду назначен начальством, и мне очень памятно все значение этой расписки особенно потому, что со мной, 16-летним юношей, этим способом был в первый раз заключен договор, на который я охотно шел, так как в нем видел свою прямую выгоду. Обязательство, или расписка, не только заставит каждого относиться внимательнее к делу, за которое он принимается, но и составит один из первых жизненных уроков для внушения той связи, которая должна существовать между всякими правами и обязанностями, чего, признаться сказать, в настоящее время в наших высших учебных заведениях нельзя встретить в должном развитии. Смотреть на пособия студентам как на особый вид благотворительности, по моему

мнению, весьма неправильно уже по одному тому, что размеры благотворительности определяются множеством случайностей и могут быть совершенно недостаточны для надлежащего прохождения научных знаний в высших учебных заведениях, так как на всякие посторонние занятия студентов должно смотреть только как на исключительное явление, зачастую вредящее целям высшего образования, когда все время нужно посвятить изучению выбранной специальности.

Нельзя избежать того, чтобы выдача стипендий обходилась без участия профессоров и других преподавателей высших учебных заведений, для казенных же стипендий эта зависимость должна быть совершенно полна и вовсе не должна определяться надобностями отдельных слушателей, а преимущественно, если не исключительно, их успешными занятиями. Но, говоря вообще, дело стипендий должно быть ведено, по моему мнению, с наименьшим участием профессоров и в размеры стипендий должны входить, если не всегда, то в огромном большинстве случаев, все расходы или взносы, требуемые уставом с университетских слушателей. Расходы на высшее образование для государств так велики и потребности высших учебных заведений так с годами умножаются, что возврат хотя части этих расходов в виде сборов за слушание лекций и за лабораторные и всякие иные занятия мне кажется вполне справедливым даже в нашей стране, весьма нуждающейся в лицах, снабженных действительными знаниями.

Некоторые виды стипендий, по моему мнению, должны быть назначаемы только лицам, выдержавшим первое или основное испытание, но, конечно, и в самом начале прохождения курсов пособие во многих случаях вполне необходимо, в особенности потому, что у нас (я думаю, в большей мере, чем где-нибудь) очень часто встречаются

способные юноши именно в тех классах общества, которые обладают наименьшим достатком, так как они стоят зачастую ближе к природе и всей действительности, показывающей всю нужду в высшем образовании, чем то бывает у детей состоятельных родителей, как видно это уже из примера первого русского ученого Ломоносова. Нам особенно нужны образованные люди, близко знающие русскую природу, т. е. всю русскую действительность, для того чтобы мы могли сделать настоящие, самостоятельные, а не подражательные шаги в деле развития своей страны.

Назначив и выдав пособия и стипендии, надо иметь особо в виду то обстоятельство, что надлежащий результат может получиться от высшего образования лишь тогда, когда время студента будет отдано действительно образованию, т. е. надо соразмерить величину стипендии не только с предстоящими расходами, но и с действительным прилежанием и успехами стипендиатов, без чего стипендии и пособия студентам хотя и будут оставаться делом благотворительным, но совершенно не отвечающим целям высших учебных заведений, так как их назначение исключительно состоит в подготовке для жизни деятельных и знающих людей, что и должно, прежде всего, блюсти распорядительному совету высшего учебного заведения. Во всяком случае, какие бы то ни было стипендии и пособия слушателям должны быть выдаваемы только тогда, когда они исполняют программу занятий, намеченных для слушателей. Неисполнение этой программы, а тем паче неуспешность занятий, проявившаяся после испытаний во все время прохождения курса, должна служить указанием того, что сам стипендиат отказывается от всяких дальнейших ему пособий. Мои слова, конечно, покажутся жесткими для многих сентиментальных лиц, но я их говорю с полным убеждением и более всего в пользу плодотворности

высшего образования, так как неуспевающие и не способные к успехам не должны, по моему крайнему разумению, иметь никакого касательства до высших учебных заведений, которые ни под каким видом нельзя для общего блага смешивать с благотворительными учреждениями.

Из того, что изложено выше, можно полагать и ожидать, что первые курсы высших учебных заведений будут гораздо многочисленнее последующих, особенно при надзоре за правильным посещением лекций и занятий. При развитии же стремления в высшие учебные заведения, ныне у нас, несомненно, существующего, наплыв слушателей может быть очень большим. Действительность полагает предел этой многочисленности со множества сторон, которые нет надобности и перечислять, и дело высшего управления народным просвещением сводится к тому, чтобы достигать надлежащей соразмерности и по мере увеличения прилива учреждать новые высшие учебные заведения или расширять существующие, снабжая их всем необходимым и назначая для всех специальностей, для коих оказывается особая надобность в стране и в которые приливает наибольшее число желающих. Чтобы не остаться здесь совершенно голословным, я укажу хотя бы на то, что, судя по действительности, аудитория, в которой вмещается более 500 слушателей, уже становится малоудобной для преподавания во многих отношениях, так как часть слушателей окажется в положении, малоудобном для восприятия глазом и ухом того, что излагается или показывается. Тем более это относится к пособиям, подобным лабораториям, кабинетам и т. д. Если в виде примера положить в высшем учебном заведении четыре факультета и два из них, наибольших по числу поступающих, с общими курсами, излагаемыми в одной аудитории, то можно считать на двух таких факультетах 500 слушателей, а на двух других 200, в высших же курсах всего около

500 человек, чрез что и получится в сумме около 2000 на высшее учебное заведение. Если прилив будет больше в эти учебные заведения, это послужит явным указанием, что для удовлетворения потребности страны необходимо учреждать еще новые высшие учебные заведения.

Проведя сперва как студент, а потом как профессор более половины всей своей 70-летней жизни в высших учебных заведениях и сознавая их величайшее значение для всей дальнейшей судьбы Родины, мне хотелось бы еще много сказать о деле высшего образования, но я воздерживаюсь от этого, главное, потому, что вся суть здесь исключительно в профессорах и в уставах, которыми они руководятся, а это сказано выше со всею для меня возможною ясностью; частности придут сами собой, и я не желаю ими затемнять основных требований. Уставы университетов уже пересматриваются, тут уже сознана необходимость улучшений. Но, сколько я понимаю нашу современность, еще не ясно сознание в необходимости позаботиться о подготовке надлежащих учителей и профессоров, особенно последних, а потому следующую главу я посвящаю своим заветным мыслям об этом предмете, стараясь быть, как умею, кратким, но ясным, угождающим только благу своей страны, а не ее либералам, консерваторам и утопистам.

10 июля 1904 г.
Боблово

Глава VII
О подготовке учителей и профессоров

Бывший Главный педагогический институт. — Отчего его закрыли. — Необходимость специальной подготовки учителей и профессоров, по крайней мере некоторых. — Состав, или факультеты и предметы, какие должно желать в высшем или нормальном училище для подготовки учителей. — Место для его учреждения. — Возможная стоимость его устройства и годового содержания

Сводя в одно целое сумму впечатлений прошлой истории и современности, можно, конечно лишь условным образом, выразить ту мысль, что народы Азии представляют своего рода тезу, а европейцы — антитезу и что нужен синтез, которого еще недостает. Сущность этой мысли сказалась у славянофилов, и хоть я никоим образом не могу себя причислить к их доброму числу, но все же полагаю вместе с ними, что в нас, русских, больше всего имеется задатков всякого рода для достижения этого синтеза, хотя по настоящее время видна только первичная к тому подготовка, сказавшаяся, быть может, лучше всего в окончании примечательнейших стихов Пушкина «Чернь»:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Сказано это про поэтов вообще, но едва ли при этом сам Пушкин не имел в виду, судя по смыслу всего стихотворения, именно современных ему русских вообще, объединяя этим понятие о лучших людях как между простолюдинами, так и в образованнейших классах, так как и там и тут русский человек больше живет еще и поныне мечтою о предстоящей будущности, о возможном впереди

синтезе. Очевидна всем вдумчивым людям надобность как-то сочетать индивидуализм, развившийся преимущественно в Европе, с общественно-государственным строем, родившимся в Азии и там развившимся даже до некоторой степени уродства, но как и в чем должен выразиться этот ожидаемый синтез, сказать едва ли кому-нибудь возможно. Но одно тут несомненно, что он совершится не иначе как при посредстве развития образования. На него смотрели долгое время только с индивидуалистической точки зрения, но уже и в тех полубессознательных речах, которые повсюду слышатся о необходимости всеобщего образования, видно стремление придать ему общее государственное значение. Отсюда, пропуская некоторые логические вставки, легко вывести то для меня инстинктивно несомненное заключение, что первейшею заботою стран, подобных России, видящих свой идеал впереди, а не сзади, должна служить забота об образовании наставников всякого рода, а в особенности для средних и высших учебных заведений; прочее все еще можно предоставить индивидуальности и случайности, а этого ни в коем случае не должно, т. е. к образованию наставников высших степеней надо приложить много усилий и средств страны, если она хочет расцвета своей жизни впереди и хочет, хоть и постепенно, достигать желаемого синтеза.

Вот та моя заветная мысль, которой я посвящаю эту отдельную главу: о потребности строго обдуманной, особой организации для получения необходимых нам наставников. Нельзя закрывать на то глаза, что зачастую основные мысли, сюда относящиеся, имеют совершенно иное направление, т. е. говорят нередко, что наставники всякого рода должны быть прежде и главнее всего воспитаны жизнью и из нее черпать те силы, какие нужны для ее дальнейшего течения. Из-за этой самой мысли и закрыт был в свое время, в начале 60-х годов, Главный педагогиче-

ский институт, назначавшийся исключительно для приготовления учителей гимназий и давший многих первых самостоятельных русских профессоров, ученых и деятелей всякого рода, начиная с Н. А. Добролюбова и Н. Н. Страхова. При закрытии этого института проводилась та мысль, что в Педагогическом институте как в закрытом учебном заведении юношество отрывается от жизни, а от учителей необходимо-де требовать, прежде всего, полного с нею знакомства, которое будто бы и доставляют открытые учебные заведения. На оборотной стороне этого начала написан консерватизм и подчинение учителей толпе. Со своей стороны я думаю, что жизнь нельзя перестраивать и улучшать, не отрываясь от нее, что сказалось даже в уединении, приписываемом не только Христу перед его открытой проповедью, но и Будде, даже Заратустре. Консерватизм — дело великое и неизбежное, но особо заботиться о нем в деле просвещения никакой нет надобности, потому что оно, прежде всего, состоит в передаче науки, а она есть свод прошлой и общепринятой мудрости, потому что люди, проникнутые наукой, неизбежно в некоторой мере консервативны по существу и им надо учиться не от толпы, не от трения в консервативном обществе, а от мудрецов, которые сами искали высших начал в уединении от толпы, в проникновении новой тайной, в отчуждении от мелочности жизненных забот хотя бы на все то время, в которое должно получиться проникновение началами, передаваемыми впоследствии другим. Всем этим я хочу сказать, во-первых, то, что закрытие Главного педагогического института было крупною ошибкою своего времени, во-вторых, что при желании иметь в стране учителей и профессоров, могущих двигать страну вперед, полезно возобновить прежний прием, т. е. вновь учредить, да не один, а несколько училищ наставников или педагогических институтов, и, в-третьих, что для их надлежащего

успеха полезно по-прежнему устройство закрытых учебных заведений. Здесь надобно, конечно, прибавить ту оговорку, которая, в сущности, дальше должна во многих случаях подразумеваться, что времена переменились и многие порядки сообразно с тем должны претерпеть свои изменения. Сущность пользы от закрытого заведения сводится не только на то, что у их питомцев больше времени для занятий и углубления в науку и предстоящие жизненные отношения, чем у студентов открытых учебных заведений, но и в том, что в закрытом учебном заведении общение молодых сил неизбежно развито в гораздо большей мере, чем в открытых учебных заведениях, и гораздо больше общности и целости во всем, начиная с привычек и кончая мировоззрениями.

Сужу об этом по личному примеру, потому что сам обязан Главному педагогическому институту всем своим развитием. После первого же года вступления в него со мной приключилось кровохарканье, которое продолжалось и во все остальное время моего там пребывания. Будь я тогда стипендиатом или вообще приходящим слушателем, я бы лишен был всякой возможности удовлетворить возбужденную жажду знаний, а там все было под рукой, начиная от лекций и товарищей до библиотеки и лаборатории, время и силы не терялись на хождение в погоду, ни на заботы об обеде, платье и т. п. Нам все было дано, все было легкодоступно, и мы брали предлагаемое потому, что от наших профессоров узнавали то, где и что лучше всего следовало взять. Все дело зависело, конечно, от того направления, которое имело все учебное заведение, а оно определилось тем, что профессора его были первоклассные ученые своего времени, как Остроградский по математике, Савич по астрономии, Ленц и Купфер по физике, Брандт по зоологии, Воскресенский по химии и т. п. Остановлю внимание еще на том, что предметов

или профессоров у нас было немного сравнительно с числом их в нынешних учебных заведениях и ради этого многие предметы были общими на разных факультетах до того, что естественники и математики на первых двух курсах проходили все предметы вместе, т. е. огонь в нашем очаге не тух от избытка топлива, а мог только разгораться под влиянием не только профессоров и товарищей, не только удобств для притока всего того кислорода, нужного для научного горения, который доставляли рядом со спальнями и жилыми помещениями находящиеся лаборатории в библиотеки, но и того общего направления или пыла, который установился в Главном педагогическом институте, по крайней мере, в то время, когда я сам в нем был. Мы все твердо знали, давши при вступлении личные обязательства, что будем педагогами, а потому по косточкам разбирали всю предстоящую нам жизненную обстановку и своим умом, а потому и внутренним соглашением достигли до того, что у нас, например, считалось в некотором смысле предосудительным готовиться к экзаменам, и хотя мы много работали в обычное время, в течение экзаменов все ночи напролет дулись в карты, а на тех, кто готовился к экзаменам, смотрели до некоторой степени свысока.

В этой мелочи, на мой взгляд, сказывается своеобразность мировоззрения, сложившегося в нашем закрытом учебном заведении. Припомню, что это было в середине XIX в., во времена большого формализма, начавшегося распространяться в царствование Николая I. Если я особенно настаиваю на необходимости и ныне вновь для образования учителей возвратиться к учреждению прежних, теперь почти исчезнувших закрытых высших учебных заведений, то имею в виду особую необходимость самостоятельного развития у юношей-учителей других, у них теперь еще не господствующих привычек, обычаев и

воззрений, чего под влиянием ежеминутных жизненных столкновений, которым подвергается студент, живущий вне товарищей, достичь невозможно без какой-то уродливой ломки, да и то под влияниями посторонними, а не внутренними, не собственного сознания, а навеянных мыслей.

Молодежи до чрезвычайности нужно это взаимное общение для того, чтобы из нее выходил прок не только для самих их, но и для общего целого, для всей дальнейшей судьбы страны. Закрытые высшие учебные заведения прекращены у нас повсюду под влиянием неправильно понятых начал, жизненности высшего образования именно в эпоху, предшествовавшую так называемым университетским беспорядкам, и я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что это закрытие «закрытых» высших учебных заведений служило одной из причин возникновения таких беспорядков в особенности под влиянием пресловутых «аттестатов зрелости», соединенных с поступлением в университеты бородатых юношей.

Те силы или порывы, которые нашли бы, вероятно, выражение в сложении самостоятельных воззрений и направлений, выступили, конечно, под худыми влияниями, носящимися в общежитии, в том, что слушатели высших учебных заведений стали представлять себя уже «зрелыми» членами общества и стали сходиться для суждения не о своих ближайших потребностях, не о слагающемся мировоззрении, а о том общественном, ради которого они и вступили в высшее учебное заведение как ученики и слушатели.

Не уклонюсь от того соображения, считаемого мною совершенно неверным, которое носилось в воздухе времени начала повторяемости так называемых студенческих беспорядков и очень часто высказывалось в те времена, что освободительные начала эпохи, наступившей после Севастопольской кампании, служили главнейшим внутренним

поводом к началу беспорядков, так как во всем обществе произошло брожение и стали выражаться порывы того разряда, который у нас привыкли называть либерализмом.

Утверждали, что либерализм, проникший в правительство, овладел образованным обществом, а от него и университетским юношеством, которое по молодости лет и по пылкости, свойственной юности, спешило судить о том, что по своей сложности было ей не по силам. Совсем я сам так не думаю, хотя и признаю вполне передачу общественного настроения юношеству и развитие его в нем, но от этой возбужденности до беспорядков расстояние ничем логически не восполняется, потому что истинный либерализм прежде всего побуждает следовать законным путем, а не вызывает таких приемов, какие сказываются в беспорядках.

Прожив большое их число в близкой связи со студенчеством Петербургского университета (потому что тогда я жил подле химической лаборатории, где работало много студентов, и я был с ними в постоянном общении), я имел немало случаев убедиться в том, что «чувства добрые», господствовавшие в то время в студенчестве, побуждали их еще в большей мере, чем бывает всегда, к взаимному общению и соглашению, но исходов для этой надобности было чрезвычайно мало. Главное же, что считаю долгом сообщить здесь, состоит в том, что я получил подлинные убеждения в возникновении беспорядков не под влиянием этого стремления к общению, а под влияниями совершенно посторонними, даже говорю с уверенностью, под влияниями, совершенно чуждыми России и пришедшими из-за границы, где в то время еще больше, чем теперь, много было организованных сил, стремившихся, во-первых, приостановить явный прогресс, начавшийся в нашей стране, и, во-вторых, желающих сосредоточить все внимание России на внутренних беспорядках, чтобы отвлечь

ее этим путем от вмешательства во внешние европейские события, среди которых тогда больше всего имели значение политические объединения Италии и особенно Германии, усиление мирового могущества Англии и возбуждение социалистических и коммунистических начал во всей Западной Европе. Все дела этого ряда тогда, несомненно, имели организацию и представителей ее в виде властных лиц, подобных Бисмаркам и Кавурам, а такие организаторы должны были помнить и сознавать, что голос России был одним из решающих в памятные эпохи Священного союза и 1848 года. Чтобы действовать свободнее, увереннее и надежнее, надо было во что бы то ни стало устранить какое бы то ни было вмешательство России; война с нею могла стоить сотни миллионов, возбуждение в ней внутренних беспорядков могло стоить очень дешево, да еще под знаменем либерализма, который сам проявлен Россией. Вот и решили разумные и расчетливые люди, стремящиеся к определенным целям, вызывать в России всеми способами внутренние неурядицы, покушения на императора-освободителя и всякого рода препятствия на пути русского прогресса. Утверждаю так в особенности по многим наблюдениям, бывшим для этого как у меня самого, так и у многих из профессоров Петербургского университета.

Расскажу об одном случае, бывшем лично со мною. Между многими студентами старших курсов, занимавшимися под моим руководством в химической лаборатории Петербургского университета, был один, которого назвать фамилию еще нельзя, потому что он еще жив и действует; его я обозначаю буквой «А». Это был образованнейший во многих отношениях человек, видный, красноречивый и влиятельный в студенческой среде, отчего его выбирали очень часто председателем дозволенных и недозволенных сходок, как мы все тогда знали. Так называемыми

либеральными началами или порывами он был проникнут вполне, но был в то же время истинно русским человеком и, говоря по-французски, лояльным, противником всякого рода незаконных, а тем паче предосудительных мер всякого рода, т. е., как тогда говорили, был умеренным либералом. Он часто откровенно излагал проникающие его мысли и вообще был, как говорится, экспансивен, так что от него зачастую можно было узнавать многое совершающееся в студенческой среде. Он вел у меня в лаборатории одну специальную работу, и мне приходилось с ним часто оставаться часами, причем входить в беседу, нередко обращавшуюся на предмет всеобщей тогда заботы о благе университета. В одной из таких бесед А. рассказал мне о том, что в студенческой среде стали зарождаться своего рода подозрения относительно искренности участия некоторых деятелей сходок на основании того, что они возбуждали не столько своими открытыми речами на явных сходках, сколько закулисным влиянием на лиц пылких, но мало развитых. Такие лица, говорил А., не только не выступали сами, а толкали других, но и всегда прятались за них, т. е. действовали так, как действуют подставные заинтересованные возбудители. Как А., так и его благоразумные товарищи подозревали этих лиц как подосланных полицией для возбуждения беспорядков, и некоторые втихомолку согласились проследить и уличить их. В этом намерении они дошли до того, что, называясь их именами, стали получать от университетского швейцара письма на их имя, вскрывать их и читать, а потом, закрыв как следует, передавали их по адресу, зная, что следы вскрытия объяснялись получателями вмешательством тайной полиции. Но она была на этот случай товарищеская, и А., как один из вожаков, читал многие такие письма. Вот он-то и передал мне, что многие из этих писем были заграничного происхождения, не от русских

эмигрантов, а от неизвестных, никогда не подписывающихся лиц, несомненно, выдававших возбудителям немалые денежные пособия именно для цели возбуждения. Убедившись в этом, единомышленники А. дошли до полного реального доказательства получения указанными лицами денежных средств из-за границы, но откуда они получаются, при всех стараниях юные исследователи не могли разобрать, и хотя из-за этого стали отстраняться от руководительства, но, конечно, не выдали имен, хотя, как говорил А., одного такого втихомолку вздули во все корки.

Для меня рисуется здесь дело в том виде, что недостаток, или, правильнее, недозволенность, открытого общения, в котором молодежь нуждается и которое естественно происходит в закрытых учебных заведениях, повела к возможности влияния закрытых общений и к распространению при помощи их неладных или даже преступных возбуждений. Не только я сам, но и многие из моих сотоварищей-профессоров, зная об этом, много раз сообщали узнанное такому влиятельному лицу, каким был граф Д. А. Толстой, тогда министр внутренних дел, но из этих сообщений никаких не вытекало надлежащих последствии, я думаю, прежде всего потому, что сомневались в самой нашей искренности. Это я говорю теперь в печати, потому что мне думается найти для всего этого причину в каком-то следе злорадства, вызывавшегося тогда, во времена освободительных реформ, в кругах, действительно желавших только мер ретроградного свойства и только поворота назад, за что много заплатили наши высшие учебные заведения и все наше просвещение. Сущность дела сводится к тому, что студентам высших учебных заведений нельзя обходиться без взаимного общения, и там, где никогда, сколько я знаю, студенческих беспорядков, более или менее носящих политический оттенок, не было, например, в Англии, Швеции, Голландии и Германии,

студенческого общения не избегают, а, напротив того, всемерно поощряют. В Англии это достигается при помощи колледжей или общежитий, где студенты живут совместно и составляют вполне отдельную семью со своими отдельными преданиями, приемами и даже соперничеством с другими колледжами. В Голландии, Швеции, Германии и тому подобных странах, где студенческий быт совершенно своеобразен, взаимное общение достигается при помощи отдельных корпораций, более или менее напоминающих запрещаемые у нас землячества и направляющихся иногда в стороны, до того чуждые университетским началам, что в Гейдельберге в 1860 г., когда я там был, существовала корпорация, при вступлении в которую требовалось условие во все время пребывания в составе корпорации не посещать университетских лекций. Свое удовлетворение дают студентам даже и такие уродливые корпорации, назначаемые преимущественно для кутежей и спортов всякого рода.

У нас господствует предубеждение против корпоративного начала в студенчестве преимущественно ввиду таких исключительных уродств, забывая при этом, что большинство корпораций назначается для взаимной помощи студентов, для удовлетворения их потребности в общении и, что всего важнее, для сложения самостоятельных начал, которые затем проводятся в жизни. На основании соображений, здесь более или менее выступивших в намеках, я не только склоняюсь в пользу открытых студенческих корпораций, но и в пользу закрытых учебных заведений, где взаимное общение студентов наиболее может быть развито, и полагаю, что господствующие ныне в правительстве и литературе предубеждения против корпоративного начала и закрытых учебных заведений чрезвычайно вредят успехам нашего высшего образования. Теперь, когда мне уже минуло 70 лет, я только с великой

благодарностью вспоминаю то влияние, которое произвело на меня пятилетнее пребывание в закрытом учебном заведении с товарищами, оставшимися на всю жизнь друзьями и, я думаю, единомышленниками.

Итак, я со своей стороны желаю, чтобы необходимое для России высшее учебное заведение, приготовляющее учителей гимназий, а среди них и будущих профессоров, было закрытым, т. е. давало бы своим воспитанникам не только лекции, библиотеки, лаборатории и т. п., но и помещение для жизни, стол, одежду и все прочее, потому что только при этом условии, возможно, по моему мнению, достичь того, чтобы у нас родились свои Платоны и Невтоны, о которых так мечтал Ломоносов. Конечно, это условие не первостепенное, не самое важное, каким я считаю подбор профессоров такого высшего института наставников, но помимо него, в особенности при условиях современной шаткости понятий, для меня немыслимо получение того большого количества преданных делу наставников, которое необходимо России, если она вступит в эпоху действительного убеждения о необходимости широкого высшего образования, так как его при незначительном количестве и случайном качестве преподавателей достичь мне кажется маловероятным.

Наивысшую трудность при учреждении высшего института наставников составит, конечно, образование совокупности надлежащих профессоров. В бывшем Главном педагогическом институте профессора избирались из самого цвета лучших тогда русских ученых, больше всего из академиков, приобретших знаменитость помимо педагогических трудов; теперь этого сделать нельзя уже по той причине, что в Академию наук избирают по большей части на старости лет тех, кто устал уже от педагогических забот. Конечно, в России найдется немало достойных ученых, которые, быть может, и согласятся посвятить

себя делу подготовки наставников, но это все же очень рискованно, особенно в том случае, если новый большой Педагогический институт будет учрежден в каком-либо уединенном положении, не в петербургской сутолоке, не среди петербургских усложненных отношений, начинающихся с дороговизны жизни и с необходимости участия в ее текущих передрягах, так как достойных ученых тут втянут волею или неволею во все тяжкие до того настойчиво, что им останется мало времени отдаться в одно и то же время науке и ее передаче будущим наставникам. А так как это именно и необходимо, по моему мнению, для того чтобы высший институт наставников дал истинно хорошие плоды, то я более всего склоняюсь к той мысли, что местом для главного училища наставников должен быть какой-нибудь небольшой городок или местечко вдали от таких центров, как Петербург и Москва. Оксфорд, Кембридж, Гейдельберг и тому подобные маленькие города, почти целиком зависящие от университетов, в них находящихся, дали, как известно, наибольший рассадник для развития самостоятельности в науках для многих стран; а у нас, думается мне, особенно в нашу эпоху, выбор подобного места был бы полезен во всех отношениях. При этом я вовсе не имею в виду экономических соображений казенного свойства, хотя устройство в какой-то глуши обширного учреждения, без сомнения, может быть более экономным, чем в столицах или вблизи них. Экономия может получиться, однако, все же небольшая в содержании студентов, но в содержании профессоров, ассистентов и тому подобных наставников ее достигать было бы неправильно, так как этим служащим придется ограничиться в маленьком местечке только одним местом служения за недостатком возможности получать средства с разных сторон. Уединенное положение высшего училища наставников, конечно, при совокупности

других условий может обеспечить результат как со стороны студентов, так и со стороны профессоров, если в дело будут вложены правильные начала.

На основании того, что высказано выше, я прихожу к тому заключению, что создание столь необходимого для России главного училища наставников может совершиться следующим медленным путем в течение многих лет, именно 4 или 5 до открытия первого курса. Начать надобно, конечно, с выбора нескольких лиц, совокупности которых должно доверить не только возведение зданий и обзаведение пособиями, необходимыми для создаваемого учреждения, но и подготовку, или приготовление профессоров. Эта последняя цель — самая важная, и, чтоб она выполнилась вполне удовлетворительно, необходимо, чтобы в учредительном комитете были только первостепенные самостоятельные русские ученые по разным отраслям знаний. Им должно доверить выбор кандидатов на предстоящие профессуры. При этом, по моему мнению, лучше всего иметь избыток кандидатов, так как ожиданиям и надеждам не всегда ответят выбранные кандидаты, хотя бы их избрали и весьма компетентные судьи. Избыток, при этом возможный, никогда не будет излишним в России, потому что число лиц, получивших уже высшее образование и начавших уже заявлять свои научные способности, было и, надо думать, останется всегда значительно, потому что жажда света все-таки существует уже в самом народе, даже в крестьянстве. Лиц, оказавшихся недостойными доверия и выбора, надо предоставить устранять учредительному комитету без дальнейших проволочек. А если и затем получится избыток готовых кандидатов, они найдут себе место или в других высших учебных заведениях, или на других поприщах.

Какими способами достичь того, чтобы из начинающих ученых могли выработаться действительные новые

научные русские силы, необходимо, по моему разумению, вполне предоставить усмотрению названного учредительного комитета, долженствующего образовать ядро профессорского совета подготовляемого Педагогического института. Одним надобно дать лишь средства и предоставить всякие возможности самостоятельно продолжать начатые научные работы, других придется, быть может, отправить за границу для изучения избранной специальности в ее современном состоянии, третьим придется дать возможность в путешествиях и личном знакомстве с памятниками древности восполнить пробелы, существующие в предварительной подготовке, четвертых придется, может быть, назначать ассистентами, лаборантами и тому подобными помощниками уже существующих профессоров и т. д. Притом для одних нужна будет, быть может, двухлетняя подготовка, а для других придется ее продолжить на несколько лет; все это, начиная со способа выбора самих кандидатов, должно представить, по моему мнению, учредительному комитету, от состава которого много будет зависеть дальнейшая судьба нового учреждения. Средств для всех указанных целей потребуется немало, но все же их размеры будут ничтожны не только сравнительно с теми, какие требуются, например, для проведения новой железной дороги, или для проведения нового канала, или порта; при недостатке же средств, а более всего при руководстве делом из канцелярии надлежащего успеха ожидать нельзя. Предварительные основания всего устава и устройства высшего училища наставников, конечно, должны быть обдуманы и заготовлены гораздо раньше приступа к самому учреждению института. Но подробности устава должны вырабатываться лишь постепенно, больше всего при содействии упомянутого выше учредительного комитета, а ему должно вменить в первейшую обязанность заботу о подготовке и выборе профессоров

или будущих сотоварищей этих учредителей. Однако уже предварительно должно ясно выразить ту основную мысль, что главное училище наставников должно готовить прежде и более всего учителей гимназий, а из лучших воспитанников — будущих ученых и профессоров, что подготовка не должна ограничиваться одними, так сказать, теоретическими предметами, но и распространяться на прикладные, так как и в специальных средних учебных заведениях, и особенно в высших, прикладные предметы требуют много хорошо подготовленных лиц для их преподавания.

Чтобы обнять все содержание преподавания в высшем училище наставников, мне кажется, проще всего изойти из той формулы, что человек, природа и практическое отношение человека к природе охватывают все главные области наук и образованности. Для учителей еще более, чем для всех прочих обучающихся, нужно постоянно помнить возможность потухания огня при заваливании очага топливом, и потому число предметов, а следовательно, и кафедр должно быть ограничено, а такие сравнительно узкие специальности, как медицинские, юридические, богословские, военная, железнодорожная и т. п., должны быть совершенно исключены из предметов, преподаваемых в главном училище наставников, предоставляя другим высшим специальным учебным заведениям подготовку и выбор преподавателей, им необходимых.

Вследствие указанного соображения и приноравливаясь к обычной терминологии, в главном училище наставников, по моему крайнему разумению, должно быть три факультета: историко-филологический, физико-математический и камеральный, или технический, с разными их подразделениями на последних курсах (1–2 года). На первом из них главнейшими предметами должны быть философия, литература и история; на втором — математика, физика, химия и биология.

Что же касается до камерального, или технического, факультета, то его, по моему мнению, можно образовать только на последних двух курсах из лиц, получивших предвари — тельную подготовку на двух других упомянутых факультетах, положив основным предметом политическую экономию, выработка преподавателей которой должна составить одну из основных задач предполагаемого института, если он назначается для оживления всего русского просвещения и для создания в России массы самостоятельных ученых, каких и можно ожидать при посредстве правильного течения дел в предлагаемом институте. Эту задачу, по моему крайнему разумению, выполнить в будущем нетрудно, имея в виду не только пример Главного педагогического института, но и начальные эпохи, а в особенности 60-е и 70-е годы в таких наших университетах, как Петербургский, Московский, Казанский и Дерптский, доставлявших в свое время много научных сил. Дайте только широко развиться вкусу к науке, предвкушение ее или стремление к ней уже сказалось давно и уже слышится в неясных мечтах и порывах всей прошлой нашей литературы и жизни.

У нас в литературе и в специальных кругах, в особенности в комитетах, обсуждавших устройство новых высших учебных заведений, например политехникумов, много обсуждался вопрос о нормальной продолжительности курсов в высшем учебном заведении, и уже ясно сознано то основное положение, что высшая степень специального образования достигается никак не при посредстве окончания в высшем учебном заведении, а лишь при посредстве самостоятельной разработки предмета в условиях жизненной обстановки, что сказалось в народной поговорке: «Век живи, век учись». Исходя из того, что средние учебные заведения должно проходить в норме до 16–17 лет, я склоняюсь к тому, что для нормальной учебной подготовки

в высших учебных заведениях вполне достаточен четырехлетний срок в большинстве заведений, выпускающих студентов в жизненную обстановку, т. е. для приготовления к жизненным специальностям, которые, как бы ни были специализированы высшие учебные заведения, всегда их превосходят своею дробностью и своими усложнениями.

В норме никто и никогда не считает лицо, кончившее курс в высшем учебном заведении, способным сразу становиться в руководящее положение, будет ли то должность административная или юридическая, промышленная или какая иная. Так, кончившего нормальный курс не назначат столоначальником в каком-либо министерстве, а вначале дадут ему возможность узнать течение дел ближе, занимая должность помощника столоначальника или какого-либо причисленного к министерству второстепенного исполнителя. Так, на фабрике или заводе не назначат вновь испеченного техника руководителем мастерской, а дадут ему возможность осмотреться в качестве помощника или в какой-либо второстепенной должности. Таково же положение дел и во многих других специальностях.

Но есть два рода деятельности, в которых надо прямо браться за дело, за живую практику, без возможности обучаться во второстепенных положениях; я говорю именно о медицине и учительстве, так как вступающему прямо вверяется часть жизни в ее полноте.

Поэтому я думаю, что для подготовки медиков и учителей необходим более продолжительный срок, часть которого посвящается практическому ознакомлению под руководством профессоров в клиниках ли или в нормальных, или образцовых училищах, состоящих при медицинских и учительских институтах.

Как распределить время пятилетнего курса в таких заведениях между делом лекций и практического упражне-

ния в умении, это уже должно относиться к компетенции руководства совета высшего учебного заведения. Сущность того, что я хочу сказать, здесь сводится к тому, что в высшем училище наставников нормальный курс должен быть пятилетним и в течение его учащиеся должны получить практические уроки по преподаванию соответственных предметов, на что, по моему мнению, требуется прибавка примерно полугодового срока, так как подготовка к первым урокам из гимназических предметов должна занять у студентов немало времени. Слушатели историко-филологического факультета должны получать упражнения по русскому языку, литературе и истории, слушатели физико-математического — по математике, физике и естествознанию и камерального факультета — по географии, законоведению, рисованию, черчению и, быть может, другим предметам. Прибавляя к четырехлетнему курсу полгода на реальное приспособление к преподаванию, я считаю необходимым в главном училище наставников прибавить еще полгода не только ввиду необходимости для всех учителей курса педагогики, но и для того, чтобы иметь возможность наилучшего выбора из поступающих тех, которые склонны и способны к тяжелому делу педагогического труда. Для этой последней цели мне кажется в желаемом институте необходимым по истечении первого, подготовительного периода проведение особых испытаний, так сказать, для сортировки поступивших и для удаления тех из них, которые малопригодны к выполнению задач, возлагаемых на учителей средних учебных заведений, и я полагаю, что от лиц, выдержавших это первое испытание, т. е. при поступлении на второй курс, должно требовать, как было то в Главном педагогическом институте, отдельной личной расписки в готовности служить по назначению не менее 8 лет за все то, что доставит Высший педагогический институт своим слушателям в остальные

4 года. Судя по личному примеру, я убежден, что такая расписка будет много содействовать тому, чтобы слушатели явились достойными носителями просвещения и образцами учителей.

Так как лицам, кончившим курс, после указанного выше обязательства будет, несомненно, предстоящая скромная, но важная карьера и так как большинство лиц, проходящих обычные высшие учебные заведения, именно страдает тем, что не имеет вперед обеспеченной карьеры, то, во-первых, я полагаю, что желающих будет множество, а потому при самом приеме могут быть применены различные способы подходящего выбора, между которыми важнейшим я считаю особую для того аттестацию среднего учебного заведения, в котором желающий поступить кончил курс, и, во-вторых, у проходящих высшие курсы главного училища наставников будет на этих курсах больше, чем в современной норме, свободы, стремления и желания отдаться изучению проходимых наук, что и требуется, по моему мнению, более всего. Отсюда можно надеяться на то, что в желаемом институте будет вырабатываться много будущих русских ученых и между ними профессоров, России теперь и в будущем столь необходимых. Выдающихся из кончающих, судя по отзыву профессоров-руководителей и главным образом, судя по действительно выполненным первым научным работам, конечно, должно оставлять при побочных учреждениях института для дальнейшего усовершенствования в науках, т. е. преимущественно для выполнения самостоятельных работ. Вот для этой-то цели всякого рода пособия, необходимые для снискания умения и для научных работ, т. е. библиотеки, лаборатории, обсерватории, мастерские и т. п., при главном училище наставников должны быть развиты в широчайших размерах, отнюдь не меньших, а даже больших, чем в иных высших учебных заведениях. Едва ли я

ошибусь, если скажу, что Петр Великий, учреждая Академию наук, имел иную, чем указанная, цель, так как он, конечно, желал не менее Ломоносова снабдить свою страну Невтонами и Платонами не меньше, чем организованным войском и флотом, промышленностью, торговлей и путями сообщения.

Не подлежит сомнению, что средства, нужные для устройства и содержания предлагаемого главного училища наставников, должны быть значительными и зависеть преимущественно от числа приготовляемых учителей, в особенности при том условии, что все студенты будут содержаться на казенный счет и будут пользоваться всеми необходимыми пособиями, которые надобно создать в местности, так сказать, свежей или новой. Это последнее условие, как уже упомянуто выше, должно уменьшить основной расход на покупку места, необходимого для заведения и всяких при нем устройств; но взамен того расходы при устройстве увеличатся вследствие необходимости приспособить избранное место для удобств всего дальнейшего быта не только воспитанников, но и профессоров и лиц, около них неизбежных. Если средним числом устройство трех политехникумов стоило за последние годы около 5 млн руб. на каждый, то нельзя никоим образом думать, что устройство предполагаемого учебного заведения будет стоить менее того, потому что при главном училище наставников необходимо устроить на казенное же иждивение и содержание образцовую мужскую гимназию и такое же подготовительное к ней училище, преимущественно для детей служащих, а быть может, и женскую гимназию, так как эти учебные заведения, во-первых, позволят семейным людям жить в том сравнительном уединении, которое, по моему мнению, необходимо для правильного и самостоятельного развития предполагаемого учреждения, а во-вторых, для практического упражнения в уроках воспитанникам последних курсов.

Если земля, необходимая для обзаведения нового высшего учебного заведения, снабженного разными побочными пособиями, и достаточная для устройства домов всех служащих, равно как и для устройства садов и, быть может, образцовой фермы, будет дана из казенных земель, т. е. бесплатно, то я полагаю на основании предварительно сделанных подсчетов, что, отлагая примерно 500 тыс. руб. на внешнее устройство земли (дороги, ограды, канавы, мостовые, водопроводы и т. п.), можно думать, что в общей сумме начальное устройство при 600 слушателях и при 400 воспитанниках образцовой гимназии и других училищ будет достаточно на все 6 млн руб., считая в том числе и устройство жилищ для профессоров и ассистентов, конечно, при условии расчетливого и умелого ведения всех дел, потому что при этом кубическая сажень (по наружным измерениям) жилых помещений должна обойтись в среднем не более 80 руб. Откладывая 1,5 млн на обзаведение лабораторий, обсерваторий, библиотеки и тому подобных пособий, останется на стройку около 4 млн, а на них можно выстроить не менее 50 тыс. куб. саж. строений. Из этого числа должно отделить около 2,5 тыс. куб. саж. для помещения студентов, около того же — на аудитории, около 3,5 — на лаборатории и другие пособия, около 2,5 — на Церковь, залы и тому подобные общие помещения, всего около 10–12 тыс. куб. саж. на самое основное заведение. На жилища профессоров, ассистентов и всякого рода служащих надо немного более того, т. е. около 15 тыс. куб. саж., а на гимназию и училища, состоящие при институте, и на всякие службы останется еще 25 или около того тысяч кубических сажен.

Последняя величина, быть может, велика, но надобно принять во внимание, во-первых, необходимые запасы помещений, а во-вторых, то, что при устройстве всего заведения в совершенно новом уединенном месте необхо-

димо будет устроить сады и помещения для разных косвенных потребностей. Что касается до указанных выше $^1/_2$ млн на оборудование пособий, то я имею при этом в виду снабжение библиотеки шкафами и книгами и снабжение приборами и всякого рода приспособлениями физической, технической, химической, физиологической и механической лабораторий и астрономической обсерватории, полагая на оборудование каждого из перечисленных учреждений от 300 тыс. (например, на библиотеку) до 100 тыс. (на физиологическую лабораторию или на астрономическую обсерваторию)[48].

Постройку можно вести не очень спешно, потому что начальное время должно назначить на подготовку профессоров, которыми определится вся дальнейшая судьба учреждения.

Что касается до годового содержания предполагаемого высшего учебного заведения со всеми при нем пособиями, то я полагаю, что для этого достаточно будет 700 тыс. руб. в год, распределяя их примерно следующим образом:

1. На 30–45 главных профессоров, а в их числе и на директора всего учреждения, а также надзирателей и т. п. — около 200 тыс. в год.

2. На 50–60 ассистентов и лиц, оставляемых при учреждении для усовершенствования в науках, т. е. для приготовления к профессуре, около 100 тыс. руб. в год, считая, как и в предшествующей сумме, и расходы на их поездки и командировки.

3. На 600 воспитанников или студентов со всем их содержанием — около 200 тыс. руб.

4. На гимназии и училища, состоящие при главном училище наставников (отчасти с казенными воспитанниками), примерно на 400 учащихся — около 100 тыс. руб.

5. На хозяйственные расходы по ремонту зданий, по управлению, на дороги и т. п. — около 100 тыс. руб., что и даст в сумме около 700 тыс. руб. в год.

Капитализируя примерно из 4 с небольшим процентов, указанный годовой расход отвечает 17 млн руб., а прибавляя сюда около 6 млн первоначальных затрат, получим весь расход от 20 до 25 млн руб. А так как каждая верста новой железной дороги со всеми расходами на обзаведение подвижным составом обходится около 50 тыс. руб., то устройство и все содержание (это последнее не должно упустить из вида) высшего учебного учреждения, долженствующего, а во всяком случае, могущего направить в должную сторону все наше образование, будет стоить стране не более чем устройство 400–500 верст нового железнодорожного пути.

Россия же строила, как известно, за последнее время ежегодно от 2 тыс. верст новых железных дорог. Отсюда, принимая во внимание, что все годовые расходы уже капитализированы, видно, что предлагаемые учреждения не могут составить чего-либо невозможного для нашей страны, и если есть в ней много поводов еще больше и больше увеличивать и организовывать пути сообщения, то не подлежит никакому сомнению, что расход на увеличение просветительных путей России даже в настоящее время ей по плечу и она легко найдет кредит, для того нужный, а в помощь, быть может, найдутся и средства частные, как находятся они — миллионами — для устройства новых броненосцев, подводных лодок и т. д.

В переживаемое нами время, предтечами которого надо считать Мальтуса и Бокля, когда явно господствует материально-историческое начало, утверждающее, в сущности, что все и все обстояло бы преблагополучным, если бы не было материальных недостатков, не жалеют нигде, даже у нас, народных средств для возможной помощи материальному труду, преимущественно в области промышленности. Это уже великий успех, и я чрезвычайно далек от тех, кто осуждает и вопиет о зле промышленно-

сти. Но так как одно понятие о чистой материи и всем материальном, казавшееся классикам до того всеобъемлющим, что Демокрит и дух-то представлял в виде особых, тонких атомов, явно недостаточно и сверх него необходимо принять не только энергию, которую кое-как, с грехом пополам можно еще считать чем-то материально-механическим, но и дух, в человеке, его общении, науке, морали и всей деятельности наиболее резко проявляющийся, то и очевидно, что один исторический материализм не исчерпывает понятия о благе человеческом, как видно даже из того, что довольных и счастливых людей всякий зрячий скорее увидит в среде недостаточной, чем между богачами.

Духовной стороне блага надобны истина, добро и красота. Искание их выразилось, прежде всего, в религиях, сложившихся — надо этого не забывать — в пору, далеко предшествовавшую современной сложности мировых отношений, а затем в науке и искусствах. Последние, по мне, стремятся путем образов и предчувствий, так сказать, полубессознательно, совершенно к тому же, что сознательно вырабатывается в науке. Поэтому свой высокий противовес всему материальному, или, лучше, свое к нему высшее дополнение, должно искать, прежде всего, в науке. И если естественно при умножении людей и их потребностей не жалеть общих жертв на успехи материальных войн и промышленностей, то для «блага общего» столь же естественно не жалеть никаких общих средств на развитие науки и просвещения, что заложено издавна в Русском царстве. На одном материальном далеко не уйдешь в деле «общего блага» уже потому, что материальное конечно и всего не объемлет, чего не сознали лишь крайние да народы, подобные, по всей видимости, современным японцам. Эти самые мысли и лежат в основе всего моего представления о необходимости для России в новом главном училище наставников.

В десятый раз повторю затем, что весь успех дела будет зависеть от профессоров, и скажу, что больше всего и прежде всего надо позаботиться о том, чтобы подготовить таких лиц. Для этой последней цели, как упомянуто уже выше, по моему мнению, совершенно недостаточны те средства, которые применяются в настоящее время, и я полагаю, что было бы лучше всего эту задачу возложить на особый небольшой учредительный комитет, долженствующий составить профессорское ядро будущего главного училища наставников, доверившись ему полностью и предоставив ему право избирать средства для подготовки будущих профессоров, своих сотоварищей, отнюдь не придерживаясь всевластного у нас формализма, потому что с ним еще можно кое-как пробиваться по проторенной дороге, но новых путей устраивать, по моему крайнему разумению, совершенно невозможно. Людей вполне благонадежных, не только любящих свою страну вообще, но и особенно преданных успешному в ней развитию науки и просвещения, по моему мнению, еще можно найти в том небольшом количестве, которое нужно для главного училища наставников, даже прямо в среде бывших и известных у нас профессоров.

По отношению к месту, пригодному для обсуждаемого высшего учебного заведения и так удаленному от столиц, чтобы в нем могли слагаться самостоятельные русские силы, скажу только то, что, по моему мнению, его надобно искать вблизи географического центра России, т. е., мне кажется, где-то на правом берегу Волги, в том месте, где она вниз от Казани становится уже могучею рекой, на которой всегда суждено быть промышленно-торговому русскому движению вперед. Со своей стороны я считал бы наиболее удобным избрать место на возвышенном берегу Волги, где-либо вблизи небольшого городка, и это место, по моему мнению, чрез какое-либо столетие должно

сделаться образцовым городком, дорогим всякому русскому, если из него выйдут хоть немногие новые русские передовые ученые и наставники[49].

Просвещение страны, т. е. нахождение в ней не только сознательной и грамотной массы, но и значительного количества лиц, получивших высшее, специализированное образование и могущих сами идти и других вести вперед, конечно, одно, само по себе, без развития (т. е. при застое) промышленного и общего административного строя не может ничего существенного доставить для общего блага, но первое непременно вызовет потребность в последнем, потому что — помимо уродливых изъятий — истинное просвещение всегда возбуждает, во-первых, любовь к труду, во-вторых, умножение всяких потребностей и, в-третьих, склонность к всякого рода улучшениям быта как своего, так и всего окружающего. Последнее тем вероятнее и даже тем вернее, чем более в высшем просвещении будет вложено философски-социальных начал и чем менее оно будет походить на тот вид внешне подражательного и чисто материального (если можно так выразиться) просвещения, каким так щеголяют в текущее время японцы, которым, быть может, суждено воочию показать всему миру недостатки одной материально-внешней стороны латинско-саксонского просвещения, оставляющей без внимания требования сердца и высшей справедливости, не поддающиеся — за недостатком или слабостью научной разработки — точному анализу и кодификации. Вот в этих-то сторонах и надобен синтез, и они-то в благодушном русском народе никогда не засыпали, несмотря на все стремление к внешнему лоску просвещения. Я не в силах, просто не умею выражать эти потребности более определенным языком, но сознаю, что тут надобна и настоятельна новая сознательно-научная работа человечества, и полагаю, что молодое русское

сознание, воспитанное в высшем училище наставников, последовательно найдет для того не ретроградные, а передовые и новые выходы, т. е. пути синтеза. Тут неизбежно необходимо то сочетание молодых добрых порывов, как с заветами достигнутых частей истины, так и с постепеновством, внушаемым прошлыми опытами жизни, которого, по мне, возможно, ждать лишь в условиях, очерченных выше для образования образцовых русских учителей, профессоров и ученых. В сутолоке жизни — от случайного сочетания влияний и без обеспечения нарочитого искания истины — ждать этого синтеза нельзя. А он, верю, возможен, и прийти он рано или поздно должен, да не с Востока или Запада, а из той средины, которую занимает Россия, и не от одних вдохновений, «звуков сладких и молитв», а от явного сочетания в дружном труде юных и пылких сил с мудростью и опытом зрелой науки, что и хотелось бы видеть в желаемом русском высшем училище наставников.

В заключение своих заветных мыслей, относящихся к русскому просвещению, считаю долгом сказать, что в самых общих чертах, по моему мнению, все высшее образование должно быть возложено на попечение центрального правительства, а начальное, т. е. общенародное и начально-профессиональное, должно быть в руках местных земств и городов. Среднее же образование должно быть ведено, по моему мнению, отчасти, даже преимущественно под влиянием правительства, но также и с непременным участием местных жителей. В среднем образовании участие правительства особенно необходимо, потому что в своем существе среднее образование, как я старался выше выразить, по моему мнению, есть только подготовка к высшему образованию и составляет подобие того, что было когда-то при Московском университете в виде подготовительного пансиона. Участие же местных

жителей в организации течения дел в средних учебных заведениях надобно уже по той причине, что ученики этих заведений прежде всего суть еще члены семей, в которых они получают все первое свое направление.

Центральное управление всем просвещением, или Министерство народного просвещения, прежде и более всего должно, по моему мнению, заботиться о двух или трех сторонах дела, а именно об усовершенствовании уставов всяких учебных заведений, о профессорах и учителях, обучающих юношество, и об усовершенствовании учебников и книг для начального чтения, особенно для начальных и средних учебных заведений.

Ни для одной из этих целей, по моему мнению, нет большой надобности в учреждении отдельных учебных округов, так как при помощи разъезжающих по стране инспекторов учебных заведений может быть достигнута вся та мера единообразия, которую здесь можно требовать и которая, по мне, преимущественно сводится к тому, чтобы русский язык, уставы заведений и русские законы в их главнейших основаниях были соблюдаемы во всех краях России.

При поступлении во всякие средние учебные заведения, по моему мнению, непременно должно требовать даже от инородцев основательного знакомства с русским языком и русской грамотой.

Ученики инородных училищ и профессиональных или начальных, где русский язык не составляет одного из главных предметов, по моему мнению, не могут быть допускаемы в правительственные гимназии и в высшие учебные заведения, пока они не выдержат испытания в хорошем знакомстве с русским языком. Об объединении они сами или их родители позаботятся, когда такого рода закон будет существовать.

Избегая совершенно сознательно, хотя, быть может, и не всегда удачно, всяких видов и форм того витиеватого

и критического изложения, какое чаще всего мне приходилось читать при обсуждении вопросов, касающихся народного просвещения, я перейду затем к двум другим основным предметам своих заветных мыслей, т. е. к промышленности и правительственным формам, потому что так уж сложились мои понятия, что эти три предмета я не могу обсуждать независимо друг от друга, одно тянет за собой непременно другое и третье.

Признаюсь, однако, что в изложении двух последних предметов мне кажется неизбежным подчас прибегать к приемам такого характера, который мне чужд по существу, и это меня весьма затрудняет.

Переживаемое время тяжкой войны, конечно, мало-подходяще для принесения новых крупных жертв к алтарю общего нашего просвещения и всего блага народного, но война будит во всех слоях мысли, а мои необходимо высказать не отлагая потому уже, что до конца войны — по ее затяжности — того гляди, пожалуй, и не доживешь. Печатать поэтому спешу, насколько могу, надеясь на прочтение хотя немногими и хотя в эпоху того особого, чуткого возбуждения, которое, наверное, наступит после заключения предстоящего мира.

Если Россия получит от войны контрибуцию, ее применение к росту военной нашей обороны, образования и промышленности будет естественным, но если и не получили бы мы японской контрибуции, расти во всех отношениях все же нам неизбежно ради естественности самосохранения и неизбежности всего мирового прогресса. Оно, пожалуй, даже и лучше — расти просто из нутра; будет хоть помедленнее, но покрепче и здоровее. Способов-то хватит.

16 июля 1904 г.
Боблово

Глава VIII
Промышленность

Понятие о промышленности, ее общие признаки и свойства. — Связь промышленности с историей при помощи капитала и с государственностью при помощи общего умножения достатков. — Производители и потребители. — Спрос хлеба и труда. — Фритредерство и протекционизм. — Предмет дальнейшего изложения, ближе касающегося современной России

Нет предмета, часто у всех находящегося на глазах, всюду себя проявляющего и, однако, более сбивчивого и наименее разобранного по его смыслу и значению, чем промышленность. Трудно поэтому и писать о ней так, чтобы быть понятым именно в таком смысле, который хочешь вложить; как раз по предрассудку ли или невольно написанное многие поймут совсем не так, как сказано. Много для того причин, но всех — по мне — важнее три. Во-первых, самое понятие о промышленности сравнительно ново, а это имеет большое значение, потому что все действительно новое, многозначащее всегда сперва рисуется в уме очень малоотчетливым и принимается с недоверием; сбивчивость же умножается при этом тем, что кое-какие корни находятся и для промышленности, как для многого иного, в старине, так что столь еще многочисленные и доныне диалектики новое понятие о промышленности силятся нередко свести на стародавнее представление о всякого рода занятиях и мысли многих при этом сбиваются на воображаемые прелести начального быта, в котором о промышленности, конечно, и речи быть не могло, потому что начальный быт людей, как быт животных, определяется исключительно личными потребностями своими и своих близких, промышленность же имеет в виду потребности всего рода людского и только в том

числе свои личные и близких людей. Постепенные переходы естественны, но помимо них разность крайностей так же велика, как между одеянием первичным и производимым промышленностью, между яблоком диким и садовым, освещением лучиною и электричеством. В начальном производстве можно найти зачатки промышленности, но лишь в такой же мере, как в яичном желтке заложены начала будущего организма, развивающиеся лишь при особых, соответствующих условиях. Вторую существенную причину трудности отчетливой ясности речей о промышленности составляет малая точность самого этого слова. Достаточно сказать, что одни под словом «промышленность» понимают только переделку сырья или то, что образует ремесла и фабрично-заводскую часть промышленности, вовсе не причисляя сюда сельского хозяйства, торговли и т. п.; другие же расширяют понятие на всю добычу сырья, на его переделку, распределение и перевозку, ограничивая, однако, промышленность материальностью предметов производства или обращения, т. е. «товарами» в обычном или тесном смысле этого слова. Но так как и энергии или работы, например, освещение жилья электрическим светом, нематериальны в обычном смысле, а продаются, и такой товар производить можно всякими способами, начиная с мускульной работы людской до давления ветра, то тут можно остановиться где кому вздумается и расширять понятие о промышленности до полного уничтожения какой-либо определенности.

Отсутствие этой определенности, зависящее отчасти от быстрого возрастания промышленности как в количественном отношении, так и в качественном, весьма много зависит от третьей стороны дела, по которой на все промышленное сыздавна, даже со времен египетско-индийского или позднее афинского, Платоном идеализированного деления людей на касты или сословия по роду

занятия, смотрят не только свысока, но даже с некоторым презрением, что, увы, сохранилось еще до наших дней, хотя не в первоначальном резком, а монархиями, образованием и революциями исковерканном и смягченном виде, однако настолько, что и поныне редкий-редкий писатель, актер, учитель или ученый, а тем паче чиновник, банкир, барон или землевладелец согласится считаться в числе промышленников, хотя и они живут, назначая и продавая другим свой труд или часть своих приобретенных или наследственных прав, взамен вознаграждения, т. е. тою сложною, специализированно-раздробленною и, без сомнения, искусственною новою жизнью, какая вызвала, создала и ежечасно умножает промышленность, а сама создана или вызвана, как показано ранее, преимущественно гуманностью — при умножении числа людей. Знаю я, что тут касаюсь очень чувствительного, отчасти даже болезненного места в теле или деле почти всего человечества (Китай и тут исключение), что сильно рискую не угодить нашим пережиткам помещичьего (привитого, а не прирожденного) барства или аристократизма, говоря о предмете столь деликатном, но все же по принципу решаюсь и о нем высказаться определенно, напомнив, однако, сперва о том, что у китайцев — и при всесилии Богдыхана — не было и нет наследственных сословий, всякое занятие почитается почтенным и требующим уважения, добро же и зло, равно как знание и невежество, ясно различаемы и понимаемы так же, как в странах с развитым аристократизмом, что Христос искал учеников более всего между близкими к природе трудолюбивыми людьми, особенно рыбаками, возвещая «горе книжникам и фарисеям», т. е. резонерству законников и не идущим вперед формалистам, блаженство же духовно нищим, т. е., по мне, презираемым, ищущим лучшего лишь впереди, и что после реальной гибели схоластики в эпоху Возрождения ум

европейцев немало отрезвился и воспрянул, отрешившись от аристократических и вообще сословных предвзятостей, в чем одном Великая революция конца XVIII в. искупила немалую часть своих тяжких грехов, так как, в сущности, проповедала идеальные «свободу, равенство и братство» ради реальной борьбы здравого смысла и добрых нравов с явно грубыми недостатками одряхлевшего аристократизма, сыгравшего при сложении европейских народов в государства свою весьма важную историческую роль. Рыцари, в свое время составлявшие суть войска страны, были также ей очень полезны, а потом стали совершенно излишними. Время какого-либо значения аристократизма ушло невозвратно, и это не оттого, что аристократы что-либо упустили, а оттого, что сперва было время индивидуализма (см. гл. 6), а теперь начинается время мир охватывающего общего, социального — «новейшая» история.

Чтобы выразить свою мысль еще более отчетливо, скажу прямо, что, по мне, для дальнейших успехов человечества вообще и каждой его группы или государства в частности европейцы, ставшие в главу мирового движения, должны не столько по форме, сколько по внутреннему убеждению совершенно и навсегда отказаться от всяких видов аристократических или помещичьих предрассудков, т. е. перестать в своем обиходе кичиться породой или родом, правами без обязанностей, достатком или подготовкой, полученными от родителей, а уважать и почитать только успевающих в работах или трудах всякого рода или размера, совершаемых для пользы и блага других и чрез них или от них только и получающих свое действительное значение, так как Ньютон не мог быть без предшествующего ему Галилея, а Пушкин не мог бы так петь, если бы до него не было русских песен и сказок. Лессепс не провел бы Суэцкого канала (как не проведен еще Панамский), если бы не было массы, ему помогающей, и Суворов не

бил бы врагов, если бы не имел с собою русских солдат. Время инертной неподвижности масс, поглощенных в одни свои личные интересы и толкаемых или подвигаемых только отдельными единицами, было, да прошло или окончательно проходит; пришло же или вот-вот наступает время иное, когда все почти частицы массы, по-видимому, беспричинно шевелятся и тем самым выдвигают выдающиеся, передовые единицы, как расшевелившиеся массы Земли выпячивают горные вершины путем сложнейшим, едва сознаваемым, который одними, в некотором смысле дарвинистами, почитается естественным следствием постепенно слагавшихся ранее того условий, а другими, несомненными идеалистами, признается Божеским законом или приближением к пред существующему идеалу высшей разумности. Чтобы у отдельных лиц помирить требования ума и сердца, а у совокупностей людских — разумность с нравственностью при наступившей сложности или специализации в разделении труда, конечно, недостаточно уже кастовых или сословных различий, в сущности, по роду профессиональных занятий, а скорее или вернее можно разобраться, выделяя по целям и средствам самостоятельно (оригинально) новое, или то, что Тард назвал «изобретениями», от подражательного, лично-эгоистическое — от общественноальтруистического, а по темпераменту спешливо-революционное — от настойчиво-постепеновского. Пусть ехидство ретроградов сходится с неразумением анархистов в отношении к отождествлению аристократизма с правительством вообще и особенно с монархическим, утверждая, что одно с другим связано неразрывно и что нарекание на одно подразумевает осуждение и другого; их аргументы до конца опровергаются даже уже тем, что на монархов и вообще верховных правителей с течением времени, как известно всякому, падает все более и более бремя тяжких трудов, сложных

обязанностей, опасностей и ответственности, а с аристократов все это только сбавляется до нуля или до салонной болтовни, и уже тем, что Китай, наследственного аристократизма не знавший, всегда был монархическим и сохраняется многие тысячелетия, чего нет ни для одной республики и ни для одного из сотен государств, имевших аристократов, так как последние всегда были первыми между ворчунами, смутьянами, интриганами (от ничегонеделания и безответственной обеспеченности), даже не раз очень ловкими бунтарями, шатавшими самые устои, на которые опирается порядок, хотя у них обыкновенно идет — ради самих себя — речь о консерватизме и хотя бывают аристократы, по личным свойствам преданные прогрессу и порядку, труду и действительным заслугам, ибо и они такие же люди, как все, и притом нередко получившие хорошее образование.

Суть дела сводится к тому, чтобы, не отнимая ничего — даже, пожалуй, и титулов — от аристократов, всем даровать их исключительно реальные права и на всех возложить одинаковые обязанности, что уже начато в виде всеобщности воинской повинности и что легко развить мерами постепеновски-мягкими, ради немалой выгоды общего, земского блата, состоящего в единовременном удовлетворении требованиям разумного индивидуализма и прочей социальности.

Дело идет, по сущности, лишь о правительственном доверии в расширенных размерах и лишь к личным достоинствам и трудам на общую пользу вместо пристрастия к особым, исключительным родам. Неравенства всегда останутся громадными, но в направлении не застоя или одного прошлого, а в сторону передовую — приспособления и уразумения обязанностей, а не одних только прав или привилегий. При этом отпадает без новых передряг, кроме уничтожения сословных различий[50], не только

прежнее высокомерие в отношении к исполнителям механической работы, особенно если она ведется при общих потребностей и целей (так как такая работа, подобная солдатской, не может совершаться правильно без надлежащего общего внутреннего усилия), не только кичливость умственными или эстетическими упражнениями, если они ничего не дают массам (так как такие упражнения в огромном большинстве случаев совершаются с механической последовательностью, по путям, уже указанным), но и наступит возможность взаимного братского уважения и доверия, которые у Конфуция выражены в понятии о «церемониях», а Европой после XVIII века — в требовании «равенства». Когда массам не доверяют, они мало-помалу и невольно сами обучаются недоверию.

Этими «общими местами», или, если угодно, «жалкими словами», необходимо было мне предварить свои заветные мысли, относящиеся к промышленности, потому что без этого остались бы, как я думаю, отчасти непонятыми следующие мои исходные положения, которые мне кажется лучшим вначале формулировать, а лишь потом развивать те из них, для которых это покажется мне надобным; доказывать же каждое из них считаю просто невозможным, потому что для того нужны целые тома.

1. Промышленности нет ни у каких животных, даже самых близких к людям по внешности, хотя и животные собирают запасы, строят себе жилища, дороги и т. п. и обмениваются услугами, т. е. промышленность как государственное устройство и как наука составляет одно из сложных и высоких по значению людских изобретений, требующих большей разумной опытности, чем, например, скопление в семьи и общины (кланы), войны, переселения и т. п. Первая ступень — сельское хозяйство.

2. Зародившись из обдуманных навыков в удовлетворении насущнейших личных и семейных, сперва материальных, потребностей, внушив уразумение великого значения

принципа «разделения труда» или его специализации и послужив прямым указателем выгодной преимущественности всякого обмена услуг и торговли, промышленность была и будет одним из важнейших внешних двигателей всех успехов умножающегося человечества, хотя во главу взаимных людских отношений становиться ей так же мало подходит, как науке, искусству, воинству и священству, хотя и они составляют постепенно сложившиеся специальные виды людского развития, содействующие как общению людей, так и их прогрессу.

3. Начинаясь добычею природного сырья, обрабатывая его затем при помощи пользования видами природной энергии, доставляя как сырье и энергию, так и продукты производства от мест их нахождения к местам потребления или спроса и стремясь применять во всех этих случаях способ свободной мены, промышленность, понимая это слово в широком смысле, не только постепенно связывает людей общими интересами, но и прямо стремится к мирному течению всех дел между людьми как внутри государства, так и между государствами.

4. Пользуясь при добыче сырья и применении сил или энергий природы ее законами, полученными из простой любознательности при искании истины, промышленность стремится всеми способами приноровиться к науке, а ей сверх идеальных ее целей показывает чисто реальные. Поэтому науки, так сказать, дружат с промышленностью, и они совокупными усилиями хлопочут, как могут, об «общенародном благе».

5. Производя свои товары для пользования других людей (и только в их числе и чрез их мену для личного пользования), промышленность принадлежит к тому разряду людских действий, который должен быть явно отличен от эгоистических и причислен к альтруистическим, хотя вопросы нравственные или моральные при установлении промышленности не играют прямой роли.

6. Промышленность, подобно питанию, составляет потребность численно возрастающего человечества, а потому не может быть считаема или почитаема ни как добро, ни как новая форма зла, ибо она составляет естественную необходимость в отношениях между природою и умножившеюся совокупностью людей, а, покоряя природу, по своему существу назначается для служения людям. Что хлеб для жизни отдельного человека, то промышленность для жизни скученных людских масс. При умножении числа людей должны умножиться как добыча питательных веществ, так и число, качество, количество и объем видов промышленности, которая постепенно овладевает и самою добычею питательных веществ, содействуя их обмену, как видно уже из того, что в странах с развитою промышленностью таких общих голодовок не бывает, какие свойственны начальному быту. Добро и зло могут быть, конечно, и в промышленности, как бывают во всех людских действиях, но преобладание добра над злом в промышленности тем обеспеченнее, чем более она основывается на свободном, открытом соглашении, подлежащем общему суждению и суду, и вообще, чем более совершенно организуется. Как один из позднейших видов людских отношений, промышленность еще подлежит многим дальнейшим усовершенствованиям, которые в ней тем легче совершать, что она есть вполне дело рук человеческих, мыслей и соотношений. В переделывающих ее частях (фабрики и заводы) это совершенствование во всех отношениях удобоисполнимее, чем в добывающей промышленности, например сельское хозяйство, явно ограничено количеством земли, а горное дело — запасами земных недр.

7. Промышленность, умножающаяся с возрастанием количества и качества потребностей, вызывает рост «изобретательности», т. е. нахождения новых способов удовлетворения

всяким старым и новым потребностям с наименьшею затратою всякой работы и труда, т. е. с наибольшею дешевизною. В этом направлении она имеет свои идеалы, состоящие в достижении всеми наибольшего удовлетворения всяких потребностей при наименьшей затрате механической работы, производимой людьми, с возложением по возможности всех усилий этого рода на внешнюю природу, умножая лишь людской труд умственных усилий, внимания и предусмотрительной расчетливости, через что труд не только возвышается в своем общем значении, но и облегчается, открывая возможность общего довольства не только при прежнем количестве лиц, но даже и при умножении числа людей, что немыслимо было бы без развития промышленности в указанном направлении. Даже такие сравнительно малые изобретения, как швейная или пишущая машины, избавляют людей от массы работы, труд облегчают, ускоряют и улучшают.

8. Понимаемая даже в узком смысле слова (т. е. без всей добычи и торговли) промышленность все же повсюду является кормилицею прибывающему и развивающемуся человечеству, потому что добыча неизбежно потребных начальных, особенно питательных, продуктов постепенно упрощается, становится все более и более обеспеченною и требующею все меньше и меньше рук на ту же массу сырых продуктов, а от этого являются избытки незанятых людей (босяков), промышленность же дает им полезный для других труд, а от него и прокармливающие заработки. Для умножающегося человечества «заработки» столь же необходимы, как «хлеб», потому что на заработки можно купить хлеб, и если сельское хозяйство преимущественно удовлетворяет последней потребности, то промышленность — преимущественно первой. Притом прибывающему человечеству во многих странах уже недостает земли

для труда. Исторически и во всех прочих отношениях один вид промышленности (добыча и, в частности, сельское хозяйство) теснейше связан с другим (переделывающей или фабрично-заводской промышленностью) до такой степени, что всякое их разъединение, а тем паче всякое их противоположение должно считать не только дело затемняющим, но и вредным для правильного понимания существующих ныне соотношений. Предстоящая человечеству жизнь все более, полнее и очевиднее станет промышленной, хотя начальная вовсе ею не была. На ту часть промышленности, а именно на фабрично-заводскую ее долю, на которую чаще всего сыплются разнообразные нарекания, по существу следует смотреть как на естественнейшее явление роста, подобное появлению волос, например, на усах и бороде, чего сначала, в детстве, не бывает. Бестолково роптать на это, а в явлении том необходимо видеть наступление других, новых потребностей возрастающего организма. Если с вырастающими новыми волосами и хлопотливее, и даже вероятнее загрязнение, это не оправдывает нареканий, не придает им разумности, а только увеличивает заботы о чистоте и о правильности в удовлетворении вновь появившихся естественных потребностей. Известная же степень оптимизма обязательна в отношении ко всему естественному потому уже, что пессимистическое хуление естества не изменит его, как дела Божеского, а оптимизм даст возможность сознательно отнестись к наступившему новому положению вещей, а потому и ко всему дальнейшему росту. В этом смысле отыскание добрых или полезных для человечества сторон продолжающегося до бесконечности промышленного роста гораздо более обещает, чем простое хуление его или одно нахождение его недостатков, которые должно, однако, видеть и отыскивать средства для их возможного устранения. Этим определяется все мое личное отношение

к промышленности, понимаемой хоть в наиболее узком смысле слова, не говоря уже о наиболее широком, который содержит все совершаемое по добровольной мене или, если угодно, за плату по товарам или по услугам. Надо же признать, что и землевладелец, нанимающий рабочих и продающий продукты или сдающий свою землю в аренду, — промышленник не в меньшей мере, чем купец или банкир, ссужающий деньги.

9. Понимая промышленность даже в узком смысле слова, т. е. имея в виду лишь переделывающуюся долю, скопившуюся в ремеслах, на фабриках и заводах, все же сверх естественности ее возникновения и существования должно видеть глубокую и благую связь ее с государственным устройством и с течением истории жизни людей, т. е. с наиболее чистыми и священными частями истинного консерватизма, который, прежде всего, состоит в сохранении человечества, в устранении поводов к гибели его частей и в продолжение их естественного развития. Оставляя в стороне сюда не относящуюся и еще не законченную историю возникновения из раздробленных семей и общин более или менее обширных государств[51], нельзя не видеть, что в настоящее время промышленные отношения, основанные на мене и достатке, занимают одно из первейших мест как в жизни отдельных государств, так и в их взаимных соотношениях, так как законодательная работа, составляющая видимый центр деятельности современных государств, сосредоточивается всюду преимущественно на промышленных отношениях и вопросах, которыми более всего наполняются парламентские и им подобные обсуждения. В наше время даже большинство войн явно или скрыто определяется промышленными отношениями стран, особенно если к их числу присоединить и добычу сырья на занятой территории. Даже в таких понятиях великой государственной важности, как свобода и спра-

ведливость, яснее, реальнее и отчетливее всего выступают промышленные вопросы: о свободе промышленного труда без особых привилегий по происхождению и о справедливости в распределении достатков по соответствию с количеством и качеством затрачиваемого на общую пользу труда, что составляет один из центральных вопросов всей промышленности, имеющих непосредственные точки соприкосновений с вечными вопросами общественной и индивидуальной нравственности[52]. Такими путями промышленность, вызванная заботами о благе общем, тесно и явно связывается с государственностью, которая, прежде всего, по современным понятиям, назначается для удовлетворения тем же заботам об общем благе. Государство преследует эту цель во всем ее объеме, а промышленность — прежде всего со стороны материальной, без которой ни энергия, ни дух не действуют и даже умом не постигаются.

10. В промышленности, понимаемой в любом из обычных смыслов, сверх природных веществ и сил и сверх приложения к ним разных форм и видов людского труда неизбежно необходим капитал не только для приобретения или найма земли и сырья и для оплаты трудового заработка участникам производства (ранее возврата стоимости продажею), но и для обзаведения предварительно заготовляемыми орудиями и условиями, необходимыми для переработки, например, для подготовки земли, возведения зданий, приобретения двигателей и переделывающих приборов (снарядов, орудий, станков и т. п.), для первоначального обучения надлежащим приемам всех участников (так как для выгодности сбыта необходима согласованная заранее организация всех частей сложного дела) и, наконец, для обоснования при помощи кредита торговых оборотов при сбыте производимых товаров. В этой великой потребности капитала скрыты главные

особенности промышленности, причина ее позднего и трудного возникновения, а также поводы к множеству господствующих нареканий и недоразумений, существующих в отношении к делам промышленного свойства, и способы выхода из существующего здесь положения вещей. Понятие о капитале принадлежит к числу растяжимых, и я избегну его рассмотрения, а только напомню три его основных качества, пользуясь которыми легко можно постепенно сокращать худые стороны капитала, расширяя хорошие.

1) Происходя от перевеса трудовой добычи над непосредственно потребляемым и сохраняемый (сберегаемый) прежде всего ради обеспеченности предстоящего существования против неблагоприятных случайностей в будущем, капитал составляет продукт разумности прошлого времени, что служит не только к возрастанию разумной предусмотрительности вообще, но и к укреплению исторической связи современных поколений с прошлыми. Приобретенная земля, построенный дом, устроенная фабрика, заготовленное орудие и т. п. составляют капиталы не только потому, что могут быть проданы, ибо спрашиваются и другими, но уже и потому, что облегчают обеспеченность в будущем, будучи устроены в прошлом. В этом смысле капиталы, а чрез них и промышленность, ими пользующаяся, представляют немаловажную историческую особенность жизни частных людей, а чрез них и общества, т. е. в них реально консервируется прошлое, обеспечивается настоящее и подготовляется развитие предстоящего.

2) Так как капиталы состоят из разнороднейших непотребленных, всеми спрашиваемых ценностей, то они подлежат обмену и поэтому могут быть выражаемы деньгами как знаками или общими товарными единицами мены труда, и выражают собою степень богатства, а так как

произведенное, но непотребленное, очевидно, может возрастать, то могут существовать все степени богатства народного и нет видимого предела для накопления капиталов, тогда как прирост природных условий труда, например земли, руды, вод, лесов и т. п., имеет реальный и непреодолимый предел. Это все зависит от того, что капитал как труд есть дело людского развития, а не природное. Голландия богата, несмотря на природную свою бедность, Россия же, как Китай, бедна, несмотря на природные свои богатства. Поэтому первейшую и настоятельнейшую обязанность правительств составляет скопление всех условий для возможности и возбуждения в народе усиленного труда, накопления капиталов и возрастания богатства. Просвещение, промышленность и организация управления назначаются, между прочим, для этой реальной цели.

3) Выражая капиталы в деньгах, легко видеть, что они могут или скопляться у отдельных собственников, как земли у крупных землевладельцев, или разделяться до бесконечности, что в промышленности выражается или в единоличных предприятиях, или в разнообразнейших формах предприятий на сборные капиталы, начиная с акционерных до артельных или кооперативных, подобных потребительным и производительным товариществам. С исторической точки зрения вся промышленность, особенно переделывающая, началась с раздробленных, мелких, единоличных, так называемых ремесленных, или семейно-кустарных, предприятий, но под влиянием капиталов, ранее скопленных землевладельцами и торговцами, постепенно в большинстве производств перешла в крупные единоличные и акционерные предприятия, легко могущие более или менее своекорыстно монополизировать производство к вреду как потребителей, так и участников промышленного труда, и хотя крупные землевладельцы,

преимущественно аристократы, дали первый образец такой монополизации, они же, соединившись с неразумными социалистами и анархистами, сильно и отчасти справедливо восстают против этой новейшей формы промышленной эволюции, ближайшим поводом к чему более всего служит то обстоятельство, что во многих странах капиталисты приобрели большую долю того влияния на правительственные сферы, которое прежде принадлежало преимущественно крупным землевладельцам. Выход из такого современного положения вещей, принимая во внимание великое значение промышленности для блага народного и прогресса, должно видеть помимо всяких переворотов не только в том, чтоб устранять от влияния на управление страною всех монополизирующих труд крупных землевладельцев и капиталистов, но и особенно в том, чтобы всемерно содействовать уменьшению самой возможности монополизации как земель, так и капиталистических единоличных промышленных предприятий. Сравнительно легкая возможность возникновения (особенно в странах с еще не выросшей промышленностью, какова Россия) новых крупных промышленных предприятий при помощи сборных капиталов, а в особенности кооперативных, дает здесь выход более легкий, чем в землевладении, так как новые земли не всегда возможно получить даже за крупный сборный капитал. Притом, как подробно указано в гл. IV над примером С.-А. С. Штатов, заработки участников переделывающей промышленности возрастают, давая возможность скоплению мелких капиталов, а барыши предпринимателей сбавляются, через что открывается возможность кооперативных предприятий самих участников в переделывающей промышленности. В такой эволюции ясно сказывается способность капиталов к дроблению и скоплению, и, в этом, по мне, должно видеть полную и сравнительно (с землевладением) скорую

возможность устранения главного зла в переделывающей и торговой промышленностях, как в выкупе земель от крупных землевладельцев — искупление зла земельного аристократизма, ибо капитал в промышленности играет почти ту же историческую и народную роль, как земля в сельском хозяйстве.

Таким образом, скопленный капитал, составляя основной нерв видов промышленности, по своему существу много содействует обеспеченности и всему благу народному и находится в исторической связи с развитием видов народной обеспеченности и с накоплением богатства, но, начавши действовать лишь сравнительно недавно — всего одно или два столетия, капитал еще требует многих разумных общественных и правительственных усилий для того, чтобы при помощи его не возникали виды монополизации потребителей (возвышение цен товара) и производителей (понижения ценности труда участников), что, по всей видимости, полнее всего может быть достигаемо кооперативными предприятиями промышленно-торгового характера.

11. Промышленность, удовлетворяя реальным общественным потребностям, в то же время отвечает и личным, потому что участие в ней — по крайней мере, в странах с некоторым развитием современной просвещенности — свободнее, чем в большинстве иных дел людей, и потому еще, что в ней необходимо участие множества лиц с разнообразнейшей подготовкой и со всевозможными склонностями, начиная от простых рабочих, способных лишь к механической работе, до научно или общественно сильных руководителей, так что в ней неравенства отдельных личностей столь же сильны, как во всех прочих людских делах, и специализация дает свои несомненные преимущества, равно как честность, усидчивость, талантливость, смелость и более всего образованность. Это сочетание общего с

личным более всего делает промышленность делом передовым или прогрессивным, а более промышленные народы — наиболее сильными во всем отныне и впредь.

Вышеуказанные общие черты, выяснившиеся для промышленности лишь сравнительно недавно, мне кажутся достаточными для того, чтобы далее не останавливаться вовсе над какими бы то ни было огульными ее осуждениями, увы, еще очень нередкими, и прямо утверждать, что во всех странах, желающих двигаться вперед, нельзя не только предоставить ее течение случайностям, но и обязательно необходимо особое попечение о промышленности, понимая тут под этим словом, конечно, и сельское хозяйство, и торговлю, и перевозку, и всякую стройку — словом, промышленность в широком смысле слова. Для выяснения вопросов, сюда относящихся, требуется затем, по моему мнению, разобрать нередко смутные понятия о производителях и потребителях да о покровительстве (протекционизме) и свободе (фритредерстве) промышленности, что я и постараюсь вслед за сим выполнить в наиболее кратком виде, как умею, предполагая лишь затем обратиться, в частности, к промышленности России.

Были и, конечно, останутся даже между взрослыми такие же чистые потребители, каковы дети, в виде лиц, все необходимое от других получающих, а ничего другим не дающих[53], но их должно рассматривать, подобно детям, как явление недоразвитости или подготовки к норме, состоящей в обмене разных услуг или ценностей. Это не пресловутое «око за око, зуб за зуб», в котором слышится не только злоба, но и крайнее стремление к внешне реальному равенству, чего нет и следа в мене, господствующей при более развитом и мягком промышленном строе. Каждый потребитель, в сущности, должен при этом строе быть и производителем: одно производит, другое спрашивает и потребляет, т. е. одно получает, давая другое или

непосредственно, или для сокращения хлопот сперва превращая его в деньги, которые, в сущности, такой же реальный товар, как и хлеб или полотно. Если промышленность понимать в широчайшем смысле слова, т. е. причислять к ней и все личные труды и услуги, совершаемые за вознаграждение, то чистых потребителей в строгом смысле останется мало, почти все окажутся в то же время и производителями, т. е. происходит лишь мена. Без хлеба, одежды и жилища, конечно, и жить нельзя, а без табаку или свечей, без военных или учителей, без писателей или чиновников жить все же можно, но в том-то и дело, что при умножении человечества и облегчении способов добычи хлеба, одежды и жилищ на всех людей не хватит доли этой добычи, а прочие потребности нельзя удовлетворить помимо этих военных, учителей, писателей, чиновников и тому подобных производителей новых, сверх животных, чисто людских потребностей. Считая потребителями всех последних, явно впадают в ретроградство, не подозревая того, что животное ставят выше человека. В современном человеческом смысле поэтому следует к словам «производитель и потребитель» непременно прибавлять, по отношению к чему сказано слово: к хлебу ли и т. п., или к тому духовному, что сказалось когда-то преимущественно в священстве и аристократизме, а теперь ярче всего сказывается в чиновничестве, коренном и выборном, в войске и представителях наук и искусств. На них сбивается мысль, бродящая в поисках за лучшим и не раз попадавшая в дебри мечтательности и ретроградства. Мои мысли, сюда относящиеся, останутся, однако, совершенно невыясненными, если, во-первых, не видеть во всем указанном такого соответствия, которое должно считать прямо эквивалентностью, потому что потребление не может быть без производства; балансы обоих приравниваются, если капитал, т. е. избыток и остаток непотребленного,

назначаемый для облегчения и усиления дальнейшего производства, причислить к потреблению. Отсюда уже видно второе следствие: благо народное, все его богатство и все будущее определяется не столько развитием потребления, сколько ростом производства ценностей и потребностей, или полезностей. Мысль эта сложна и в то же время легкообъемлема до того, что я предпочитаю и не развивать ее подробнее, ожидая того, чтобы сама жизнь указала ее истинный смысл. Потребительство, доводимое подчас даже до истребительства, свойственно и животному и всему начальному быту людей, умеющему истощать, обирать и все требовать, а производительство умеет отвоевывать и от пустынь условия лучшей жизни, создает, а не разрушает запасов, не истребляет, а потому производительная часть деятельности много важнее потребительной для «блага народного».

Здесь мы подходим к жгучему вопросу об отношении правительств к промышленности. Древность считала, как считают до некоторой степени манчестерцы и поныне, дело промышленности вольным, предоставляемым личному соперничеству (конкуренции) и только для иностранной торговли делала кое-какие исключения, почитая ее в числе «внешних» сношений, заведываемых правительством. Формулу «laissez faire», вообще отвечающую передовому призыву к свободе, стали понимать как полное невмешательство правительств в промышленно-торговые отношения. Отсюда произошла и приобрела, особенно в середине XIX в., громадную силу школа free trade («свободный рынок», т. е. фритредерская), и до сих пор еще господствующая в английском представительстве. Цельная обаятельность ее внушений нарушилась, прежде всего, во внутренних промышленных отношениях между предпринимателями и рабочими, так как пришлось при помощи правительственных инспекторов регламентировать многие

стороны отношений фабрикантов и заводчиков, как к нанимаемым рабочим, так и к окружающему населению. Обаятельность фритредерства, ведя свое начало от Адама Смита, Кобдена и тому подобных талантливейших мыслителей, зависела преимущественно от того, что внешнее могущество и внутреннее богатство Великобритании вместе со «свободою торговли» стали быстро и для всего мира явно возрастать. Это совпадение нисколько не случайно, а зависит преимущественно от того, что свободную внешнюю, т. е. исключительно морскую торговлю стали в Англии проповедовать и применять лишь тогда, когда прежде того два столетия укрепляли эту торговлю сильнейшими и исключительными покровительственными мерами (протекционизмом) английскому мореходству («Навигационный акт» 1651 г.) и довели его преобладания во всем свете над мореходством других стран, затем от того, что переделывающая промышленность к тому времени была развита в стране уже до того, что занимала и кормила большую часть жителей и требовала сильного вывоза, так как далеко превышала внутренний спрос, и, наконец, от того, что уже тогда внутреннее производство хлеба, мяса и тому подобного сельскохозяйственного сырья, несмотря на явные усовершенствования, было недостаточно и требовался ввоз, от свободы которого выигрывало большее число жителей, чем то, которое теряло от невыгодности многих частей сельского хозяйства. Словом, время для введения свободы внешней торговли и для ее пользы на благо своего народа выбрано было англичанами отличное. Из примера Англии и из ему подобных (в Бельгии, Франции и др.), конечно, вовсе не следовало, что все зависело только от принципа свободы, вложенного в учение фритредеров, как стали в начале последней половины XIX в. повсюду проповедовать преимущественно благодаря блестящей защите этого учения

Бастиа, и если бы для противовеса не выступили вслед за германскими (Лист и др.) и американскими (Кэри и др.) начинателями проповедники промышленного национализма, фритредерство долго бы владело умами, к великой выгоде Англии и вообще стран, успевших уже довести до избытков свое внутреннее промышленное производство и занять свое место в выгодах мировой торговли.

Основные посылки протекционизма, по моему мнению, состоят из двух соображений. Первое гласит, что самостоятельное государственное устройство, требующее всемерных забот о богатстве и всем благе народном, необходимо иметь в виду возрастание внутреннего производства особенно тех товаров, которые уже спрашиваются страною и имеют природные условия (сырье, рабочую силу, пути сообщения и т. п.) для возможности производства их внутри страны, так как чрез это подданные получают новые заработки, страна богатеет и при развитии внутреннего производства от соперничества предпринимателей, избытков товаров и сокращения перевозки товары те должны со временем дешеветь, хотя бы первоначально и произошло увеличение их ценности. Второе соображение состоит в том, что всякое начинаемое (иногда и усиливаемое) в стране производство, как детство и юность, требует до возмужания особой поддержки и покровительства, потому что по незнакомству предпринимателей и рабочих с техническими подробностями начатого дела товары должны обходиться себе дороже, чем в странах с укоренившеюся тою же промышленностью, а особенно вследствие того, что для начинателей необходимы новые торговые обороты, внушение доверия и оттого большие оборотные капиталы (для кредита), новичкам всегда достигающиеся лишь за чрезмерно высокие проценты, ложащиеся на ценность производимых товаров. Поэтому протекционизм требует, между прочим, таможенной

защиты от иностранных конкурентов или обложения тех товаров, которых производство желательно возбудить особою ввозною пошлиною, величина которой определяется из существующей ценности иностранного ввоза и разочтенной возможною ценностью того же товара внутреннего производства. Пока такое обложение касается ввоза товаров не первостепенной потребности (т. е. не таких, например, как хлеб, каменный уголь, железо, грубые ткани и т. п.), а таких, без которых можно легко обходиться и можно получать на месте (например, предметы комфорта, ремесленной переделки и т. п.), обложение ввозимого хотя временно и удорожает цены для потребителей, но, давая новые доходы и новые заработки производителям, а также и государству (т. е. облегчая сбор податей и налагая их на то, что может вынести обложение), такое таможенное обложение еще не возбуждает сомнений, особенно же когда дело идет о товарах, подлежащих внутреннему акцизу, как спиртные напитки, табак, сахар и т. п. Вопросы становятся далее острыми только по отношению к таким товарам первостепенной важности, как хлеб, минеральное топливо, железо с его изделиями и т. п., так как, удорожаясь хотя бы и временно от таможенного обложения, товары эти спрашиваются прежде всего производителями, и они, расходуя более, должны не только возвышать цены на все ими производимое, но и встречать многие затруднения при добыче капитала, потребного для производства.

Вот здесь-то и переход от протекционизма к национализму, потому что независимое и самостоятельное существование государства, а особенно его сила и движение вперед при условии значительных размеров страны и ее населенности немыслимы в обычных условиях, без внутренней обеспеченности в производстве необходимейших товаров не только потому, что в первой войне это скажется

с великою силою, но и потому, что недостаточное развитие внутреннего производства необходимейших товаров (которых количество и переработка, по существу понятия о необходимости, занимает много рук и дает большие заработки) отнимает от жителей много условий для возможности правильного роста богатства народного и ставит страну в тяжелую экономическую зависимость от поставщиков этих необходимых товаров. Так, в последней четверти XIX ст. многие страны Западной Европы дошли до обложения ввозными пошлинами неизбежно необходимого им иностранного хлеба, и если Англия еще может держаться свободы его ввоза (что убило ее хлебопашество), то лишь потому, что лежит на острове, содержит сильнейший защитный флот, оберегающий ее мировую торговлю, и так устраивает политические отношения, что дружит только для того, чтобы ссорить и не дать столковаться возможным ей соперникам и хлебным поставщикам. Но и в ней с Чемберленом во главе, благодаря промышленному соперничеству Германии и С.-А. С. Штатов, развивших свое производство при помощи, между прочим, протекционизма, возрождается и, без сомнения, со временем восторжествует протекционизм, которого держатся и ее самостоятельные колонии, подобные Австралии, Канаде и т. п., так что недалеко впереди видно такое же всеобщее признание протекционизма, каким еще столь недавно пользовалось фритредерство. Как для фритредерства важен пример Англии, так для протекционизма важны быстрые успехи С.-А. С. Штатов. И немного надо сообразительности, чтобы уразуметь свою наибольшую пользу от фритредерства для стран с развитою уже промышленностью и торговлей, а протекционизма для стран, в которых надо эти последние развивать или даже начинать.

Понятно также, что в первом случае будет преобладать ввоз сырья и вывоз переделанных продуктов, а во

втором — обратно, что и освещает путь. А так как народ умножается всюду, требуя заработков, они же легче всего, точнее и правильнее всего доставляются переделывающей промышленностью и она позднее всех возникает, то для блага отдельных стран и всего человечества протекционизм пока — до поры и времени — служит свою важную службу — уравнения народов, т. е. доводит все их до промышленного строя.

В золотой средине умеренного и разумного протекционизма, по моему мнению, а не в крайностях противоречий должно ждать впереди правильного исхода, потому что в отношении к необходимейшим товарам есть страны, наиболее благоприятные для изобильного производства, вывоза и преобладающего значения. При этом не подлежит сомнению, что обширнейшие страны, подобные С.-А. С. Штатам, России, Китаю, Австралии, Бразилии и т. п., обладающие множеством природных богатств, тем самым наиболее пригодны для получения очевидной пользы от развития в них чрез протекционизм всяких видов промышленности, начиная с торговли. Но несомненно также, что протекционизм не может дать своих плодов, т. е. широкого развития в стране желаемых видов промышленности, если ограничиться одним обложением ввозных товаров, хотя бы и очень разумно разочтенным, потому что для обеспеченного в будущем и полного развития современной промышленности кроме природных условий, труда и возможной выгодности совершенно необходимы не только большие запасы знаний и крупные капиталы, но и частная предприимчивость, воспитываемая условиями всего гражданского строя страны, уважением к труду и такою самодеятельностью, которая обыкновенно называется свободою. Мне пришлось бы писать и на эту тему большой том, если бы я вздумал подтверждать это логическими соображениями, историческими

справками и статистическими данными, но не делаю этого по той особенно причине, что избрал для своих «Заветных мыслей» предметами: просвещение, промышленность и управление преимущественно ради среднего из этих условий, «блага народного», а потому в предлагаемой книге желающие найдут мои ответы на все указанные требования протекционизма, понимаемого в том смысле, который диктуется началами, лежащими в основе государственности, национализма, блага народного и возможного равенства стран, чуждого кичливости не только покроя китайского, но и английского, а нам, русским, совершенно не свойственной, если взять не отдельные единицы, а совокупность русских людей.

Читатель видит, что сказанное выше относится к промышленности вообще и почти не касается прямо ни русских особенностей, ни частностей отдельных видов промышленности; общие же соображения только тогда приобретают плоть и кровь, когда входят в реальные частности, так как из них состоит действительность, а общее составляет только отвлечение от нее и стремление охватить ее сложность. Поэтому одну из следующих глав предлагаю посвятить исключительно промышленности России и некоторым частным ее видам, рассмотрение которых, по моему мнению, может выяснить современное наше промышленное состояние в более конкретных формах. В этом направлении опять многоглаголанием можно запутать мысль, хотя при разборе частностей и не следует избегать ни некоторых цифр, ни кое-каких технических подробностей; они, по моему мнению, в конце концов сокращают изложение. Из того, что Россия владеет 2 млрд десятин суши, населена более чем 130 млн жителей и дает ежегодно прироста (перевеса числа рождающихся над умирающими) около 2 млн жителей[54], еще нельзя выводить заключения о возможности и необходимости пред-

стоящего ей промышленного развития. Мало для того присоединить сюда не только исторически ясную выносливую настойчивость народную, но и давнее направление его к единству и порядку, осуществляемое единодержавием, терпеливостью и стремлением к просвещению. Все это составляет многообещающую сумму условий первостепенной важности, но они мало бы еще значили, если бы Россия не занимала того срединного положения, какое принадлежит ей в Старом Свете, если бы ее почва и недра не были столь богато снабжены всем, чего более всего ищут люди, — от плодородия чернозема и от богатств лесами, нефтью и каменными углями до обширнейших районов, способных давать хлопок и виноград, и до богатейших рудников железа и золота, и если бы разработка всех этих природных богатств, хотя еще в относительно малых размерах, не показывала уже возможности достигнуть скорых и блестящих промышленных результатов среди всех наших условий. Без обдуманных, нарочитых и настойчивых правительственных мер, по моему крайнему разумению, все эти задатки сами собою не могут довести до желаемого конца, содержащегося в понятии о росте «народного блага» в нашей стране. Надо же, наконец, и для сомневающихся показать, что наш промышленный рост есть, но мал, не отвечает ни требованиям времени, ни природным ресурсам, и хоть понемногу начать разбираться в причинах нашей промышленной отсталости и бедноты.

Вот для этой нелегкой задачи писано нелицеприятное, а убежденное мое как бы похвальное слово промышленности в этой главе. Осуждая или только указывая на недостатки просвещения, промышленности и управления, можно содействовать анализу, но не тому синтезу, который теперь особенно надобен и состояться может не при каком-либо одностороннем развитии хотя бы промышленности, или просвещения, или правительства, хотя бы

и по английскому образцу, а только при их единовременном улучшении и развитии всего этого по обсужденным планам. Но говорить толково можно, лишь разделяя сложное на части, а потому, так как в развитии промышленности главное влияние неизбежно должно принадлежать строю правительства, для средоточия всех сторон блага народного назначаемому, то для последовательного изложения непременно следует высказать личные мысли о правительственном строе как предмете, наиболее настоятельном и центральном. Пора высказать личные воззрения даже по отношению к устройству правительства настает явно, и я попробую изложить свои заветные мысли, сюда относящиеся.

11 октября 1904 г.
С.-Петербург

Глава IX
Желательное для блага России устройство правительства

Ход событий в начале 1905 года. — Исходные мои положения. — Логическое и историческое разделение правительственных отправлений (функций): 1) личные, или первичные: законодательство, администрация и суд — и 2) общественные (социальные), или вторичные: обеспечение внешних отношений, заботы о просвещении и устройство экономического быта жителей. — Две первейшие надобности России

Мои «Заветные мысли» с самого начала, относящегося к 1903 г., назначались для изложения личных воззрений на неизбежность многих преобразований в устройстве внутреннего быта России, преимущественно в деле народного просвещения, многих видов промышленности и управления, но вначале я полагал — да так и подготовлял материалы — говорить только о трех указанных предметах, однако ближе обсудив их, счел полезным ранее всего написать первые вступительные главы и заключить изложение передачей исходных своих начал, на которых остановился, чтобы этими добавлениями достичь более полного выяснения совокупности накопившихся у меня мыслей. Окончив предшествующую главу в октябре 1904 г.[55], я приостановился не вследствие трудности и, так сказать, деликатности предмета предстоявшей главы, а только по той причине, что все мои свободные минуты тогда необходимо было отдать другим предметам[56]. Скоро, однако, присоединились к этой еще три новых причины, задержавших окончательную подготовку предлагаемой главы. Первой на то причиной были внезапные наши неудачи в Маньчжурии и на Тихом океане, так как они требовали своего объяснения и по внешней видимости находились в связи с недостатками правительственных

учреждений, хотя кроме всего объясняются численным перевесом, определяемым близостью полей битвы к Японии и громадным их отдалением от центров русской населенности[57]. Более важна вторая причина — беспорядки, начавшиеся 9 января и потом разросшиеся не столько до тревожных размеров, сколько до раздраженного состояния умов, устраняющего условия спокойного суждения, а все мои мысли назначаются исключительно для уравновешенного, спокойного и постепеновского состояния общего внимания. Мне показалось невозможным и совсем бесполезным говорить в такое неспокойное время, какое представляла вся первая половина текущего года, а потому я не только приостановил издания, но и прекратил писание «Заветных мыслей». Третьим обстоятельством, повлиявшим на такую мою решимость, были высочайшие распоряжения начала 1905 года, потому что они подали надежду именно на такие постепенные изменения в строе управления, о которых следовало говорить при продолжении «Заветных мыслей», но было вовсе не ясно, что, когда и в какой последовательности будет осуществляться, и мне лучше было подождать, потому что post factum говорить о желаемом неуместно и несвоевременно.

Но вот настали 6 и 16 августа: объявлено близкое собрание Государственной думы, чтобы услышать голос народа, и подписан Портсмутский мир, т. е. приспело время не спеша, без давления внешних отношений, обдуманно отнестись к насущнейшим вопросам внутреннего строя. Тогда я поспешил возвратиться к прерванной работе, потому что трудно дождаться лучшей, чем теперь, поры для выражения личных мыслей, относящихся к желательным изменениям правительственного строя. Однако для ясности и сокращения времени как своего личного, так и тех, вероятно, немногих, более или менее лично меня уже знающих, которые прочтут написанное,

ранее, чем говорить о некоторых частностях и связывающих эти частности мыслях, считаю полезным вступно и отрывочно — без излишних здесь доказательств, — во-первых, выразить исходные мысли, касающиеся правительства вообще и русского в особенности, а во-вторых, высказать основные современные пожелания, вытекающие из ряда сложившихся у меня мыслей о нашем правительственном и общественном строе.

Современные склады правительства, будь они монархические или республиканские, тождественны как по отношению невозможности достижения общего блага без сочетания начал разумности с общей народной волей и добрыми сношениями с другими странами, так и в отношении того, что между верховной властью и гражданами во всяком случае неизбежно становятся в промежутке выборные или лично назначаемые чиновники, т. е. посредники-исполнители, из тех же граждан взятые, в которых по их многочисленности всесильно действует общий дух народа и от которых чрезвычайно много зависят все успехи государственные. Это давно кратко выражено изречением: «Всякий народ достоин своего правительства».

Все виды и формы прогресса и всяких государственных улучшений (равно как и ухудшений) не только мыслимы, но и осуществлялись как при монархическом, так и при республиканских складах.

Тот и другой из указанных государственных складов живут и понимаются издревле, и выбор между ними определяется всей народной историей не по случайным ее обстоятельствам, а по всей совокупности условий народа и страны.

Единение и объединение России, ее просвещение духовное и умственное, ее силы, внешние и внутренние, и даже ее зачатки промышленного и прогрессивного строя влиятельно определились монархами, что не только

теперь, но в предвидимом будущем Россия была и будет монархической страной, хотя части России республики когда-то попробовали.

Развитие «блага народного», определяясь мерой роста и общностью распространения нравственных начал и внешнего благосостояния, зависит очень сильно не только от прав граждан, но и от обязанностей, определяемых убеждениями, обычаями и законами.

На всеобщие вопросы о том, какие из правительственных форм в настоящее время всего настоятельнее изменить для дальнейшего[58] развития народного блага России, со своей стороны решаюсь ясности ради дать следующие краткие ответы, далее развиваемые:

Желательно, чтобы ныне призванная монархом Государственная дума, составленная из выбранных народом неслужилых людей, поняла, прежде всего, что ей даровано весьма важное право законодательной инициативы, еще не данное Государственному совету, что законами определяются, не только права, но и обязанности граждан, и не только обязанности, но и права исполнителей, т. е. чиновников (выборных или коронных), и что, прежде чем требовать что-либо от других, непременно надобно оглянуться на себя самих и подать личный пример: порядка, трудолюбия, немногословия, снисходительности, деловитой разумности и постепеновской последовательности.

Желательно, чтобы освеженный Государственный совет получил право законодательных начинаний (инициативы), доныне исключительно принадлежащее помимо монарха только министрам, и чтобы предложенные и обсужденные в Государственном совете новые законы рассматривались ранее поступления на монаршее благоволение в Государственной думе и обратно, дабы возбудилось своего рода равенство и соревнование к благу народному между двумя высшими совещательными законодательными учреждениями.

Желательно, чтобы назначаемый монархом канцлер (или первый министр, или председатель Комитета министров) подбирал себе министров, или главноуправляющих, монархом утверждаемых, дабы образовалось цельное министерство и прекратились бы волокита и непоследовательность, зависящие от разноречий и пререканий министерств.

Желательно, чтобы при Комитете министров состоял Главный статистический комитет, на обязанности которого сверх общих народных переписей должно возложить составление и публикацию своевременных ежегодных отчетов о государственных приходах и расходах, о ходе народного образования, о состоянии путей сообщения, торговли внутренней и внешней, горной, ремесленно-фабрично-заводской и торговой, потому что это пульсы страны.

Желательно, чтобы независимо от Министерств финансов, путей сообщения, внутренних дел и др. для изучения, содействия и всякой помощи при организации видов добывающей (сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство, горное дело и т. п.), обрабатывающей (кустарной, ремесленной, фабричной и заводской), торговой (крупной и мелкой, перевозочной, водоходной) и всякой иной (строительно-подрядной, типографской, издательской и т. п.) производительной и посреднической частной промышленности было учреждено особое Министерство промышленности, так как благосостояние народное определяется в сильнейшей мере успешным развитием этих видов частной трудовой деятельности и предприимчивости. Желательно при этом, чтобы начинающимся и особенно кооперативным (артельным) предприятиям было оказываемо исключительное внимание, и всякие с них налоги уменьшаемы ради их усиленного возникновения.

Желательно, чтобы основанием государственных доходов служили, прежде всего, косвенные обложения предметов

не первой необходимости: спиртных напитков, табака, сахара, чая и т. п. (но не продуктов нефти и др. видов горного дела), таможенные сборы, прогрессивный налог на денежные (акционерные и т. п.) капиталы (но не подоходный налог), чистые доходы казенных имуществ и предприятий, прогрессивные налоги на наследства, квартиры и жилища, на залоги, контракты, счета и промышленно-торговые предприятия, а в их числе и на казенные. Уплаты же, ныне производимые за отправку писем и телеграмм, за межевые измерения, за обучение, за поверку мер и весов и т. п., не будучи отяготительными желательно по возможности сохранить, но обращать преимущественно на улучшение соответственных и близких дел.

Желательно, чтобы в первой же сессии Государственной думы были обсуждены способы достижения возможной самостоятельности местного управления и меры участия в этом земств, чтобы согласить особенности отдельных частей империи с ее общей целостью и единством.

Желательно, чтобы Россия вновь прочнейшим образом заключила теснейший политический, таможенный и всякий иной союз с Китаем, потому что он явно просыпается[59], в нем 430 млн народа и он имеет все задатки очень быстро, наподобие самой России, стать могущественнейшей мировой державой. Условия, существующие сейчас, этот союз допускают и делают возможным, пока иные страны не предупредили.

Он составит влиятельнейший противовес недавно возобновленному союзу Англии с Японией.

У этих стран много сходного, но у нас с Китаем, особенно когда он возродится, близость всякого рода, начиная с миролюбия и громадного протяжения границ, еще больше, да и задних мыслей меньше. Свое Смутное время, которое может настать в Китае, как было в России, заклю-

чить этот союз не помешает, если его совершить с ясной мыслью о благе и прогрессе обеих сторон. Никакой иной союз не может быть современно более важен, не может укротить в корне «желтую» опасность и не обеспечит будущий мир во всем мире. В союзе с Францией и с Китаем Россия может спокойно ждать предстоящих событий XX в.

Желательно, наконец, но этого нельзя выразить ни в каком единичном мероприятии, а должно постичь разумом и сердцем и немедля прилагать по всем без изъятия правительственным мерам и к частным или личным действиям всех нас (потому что в этом, что бы кто ни говорил, вся суть дела), именно желательно, чтобы русский народ, включая в него, конечно, и всю интеллигенцию страны, свое трудолюбие умножил для разработки природных запасов богатой своей страны, не вдаваясь в политиканство, завещанное латинством, его, как и евреев, сгубившее и в наше время подходящее лишь для народов, уже успевших скопить достатки, во много раз превосходящие средние скудные средства, скопленные русскими. Прочно и плодотворно только приобретенное своим трудом. Ему одному честь, после действия и все будущее. Законодатели много, даже более всего сделают благого для страны, если примут меры, поощряющие труды всякого рода, если трудолюбию помогут более, чем породе и достатку, даже таланту, и если отнесутся к трудолюбцам благосклоннее, чем к небокоптителям, дармоедам и хулиганам. Ах, как это мало еще понимают! Самой собой разумеется, что в числе моих заветных мыслей остается еще целая куча иных желаний, относящихся к правительственному складу России; часть их видна из того, что излагается далее, но перечисленными пожеланиями очерчивается то, что наиболее легко достижимо, настоятельнее, по моему мнению, многого иного и что должно за собой повлечь очевидные и неизбежные благие последствия всевозможного

рода. А так как оголенные мысли, какими многим должны показаться изложенные выше, весьма легко подлежат кривотолку, особенно предвзятому (до которого мне, признаюсь, очень мало дела), и могут представляться оторванными от истории (а этого мне, признаюсь, очень нежелательно допустить), то я постараюсь, однако опять со всей возможной краткостью, передать имеющуюся во мне нить понятий как о правительственном складе вообще, так и о современных русских потребностях в исправлении этого склада, ни на минуту не забывая, что мое изложение составляет лишь долю моих постепеновских заветных мыслей, а не что-либо вроде программы или политиканствующей «платформы». К этому и перейду.

Между сложной совокупностью правительственных отправлений (функций), по мне, должно явно отличить два разряда, которые условно буду далее называть первичными и вторичными, потому что последние всегда являлись, да и должны были являться не иначе как лишь вслед за исходными, начальными, или первичными, функциями правительств.

В числе первичных всегда отличают законодательство, администрацию (исполнительную власть) и суд. Последний касается только того, что сделано в прошлом времени, тогда как администрация относится к настоящему времени действий, а законодательство лишь к будущему, и в этом смысле общепризнанное деление, по видимости, исчерпывает все возможные отношения правительства к действиям граждан, или подданных. Но эти последние взяты здесь в отдельности, в том самом первичном виде, в каком первоначально является всякое обладание или подчиненное отношение одних лиц к другим. Функции правительств чисто варварских ограничиваются только этими: судом, администрацией и законодательством, причем администрация состоит преимущественно в

исполнении приговоров суда и в наблюдении за постановлениями законодательства и по этой самой причине сама более или менее судит и приказывает.

Усложняющие, или вторичные, отправления правительств обыкновенно являются лишь вслед за первичными, и повсюду ранее всего дело начинается охраной внешних отношений страны, состоящей в организации иностранных отношений и постоянного войска или общенародного ведения войн. Были, пишут, на Зондских островах народы, которые избирали правителей, только когда наступало время воевать[60]. Это, однако, исключение, потому что защита надобна после достижения такого общественного сложения, которое в той или иной мере непременно должно состоять в подчинении законодательству, администрации и суду и нередко составляет обычный конец завоеваний, служивших одной из причин укрепления государственного устройства. Хотя военная и дипломатическая охрана страны имеет много сходства с администрацией и к ней обыкновенно присовокупляется, но все же внутренний смысл этой правительственной функции иной, чем трех первичных, потому что при охране имеется в виду общее целое — государство, а не отдельные его граждане. И как это ни странно покажется с первого раза, в этой охране, в этой военной организации при всем преобладании в ней подчинения и власти кроются начала многих дальнейших усложнений и судеб правительственных усовершенствований.

Это потому, вероятно, что доброе согласие, стройный порядок, упрочение душевного настроения и материальная обстановка воинов составляют неизбежную необходимость выполнения ими долга и успешности войн, до чего легко было додуматься и на что указания давали на каждом шагу организованные военные силы. Сношения с иными государствами — помимо подчинения и войн — обучают

также правителей и жителей началам согласного действия, порядка, равенства и братства. Отсюда недалеко уже до правительственных забот о просвещении народа и его промышленном преуспеянии, хотя нужны были чуть не тысячелетия для уразумения того, что одно просвещение, даже совокупность духовно-морального с жизненно-материальным не исчерпывает отношений, здесь необходимых, и правительственные заботы о развитии народной промышленности так же настоятельно необходимы, как снабжение войск пищей, одеждой и оружием.

Пусть пессимизм видит или старается заставить видеть даже в заботах правителей о войсках и о духовном просвещении лишь эгоистические соображения правителей; этот, как и многие иные виды пессимизма, ничего не дает и не внушает, а в данном случае прямо лжив, как видно уже из того, что многие правители сами много воевали и были фанатиками веры. Причины забот правительств о светском народном просвещении и о промышленности страны сложнее всех иных и возникли позднее, а потому еще удобнее для ложных толкований. Это становится понятнее, когда послушаешь людей (да почитаешь в печати), вопиющих против роста промышленности, и разберешь, что эти вопли представляют в наше время высшую форму задерживающего ретроградства. Здравый смысл народа — за просвещение и промышленность, потому что в них залоги прогресса, благо общее и мирное сочетание интересов личных с социальными.

Правительственные заботы об охране, просвещении и промышленности нельзя перепутать с начальными функциями правительств: законодательством, администрацией и судом, хотя в центральной, т. е. законодательной, функции правительств, по существу дела, соединяются все государственные отношения.

Первичные отправления правительств еще можно с грехом пополам и в противоречии с явными указаниями

истории толковать в виде договора граждан с правительством; вторичные без явной натяжки невозможно, и действительное единение народа с правительством твердо устанавливается только с осуществлением этих вторичных функций.

Ранее всего это хорошо поняли в Китае, и его существование, измеряемое многими тысячелетиями, объясняется не столько тем, что его правительство законодательствует, администрирует, судит, ведет войны и сносится с другими народами, сколько тем, что оно издревле печется о народном просвещении и о развитии его промышленности. Сам император проводит первую борозду ежегодных посевов, сама императрица подает пример шелководам.

Мне недостает умения в доказательстве того, что высшей функцией правительств должно считать заботы о просвещении народа и его промышленном развитии, но я твердо знаю, что это составляет мое заветнейшее убеждение, и так как «Заветные мысли» не составляют трактата юридического характера, а назначаются только для передачи моих личных убеждений, могущих иметь реальное значение, то я ограничиваюсь сказанным и перехожу к тем частностям, которые относятся к шести вышеперечисленным правительственным функциям, имея в виду уже не одну общую картину отношений народа к правительству и обратно, но исключительно современность, и притом нашу, русскую, наших дней, наставших после замирения и вызываемых живыми изменениями прошлого строя, определяемыми буквой и смыслом высочайших предначертаний и требующих отчетливого и реального к ним отношения от всех нас.

I. Законодательство всегда и повсюду, где прилагают заботы об исполнении законов, т. е. по возможности устраняют произвол, составляет средоточие всей правительственной организации. Это особенно относится к

временам переходным и преобразовательным, из которых Россия еще не скоро может выбраться и в каких ныне, несомненно, находится. Часто думают, что в других делах должно пробовать и только после перемен избирать тот путь действия, который окажется наилучшим, а в деле законодательства этого нельзя или неправильно.

В известном смысле, пожалуй, это так, но не совсем, потому что иначе законы не приходилось бы изменять подчас на прямо противоположные, чему примеры известны всякому, и не надо было бы никаких сложных законодательных учреждений, а в конце был бы застой со всеми его следствиями. Законы, по существу, должны охватывать весь смысл прошлого, всю современность и, что всего настоятельнее, должны предвидеть вероятное будущее страны, насколько оно от законов зависеть может, а потому законодательные учреждения составляют наиболее трудную часть правительственной организации. Вот по этой причине, хотя бы совершенно оставив в стороне все общие места и соображения, касающиеся необходимости ясных и точно соблюдаемых законов, и хотя бы ограничиваться лишь современными русскими потребностями, чего я и стараюсь достичь, все же о законодательстве необходимо говорить не меньше, а даже более, чем о многих других правительственных функциях. В нем много задатков будущих судеб России, которые, однако, более того всего все же определяются природой страны и ее населения, положением ее в среде других народов, нравами и привычками всех ее жителей, историей и из нее бесповоротно вытекающим господством воли правителей-монархов.

Воля эта оказала, кто бы что ни говорил, доныне преимущественное влияние на многие успехи России, и нельзя вместе с преобладающей массой нашего народа сомневаться в направлении доброй воли русских монархов — к благу народному как в настоящем, так и в буду-

щем. Дело законодательства нашего сводится, таким образом, на установление инициативы (т. е. начинания или предложения необходимых новых законов) и обсуждения новых законов, которыми по возможности исправлялись бы существующие формы зла и силы народные направлялись бы к общему благу страны.

Само собой разумеется, что и здесь все относительно, так как, во-первых, если бы зла не существовало, не надо было бы ни правительств, ни законов, а всего зла истребить немыслимо, и, во-вторых, само понятие об общем благе, даже одном чисто внешнем, условно изменяется со временем, местом, обстоятельствами и лицами и включает в себя рядом с правами — обязанности, вместе с будущим — прошлое и вместе с общим — личное. Охватить все это монарху возможно лишь тогда, когда предлагаемый закон рассмотрен во всех доступных людям данного времени отношениях, а потому рассмотрение законодательных мер должно быть неизбежно многосторонним и даже разносторонним, т. е. освещенным суждениями «за» и «против».

Но уже вследствие непременной сложности такого рассмотрения необычайно важна инициатива законодательства, так как всего рассмотреть особенно хорошо, да со всех сторон, очевидно, невозможно, и можно заниматься, особенно под влиянием господствующих предрассудков, предметами малозначащими и лишь формальными, а существенно нужному для блага народного тогда не найдется места и времени и оно все будет оттягиваться. Поэтому со своей стороны считаю законодательную инициативу и порядок рассмотрения имеющими огромное значение для успеха всех предстоящих у нас судеб законодательства.

До настоящего времени кроме прямой воли монарха законодательная инициатива принадлежала у нас только

министрам по делам своего ведомства. Это составляет одну из важных причин медленности и отсталости от народных нужд нашего законодательства. Приведу для выяснения лишь два примера, хотя набрать в недавнем прошлом их легко во множестве. Недостатки существующих гимназий, устроенных по планам покойного графа Д. А. Толстого, всем давно стали очевидными не из каких-либо предвзятых суждений, а просто по явной действительности, о которой и писано, и всюду говорилось много. Никто этого живого вопроса в законодательном порядке поднимать, однако, не мог, кроме министров народного просвещения. Они вначале просто замалчивали дело, выставляли его в ложном свете, потом старались поправить инструкциями и даже обсуждением новых проектов в разнородных совещаниях, но все же по сих пор ничего почти не сделали, хотя важность для будущего и настоятельность для настоящего времени столь явны, что, будь законодательная инициатива хоть чуть-чуть шире, давным-давно бы поставили вопрос о гимназиях на ближайшую очередь, и если бы улучшения были хоть не коренными, какими им быть следует, а только приноровленными к требованиям, указанным прошлой действительностью, все же не пропали бы десятилетние плоды явного порыва к учению и, вероятно, не было бы того печального положения высшего русского образования, которое очевидно для всех, не забывших недавнее его прошлое, так много обещавшее впереди.

Непрактичный, даже худой или вредный закон всегда, при всех предосторожностях явиться может, потому что законы — дело рук человеческих, но надо иметь и всеми способами открывать возможность изменять и поправлять такие законы, которые из-за преследования ложных мыслей и начал при всем желании законодателей приводят не к добру, а к худу. А этого никак нельзя и ждать, если

исполнители — единственные возможные инициаторы законодательных изменений, потому что никто сам себе не судья, да и не враг, а перемен или новшеств всякий без явных побуждений невольно страшится.

Как другой пример возьму казенные горные заводы. Не подлежит сомнению, что они в свое время были не только просто полезны и выгодны, но даже необходимы по всему ходу нашей промышленной истории. А теперь уже давно, примерно лет 20, очевидно всякому, кому не лень вникнуть в действительность хотя бы по всему, что о ней писано и печатано, они не только стали бесполезными и убыточными, но и задерживающими правильность хорошо начатой частной горнозаводской промышленности. Давно эти казенные горные заводы следует или сдать в аренду, или продать, или хоть просто закрыть, но ведомство, их ведущее, не только само себе не враг, говоря попросту, но и мало имеет возможности отнестись к предмету с должной общегосударственной стороны, потому что связано с этим делом всякого рода узами, начиная с исторических и кончая профессиональными. Ведь надо было бы доказывать, что мы сами не можем при казенном хозяйстве и контроле его вести вверенное нам дело, что его следует, так или иначе, закончить как исполнившее свою роль — образцы для развития необходимейших стране предприятий.

Вмешалось другое ведомство, но по существующему принципу исключительной инициативы своего ведомства ничего иного не могло сделать, как обследовать предмет, насколько это было возможно, и внушать горному же ведомству мысль коренным образом преобразовать дело казенных горных заводов. Переписка тянулась большая, и комиссии заседали разные, но так дело и пребывает на старом начале — бесполезном и безвыгодном.

Смотря на два приведенных примера с точки зрения государственных средств, которые, увы, непременно должно

всегда иметь в виду, и на первом плане, можно думать, что казенные горные заводы дадут новые средства от сбережения расходов и прибыли доходов при сдаче в аренду, а гимназии потребуют новых средств. Вопрос и усложняется, и сводится во многом к инициативе: что настоятельно необходимее? С чего начинать? Кто это решит? Законодательство, коли оно относится не к формально-пустозвучным, а к жизненно-реальным потребностям народа, да еще столь большого, как русский, составляет дело сложнейшее и как всякое такое, требует хорошо обдуманного порядка в своей последовательности. Иначе дела второстепенного значения и требующие только расходов оттянут настоятельнейшие, могущие увеличивать достатки жителей и самого государства.

Не имея и в мыслях ни малейшего желания кому-либо указывать в отношении упомянутых важных предметов, выскажу только некоторые из заветных своих мыслей о праве инициативы и об установлении последовательности или порядка законодательных работ.

Манифест 6 августа, устанавливающий новую и прямую связь монарха с народом, и сопровождающие его разъяснения дают выборным членам Государственной думы право законодательных начинаний. Статья 34-я закона об учреждении Думы прямо говорит: «Государственной думе предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов».

Для осуществления рассмотрения требуется (статья 54) письменное заявление «не менее чем 30 членов», и это мудрое ограничение должно признать совершенно достаточным обеспечением того, чтобы на рассмотрение шли действительно лишь жизненно важные предметы.

За министрами, очевидно лишь по своему ведомству, также сохраняется право начинания законодательных дел,

и эта совокупность обещает уже многое, особенно же то, что к членам Думы от всех жителей империи, а к министрам от всяких исполнителей дойдут голоса народные и ничто существеннейшее и сознанное не минует, как может миновать, доныне законодательного внимания, а, пройдя свою частную оценку в виде ли 30 членов Думы или в виде оценки предложений министрами, будет касаться лишь назревших надобностей «блага народного», а не каких-то смутных благих пожеланий или неосуществимых утопий.

Мне даже кажется, что для должного уравновешивания и соревнования Государственного совета и Государственной думы полезно было бы даровать право инициативы и членам Государственного совета, если заявление об отмене или изменении законов или о введении новых законов будет письменно представлено за подписью не менее чем 10 членов Государственного совета. Государственная опытность и доверие монарха, им дарованное назначением в члены Высшего совета, дают им возможность охватывать совокупность нужд страны и выбирать лишь настоятельнейшие.

В отношении к законодательной инициативе министров мне хотелось бы думать, что после установления первого министра, или единства исполнительной власти (о чем речь моя впереди), весьма будет важно, чтобы законодательная инициатива министров проходила через первого министра, а не шла прямо от отдельных министров. Чрез это много должно сократиться времени и мелочных дел в работе законодательных советов. Ныне, сколько я понимаю и знаю предмет, соревнование и отсутствие прямой и зависимой связи между отдельными министрами служит одним из главных оснований существующего правительственного порядка, а в будущем, сколько можно предвидеть его или, скорее, предчувствовать или надеяться, на то место встанет соревнование

и независимость трех сил: Государственной думы, Государственного совета и первого министра. И это будет уже потому явным улучшением, что при ширине инициативы окончательных разногласий будет меньше, особенно при единстве исполнительной власти, неизбежно долженствующей — по самому смыслу учреждения Государственной думы — становиться во многом на точку зрения преобладающего в Думе большинства.

В отношении последовательности, с какой должны рассматриваться в Государственном совете и в Государственной думе начатые по вышеуказанной инициативе дела законодательного свойства, совершенно неудовлетворителен порядок, определяемый исключительно временем поступления или заявления, а из всех дел непременно необходимо выделить для первоначального разбора неотложно срочные (например, ежегодные сметы) и важнейшие по своему общегосударственному значению, а для этих и для всех дел предоставить установление очереди особому совещанию из представителей Государственной думы и Государственного совета с первым министром или, пока такого не будет, с председателем Комитета министров. Лица эти, наверное, правильнее кого-либо иного установят относительную важность предметов, примут в расчет длительность процесса рассмотрения в отделениях и вообще помогут той правильности течения дел, без которой при всем добром желании обоих законодательных собрании, а тем более при их ревнивом соперничестве должно ждать весьма печальных явлений — волокиты и увлечения в сторону дел, хотя и передовых, но терпящих отсрочку, каковы, например, перемена стиля, числа праздников и т. п.

Важнейшую и труднейшую часть законодательных работ составят, конечно, рассмотрение, подготовка и развитие стоящих на очереди законов. Если бы они и впредь

производились только в министерствах и в Государственном совете, то многие благие предначертания монархов обещали бы народу мало существенных улучшений, потому что на все до народа доходящее от царя и обратно лег бы отпечаток, уже исторически, понемногу наложенный на всю «канцелярщину», так как и состав Государственного совета с нею тесно связан. Придирчиво и формально односторонними всегда останутся, без сомнения, лишь в общем целом труды того «средочтения», которое стоит между волей монарха и «благом народным», и все благое определялось бы и впредь исключительно той духовно-таинственной связью царя с народом, которой определилась вся история России последних столетий.

«Средостение» само по себе неизбежно, нигде и никак обойтись без него нельзя, но оно по смыслу дела и даже по букве закона действует и будет действовать «за совесть», если бы «не токмо за страх». Страх и совесть все же пассивны, все же опираются лишь на прошлое, определяют своего рода солидарность и обособленность, а надо предвидеть, предчувствовать, жить целиком с народом и любить. Учреждение Государственной думы как непременного органа законодательных работ введет новый порядок исключительного потому, что к голосу непременно свой народ любящего царя теперь прибавятся голоса непременно любящих страну народных избранников, потому что нелюбящих нет прямых поводов избирать. Только любящие отнесутся мягко к существующим недостаткам, только они найдут выход из того, что страху и совести покажется безысходным, только с ними будет высший народный разум, и смело думать можно, только с ними будет царь, у которого до сих пор не было, кроме своего сердца, органа, несомненно, любящего все будущее России, хотя говорили ему «не только за страх, но и за совесть», как это и свойственно «средостению».

Могу сказать, что знал на своем веку, знаю и теперь очень много государственных русских людей, и с уверенностью утверждаю, что добрая их половина в Россию не верит, России не любит и народ мало понимает, хотя все — без больших изъятий, даже для покойного графа Д. А. Толстого — действуют и мыслят без страха и за совесть, или, говоря более понятно, теоретическими оправданиями своих мыслей и действий обладали. В чем ином я, пожалуй, могу быть некомпетентным и пристрастным, но тут этого невозможно подозревать, потому что, будучи всю жизнь научным теоретиком, отрицаю достаточность теоретичности в таком строго практическом деле, каким считаю законодательство, особенно русское, в настоящее время. Теория, партии, системы, бесспорно, тут необходимы, они и будут непременно, но без такта и любви действительной ничего тут не поделаешь.

Что же, кроме настоящей, сознательной и взвешенной любви к России, побуждало великого Петра отворить окно в Европу, Александра Освободителя делать его дела, императора Николая II согласиться на мир, когда весь разум говорит, что наступил уже перелом и при легковозможной настойчивости военные успехи должны были перейти на нашу сторону. Воля-то ведь руководится не только инстинктами или побуждениями самоохраны, общими заразными привычками и соображениями или расчетами разума, но сильнее всего, превыше всего — любовью, в которой сказывается, прежде всего, отказ от личного и голос общения с близким. Хорошо — да так в идеале когда-то и будет, к тому и стремится все усовершенствование человечества, когда инстинкты — личные, привычки — общие и разум — просветленный диктуют то же самое, что любовь, но этого ведь нет, особенно в деле законодательном, столь далеком от первичного быта, из которого выбираться нельзя без жертв. Выход дает только любовь.

Спрашивается теперь, как достичь того, чтобы между членами Государственной думы преобладали по возможности люди, любящие Россию, в ее будущность верящие и способные ту любовь отстаивать явно, умом поддерживать голос любящего сердца? Задача та сложна и опытным путем — по примерам других народов, — мне кажется, еще далеко не решенная с ясностью. «Всеобщий, прямой и тайный» выбор народных представителей, чего желает немалое количество наших передовиков, мне представляется не только неосуществимым на деле, но и отнюдь не могущим дать желаемых представителей потому же, что такой выбор при всякого рода допущениях предполагает готовых, ранее намеченных кандидатов и развитие сознательности более или менее равномерным во всем народе. Последнего нигде допускать нельзя, а у нас и подавно, а первое уже, по существу, говорит против всеобщности и тайны.

Признаюсь, что лично я боюсь больше всего преобладания между членами Государственной думы теоретиков, будут ли они из либералов или из консерваторов, и боюсь потому, что, любя свои созревшие мысли более всего окружающего, они должны предпочесть идейное жизненному, а в законах, по мне, это вредно и допустимо лишь в малой дозе. А лицами, имеющими данные склонить к себе всеобщий голос, то есть выступить кандидатами при «всеобщем» голосовании, следует считать лишь идейных теоретиков. Они народу в жизни нужны, честь им и слава, но без преобладания в Думе. Поэтому мое личное мнение против всеобщего голосования. Избрание через выборщиков, установленное у нас, есть единственное доныне возможное, и вся судьба дела определяется не столько количеством выборщиков, сколько их качеством, т. е. цензом.

Как у нас, так и всюду преобладающее значение для его определения приписывают имуществу в том, конечно,

предположении, что имущество связывает тесно личные интересы с общими. Хотя у меня-то самого цензовое имущество есть, но я лично громко высказываюсь против рациональности указанного начала, хотя бы оно выражено было просто мерой вносимых (но ведь не по личному желанию) податей. Это потому, прежде всего, что имущество наследуется и уже вследствие этого одного нисколько не говорит о личных качествах владельца. Еще если бы дело шло о благоприобретенном имуществе, можно было бы утверждать, что владелец практически изворотлив и деловит, а следовательно, жизни попробовал в действительности.

Но, конечно, не в этом дело вообще, а особенно у нас, когда надо предлагать и обсуждать законы, долженствующие переменить к «благу народному» многие существенные стороны жизненных условий страны, начиная с землепользования и ускоренного развития всей промышленности до народного просвещения и «устава о службе гражданской». Не вдаваясь в дальнейшую критику имущественного ценза, давно уже и всюду развиваемую, остановлюсь на том, что пришлось не раз слышать лично от передовых людей того Запада Европы, в котором имущественный ценз преобладает. А именно мне говорили, что ценз должен быть научный, потому что наука охватывает уже всю жизнь и без ее руководства достижение «блага народного» и прозорливого предвидения, столь необходимого в законодательных делах даже у выборщиков, немыслимо; все равно, дескать, народные представители волей или неволей пойдут за людьми науки.

Такой вариант ценза, хотя лично и ему, по всей вероятности, я бы удовлетворил, считается мной не подходящим ни вообще, ни тем паче к России. Если обычный вид ценза многое передовое замедляет более потребного, то научный ценз, наверное, чересчур ускорит и зачерствит много зако-

нов, а то и другое может быть очень вредным и с любовью к стране не согласуется. Главное же, что могу сказать против научного ценза, сводится к тому, что учебные успехи в науках, для дипломов необходимые, означают только подготовку, еще ни за что жизненное и общественное не ручающуюся, а успехи в действительном развитии наук, во-первых, очень не часты, во-вторых, очень специализированы и, в-третьих, чересчур мало связаны с той сложной жизненной обстановкой и тем знанием людей, которое надо более или менее не только обнять народным представителям, но и выборщикам. Когда-нибудь впоследствии, но отнюдь не теперь и особенно еще не у нас, некоторый небольшой научный ценз может служить, как возраст и пол, для ограничения числа выборщиков теми, которых можно считать наиболее способными произвести правильные выборы и выразить голос народа, но теперь и у нас это было бы не только не полезным, но прямо вредным во многих отношениях, о которых не считают надобным распространяться.

Полагая со своей стороны первой необходимостью «вино новое не вливать в мехи старые»[61], я думаю, что в приемах, установленных для определения выборщиков в первую Государственную нашу думу, положены здоровые начала и успешность первых выборов во многих отношениях обеспечена, хотя лично желал бы в деле ценза выборщиков видеть впоследствии улучшения разного рода, но так как моей целью вовсе не служит составление каких-либо программ, а лишь выражение заветных, т. е. давно во мне живущих, мыслей, то я остановлюсь лишь на одном, мне кажется, еще не выраженном никем цензовом условии, а именно на том, чтобы все выборщики (и наполовину выбираемые) были отцами, имеющими не менее определенного числа детей.

Для всех стран весьма важно увеличение народонаселения, а для России его значение, по моему мнению, стоит

даже на первейшем плане, когда начнут, как можно думать по совокупности благих начинаний царских, быстро возрастать общие условия народного, говоря ближе, крестьянского благосостояния с развитием земледельческой и всех иных видов промышленности. Отцовский, или детский, ценз должен иметь, по всей видимости, благое значение как в консервативном, так и в прогрессивном отношении, потому что у отца, наверное, уже есть немалый жизненный опыт общения и если ему осязательно важны как сохранение общего порядка, так и обеспечение его в будущем — прямо для близких ему. А главное, у отцов в общем должно предполагать много больше, чем у неотцов, тех практических сведений, любовью определяемых и усовершенствуемых, от которых зависит ближайшее будущее.

Супружеская связь еще может быть определяема в большинстве случаев преобладанием личных, эгоистических требований, особенно при соединении с некоторым достатком, но дети неизбежно в огромном большинстве случаев ставят любовь к другим на степень выше эгоистической. Дети и законодательство непременно должны заставлять думать о практическом будущем. В этом главная связь. Если имущественный ценз расширить понижением требований, а усилить отцовством, то выгоды будут, вероятно, сравнительно скоро очевидными.

Но моя мысль станет понятнее, если прибавлю, что отцам-выборщикам желательно предоставить право избирать народных представителей хотя бы наполовину не из своей среды (т. е. неотцов) с тем лишь (без ценза) ограничением, чтобы выбираемый жил в избирательном округе не менее пяти или трех лет. Это для того полезно, чтобы избираемый был знаком с местными условиями и при выборе его выборщики могли судить о нем не понаслышке да не по словам одним, а по действительным делам, неиз-

бежно соседям ближе известным, так как нередко «стелют мягко, да спать жестко», и это больше всего относится до слов, и выборщики сослужат свою службу родине лучше всего, когда будут руководиться не одними речами и «платформами» *избираемых* или их приспешников, а делами, совершенными предлагаемыми кандидатами в местной среде. Моя мысль выяснится, думается мне, если прибавлю, что разумность и целесообразность суждения проявятся в общегосударственных делах не иначе как после навыка и испытания в более скромных или малых размерах местной администрации.

Сверх вышеуказанной мысли об отцовстве избирателей и о том, впрочем, довольно распространенном положении, что избираемые непременно должны быть жителями (не просто владельцами) избирательного округа, мне желательно высказать лишь одно соображение об избираемых представителях народа. Допустим, что по смыслу как того, что сказано выше, так особенно того, что узаконено положениями о выборах в Государственную думу, обеспечивается, конечно, в известной мере, предвидению доступной, избрание в Думу лишь лиц, вполне знающих всю живую обстановку частной местной жизни. Это, конечно, очень важно, даже совершенно необходимо для правильности и полноты суждений Думы, но все в этих суждениях может не принять никакого участия самая соль земли, лучшие ее люди, хотя бы того желало громадное большинство жителей.

Одни не могут попасть потому, что, подобно Диогену, действительно с фонарем ищут «человека», но презирают личный комфорт, всего себя отдавая благу других, и не имеют никакого ценза. Другие, как Христос, подолгу не заживаются на месте, а везде сеют семена добра. Третьи хоть состоят на государственной или общественной службе и желают сохранить получаемое на ней жалованье ради

условий семейных и любви к тому делу, около которого состоят, а сумели при всем этом сказать людям много правды и сделать много такого, что внушает всем уверенность в большой пользе от их участия в суждениях Думы.

Найдутся и другие подобные желаемые члены, которые по необходимым в корне условиям выборов никак не могут попасть в Думу, а для участия в ней желательны. Такие люди и обстоятельства, конечно, могут быть лишь исключительными и немногочисленными, но они, наверное, на деле окажутся, особенно если за соблюдением выборных правил будут следить внимательнее. Мне думается поэтому, что было бы полезно предоставить собравшимся членам Государственной думы право избрать баллотировкой (по заявлению, подписанному не менее как 30 членами) определенное небольшое число (например, 15) новых полноправных своих сочленов. И надо полагать, что избранные этим путем лица будут очень полезны, потому что выразят в известной мере соль страны и явно осветят направление большинства членов Думы.

Места (и оклады) состоящих на службе избранных членов Думы могут быть временно заняты другими лицами, чтобы не было совместительства, которое, говоря вообще, почитается мной очень вредным, конечно, за исключением мест «почетных», более всего выражающих лишь дань за прежние заслуги. Повторю, что вообще ценз для народных представителей надобен как норма, но надо дать прямую возможность поправлять неизбежные его недостатки ради достижения в Государственной думе совокупности лучших представителей народного разума.

Сухая формальность законов везде, где можно ее вред предвидеть, должна быть смягчаема голосом народа, как она смягчается волей царя; в суде присяжных возможность этого смягчения наиболее драгоценна, ибо никакой закон человеческий не может обнять всего многообразия дей-

ствительности, и тем не менее законы необходимы. Сухой формализм производит в одно и то же время как то, что называется «канцелярщиной», так и то, что составляет беспощадные «утопии», он же губит и многое верное в началах, а выход из круга, по-видимому, заколдованного, дается лишь любовью не только к общему, но и к частному, или индивидуальному. Увлечение одним общим или одним индивидуальным, по мне, полной зрелости не показывает и от господства реального зла не предостерегает. Рационалисты этого не поймут. В предшествующем отдельном примере (выборы представителей) я старался показать, что закон может быть так составлен, что при господстве общих начал окажутся исключения для лиц, цензу и выборщикам не ответивших.

Это особо важно помнить, обсуждая в наше время законодательство, надобное России, потому что ее природные условия чересчур разнообразны, ее жители разноплеменные, с различным прошлым и ее народ до чрезмерности разнороден по началам религиозным, нравственным и образовательным. Всего этого не охватить сухими подробностями законов. Эти подробности родят много зол. Между причинами, вызывающими часто вредные и излишние подробности законов, немалое место занимают софистика и диалектика[62], а более всего натяжки в насильственном требовании полного единообразия там, где оно может быть достигаемо только само собой и мало-помалу таинственными и часто постепеновскими путями истории, да и то не до конца, не без исключений.

Чтобы по возможности избежать доктринального единообразия подробностей законов, необходимы общеобязательные законы, ясные и вразумительно-практические, но лишенные подробностей, которые могут быть узаконены с разнообразными вариантами, как по местным условиям, так и по разным иным соображениям. И надо, по

моему мнению, первее всего обдумать и всячески взвесить эти общие законы, а выработку местных и всяких иных частностей и подробностей пока отложить, а потому что эти последние невольно возбудятся жизнью и отношением к ней администрации, иначе, т. е. сразу вступив в область частностей и особенностей, легко можно, говоря грубо, завязнуть в них и тратить на них дорогое и толкающее к общему выяснению время спешных законодательных работ. Притом неизбежно ежегодное рассмотрение государственных смет послужит прямым поводом к выяснению большинства частностей, когда общее уже решено и узаконено.

В примерах это очевидно, но я приведу лишь немногие действующие уставы университетов и других высших учебных заведений, судя по всем практическим последствиям и явлениям, изменить необходимо, и можно годы проработать, обсуждая все их подробности и частности, да пришлось бы эти последние затем опять переменять и обсуждать, когда дошли бы, например, до общих узаконений, касающихся сословных особенностей, уставов службы гражданской, выборной и военной и т. п. Но одно уже ныне, к счастью, изданное постановление закона о возвращении университетам того, что условно называется «автономией», все дело если не предрешает до конца, то до крайности упрощает, а главное, ускоряет устранение вопиющих недостатков. При установлении общего закона, конечно, нельзя довольствоваться таким словом, как «автономия», его необходимо выяснить, но это выяснение поставит только вместо одного слова двадцать, но никак не целые тома всякого рода «положений».

В таких уже решенных делах, как освобождение крестьян, как свобода церковно-религиозных убеждений, как общность воинской повинности и т. п., общее узаконение определило все почти дальнейшие подробности. Конечно,

в этих подробностях некоторые части могут оказаться в противоречии с общим началом, но, во-первых, их легче поправить, чем общее направление, и, во-вторых, вкрадываются эти противоречия обыкновенно не вследствие недоразумения, а чаще всего из-за односторонней выработки подробностей; если же и они пройдут чрез разум Государственной думы, число таких противоречий с постановленным общим началом уменьшится и качественное значение умалится, так как сотни новых свежих умов об этом, без сомнения, позаботятся.

Будут законодательные дела, например, о свободе печати, в которых, по видимости, все дело в совокупности подробностей, но сущность их, мне кажется, все же может быть решена помимо разрешения всех подробностей, например, если и для печати определятся параллельные меры за проступки политического, нравственного и личного свойства, потому что всякие виды свободы подразумевают не только права, но и обязанности; нарушение же последних должно по суду ограничивать те или иные права; полная же или абсолютная свобода какого бы то ни было социального отношения есть анархия или нарушение чьих-либо прав, для ограждения которых законы и назначаются. В одних случаях общее законоположение улучшит и выяснит, хотя бы в общих чертах, права, в других — обязанности. Но ясным и здоровым, полезным и прочным, новым и наиболее желательным должно считать только такое частное ли или общее законоположение, в котором выясняются те или иные права рядом с обязанностями, им соответствующими.

Упущение этого соответствия ясно наказывает или карает последующая история. Государственная дума с самого начала своей деятельности должна проникнуться означенным началом, а если роль защитника обязанностей преимущественно падет на Государственный совет,

в Думе же будут обсуждаться преимущественно права, то односторонность, а за ней наказания истории роста «общего блага» останутся тяготеть над нами. Члены Думы, освобожденные от прямой ответственности за свои суждения пред своими избирателями и судом, избежать не могут суда истории и потому поступят прозорливо, если при каждом обсуждении прав, общих или частных, взвесят и обсудят, сформулируют и узаконят обязанности, сопрягающиеся с желательными правами.

Пресловутая «декларация прав» много бы выиграла в своем историческом значении, если бы более категорически выставила общие для всех обязанности, кроме простого упоминания о покорности закону и суду. Грехи односторонности зависят, конечно, не от того одного, что законодатели имеют в виду обыкновенно лишь обязанности положительного свойства (например, у Конфуция: «Почитай предков, соблюди церемонии» и т. п.) или отрицательного (например, у Моисея: «Не укради, не свидетельствуй ложно» и т. п.), даже не потому, что они, нередко пользуясь явными правами от узаконяемых обязанностей, надеются еще прочими обеспечить свои права, но преимущественно, по моему личному мнению, от того греха законодательства состоят более всего в односторонности, что доныне диалектика и ее ветвь — красноречие — чаще всего берут верх в законодательстве, диалектика же, по существу, одностороння, так как имеет в виду лишь простоту немногочисленных логических посылок, а не запутанную сложность отношений лиц друг к другу и к обществу, чем отличается та действительность, к которой закон должен относиться.

А то, что называется красноречием, присущим диалектике, увлекает, заслоняет своей пеленой действительную сложность смеси добра со злом. Если бы для реплики законодателям-диалектикам можно было вызвать исто-

рию, да не прошлого, а будущего, из столкновения мнений и логических сопоставлений легко было бы выводить здравое решение. Но столкновение партий еще не вносит достаточно света, потому что сама прочность различия партийных начал показывает их односторонность, нужно же для решения именно возможно полное отсутствие односторонности и отсутствие партийности.

Потому-то очень велико значение рассмотрения законодательных предложений, по крайней мере, в двух независимых высших государственных учреждениях и особенно соизволения царя, у которого никаких иных соображений, кроме «блага народного», и быть не может, особенно тогда, когда предмет предварительно рассмотрится со всех доступных сторон, как должно полагать по отношению к большинству законодательных нововведений. Но при этом рассмотрении, особенно в таком многочисленном собрании, каким будет Государственная дума, необходимо многое предусмотреть для того, чтобы решения большинства были объемлющими действительность, что, конечно, и желательно.

Тут постараюсь быть до крайности кратким, чтобы не удлинить и без того затянувшееся изложение. Мне кажется полезным при обсуждении предметов, по крайней мере в общих собраниях Думы, предварительно вообще согласиться о небольшой продолжительности, например не более 15 минут, речи каждого отдельного оратора и о том, чтобы каждый из них ранее всего выразил общий смысл своей речи («за» или «против» того-то). От этого должны получиться две выгоды: сократится время, составляющее в законодательных работах важный элемент, и диалектика приблизится к действительности, т. е. число логических посылок сократится до крайней возможности.

Великую пользу двух указанных предварительных соглашений я видел на деле, так как они были осуществлены

в комиссии, рассматривавшей под председательством покойного И. А. Вышнеградского статьи Таможенного тарифа в 1890 году. Хотя в окончательном обсуждении участвовали представители разнообразнейших направлений в числе более полусотни, все же можно было ждать большой затяжки от велеречия, но предварительно уже рассмотренные подробности решались и быстро и ясно именно вследствие принятия ограничений, предложенных И. А. Вышнеградским. На своем веку мне пришлось участвовать во множестве коллегиальных обсуждений и решений, но такой успешности, ясности и взвешенности голосований в столь краткое время никогда не приходилось испытать. Все дела подобного рода, очевидно, много зависят от личности председателя.

На этом считаю в настоящее время необходимым закончить свои заметки о законодательстве, потребном России.

От того, что предначертано царским манифестом 6 августа, надо ждать больших улучшений, и если чего можно опасаться, то возникновения новых, особых видов волокиты, стремящейся все перемешать, например, при обсуждении университетов, когда должно иметь в виду, прежде всего судьбы истинного высшего просвещения, настоятельно надобного для «блага, России», примешать беспорядки, возникшие в университетах, а к животрепещущему вопросу об устранении искусственных препятствий для дальнейшего развития благосостояния крестьян — обсуждение общинного землевладения, к суждению о железном производстве — вопросы о покровительстве, казенных заказах и т. п.

Связь, как в указанных случаях, так и во многом связуемом, несомненно, есть, но диалектика все путает; действительность же, глася, что всего сразу никак не сделать, требует улучшений неотложных хотя бы в определенных частях, показывая, что необходимость других улучшений

выступит явно или наступит как следствие уже сделанного. Очень и очень многое в будущем России предопределится тем, что и как успеет сделать и сделает первое, в январе 1906 года собирающееся собрание Государственной думы. Из того, что она сделает, видно будет, между прочим, и то, насколько свойства и особенности нашей администрации зависят от свойств общих преобладающему большинству нашего народа, а это вопрос первостепенный при обсуждении административных русских порядков, к чему теперь же и перехожу.

II. Администрация, или власть исполнительная, говоря вообще, соответствует настоящему времени, если законодательство — предстоящему, а суд — протекшему. Законодательство и суд менее сложны, чем администрация, взятая в целом, и если против какой-либо части правительства идут нарекания, то преимущественно именно против администрации. Основываются они по существу своему главным образом на том, что администрация нередко присваивает себе не только в случаях, законами не определяемых, но и там, где законы ясны, такую часть законодательных и судебных функций, которая не согласна с интересами граждан, а улучшение администрации может основаться только при возможно строгом разделении трех основных или первичных правительственных отправлений.

Разделение их, однако, во множестве частностей еще не закончено, а в некоторых частях до такой степени условно, что его подробности должно непременно понемногу точнейшим образом установить законодательным путем, чего, по мнению моему, не надо и доказывать по очевидности. Но и там, где законченность разделения правительственных функций доведена до возможного предела ясности, у администрации кроме наблюдения за уклонениями от требований закона остается и останется всегда

много обязанностей, выясняемых более или менее произвольно, лишь по духу закона «за совесть» и прямыми отношениями отдельных граждан к отдельным лицам, администрации.

Для примера укажу на избрание и удаление подчиненных служащих, на принятие во внимание частных и личных обстоятельств, на успешность преследования скрывающегося зла, на меру содействия добру и т. п. Личные качества исполнителей не могут быть лишены доли произвола, и законодательство не может охватить всех частностей. Поэтому от исполнителей в администрации, как от солдат в армии, нельзя требовать только свойств точной машины, а необходимо принимать во внимание и личные качества людские.

По этой причине первая суть дела в выборе служащих по администрации. Эта часть дела разрешима только подбором лиц, начиная с самого верха, а он, как далее постараюсь выяснить, может быть хорошим только при организации единства в администрации. Однако административные действия, во всяком случае, должны быть до мелочей проникнуты законностью, ибо без того исполнителей закона нельзя логически представить. Если допустить существование надлежащих разъяснений, относящихся к административным действиям, то для «блага страны» неизбежно необходимо, чтобы превышения административной власти подлежали каре по суду и только в особо исключительных, преимущественно мелочных, случаях — каре дисциплинарной, т. е. исходящей от высших органов самой администрации.

А для того чтобы такой порядок мог осуществляться в действительности, необходимы кроме законодательных разъяснений два условия: 1) суд должен быть от самого верха до самых низших ступеней совершенно отделен от администрации, а для этого у нас многое существующее

надо изменить, начиная, мне кажется, с выделения министерства юстиции из числа обычных министерств и отнеся к особому отделу Сената или высшего суда все предметы этого министерства, и 2) необходимо широко допустить и действительно применять обжалование перед судом незаконных действий чинов администрации не только прокурорами, но и каждым гражданином, и не только теми, которые состоят на так называемой действительной службе (пользуются чинами и пенсиями), но и теми, которые служат по найму и могут быть назначаемы и увольняемы своим ближайшим начальством. В число этих последних, по мнению моему, следовало бы включить все должности низшего, чисто исполнительного свойства, начиная с помощников столоначальников в министерствах.

Обжалование незаконных действий чинов администрации возможно до некоторой степени и по современным законам, но в действительности мало применяется; известно конечно, что высшим сферам суда независимость от администрации обеспечена в несравненно большей мере, чем низшим органам судебной власти, а «благо общенародное» определяется не столько высшими органами правительства, сколько неизбежным множеством низших. Так как жизнь первых определяется вторыми, то никакие улучшения законов не отразятся благом народных масс, если в них исполнители законов перемешаются с истинными блюстителями законов или пока администрации предоставляется не только исполнять законы, но и влиять на кару за их несоблюдение.

Первичный порядок состоял и ради простоты должен был состоять в этом смешении, как в первичной промышленности всегда есть смешение того, что с ростом специализации к общей выгоде разделяется. Обыкновенно боятся упадка авторитета исполнителей-администраторов, если судебные власти изъять из круга администрации, в которой

единство начала столь необходимо для успешности борьбы с организованными видами зла (а таких осталось немало даже с прекращением разбойничества), но личный авторитет всяких людей, а в том числе администраторов, определяется исключительно нравственностью и разумностью всех действий или отношений к окружающим, а безличный авторитет правительства только разумностью издаваемых им законов и их соблюдением.

Администратор, не сумевший приобрести личный авторитет и не соблюдший законов, плох, и, если его удалят, можно ждать на основании множества примеров только улучшений. Но конечно, суд, как всякое людское дело, может ошибаться, а потому его суждения, относящиеся до законности действий администрации, должны подлежать особым формам кассации, и вся важность предмета может сильно выясняться в отдельных случаях, хотя центр тяжести в двух началах: подсудности администрации и в легкой возможности обличения на суде администрации в незаконных действиях, потому что иначе законность нельзя обеспечить и сделать одним из элементов «блага народного». Администрация вообще и в частности администраторы, действующие законно, не могут страшиться суда, как не страшится его и всякий добрый гражданин, потому что суд, в конце концов, должен устранить неправые обвинения и карать только при их доказанности.

Но оставим эту хотя и важную, но не всеобъемлющую сторону административного дела, потому что законы, сколь бы ни были они прозорливы и разумны, не только всего предусмотреть не могут, но и пишутся, в сущности, только ради устранения зла, а возбуждать добра не могут ни при каких законодателях. Благо же народное, ради которого существуют правительства, определяется, прежде всего, суммой добра, посеянного, выросшего и плоды приносящего. Законодатели и судьи, содействуя преиму-

щественно искоренению зла, конечно, содействуют победе добра, но только одна администрация не отрицательно, а положительно может действовать в его сторону не попущением уклонений от закона, а содействием в круге свободных действий граждан. И в этом смысле как в первичном администрации принадлежит роль исполнительная, если, как я старался показать в начале своего изложения, современные правительства назначаются не только для выполнения первичных функций, но и вторичных, от которых более всего зависят в наше время успехи блага народного.

Если же эти исходные мои положения ясны и будут признаны, то из них, несомненно, вытекает великое, определяющее многие отношения значение администрации как правительственного органа, могущего служить распределителем в народных массах тех благих предначертаний, которые, по существу дела, должны исходить от верховной власти и содержаться, хотя бы в сокрытой или потенциальной форме, в законодательстве. Меня не смущает ни то, что об этом предмете распространены мнения, противоположные высказанному, ни то, что сам я убежден в согласии действительности с этими противоположными мнениями для большинства (но отнюдь не для всей) администрации, ни даже то, что мой взгляд смахивает на оптимистическую идеализацию. Не смущаюсь потому, что огульный пессимизм ничего жизненно здорового дать не может, что, не ставя или не имея идеалов общих, в реальных частностях непременно должно запутаться и даже обманывать себя и других и что мои «Заветные мысли» относятся более всего к предстоящему, а в нем справедливо можно не только желать, но и надеяться на администрацию как важный, общему успеху помогающий орган правительственной власти.

Все дело, по существу, сводится к подбору должных людей, администрацию составляющих, к выработке законов,

определяющих круг действия исполнителей, и к тому общему и всепроникающему, что называется нравами и определяется нравственностью. Состав администрации в ее многоразличных разветвлениях так велик, что на лицах администрации отражаются все главные народные свойства и привычки, т. е. нравы. Корень дела — в выборе лиц администрации. Но здесь можно говорить только о верхних, или заправляющих и направляющих, администраторах, т. е. главным образом о министрах и губернаторах, потому что они сами, выбирая подчиненных и направляя их деятельность, уже сумеют придать всему вверенному им делу им самим принадлежащие оттенки.

Единство основных требований заправил неизбежно должно отразиться на единообразном отношении всей административной машины к делу выполнения законов. Оно отчасти кажется, что и тут лучше не стеснять естественного разнообразия, потому что зла все же избежать невозможно ни при каких распорядках, а при единообразии всей администрации кажется, может быть, зло не исключительным, а общим. Мне думается, что такая софистическая постановка вопроса неверна, потому что обобщенное зло выступит явно пред всем народом, что его не прикроешь; оно будет громко говорить не только перед судом, но и перед народными представителями, которые его скоро изведут, и потому особенно, что такое обобщенное административное зло немыслимо при надлежащих законах иначе как в соединении, даже в зависимой связи со злом в самых высших административных сферах, а они, как высшая точка здания, видны отовсюду, кроме разве самой внутренности здания и очень близких к нему мест, и могут быть переменены, не трогая самого здания.

Отстраняя фигуральность, думаю, что мысль моя станет уясняться, если скажу, что во главе администрации обычно у нас считается сам царь, действующий чрез

министров; следует же иметь особого, царем, конечно, поставляемого главу администрации, без чего зло, легковозможное в административном деле как вообще, так и по частям, искоренить очень трудно. Государь есть верховный правитель, и вся администрация только известная доля целого правительства. Пороки в администрации, всегда возможные и до крайности могущие вредить «благу народному», ничуть не должно даже в мыслях относить к недостаткам всего правительства, а лишь к недостаткам самой администрации.

Если администрация будет иметь своего высшего представителя и пороки определяются недостатками отдельных лиц, высший администратор их заменяет лучшими; если же вся система на деле окажется плохой, т. е. благу народному несоответствующей, перемена возможна при помощи назначения монархом нового высшего администратора с иными, быть может, общими или исходными началами, из другой «партии», как принято говорить на основании западноевропейских примеров парламентских партий.

В делах людских абсолютное совершенство обеспечить невозможно, но приближаться к нему должно постепенно, чего и можно достигнуть не иначе как в соединении двух приемов: гипотез и опытов. Гипотезы — это «партии», опыты — это исполнители в делах административных. Неладная гипотеза дает и неладный опыт, а неладное для всего совершенствования необходимо заменять пригодным. Пригодное можно и должно твердо узаконить, но сомнений и недоразумений все же останется множество, всего решить и направить в должную благую сторону нельзя, и вот для этого-то сонма сомнений и недоразумений нужна администрация с определенными, осознанными «партийными» гипотезами или с системой, целями и приемами.

Попробовав их на деле, она сама может сознать свою ошибочность, тогда и уйдет от дела; а если не сознает сама, а окажется по результатам непригодной, ее удалят и перейдут к иному, например, от застращивания и репрессий к снисходительности и содействию, от классицизма к реализму, где они еще не узаконены, от системы «золотой валюты» к кредитной, от юдофобства к юдофильству и т. п. Решать абсолютно будет жизнь и действительность, и всякая система решений, заранее готовых, на деле может быть злом, жизнь же может прибавить и компромиссов, и средних мер, подготовки и последовательности. Если признается необходимым и сами законы изменять, то тем паче надо иметь возможность легко сменять отношение исполнителей к тому, что остается еще невыясненным для законодателей и для чего назначены исполнители или администраторы, долженствующие применять не одни буквы, но и дух законов. Только не искусившийся в жизни и в приложении «систем» может думать, что у него есть ключ к решению всего. Не только его еще нет у кого-либо в руках, но он помещен так высоко и далеко, что подбираться к нему люди могут лишь осторожно, путем постепеновским, индуктивно-опытным.

В деле правительства путь этот до сих пор цельнее всего выразился в установлении единства администрации, осуществляемом во главе министров или первым министром, или в том, что у нас подразумевается обыкновенно под именем *канцлера,* как для краткости я его и буду далее называть. Его главнейшее право внешнее — подбирать себе министров, ведающих отдельными частями администрации, а право внутреннее — держаться определенной системы. Его главнейшую, как бы внешнюю обязанность составляет направление всех частей администрации «благу народному», а обязанность внутреннюю — удаляться, если принятая им система окажется на деле худой.

У нас и в наше время, конечно, как канцлер, так и министры, им предлагаемые, не только должны избираться и утверждаться, как повсюду, государем, но и должны следовать исключительно за его указаниями; прямой связи с Государственной думой у них не будет, но косвенная при посредстве царя с народом явится непременно, а такая связь, по мне, лучше всякой непосредственной, прямо согласованной с преобладающей партией народных представителей.

Устойчивость верховного правителя в настоящем и предстоящем определится опорой на три высших учреждения: Государственную думу, Государственный совет и канцлера с министрами. Опора первая, должно надеяться, будет тверда народным избранием и опытом современным; опора вторая — разнообразием личных направлений, прошлым опытом проверявшихся, и независимостью положения; третья же опора по существу может быть шаткой, но ее легко заменять новой, в которой можно ждать всей желаемой прочности.

Скажу яснее или прямее: практически благие начинания правительства найдут при предлагаемом строе скорое осуществление, по крайней мере, со стороны двух важнейших органов правительства, а все то непрактическое или вредное «благу народному», что может прорваться в жизнь и ее администрацию, не только заявится народными представителями, но и послужит — прямо или косвенно — к смене канцлера и министров и затем, конечно, поправится или отменится.

Единство исполнительной власти, выражающееся в установлении должности канцлера, считается мной одним из первейших условий возможности устранения многих явных недостатков существующего у нас строя даже по той причине, что ныне, когда все министры и министерства лишь с формальной стороны связаны в Комитете

министров, а в существе вполне независимы друг от друга, в администрации повсюду, т. е. на всех ступенях, идут и действуют разноречивые начала во всем том, что еще не окрепло, и особенно в том, что требует от администрации не отрицательных (карательных), а положительных (содействующих) мероприятий, так как в практике разделить министерства необходимо, а в жизни главнейшие дела, особенно прогрессивно новые, столь сложны, что касаются многих министерств, а каждое чувствует себя независимо, точно особые государства в едином общем.

Примеры на каждом шагу и, конечно, известны всякому из нас. Выдающимся примером служат дела того промышленного развития, которое должно определить судьбы экономического роста России и всего благосостояния ее жителей. Министерство финансов, особенно со времени И. А. Вышнеградского, приложило много усилий к содействию его успешному ходу и росту, но дела этого рода только одной частью своей зависят от этого министерства, а много зависят в своем течении от Министерств внутренних дел, путей сообщения, государственных имуществ и др. В подробностях и частностях это сказывается резко, например железостальные заводы, ведущие все дело до переделки с добычи чугуна из руд, должны держаться инструкций и инспекторских указаний горного ведомства, долго причислявшегося к Министерству государственных имуществ, а те, в которых ведется то же самое дело, начиная с чугуна, целиком подчинены Министерству финансов, порядки же в обоих министерствах разные.

Порядки и правила для устройства и ведения всех фабрично-заводских производств составляются в министерстве внутренних дел преимущественно под углом зрения вредности их всех, что прямо противоречит с точкой отправления министерства финансов. Кое-как в жизни приходится выживать, но успешности в движении самих

благих и взвешенных предначертаний правительства нельзя ждать, пока не наступит с единством администрации и канцлером реальной и явно согласованной, стройной зависимости всех министров и министерств. При ней, без всякого сомнения, уйдет и добрая половина письменного производства, начиная от министерств и до последних разветвлений администрации, потому что уйдут пререкания, сношения и согласование действий, занимающие теперь много сил всех канцелярий.

Стоя во главе администрации и снабженный правом подбирать себе министров, канцлер может соблюдать желаемое и ему обязательное или ответственное единство лишь при обозначении ему и тесно с ним связанным министрам суммы прав, которые могут определиться только при тщательном пересмотре Устава о службе, как гражданской, так и военной. Уставы эти явно устарели и во множестве частей совершенно не соответствуют тому, что надобно современной России. Будучи убежденным постепеновцем, хотя я и полагаю, что чины и особенно принцип «выслуги лет» не для пенсий, где он неизбежно необходим на началах страхования, а для производств и повышений необходимо в корне изменить, но полагаю, что сделать это можно и должно лишь с осторожностью и постепенностью, поставив на то место исключительное начало личных заслуг и способностей.

Ведь дело касается большого количества как бы то ни было одних из лучших, интеллигентнейших людей нашей страны. У нас все, начиная с высших учебных заведений, приноровлено к тому, чтобы привлечь к службе по отраслям администрации этих лучших людей, и по сих пор прочная, хоть и не особенно казистая обеспеченность жизненной обстановки интеллигентов существует только для лиц служилого сословия, а от него ведет начало большинство не только дворянства, но и нашей немногочисленной аристократии.

Самое важное для будущих судеб России — открыть несомненно и быстро прибывающей интеллигенции прочный путь в промышленности, которая тем и важна, что дает обеспеченные достатки не только низшим слоям народных масс, но и образованной ее части всяких степеней, как становится очевидным из статистических данных, сообщенных выше для Северо-Американских Соединенных Штатов, где общий средний годовой оклад техников, надсмотрщиков, конторщиков, бухгалтеров и т. п. фабрично-заводских служащих доходит до 1800 рублей, что далеко превышает общие средние казенно-служебные наши оклады, принимая во внимание кучи чинов канцелярий.

Думаю даже, что, избирая именно для них лишь наиболее подходящих и увеличивая их оклады на счет числа лиц, можно получить не только улучшение администрации, но, пожалуй, и экономию; хотя в таких ответственнодеятельных должностях, каковы полицейские, очевидна не только необходимость в увеличении окладов, но и в числе лиц, так как во всем образованном мире имеется, особенно по городам, число чинов полиции, увы, в несколько раз превосходящее то, что существует у нас, если за исход взять число жителей.

Все это надобно сперва привести в полную числовую и сравнительную с другими странами ясность, изучить и обсудить раньше, чем ломать существующее и строить план будущего; и если я заговорил об этом, то лишь по той причине, что столь необходимое канцлерство непременно приведет к пересмотру всех наших служебных уставов, а без этого, одним усовершенствованием законодательства нельзя надеяться на оживление самостоятельной народной деятельности, без которой успехи страны немыслимы и до энергического возбуждения которой если не первый назначенный канцлер, то его преемники неиз-

бежно додумаются и так направят администрацию, чтобы она ей всемерно помогла. Без должного подбора лиц, сколько-либо административно самостоятельных, и без предоставления им права подбирать себе как временных, так и постоянных сотрудников и помощников, мне кажется, тут ничего последовательного и прочного сделать невозможно.

Чтобы показать возможность совершенно иных, чем у нас господствующих, порядков административного подбора, надо узнать положение этого предмета в С.-А. С. Штатах, но я считаю неуместным описывать его во всей полноте, а приведу лишь то, что лично меня поразило в 1876 году, когда один влиятельный знаток показывал мне недавно устроенное здание Министерства финансов в Вашингтоне, где сосредоточена и большая счетно-контрольная работа, поручаемая определенному числу начальников отделов, которым сообразно с количеством и качеством дел назначаются определенные суммы на приглашение или наем подчиненных исполнителей, предоставляя право приглашать кого каждый хочет на определенный ряд окладов с правом повышать их или понижать, лишь бы не выходить из назначенной сметой суммы.

Подходим к одному из таких отделов, и мой руководитель, улыбаясь, советовал мне обратить внимание на то, что начальник отдела любит хорошеньких дам и дает у себя места только таким. И действительно, там были большие ряды красавиц на подбор. Через несколько времени меня опять остановил мой руководитель перед дверью одного из отделов, сказав, что и в этом отделе начальник его считает женский труд более подходящим, но «жена у него очень ревнива, а потому принимаются только старухи и уроды», что и увидел в действительности, проходя опять между рядами столов, за которыми работали над счетами исключительно дамы.

По моему мнению, тут есть над чем призадуматься, когда желательно достигнуть возможной простоты, экономности, цельности и успешности в чрезвычайно сложных административных работах.

Между ними есть два разряда, чрезвычайно важных для центров администрации, т. е., по нашему предположению, для канцлера и министров. Это, во-первых, составление законодательных предложений, исходящих от министров и канцлера и поступающих в законодательные учреждения, и, во-вторых, собрание и издание статистических данных, освещающих текущее положение всех главнейших дел страны. У администраторов так много частных дел, что трудно отдаться двум указанным предметам, тем более что они требуют чрезвычайно строгой последовательности и нередко чисто специальных и разносторонних сведений, а без их выполнения хорошо администрировать невозможно.

Для этого пополнения пробела мне кажется необходимым при канцлере, т. е. для совокупности всех министерств, учредить, во-первых, канцелярский совет, а во-вторых — Главный статистический комитет. Оба учреждения, новые по своему существу, вероятно, не потребуют много новых средств, потому что совет может быть образован из совокупности членов советов, состоящих при отдельных министерствах, включая туда Военное и Морское, а комитет — из совокупности Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел и руководящих частей статистических отделений, состоящих по многим департаментам и министерствам.

Совокупление разрозненных сил в целостных учреждениях с явными задачами должно, по моему мнению, много улучшить ход большого числа административных дел. При смене канцлера и министров оба указанных учреждения, сохраняясь в своем составе, образуют реальную связь

прошлого с наступающим, что вполне необходимо для сохранения за администрацией влиятельнейшего положения. А так как оба указанных учреждения будут иметь значение лишь помощи канцлеру и, очевидно, будут осведомлены о том, что администрация делала за последнее время и чем или как в жизни отозвались как законы, так и действия или распоряжения администрации, то канцлер получит в указанных учреждениях драгоценнейшие указания для правильного направления деятельности всей администрации и может сделаться действительным руководителем скорых улучшений всего народного прогресса.

Канцлерский совет, составленный, как современные советы при министрах, из испытанных службой, т. е. опытнейших, лиц по всем отраслям управлений, по моему мнению, много выиграет в своем значении и может принести еще большую пользу делам канцлерства, если будет, с одной стороны, пополнен двумя или тремя назначаемыми на определенные сроки от Сената его членами и тремя лицами, назначаемыми от Академии наук и университетов С.-Петербургского и Московского на год, а с другой стороны, временно будет по указанию канцлера пополняться для обсуждения определенных дел приглашаемыми знатоками.

Способами этими и командировкой для пополнения недостающих сведений соответственных лиц канцлер будет поставлен в известность о многом, что легко может иначе ускользнуть от его внимания, и практическая компетентность состоящего при нем совета, наверное, возрастет. Совет этот, председательствуемый одним из членов, назначаемых канцлером, должен прежде и более всего заняться разработкой законопроектов, поступающих от министров, согласованием действий разных министерств и разбором особенностей или отношений разных краев государства к общему целому, а затем разработкой всех

тех вопросов, которые поручит ему канцлер, для которого значение постановлений совета может ограничиться лишь подготовительным, но, конечно, может быть и определяющим, смотря по личному усмотрению канцлера, в помощь которому и назначается вся деятельность совета.

Объединяющее значение канцлера должно много выиграть в силе и практическом значении, если он будет иметь возможность опереться не только на большее или меньшее согласие основных, так сказать, теоретических начал главных руководителей администрации, но и на возможно точные и современные численные данные статистики, показывающей числами ряд тех дел народных, в которых выражается «благо народное». Сюда относятся числа, касающиеся числа жителей, их распределения по местностям, по степени образования, занятиям, семейственности и т. п., их оборотов в виде расходов на правительство, на услуги и на покупные товары и в виде приходов от трудовых оборотов всякого рода, начиная с промышленности всех видов, от услуг и от запаса, заранее скопленного и отложенного, т. е. от того, что называется капиталом.

Для того-то три первые главы этой книги и посвящены своду некоторых статистических чисел, что в них лучше, чем в чем-либо ином, выражаются условия относительно развития «блага народного». Конечно, «внутреннего нравственного совершенствования отдельных лиц», в чем одном иным представляется возможность «улучшения общественной жизни», статистика показать числами непосредственно не может, но то, для чего это назначается, т. е. направление роста «общественной жизни», — в силах, и по ним судить можно уже о росте, неподвижности или упадке «блага народного», потому что жизнь общественная выражается в сношениях и отношениях взаимностей всякого рода, начиная с мены и прироста числа жителей

до подсчета числа учащихся или численного отношения лиц разных жизненных профессий или занятий.

Ясность самопознания администрации и общего понимания положения вещей много выиграет, если Главный статистический комитет систематически и без замедлений будет публиковать результаты всех многочисленных уже у нас расследований и подсчетов, касающихся местной и общегосударственной жизни, если он будет содействовать улучшению и дополнению таких статистических сведений и в деле чередовых общих народных переписей последует и превзойдет С.-А. С. Штаты. Для того чтобы в делах Главного статистического комитета было сколь возможно более точного соответствия с действительностью, не только должно снабдить его надлежащими денежными средствами, но и вверить управление им лицу с научным именем и достаточным жизненным опытом, с рядом помощников из числа испытанных статистиков и из лиц, стремящихся отдаться этому делу простой правды и точности.

Работы даже для улучшения общих переписей, особенно при объединении и надзоре за собиранием местных данных, при сравнении с данными других стран и для удовлетворительных и скорых ответов на запрос канцлера, будет так много, что средства, потребные для этого учреждения, не должны быть малыми, но они окупятся с избытком, потому что помогут следить за состоянием всего народного организма. Связь дел Государственной думы и этого комитета так велика и очевидна, что, во-первых, обещает обоюдное сближение и, во-вторых, посодействует желаемому сближению усилий Думы и канцлера. Сказанное здесь выясняет, думаю, достаточно мои мысли о Главном статистическом комитете.

По отношению к администрации мне следует для полноты высказаться о разделении министерств, о местном

управлении областей, губерний и их частей и о годовом бюджете государства. Но я тут буду особо краток. По отношению к делению министерств это определяется тем, что о некоторых из них предполагаю говорить дальше, в особенности о министерстве промышленности, а при объединении всех министерств в канцлере, упомянутом выше, вовсе не особо важно отнесение дел к тому или иному министерству. По отношению к местному управлению губерний и их частей в совокупности скажу только, что теоретически склоняюсь к возможному расширению местной самостоятельности, но о мере и последовательности преобразований и надобностей, сюда относящихся, признаюсь, у меня не сложилось определенных и ждущих выражений пожеланий, а потому предпочитаю не распространяться об этом предмете, будучи уверен в том, что в Государственной думе будет большинство, которое с должной осторожностью приступит к вопросам, сюда относящимся, тем более что преобладающее большинство русских людей легко может усмотреть замашки сепаративных стремлений во всем том, что превзойдет первые, всеми желаемые меры для развития самостоятельности местного управления.

Скажу при этом откровенно, что, зарвавшись сразу далеко в требованиях, касающихся местной автономии, непрактические теоретики могут не только ничего не достичь, но и надолго повредить делу развития освободительных реформ, эпоха которых явно наступила. Скажу далее как постепеновец, что ждать много доброго можно от эволюционных изменений, а никак не от революционных, всегда и неизбежно со злом и всякими случайностями сопряженных.

Почти такие же, как выше, замечания должен сделать и по отношению к доходам и расходам государственным. Несомненно, что тут и можно, и должно сделать многое,

но следует идти в изменениях осторожно и постепенно. Для меня очень желательно в отвлечении будущего прогрессивное подоходное обложение, но в нашей реальности на ближайшее время от его применения я жду только зла и обмана. Зло произойдет от того, что нам для развития благосостояния особо необходимо развитие промышленной предприимчивости, а она ныне не может обходиться без проявленных и приложенных больших капиталов и своих доходов. Их надо всемерно привлекать, а не страшить возрастающими обложениями.

Облагать прогрессивно полезно, быть может, только капитал пассивный, т. е. денежный и во всяких доходных бумагах, что уже отчасти делается, а всякий капитал, приложенный к делу, к торговле ли, земле ли или промышленности, облагать прогрессивно — значит задерживать рост промышленности. Расчесть сколько-нибудь правильно доход, выделяя из него расход, невозможно, а валовой доход (без вычета уплат) столь часто сопрягается с малым чистым доходом или прибылью, особенно для дел начинаемых, что исчисление одного валового дохода было бы злом несправедливости, задерживающим добро экономического роста России.

Обман при подоходном обложении, несомненно, особенно в таких условиях, как наши, легко возможен в крупных размерах, а обманщикам не следует выдавать заведомых премий. Добрые люди при подоходном обложении особенно зарятся на явные крупные оклады, преимущественно казенные. Но кому же не известно, что у нас оклады жалований, взятые в общем целом и по частям, ниже, чем где-нибудь, и если их не увеличивают, то косвенно вводится налог, потому что плюсы одной стороны становятся для другой минусами, и обратно.

Те у нас многочисленные защитники подоходного налога, которые желают его усиления (считая обложение

городских домов, квартир, купонов и акционерных предприятий началом подоходного налога) ради сбавки «косвенных», преимущественно акцизных доходов, все же ближе к постепеновскому способу действия, но те, которые обложение спирта или сахара считают полезным совершенно уничтожить или довести до такого же ничтожного размера, какой существует (и правильно), например, для ситца или гвоздей, не указывают источников возмещения[63] и упускают из виду, что возвышение от акциза цены таких товаров, как спирт и сахар, имеет совершенно иной смысл, чем обложение соли, потому что без последней никто обойтись не может, а без сахара, особенно же спирта, обходятся многие, и своего рода подоходное обложение в них содержится.

Из косвенных обложений, по моему мнению, всего нерациональнее обложение нефтяных продуктов, но я не стою за уничтожение и этого обложения, а только за его понижение и вообще полагаю, что косвенные обложения следует пересмотреть в подробностях, но сохранить как такой основной вид обложения, к которому народ привык и который ныне у нас едва ли возможно по размерам заменить каким-либо иным.

III. Суд, составляя третью из первичных функций правительства, как повсюду, так и у нас, после введения суда присяжных возбуждает наименее существенных общих разноречий, и по отношению к нему отчасти по указанной причине мне нет надобности долго останавливаться, тем более что даже такие в глаза бросающиеся требования судебного свойства, как «непротивление злу», повсюду, сколько я знаю, у нас разбираются исключительно лишь с теоретической стороны, без настояния на немедленном осуществлении.

Становится это понятным только тогда, когда вспомнишь, что судить «с плеча» и осудить «гуртом» не только

действия, но и мнения свойственно такому количеству людей, какого не подыскать для терпеливого обсуждения, а тем паче для одобрения и содействия.

По отношению к правительственному суду разных форм и порядков в моих «Заветных мыслях» более всего выделяются следующие пять пожеланий: 1. Судебное ведомство желательно совершенно обособить от остальной администрации, о чем упомянуто уже выше. 2. Для всех сословий и состояний, в том числе для крестьян и служащих на коронной службе, принципиально желателен один и тот же суд. 3. Для разбора мелких споров или гражданских несогласий, для суда по мелким проступкам и для разбора мелких жалоб на незаконные действия чинов администрации желательно повсеместное распространение и развитие мирового суда. 4. Желательно, чтобы в суждениях по преступлениям и проступкам важнейшее место занимали произведенные действия, а не побуждения, слова же или речи, а в том числе печатное слово, карались бы только тогда, когда они содержат личные оскорбления и неосновательные обвинения в действиях, запрещаемых законами. 5. Желательно, чтобы судьи всех степеней были несменяемыми лицами и учреждениями, их назначающими, но могли быть сменяемы или по обвинению в незаконных действиях, или по приговору Сената, члены которого назначались бы высочайшей властью из трех на каждое место кандидатов, представляемых Сенатом и баллотируемых в нем и в Государственном совете из числа лиц, предложенных в обоих этих учреждениях. Полагаю, что над мотивами выраженных пожеланий нет надобности особо останавливаться для их пояснения.

Высказавшись по отношению к трем первичным правительственным отправлениям, перейду теперь к вторичным, считаемым мной за наиболее сложные, новые и трудные. Последнее потому, что уединенное государство

Тюнена, которое еще можно было воображать в прошлом, даже для начальных эпох Греции, Рима и Китая, ныне представить себе уже нельзя, а можно вообразить государство с законодательством столь совершенным, и жителями, столь усвоившими и проникнутыми благими законами, что ни законодателям, ни администраторам, ни судьям не будет дел; и все же зло и добро может приходить извне, и от первого надо оградить, а второе надо развивать внутри, чтобы сохранить свою страну в ее относительном состоянии ко всему роду человеческому, иначе будет то же, что произошло с Китаем и Японией, когда они считали себя уединенными государствами.

Если первичные функции правительства (законодательство, администрация и суд) определяются стремлением оградиться от злых действий своих сограждан и дать перевес (не одно равенство, а перевес) добрым, то вторичные функции правительств (охрана внешняя, заботы о просвещении и содействие экономическому преуспеянию) определяются существованием зла и добра вне своей страны, во всем человечестве и его высшим стремлением к преуспеянию или прогрессу. Добрым сыном своей страны быть ныне уже нельзя, имея в виду лишь первичные потребности страны, первичные функции своего правительства, и добрым правительствам уже нельзя ныне не принимать в первейшее внимание того, что совершается вокруг своей страны, потому что никакие стены и никакие таможни или запрещения не могут оградить от напора внешних сил, вооруженных орудиями, не имеющимися в своей стране, будь они в виде ружей, пушек, или в виде просвещения и промышленности, или учреждений и порядков.

Это пути истории, это способы объединения человечества; государства — только станции этого пути, а «благо народное» ныне уже немыслимо помимо общечеловече-

ского, для которого отдельное лицо в одно и то же время — как это ни покажется неверным рационалистам, особенно юным — и цель и средство, и все и ничего. Понимая всю трудность ясного, но в то же время и краткого изложения своих мыслей о современных вторичных потребностях своей страны, я все же не уклонюсь от предмета, потому что очень давно почитаю его важнейшим и, зная, что вторичное во многом зависит от первичного, полагаю, что у нас при существующих задатках народа совершенствование вторичного понимается народом живее первичного, его определит скорее и вернее и само по себе для всех нас, для всего «блага народного» влиятельнее и настоятельнее.

Да притом и соглашение воззрений разных оттенков в одно единодушное желание даже для крайних партий в отношении ко вторичным функциям правительства легче достижимо, чем в чем-либо ином, т. е. том первичном, на чем ломались более всего древние царства. Читайте лирическую драму «Два мира», которую покойный друг А. Н. Майков писал для своих современников, и в этих образах много лучше, чем в моих систематических соображениях, вы почувствуете причину гибели латинско-классического мира от недостатка одних первичных правительственных отправлений, соединенных с сильнейшими воинско-охранительными. Разума и рационализма, блестящего прошлого и всякой современной гордости, силы воинской и даже внешнего порядка, соединенного со снисходительной «порядочностью», оказалось и всегда будет оказываться мало для народа, перешедшего известную грань исторического возраста, ту грань, которую Россия перешла в последней половине XIX ст. Широкое слово «любовь», относясь исключительно к отдельным лицам, становится неясным и даже непонятным, когда речь идет о таких высших правительственных отправлениях,

каковы заботы о просвещении юношества и об экономических нуждах среднего жителя страны.

Одно устранение препятствий отнюдь тут недостаточно, потому что стремление как к общему просвещению, так и к общему экономическому благоустройству, во-первых, вовсе не определяется одними личными инстинктами, вызывающими лишь превосходство одних над другими и «контрактное» (взаимообязательное) соглашение, а никак не общий строй дел этого рода; во-вторых, влияние дел этих на «общее благо» становится понятным лишь с той высоты, на которую должны подниматься современные правительства, а в частной жизни складывается или даже доводит до желания «опроститься» опять до крестьянства и, в-третьих, отдельные усилия тут ничего сделать не могут. Цель всей этой книги сводится к уразумению того, что современное «благо народное» определяется не столько «правами граждан» (поймите, что я за них, а не против), сколько пониманием значения и усилиями для развития просвещения и промышленности.

Единство и все значение правительства как высшего людского изобретения не может быть правильно понятым без уразумения того, что у правительства есть вторичные функции. Оттого они выделены мною особо и явно. Латынь до этого еще не додумалась, а «здравому уму» русских людей, думается мне, охватить это легко. Тогда и на труд, и на всякие обязанности, из прав вытекающие, и на «порядок», и на «Contract sociale» получается новая и ясная точка зрения, даже на историю. В том, что названо выше вторичными отправлениями, между царем и народом, между простым современным крестьянином и сколько-нибудь сознательным интеллигентом, не зараженным латинскими предрассудками, уже теперь, наверное, есть основное единомыслие, а «благо народное» без него невозможно. Тут и содержится надлежащий вывод.

IV. Охрана внешняя состоит из сношений с иностранными правительствами и государственной обороны, морской и сухопутной, и в составе правительства выражается Министерством иностранных дел, Военным и Морским министерствами.

О министерствах тех у меня нет других заветных мыслей, кроме той, что они должны войти в строй всех других министерств, т. е. в тесную общую связь при помощи канцлера, и подлежать законам, проходящим через Государственную думу и Государственный совет, хотя бы после специального разбора в Военном совете и Адмиралтейств-совете, которые через соответственных министров должны быть в своей зависимости от канцлера и совета при нем, предполагаемого мной. Так должно быть по существу и отчасти по примерам, и я не считаю надобным вновь доказывать надобность и великую пользу общего административного единства.

Иностранные сношения не состоят только из дипломатического представительства, обставленного нотами, церемониями, разведками и интригами, как бывало прежде и для чего нужно было обладать преимущественно такой совокупностью свойств, которые приписываются «дипломатам» по преимуществу, но ныне сводятся главным образом на защиту частных интересов подданных своей державы и на возможно точное определение общих отношений государств, т. е. договоров, союзов и столкновений, потому что это в сильной мере влияет на «благо народное».

Умелую ловкость нашей дипломатии признали всюду, но у нас дома дипломаты имеют мало доброй славы, без сомнения, по той причине, что защитой частных интересов своих сограждан, попавших за границу, занимаются очень немного, так сказать, свысока. Понемногу это явно улучшается, и я вовсе не думаю на этом останавливаться, потому что мои заветные мысли касаются иностранных сношений исключительно со стороны союзов.

Уже в прошлых столетиях союзы государств сильно влияли на ход истории, а в будущем в союзах и будет суть истории, в идеале чудится же союз всеобщий, подготовку которого составляет Гаагская конференция. Пусть такое мнение составляет свой вид утопии, все же нельзя отрицать, не углубляясь во времени, что Тройственный союз (Германия, Австрия, Италия) и им вызванный Двойственный союз (Россия, Франция) глубоко повлияли в мире за весь конец XIX в., что союзный договор держав в китайских событиях 1900 года и англо-японский союз в событиях последней войны определили очень много такого, что едва достигалось ранее того жесточайшими войнами.

Союзы современные именно прежде всего и назначаются для предупреждения войн не только договаривающихся стран между собой, но и с другими странами, по крайней мере, для их ограничения. Если еще доныне верен латинский совет: «Желая мира, будь готов к войне», — то скоро в Германии и Англии формируется совет: «Хочешь мира — заключай союзы». Тут и логики, как хотите, больше. Великое значение союзов могло начаться и началось действительно с того времени, как мир обойден и вместо аппетитов завоевательного свойства явилось сознание опасности личной целости и нарушения войнами драгоценнейших приобретений, происходящих от взаимных сношений народов всего мира. Союзы современные, всегда сопряженные с уступками и сознательным отказом от излишней гордыни, составляют незаменимый проводник прогресса и приближения к признанию равенства государств, без которого все прочие порывы к идеалам свободы, равенства и братства чрезвычайно легко стушевываются перед общими, социальными и общечеловеческими.

Проникшись высказанными соображениями и убеждениями, невольно должно спросить: какие же союзы возможны и желательны для России в ее современном

положении? Ответ в моих «Заветных мыслях» ясен и не расплывается в общих местах потому именно, что союз во все стороны невозможен сразу, а действовать надо сразу, неотложно, предвидя и предчувствуя.

Союз с Францией, составляющий зрелый плод миролюбия императора Александра Александровича, так желателен, понятен и полезен России и Франции, что над ним нет надобности останавливаться и можно только пожелать его продления до образования всеобщего союза. Переход к этому концу, реально выразившийся сокращением чрезмерных всеобщих военных расходов, мог бы хоть не наступить, а все же предвидеться, если бы Англия, Германия и С.-А. С. Штаты с Россией и Францией, что называется, спелись по главным вопросам времени, отказавшись от каких-либо личных приобретений, а просто ввиду благ мира, равенства стран и порядка. Другие или остальные волей или неволей примкнут, если это сбудется.

Видимыми крупнейшими предметами соглашения, мне кажется, ныне должно считать Австрию, Балканский полуостров, Китай и Африку. Никого не насилуя или не трогая, ничего ни от кого и ни от чего не отнимая, тут, по-видимости, можно согласиться, но я лично не думаю, что такое соглашение возможно в ближайшем будущем, а все же начаться сближение это должно, и всего желательнее, чтобы началось оно с Англии, которая ощутила уже неудобства совершенно «свободных рук», как видно из ее новейших договоров с Францией и Японией.

Англичан не любят, как всем известно, нигде, что определилось их политикой всего прошлого столетия, но, во-первых, политика эта явно изменяется за последнее время, во-вторых, как бы то ни было, это передовой народ во всех отношениях и, в-третьих, точно для них и составлено латинское изречение: «Senatores boni viri, senatus autem mala bestia» («Сенаторы — мужи добрые, сенат же — злобный

зверь»), — потому что всякий могший, как я сам, или могущий узнать англичан поближе невольно и непременно признает в их большинстве людей не только спокойно-рассудительных и честнейших, но и добродушных, прямых и благожелательных, а потому поймет, что бывшая английская политика не отвечает духу большинства современного английского народа.

Личные мои симпатии к англичанам, определившиеся опытным путем, о котором когда-нибудь предполагаю написать, не увлекают меня до забвения всего того, что препятствует скорому союзу России с Англией, и хотя я верю в то, что он осуществится в недалеком будущем, но говорить мне желательно не на тему европейских и вообще западных возможных и желательных наших союзов, а о настоятельности теснейшего союза России с Китаем. Для меня все настоящее и все предстоящее, даже все прошлое говорит в пользу такого союза; не знаешь даже, с чего и начать, но так как настоящее виднее, то им и воспользуюсь прежде всего.

В Китае 430 млн жителей, т. е. около четверти населения всей Земли и больше, чем у какой-либо иной державы, примерно в три раза более, чем в России. Граница России с Китаем длиннее, чем какая бы то ни была иная сухопутная грань двух государств. Россия — самая сильная из соседних Китаю стран. Китай и Россия в оконченной Японской войне честно соблюли, сколько было возможно, давнюю дружбу, договорами закрепленную. У русского народа нет и тени того высокомерного отношения, с каким к китайцам относится большинство других европейцев, и китайцы, сколько пришлось узнать, когда различают «варваров», с русским дружат больше, чем с иным народом. Это потому, конечно, что русские по природе уживчивы, миролюбивы и благожелательны, как сами китайцы. Это все уже крупные задатки в деле союза, но прошлое и особенно неизбежное будущее содержит еще крупнейшие.

В прошлом между Россией и Китаем дружба господствовала даже больше, чем между Россией и Германией, и если за услуги 1859 г. Китай отдал России берег Амура, то это наверстано с лихвой благодушным возвратом Кульджи, а о чем-либо подобном войне между Россией и Китаем не было и помину. Было бы, конечно, еще лучше, если бы за Симоносекский мир Россия не заняла условным образом часть Маньчжурии и тем не вызвала невольной горечи у китайцев, так как за русским занятием Квантуна последовали английское и германское.

Но и это дело, составляющее очевидную ошибку русской политики, теперь благодаря разуму Портсмутского договора по возможности поправлено не без явных потерь, жертв и усилий русских и с явными выгодами для китайской целости, так что и этот неудачный инцидент прошлого надо считать законченным, и у мудрых китайцев должно существовать ясное сознание того, что без содействия России Китаю не уцелеть бы в его современном положении, а также и того, что в близком будущем без помощи России или без опоры на союз с ней Китаю многое грозит, в союзе же все это может быть обеспечено в большей мере, чем без него.

Но если в предстоящем у Китая есть поводы ожидать пользы от союза с Россией, то у нас они и подавно есть, и на первом плане стоит пресловутая «желтая опасность». Хотя по миролюбию, тысячелетием воспитанному Китаем, мне кажутся невозможными события, предсказываемые покойным моим другом В. С. Соловьевым в его прекрасном произведении «Три разговора», тем не менее я склоняюсь к тому, что «желтая опасность» временно выплыть может, толкаемая японцами, а выполняемая преимущественно китайцами. А Россия тут первая, и пусть та опасность будет только преходящим взрывом, все же мы первые должны принять всю его силу, и, чем теснее будет

наш союз с Китаем, тем менее вероятности в торжестве японского задора.

Со временем и японцы, конечно, угомонятся, но это будет едва ли скоро, а ближайшее время и будет, наверно, самым критическим для Китая, потому что Китай уже волей или неволей просыпается, свою новую подготовку начинает, свое войско организует. Япония пошла на уступки Портсмутского мира, без сомнения, не почему-либо иному, как потому, что победы достались ей недешево и в числе их потеря около сотни тысяч воинов; Китаю же и миллионная потеря нипочем, если он должен во что бы то ни стало выселять от себя массы избытка рабочих, на всякое дело способных. Физически китайцы более сильны и выносливы, чем японцы, духовно более самостоятельны и покорны и, если бы мудростью не были проникнуты, были бы превосходными воинами, какими их и хотят сделать японцы в своем увлечении нерасположением к «белым расам».

Науськивать против нас китайцев не преминут, вероятно, и кое-какие другие народы, особенно если договорами обяжутся кое в чем помочь китайцам, денежки достанут. Будет хорошо, если мы успеем предупредить и тотчас к обоюдной выгоде новым разумным договором упрочим союз с Китаем.

Если всегда подражательная Япония лет в 20–30 доросла до той силы, которую выказала в войнах с Китаем и с нами, то всегда бывший оригинально самостоятельным Китай может вырасти еще более сильно, и нам это будет тем более пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени. Китайцы и русские миролюбивы, семейственны, покладисты, выносливы, монархичны и к ученью склонны. У русских есть то преимущество, что они раньше китайцев прорубили окно в Европу, а у китайцев то, что они раньше и тверже всех народов стали следовать

за мудрецами, проповедовавшими великое влияние добрых нравов, не заразившись никакой слащавостью, а потому твердо, даже до жестокости встречая зло и борясь с ним.

Когда Китай братски войдет в общую семью народов, тогда только догадаются по очевидности, какой мудрый и добрый реализм этого народа дал ему возможность размножиться до тесноты, нигде не встречающейся. Да, китайцы правда жестоки, но только там, где они видят зло, и хотя в «непротивлении злу» слышна гуманность, но еще неизвестно, можно ли зло извести гуманностью, если признать, что оно не выводится жестокими карами. Признаюсь, что согласен с китайцами, думающими, что зло имеет неистребимое и вечное существование, к размножению способно, и полагаю, что вход китайцев в мировой союз поможет господству добра больше, чем «непротивление злу», а миру больше, чем союзы двойственные или тройственные, именно потому, что китайцы многочисленнее, миролюбивее и морально мудрее всех других народов, а это говорит немало и без слащавости.

Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, что в нем было бы более трети всех людей и он не мог бы быть иным, как чисто мирным и охранительным, тем более что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли. Думаю, что, служа в некотором смысле противовесом англо-японскому союзу, русско-китайский не только послужит не менее первого делу мира в Азии, но и повлияет на положение обоих союзников в Европе, особенно при вероятности доброго к нему отношения Франции и даже Германии. Только тут надо спешить, а то будет, пожалуй, поздно в разных смыслах.

Говоря о союзах, нельзя не упомянуть о том, что принципиальными нашими союзниками были и останутся южные и западные славяне, но в реальных отношениях охраны и мира союз этот ныне так малозначащ, что над ним при желании краткости изложения нельзя особо останавливаться, хотя забывать и не следует.

Как бы люди ни желали век вечный жить в добром согласии и какие бы союзы государства ни заключали, все же впереди, т. е. в близком к нам времени, или, точнее, в XX в., войн все же избежать нельзя, и, если правительства будут мирить, народы не прекратят воевать и требовать войн. Достаточно читать то, что пишется про отношение армян к татарам и вообще магометанам во многих областях, где эти народности соприкасаются с другими исповеданиями. Нас, очевидно, горсть армян надеется поссорить с магометанами, ведь люди-то деловитые.

Внутренние же нелады легко способны превращаться в войны внешние, чему многие примеры дает вся история последних времен. Быть готовым к войне надо и при союзах самых надежнейших. Нападение нравственно оправдывает охранительные военные действия. Нельзя, однако, отрицать и того, что наступательная война нередко внушается добрыми чувствами, что отлично выставлено в «Трех разговорах» В. Соловьевым. В прошлом, глядя пессимистически, было много войн, вызванных причинами, не находящими надлежащих нравственных оправданий: таковы религиозные войны и все династические, относя к ним, например, и наполеоновские, и нашу Венгерскую кампанию.

Высокие, идеальные побуждения, начиная с религиозных, какими частью оправдываются войны с исстари и до сих пор, ничего общего с войной не имеют, потому что так или иначе преследуют всегда общее и положительное добро, а все, чего может достичь война как суд или поеди-

нок, сводится к отрицанию или запрещению да уступке земель и денег. Глядя с возможно оптимистической точки зрения, прошлые войны, даже чисто завоевательно-истребительные, вроде отнятия от негров или индейцев их земель европейцами, велись преимущественно ради целей истории — развить на земле условия для возможности наибольшего размножения человечества и обладания соответственными для того средствами. Этим оправдывается преимущественно колониальная политика. Судить тут будут только будущие судьбы народов, а нам для настоящего времени не следует исходить из чего-либо иного, кроме того, что дано действительностью.

В отношении к самой России нельзя упускать из виду, что ее громадная величина получилась исключительно благодаря стечению обстоятельств, окружавших сравнительно небольшой сознательный союз центральных русских людей. Завоевателей у нас не было ни одного, и завоевательных стремлений у нас не было и нет, да и быть по всему духу народному не может. Пришлось нам со всех-таки сторон только защищаться, а при защите нередко занимать места, из которых наши теснители сами вытеснялись. Нечего вспоминать тут половцев или татар, а достаточно указать на остзейцев, шведов, кавказцев, киргизов, крымцев и среднеазиатов. Огромные края Малороссии, Грузии и Сибири сами пристали к нам, поняв будущую силу России и невозможность держаться самостоятельно. Литва и Польша за свои многочисленные напоры на нашу страну поплатились покорением и разделом, потому что русский реализм выше и крепче их от латинщины навеянных начал.

Войн России пришлось в прошлом вести множество, но большинство их носило характер чисто оборонительный, и мое мнение скажется ясно, если выражу уверенность в том, что, несмотря ни на какие мирные наши

усилия, впереди России предстоит еще много оборонительных войн, если Россия не оградится сильнейшим войском в такой мере, чтобы боязно было затевать с ней военную распрю в надежде отхватить от нее часть ее территории.

Что завоевательных войн Россия сама не затеет, в том уверены не только все мы, русские, но и все сколько-либо знающие Россию, которой у себя дома дел кучища, начиная с необходимости продолжить усиленно размножаться; но поползновения на нас самих, на наши земли и народы, на нашу целость и силу с татарами, поляками и Наполеонами не умерли, а развиваются и при стечении обстоятельств (их-то и должна дипломатия проследить) могут, если мы не будем сильны в военном смысле, дорасти до войны против нас, подобной натиску Наполеона, и в этом смысле кроме полного соглашения с Китаем союз с Англией при посредстве Франции был бы сильным предохранителем. Делить нам с Англией нечего. Поход в Индию — бессмысленный в прошлом — просто нелеп для нас в будущем, а соглашение, особенно при полном открытии Дарданелл, не только возможно, но и очень желательно. Возможно же оно только тогда, когда мы в военном отношении будем готовы вполне, иначе с нами в союз не вступят.

Военная наша оборона, очевидно, была и быть должна преимущественно сухопутной, а морской быть ей следует, по моему мнению, сильной ныне только в Черном море и на берегах Восточного океана. Что бы кто ни говорил, все же в настоящее, а тем более в предстоящее время перевес нельзя получить одним воспитанием духа воинов, как в былые времена, и не столько ружья, сколько пушки и мины в этом деле должны занимать одно из первых мест.

Это последнее дело мне знакомо близко, и я с полной уверенностью говорю, что начинать заботы об улучшениях

в обороне следует с пороха и вообще взрывчатых веществ. Как во всем другом, надо совершенно бросить и тут систему подражаний и пойти самостоятельно. Теперь дело это стало чисто научным, тут можно и должно идти путем опытов, руководимых теорией, и коли мне при первом приступе к делу удалось уже найти кое-что существенно новое, то я уверен в том, что русские специалисты могут в деле взрывчатых веществ идти сами еще много дальше вперед.

А за порохами следом (не наоборот, как делают теперь) должны идти пушки и минные приспособления. Тут все еще надо много и много разрабатывать, и своих сил найдется немало, хоть и не вдруг. Надо при этом, а особенно при заказе пушек и мин свое иметь прежде всего в виду.

Спешка, которой обыкновенно оправдываются иностранные заказы, — только отговорка, нередко пристрастная и связанная со злыми личными интересами. С этим надо так и сяк покончить, т. е. дать и место, и соответственные вознаграждения русским изобретателям[64] и русским производителям, потому что из-за границы мы все же получаем лишь поскребки и полное военное обеспечение возможно только с обзаводством дела всем необходимым.

Так, ничего не жалея, надо тотчас же приступать на берегах Тихого океана к своему военному судостроению, к получению своей местной стали, своих пушек, своего каменного угля. Что-либо лишнее, что придется при этом истратить, останется дома, крупные доли выпадут своим же техникам, рабочим, изобретателям и предпринимателям, а это послужит только к развитию края[65].

Государственная дума не выполнит своей задачи, если не выскажется в этих делах категорически, потому что жизненнее и абсолютнее дел этого рода найти трудно.

Если замирение с Японией по воле царя и по благороднейшему искусству С. Ю. Витте обошлось без экстренных денежных уплат Японии и без каких-либо ограничений в развитии наших сил на берегах Тихого океана, тем больше поводов, ничего не жалея, быстро на этих берегах создать новые русские силы, а они без промышленной поддержки развиться не могут, начало же ей проще и всего естественнее положить, развивая на месте все необходимое для усиления обороны.

На этом кончу свои заметки по делу обороны, потому что они для «блага народного» дело неизбежное, а быть не может без затраты сил и средств народных, они же, по существу, дела должны служить исходным ресурсом народному труду и развитию благосостояния своей же страны. Так связуются разные стороны дела, и необходимость этой связи столько же очевидна, как невозможность основать оборону страны на войске наемном.

V. Народное просвещение, понимаемое в обычном смысле, т. е. как обучение юношества тому, что может быть так или иначе полезным в предстоящей жизни, связано с общественной и правительственной деятельностью повсюду там, где оно вышло из пеленок и стало действительной более или менее широкой общественной потребностью.

Понятие о свободе со многими своими условностями выясняется, когда представить свободу народного просвещения от какого-либо отношения к правительству, как то было когда-то, в оные времена и как это не будет уже никогда, как бы «свобода», понимаемая в нашем условном смысле, ни развивалась.

Отношение правительства к народному просвещению вовсе не составляет чего-либо подобного простой благотворительности, а определяется вначале потребностью иметь в администрации подготовленных служащих,

а потом сознанием великого влияния должным образом направленного просвещения на все успехи страны, для службы которым (т. е. «благу народному») правительство и начинает сознавать себя назначенным.

Переход от первоначального отношения к последующему у нас только что недавно начался, и этим одним немало выясняются многие стороны всего нашего учебного строя, например служебные права окончивших определенные курсы, административные экзамены, казенные стипендии, сословные преимущества при приеме и т. п. Тут должно ясно сознавать, что без учебных заведений, приспособленных к административным специальностям, обходиться еще нигде не могут, так как иначе пострадала бы исполнительность, а потому у нас нечего пока и думать о коренном преобразовании таких заведений, каковы, например, военные корпуса и семинарии.

Для современного образования кроме военных и духовных академий надо даже желать умножения специализированных высших школ, назначаемых для служебных целей, особенно педагогических, потому что служебная карьера учителей и профессоров неказиста и к ней надо много подготовлять и много привлекать народу заранее, чтобы можно было из них выбирать лучших. Но об этом предмете я уже более подробно говорил в VII главе, а потому теперь считаю долгом громко взывать о том, что между многими настоятельнейшими современными нуждами России не должно, прежде всего, забыть необходимости специальных педагогических институтов, и если примера ради сопоставить такие две надобности, как увеличение окладов учителей и устройство педагогических институтов, то, ни минуты не сомневаясь, должно второе предпочесть первому.

Если средств народных не хватает сразу на все необходимое, эти педагогические институты надо по времени

предпочесть даже расширению железнодорожных или улучшению водяных сообщений, устройству новых судебных и т. п. учреждений, даже основанию каких-либо иных лечебных заведений — низших, средних или высших, потому что правильное, а особенно исправленное по содержанию и направлению обучение юношества без массы хорошо подготовленных наставников может быть злом непоправимым и, что всего хуже, самообманом, ведущим к гибели, так как без света истинного просвещения мы попадем, того гляди, в южноамериканское положение, оттого только уживающееся со своими пронунсиаментами, что они не окружены близкими более подготовленными соседями, а природные условия для жизни даны им в таком изобилии, что знай да бери готовенькое без усилий.

Отдав в деле народного просвещения все должное такому переходному состоянию, в каком теперь находится Россия, т. е. сохраняя, даже расширяя специальную подготовку для чисто служебно-административной деятельности, Россия дожила до того состояния, в котором народное просвещение стало необходимым не только для сельских хозяев всех степеней, купцов и промышленников, но и для всех жителей, ничуть неприкосновенных к администрации. Не потому только это нужно, что так это есть у наших соседей, с которыми нам необходимо равняться, если желаем сохраниться, а потому по преимуществу, что нужды народные во всех его классах явно растут уже просто от умножения числа жителей, а усиленное удовлетворение этих нужд немыслимо ныне без приложения истинной образованности.

Пусть даже прав гр. Л. Н. Толстой, что все дело в улучшении нравов или морали личной, но ведь эти предметы надо выбирать из многих предлагаемых, а выбор правильным быть не может без должной оценки предлагаемого,

так как рядом стоят одни, говорящие, что надо бить, другие, говорящие, что надо шею морали ради подставлять; одни советуют: «Не учись, так будет лучше», — другие: «Учись, это всего нужнее». Надобен светильник личного просвещения, чтобы разобраться, что черно и что бело. А когда дело-то доходит до хлеба, до необходимости прокормить не одного себя, но и близких со стариками и детьми включительно, да вспомнится долгая зима, да узнается, что для получения работы, дающей достаточный хлеб, везде уже требуется учебная подготовка, становящаяся потребною даже при добыче самого хлеба в таком количестве, которое сколько-нибудь покрывает затрату времени, средств и сил, тогда о сколько-либо прочном обеспечении, в огромном большинстве современных положений выступающем, нельзя и помышлять помимо долгого предварительного обучения.

Оно становится прямой хлебной потребностью жизни, способом ее развития и роста. Без правительственной помощи обойтись тут, очевидно, нельзя, и заботы о просвещении составляют честь, даже гордость правительств, потому что выступают свободнейшим образом из-за побуждений «общего блага». Нельзя и думать, что, когда совокупный разум народных выборных более или менее заменит волю единоличных правителей, в одном деле народного просвещения, говоря вообще, улучшений существенных не произойдет, тем более что тут все возможно, улучшение ли или ухудшение, и они не могут делаться иначе как медленно, постепеновски.

В этом последнем и видна величайшая трудность той правительственной функции, о которой теперь говорится. Зло, введенное в наше народное просвещение покойным графом Д. А. Толстым, сперва вовсе и не могло быть заметным, а та «свобода преподавания», о которой так много трубили тогда приспешники Толстого, давала

облик, каким обманывали и обманут еще не раз много, много народа, хотя соблазняла лишь немногих из нас, тогдашних деятелей, огульно и голословно обвинявшихся графом в смешении науки и ученья с политикой. Выдумал и провел граф Д. А. Толстой такие приемы и меры, которыми, по его разуму, должно было искорениться воображаемое зло. Десятки лет, протекшие с тех пор, приносят теперь плоды, и между ними на первом месте стало именно то, что воображали искоренить, т. е. плачевное смешение науки и обучения с политиканством.

Да и как этому следствию было не явиться, когда корнем просвещения стали считать латинское резонерство и аттестаты «зрелости» и «благонадежности». Говорю об этом не для того, чтобы вновь поднимать устаревшее разноречие, а лишь для того, чтобы внушить мысль смотреть на просвещение народа только со стороны передачи юношеству знаний, необходимых и полезных в жизни страны, оставив всякие иные, так сказать, косвенные задачи совершенно в стороне.

Внушили юношам, во-первых, понятие о том, что «зрелость» достигается латинскими упражнениями да решением простеньких задач, а во-вторых, что все дело учения сводится к политической благонадежности, вот и стали «зрелые», конечно, не все, а все же в массах усматривать и обличать «неблагонадежность» и полагать, что мир на латинской точке отправления застрял.

Не окунувшись в жизнь, не узнав еще ничего специального, что к ней приближает, не искусившись при помощи опыта в оценке достоинства идей, воспитанное по гр. Д. А. Толстому юношество, в сущности, стало говорить: «Не хочу учиться, а хочу политиканить», — как говорило когда-то: «Не хочу учиться, а хочу жениться».

Поправка (но она может быть в деле просвещения не иной как медленной) тут, по мне, одна: в деле народного

просвещения иметь в виду исключительно только одно просвещение юношества, т. е. сообщение ему добытых наукой (изучением или сочетанием разума с опытом) приемов, или способов, и выводов, или истин, могущих облегчить пути жизни. Нравственность придет сама собой, если наука поставится выше всего и для этого учителя будут подбираться не по «благонадежности», а исключительно по научному цензу, потому что между истинной наукой и моралью, как между истинной наукой и жизнью, есть связь живая и крепчайшая.

А узнать науку истинную, т. е. отличить ее от лживых наук, или — так как собирательно лживых наук не может быть надолго — от ложных учений, могут только действительно люди современной действительной науки, какие, благодаря тому, что система гр. Д. А. Толстого действует сравнительно недолго, все же есть в России, а если почему-либо их и не станет, то таких, как Лейбница, Эйлера и Палласа, можно «на время» пригласить и из других стран, все же будет лучше, чем отдать все дело в руки канцелярий или газет. Пусть главный администратор или министр народного просвещения будет и не из ученых, ему и книги в руки, но его суждения относительно научности или ненаучности должны быть целиком основаны на приговоре научных советников, иначе опять легко попасть мимо, как это блистательно доказал дилетант от науки гр. Д. А. Толстой.

В этом главное, что хотелось сказать сверх того, о чем говорил в главах VI и VII по отношению к народному просвещению. Сколь возможно полнейшая автономия не только может, но и должна вести все дело народного просвещения к благим для народа результатам лишь при условии как сверху, так и снизу не подмешивать к чистой науке ни внешней, ни внутренней политики. Науки с жизнью связаны очень тесно на все предбудущие времена.

Пусть это относится к самой науке, да к ученью-то у политиканства нет отношений, а тем паче к учащимся. Политика — дело текущей жизни, и в ней могут иметь голос только выдержавшие ценз действительной жизненной зрелости. Ну, пусть их, если есть на то охота, политиканствуют профессора на стороне от учебного дела, но к учебному-то делу, к автономии его касательства никакого нет; ученикам же просто грех политиканствовать, потому что надо сперва поучиться да жизни попробовать. Путаница здесь и вредит, и с толку сбивает.

VI. Промышленность в истинном, или широком, смысле слова (см. главу VIII, т. е. производство, добыча, переделка и доставка всего того, что физически надобно, полезно или спрашивается другими людьми) занимает все более и более народы, вышедшие из первобытных состояний, в которых все немногое необходимое люди стараются добыть и произвести сами или около себя, в домашнем обиходе, подобно тому, например, как обыкновенно у нас варят дома варенье из собственных в своем саду ягод.

Мало-помалу и Россия, особенно же быстро после освобождения крестьян, входит в тот разряд стран, в котором промышленные отношения становятся на первом месте и во главу «блага народного», начиная с торговли, с добычи хлеба не для себя только, а для продажи, с перевозки, с горного дела и всяких ремесленных и фабрично-заводских дел.

Но как мы далеки еще от среднего уровня тех стран, с которыми хотим и, наверное, можем равняться, становится видным уже из того, что вся сумма ценности нашего фабрично-заводского производства едва ли превосходит в год 3 млрд руб., что дает на жителя в среднем менее чем по 25 руб. в год, а в С.-А. С. Штатах те производства дают товаров более чем 25 млрд руб., что отвечает в среднем на жителя более чем по 330 рублей. До заработков испанских

или итальянских, потом до немецких, французских и английских, а тем паче до американских нам очень далеко — по цифрам, а не по времени, которое можно сильно сократить при согласном и решительно-благоразумном действии не только правительства, но и нас всех, всех от политиканов и газетчиков до учеников и ученых, даже до литераторов и аристократов.

Возможность народу быстро богатеть природой нашей нам дана, только в обиходе нашем не имеется по сих пор основных условий, для того необходимых, более же всего самодеятельного трудолюбия, решительной предприимчивости и ясного понимания современного положения экономических обстоятельств, допускающих быстрое увеличение общего среднего достатка. Раньше, чем идти дальше, нельзя оставить без объяснения три указанных условия.

Даже допустив, что из 140 млн жителей России 100 млн живут земледелием и промыслами, с ним связанными (охотой, перевозкой по грунтовым дорогам и т. п.), все же не следует из этого выводить, как то обыкновенно делается, что для обеспеченности увеличения общего достатка народного необходимо иметь в виду исключительно земледельческую деятельность России, тем более что и земель-то много, и урожаи-то можно и должно увеличить. С двумя последними утверждениями согласен вполне, но с исключительностью, даже смягченной до преимущественности, нисколько не согласен и даже утверждаю, что тут кроется великое заблуждение или печальное отсутствие ясного понимания современности.

У нас при наших нравах, несмотря на полную для всех очевидность утверждаемого, все же необходимо назвать обвиняемых, потому что на всякое общественное явление мы привыкли смотреть как на особый вид судьбища, при котором обвиняемые должны быть налицо, а мы-де

присяжные судьи. Хоть мой взгляд совершенно иной, судьи или прокурора из себя я изобразить и не думаю, но покорюсь и выставлю требуемых виновных, только не поименно — места для того недостанет, — а нарицательно: это большинство помещиков и литераторов.

Первые хоть за свое стоят, а свое добро защищать ведь, не правда ли, законно и разумно. Вторые же либо пропитаны началами первых, из которых и вышли, либо живут еще когда-то передовыми началами XVIII в., либо относятся к числу ретуширующих фотографов, т. е. пишут с неприглядной натуры, только стараясь быть ей верными, не зная никаких задач повыше простой точности типического образа, в который и не желают вкладывать предвидения, столь возвышающего образ Дон Кихота. Этих главных виновных я ничуть не хочу осудить, потому что они плод нашей истории, наша общая плоть и кровь. Хочу только сказать, что они не понимали и доныне не понимают того начально-служебного зависимого положения, которое занимает все земледельческое и сельскохозяйственное в кругу тех многочисленных промышленных дел современности, на которых основывается предстоящее, даже нынешнее среднее народное богатство, определяющее не только возможность успешно обороняться и прочно просвещаться, но и обзавестись хорошими законодателями, администраторами и судьями, так как на все это надо уделять много средств, а у бедняков все это поневоле бедновато.

Они не разумеют того, что на одном росте земледелия невозможно богатеть такому многолюдству, какое наше, потому что, вообразив все возможное достигнутым, получим такой избыток хлеба, что его цены, а потому и общие достатки упадут до полного отчаяния тех, кто над ними трудится.

Они не разумеют и того, что сельское хозяйство, совершенствуясь во всех своих частях, начиная с механиче-

ских молотилок, требует все меньших и меньших рук, а в наших широтах даже при полном и желанном развитии скотоводства не может ни под каким видом дать достаточные заработки в зимнее время, а достатки могут расти не иначе как с умножением общего количества труда. Вся предлагаемая книга для того, между прочим, и писана, чтобы увеличить существующую у нас меру понимания условий для возможности увеличения средних народных достатков и для показания того, что на одном сельском хозяйстве, даже при его преобладании, этого желаемого и необходимейшего увеличения среднего народного достатка достичь невозможно. Недостаточность понимания тут очевидна не только по цифрам III и IV глав, но и по многому другому, содержащемуся в моих «Заветных мыслях».

Конечно, от недостатка в понимании зависит и недостаток промышленной предприимчивости, несомненно, у нас существующей. Да, надо немало решимости, чтобы затеять у нас какое-либо промышленное предприятие, чтобы принять в нем участие, даже чтоб ясно встать за него, потому что прикосновение к промышленности обозвано «кулачеством» и «эксплуатацией» и ничему, кроме огульного осуждения в разговорах интеллигентных кругов и в печатном слове, взятом в преобладающем большинстве, не подвергается. Оттого наибольшая предприимчивость помимо завещанной от родителей является у нас преимущественно в кругах, удаленных от начал нашей преимущественно помещичьей интеллигенции, а ее участники такими делами заниматься ничуть не охочи. Тут, без сомнения, немало пережитков того отношения, которое законы и особенно администрация приняли у нас в распределении занятий жителей, глядя на все виды промышленности совершенно иначе, чем на сельское хозяйство, а тем паче на службу в правительственных учреждениях. В гоголевском «Ревизоре» это оттенено словами «аршинники,

протоканальи». Закон для промышленников образовал сословие купцов и мещан, а права их мало чем отличил от крестьянских, много умалив по сравнению с дворянством, по существу служилым. Для этого последнего о какой-либо, кроме сельскохозяйственной, промышленной предприимчивости не могло быть и мысли, потому что в ней порода ничего не давала и не даст, а нельзя же было не использовать того, что предоставляется законом.

Отсюда ведет свое начало общее стремление занять служебное положение, предоставляющее прежде всего обеспеченность без каких-либо задатков предприимчивости, без следа внутреннего стремления к способам увеличения народного благосостояния, а только с требованиями личными, без каких-либо обязанностей, кроме «страха и совести», даже до забвения прямых общегосударственных интересов, «страха и совести» ничуть не касающихся[66].

Вся наша «интеллигенция», вначале исключительно из дворян и служилых людей состоявшая, в эту сторону и пошла, тем более что даже обязанность служить или заниматься сельским хозяйством была снята.

Изменить тут надо многое, начиная с деления сословий до устава о службе гражданской, но я не приглашаю менять резко не по одному тому, что постепеновство во всем предпочитаю, но особенно потому, что, прежде всего всемерно содействуя развитию промышленной предприимчивости, вначале необходимо дать много мест или промышленных заработков постоянно прибывающей интеллигенции, иначе из огня будет в «полымя». Без подготовки учением и изучением, без риска и решительности, как и без особых и явных выгод, даже и снабженная капиталами, промышленная (да и никакая иная) предприимчивость не может быть прочной и плодотворной, увеличивающей средние народные достатки.

О капиталах много заботиться не следует, они придут сами туда, где выгоды предвидятся, а они для России с ее

едва затронутыми природными богатствами нуждаются только в законодательном «покровительстве» (глава VIII) да в расширении иностранного сбыта (глава III), который без широкой предприимчивости, конечно, успешным быть не может.

Чтобы сделать это последнее утверждение не голословным, приведу лишь один случай (а таких много) из моей практики в качестве участника в экспертизе на Парижских всемирных выставках 1867 и 1900 гг. Он касается самых обычных у нас карамелек — ландрина. Они на выставках были в том самом виде, в каком по 30 коп. за фунт продаются в каждой у нас лавочке, и эксперты-иностранцы, присуждая за них высшие награды, заверяли, что громадный массовый сбыт товарам такого качества (и цены) обеспечен во всем мире. Если переделанный у нас каучук (резина) давно находит на миллионы рублей ежегодный сбыт за границей, то уже никак нельзя сомневаться в том, что разумно поведенная торговля изделиями, подобными карамелькам, где все свое и где возврат акциза с сахара при вывозе может сильно сбавить цену, должна становиться выгодной не тому одному, кто поведет эту заграничную торговлю, но и всем тем прибывающим при увеличении сбыта рабочим, домовладельцам и землевладельцам, приказчикам и всякого рода техникам, которые не прямо, а косвенно, однако жизненно заинтересованы в этой промышленной предприимчивости.

Выбранный пример, согласен, не крупен, но все же покрупнее большинства французских предметов внешнего сбыта, а из суммы малых состоят всякие большие величины. Надо же помнить, что еще в 70-х годах Россия ввозила керосин, а давно уже его вывозит на десятки миллионов рублей, что тут, как и во многом другом, рядом с возбудительными мерами наделана кучища ошибок[67], которые немало повлияли на уменьшение результата, и в числе тех

ошибок важнейшие относятся к недостаточности частной нашей предприимчивости и к великому пристрастию наших законодателей и администраторов до «казенного интереса» минуты, забывая общие интересы «блага народного», не могущего осуществляться помимо развития промышленной предприимчивости.

Мне на моем веку пришлось кроме нефтяного дела особо много вникать в железное, каменноугольное и химическое наши производства, вникать в живом деле, начиная с азов, т. е. с природного сырья, до концов, т. е. до возможности развития иностранного сбыта и с ним тесно связанных цен. Общий вывод везде был тот же самый: мы можем, коли хорошо сумеем да хорошо захотим, довести стоимость до такой низкой, какой нигде в мире, где ни бывал, а изъездил я много, достичь нельзя, стоит только умножить добычу, производство и торговую оборотливость, которая сумеет избытки втиснуть в тесноту умножающегося всемирного спроса.

В том, что сталось с нефтяным нашим делом, мировой рост которого я предвидел в 60-х годах, видно, что это не одни «профессорские мечтания», а есть тут и основания твердые, из живой русской природы взятые, для чего желающие найдут немало доказательств по отношению к железному делу в моей книге «Уральская железная промышленность» (1900 года).

А тем, кто мне скажет, что предприимчивость не умножается и не рождается в стране, лишенной известной суммы гражданских прав, отвечу, во-первых, что я стою за развитие этих прав только в постепеновском стиле, во-вторых, что гражданских прав для развития предприимчивости давно и теперь есть в России довольно, коли предприимчивость давно успела ввоз ну хоть сахара и керосина довести до вывоза, в-третьих, что только с развитием промышленной предприимчивости народный

достаток может прибывать, а потому все прочее не столь существенно сравнительно с этим и должно быть сию-то минуту поставлено на вторую очередь при каком-либо желании пособить «благу народному» и, в-четвертых, что бы кто ни говорил, все же сравнение цифр общего среднего достатка в 40 рублей для России с 450 рублями для С.-А. С. Штатов иначе не может определяться и поправляться как ростом промышленной предприимчивости, что ею определились и все виды «свобод» во всем мире и что она не может расти как ей должно, пока «дворянские» наши привычки не перестанут выставлять ее в гадком виде да влечь нашу интеллигенцию к политиканству, как влекли до сих пор к казенной службе. Промышленная предприимчивость тем и взяла в мире верх, что, служа эгоизму (только не всегда и не везде), в то же время служит и благу общему, да не в каких-либо отдаленных абстрактах, а в реальных цифрах средних заработков. Вникните только в числа, собранные в главе IV.

Пусть промышленная предприимчивость сложна и условна, все же ее начала кроются в чистом трудолюбии, потому что только трудолюбец от добра добра искать станет, так как ни с чем ничего затевать нельзя, а в промышленность предпринимаемую надо вложить добро нажитое и много рисковать. А у нас и поговорка такая готова, что «от добра добра не ищут», которая беспечность оправдывает в корне, и сенсацию такую уж Третьяковский сочинил: «Блажен, кто малым доволен», — а кое-кто чуть не в догмат возвел. Конечно, мнения — вольное дело, но действительность идет по пути, на котором от добра ищут еще большего, да без конца. Причина этой кажущейся ненасытности кроется в том, что на свете нет и не будет равенства (а быть-то оно бывало, как есть, хоть и несовершенное, у животных), да в том, что основой неравенства в человечестве давно стал, в сущности, труд, хотя

есть еще много переживших время остатков старой неправды, труд считающей злом.

Знаю, что останусь непонятым, но от уяснения отрицаюсь, потому что тома да утопии при этом неизбежны, а мне хочется остаться кратким и реалистом, хотя и желательно закрепить на бумаге мысли, в голове засевшие. Простая, чисто реальная наблюдательность привела меня к тому, чтобы видеть у нас, особенно же у нашей современной интеллигенции, не только нелюбовь к труду, т. е. стремление к ничегонеделанью, но и своего рода презрению к труду. Перечислять и доказывать противно, но не сознавать и того гаже. Дикарь, как зверь, хоть про себя работать должен по инстинкту самосохранения, а про труд, т. е. работу на спрос других, не слыхивал.

А все-то «благо народное», как и все достатки современности, определяется только суммой трудов, и проще или нагляднее всего это выражается в том, что ценность уже главной массы потребного определяется исключительно количеством затраченного труда, чего опять я не желаю здесь доказывать, так как желающие найдут доказательства не у меня одного. Напомнив опять, что я пишу не трактат, а только изложение своих заветных мыслей, годами накопившихся от наблюдений и размышлений, скажу для ясности, что, по мне, не только нет без явно усиленного трудолюбия ни талантов, ни гениев, но что без него никакие улучшения правительственного строя и никакие права и обязанности, законом закрепляемые, ничего сделать для приведения России к уровню Запада не в силах.

Затем скажу, что к трудолюбию привести может только школа, в которой наука (а отнюдь не что-либо подобное простому «развитию», а тем паче политиканству) стоит на должной высоте, и учащиеся трудолюбием действительно и явно для учащихся проникнуты, а в высших школах

прилагают это трудолюбие ни к чему иному, как к науке. Нетрудящиеся ученики — чистая бессмыслица, а не привыкшие к постоянному труду учителя не могут быть подходящими. Наконец, скажу еще, что успехи разных отраслей промышленности в корне определяются исключительно трудолюбием, и тем более чем они дальше от простой первичности и механической работы.

В конечном выводе, как предшествующие соображения, так и вся моя эта книга сводятся к тому, чтобы убедить в необходимости широкого роста русской промышленности, если есть мысль о «благе народном» и желание довести нашу страну до уровня более высокого, чем современный. Дело это общее для всех нас, и только чрез это посредство оно входит, и войти может в круг дел правительственных. Интеллигентные забастовки, уличные беспорядки и всякие виды и формы занятного, но бесполезного времяпровождения, понятного только как отдых, тут ни на волос не помогут, а только того гляди составят своего рода отклонение от единственного правильного пути, по которому нам идти следует, потому что, как ни важно моральное развитие личности, все же надо кормиться, и внешним образом жить, и вперед идти, без чего и мораль не предохранит от опускания.

Мировая трагедия на том и основана, что духовное, внутреннее и личное не существуют сами по себе, без материального, внешнего и общественного и сими последними в такой же мере определяются, как и обратно, с тем явным ограничением, что материально-внешнее, что бы ни говорили Платоны и всякие иные мудрецы, возникает раньше, начальнее и назойливее духовно-внутреннего (даже личное «Я» немыслимо без общения, начинаемого различием полов и стадностью)[68], а потому и удовлетворяемо должно быть первее всего. В войнах это и бросается прежде всего в глаза.

Какая же может быть роль правительства в делах промышленности, по существу определяемых личными побуждениями? По мне, та роль весьма важна и должна состоять в разумном содействии, в предвидении и в прямом материальном участии при добыче капиталов, для промышленности совершенно необходимых.

Объясню последнее примером освобождения крестьян, тем более что в благости этого акта правительства не сомневаются даже архискептики и архипессимисты. Выкуп земель при освобождении крестьян был делом такой исторической справедливости, о которой и говорить не надобно, потому что без земли оставить миллионы людей было просто немыслимо. А для выкупа земли как основного орудия сельскохозяйственной промышленности необходим громадный капитал, а он есть один из плодов труда (не одной работы личной, а труда для других). Предвидя его умножение после освобождения крестьян, правительство дало его своим кредитом и разложило на «выкупные платежи». Если получилось, в конце концов, не столько добрых плодов, сколько вправе было ожидать правительство, то причину тому должно искать никак не в очень нуждающемся крестьянстве, которое, несомненно, труд свой умножило и выкупы платило, а в помещиках, капитал получивших, так как они, взятые в массе, лодырничать не перестали, а, напротив того, лодырничество усилили и доставшиеся капиталы к умножению промышленности не приложили, а просто-напросто прожили, даже перехватили и кругом задолжали.

Тут видно с ясностью, что недостатки большой доли нашей интеллигенции могут поправляться только сызмала, учением, школой. Надо, однако, выяснить не только смысл «добычи капиталов», но и «разумного содействия» и «предвидения» правительства в деле промышленности, чтобы дальнейшее стало понятным и само собой выступило.

Возьму опять примеры из нашего же прошлого. Разумное промышленное содействие оказано было в свое время явнее всего в нефтяном деле, хорошо мне лично известном, для показания чего достаточно только хоть перечислить: прекращение монопольных откупов на бакинскую нефть, продажа нефтяных участков в частные руки с торгов, проведение Закавказской железной дороги, давшей выход избыткам продуктов за границу, и т. п.[69]

Тут и предвидения много, но его еще больше в систематическом, умеренном протекционизме всем видам промышленности, оказанном преимущественно Миротворцем, императором Александром III, наперекор тем фритредерам, каких у нас в администрации и в интеллигенции и посейчас целая уйма и для которых неубедительны факты действительности и примеры, собранные в моем сочинении «Толковый тариф», так как их не убеждает даже и то, что стальные балки, стоившие у нас в 1891 году выше 3 руб. за пуд, чрез 10 лет можно уже было иметь ниже двух рублей с провозом в Петербург, и ни то, что в 1888 году чугуна добыто в России 4 млн пудов, а в 1898 г. 13 $^1/_2$ млн пудов. Быстрота достижения Россией части желаемых результатов в отдельных примерах просто поразительна и убеждает в том, что нива для посева готова, надо только пахать да засевать, а то бурьяном зарастет и обработка будет затруднительнее.

Но что же делать-то надо еще, коли и так есть результаты, да еще поразительные? Ох, делать надо еще очень много, и результаты поразительны лишь относительно или в проценте к давно отжившему, а не в пропорции к богатствам природным и к количеству народа, много болтающегося более всего потому, что дел-то им ближе заработков нет, никто об этом и не думает и все только кивают на одно сельское хозяйство. Для ответа более обстоятельного перечислю то, что считаю тут наиболее

важным для общего движения всей промышленности. Однако и тут всемерно постараюсь быть кратким, чтобы закончить эту и без того чересчур удлинившуюся последнюю главу, публиковать которую заставляют спешить многие из тех немногих, кого занимает течение моих заветных мыслей и их отношение к правительственным мероприятиям.

Прежде всего необходимо переменить и сделать всему свету очевидным угол зрения правительства на все дела промышленные, а то они очень у нас оказенены, как видно даже из того, что сельское хозяйство и горная промышленность соединялись с государственными имуществами, а другие виды промышленности и торговли — с финансами. И в этом не простая случайность, а своя историческая последовательность ясно сказывается, потому что не очень давно добыча металлов была государевой регалией, подобной чеканке монеты, а на промышленность и торговлю смотрели в правительственных сферах исключительно как на объекты обложения.

Взгляды и отношения давно изменились, но пока промышленность не будет совершенно объединена и обособлена в одном или нескольких особых правительственных учреждениях, устарелое отношение нет-нет да и окажется, а народу все будет казаться, что правительство относится к интересам промышленности не иначе как к интересам казначейства. Как заглавие книги, само название учреждений должно быть продумано и отвечать содержимому. Мне кажется, что, сосредоточив дела всех видов промышленности в одном министерстве и назвав его Министерством содействия народной промышленности, выкинули бы такой новый и яркий флаг, что много сердец повеселело бы. Сокращая, можно оставить — «Министерство содействия промышленности» или «Министерство народной промышленности»; все же будет думаться, что тут свежим веет, не новыми поборами, а новой подмогой.

Мне кажется притом, что не следует выделять в особое «Министерство содействие земледелию» — и вообще сельскому хозяйству, чтобы народу стало наконец ясным, что нет у земледелия никаких резких отличий от иных видов промышленности, что все они теперь одинаково нужные кормильцы народные, что все они заботу царскую и общенародную составляют. Конечно, как в историческом, так и в техническом отношениях много есть разности между земледелием, скотоводством, видами охоты, горными делами, заводскими, ремесленными, фабричными, банками, перевозкой, подрядами, издательством, мореходством, торговлей и т. п. видами промышленности, но связей и переходов конца нет, а потому все это связать в одном ведомстве и только внутри его формально подразделять.

Само собой разумеется, что не в названии и не в формальностях подразделений выразится сущность отношения правительства к делу промышленности. Сущность — в заботе и содействии совершенно точно так, как в деле народного просвещения. Связь с земством и дружное ему содействие не в сборе налогов, а в организации снабжения народа земледельческими к всякими иными орудиями труда, в устройстве образцовых хозяйств, в помощи кустарям, в переселении, в снабжении всякими товарами, в сбыте продуктов, в улучшении, а где надо или желательно, и в организации или переделке общинного, артельного и всякого кооперативного хозяйства и в целой уйме подобных дел. Тогда народ поймет скоро, что новое учреждение — друг, а не новая помеха.

А если музеями, начиная с центральных до местных и разъезжающих, подобных тем, какие уже кой в чем начаты, разведками, особенно геологическими и торговыми, издательством практических руководств, где надо лекциями, прямо техническими советами, пособиями в сношениях и целой массой подобных видов помощи

посодействовать всяким видам промышленности, интересующим разные классы жителей, то признание пользы нового учреждения станет возрастать быстро.

Здесь, как и в деле просвещения и как по существу всюду, направление изменений зависит не только от законодательных указаний и постановлений, но очень много от подбора исполнителей. Их надо не только подготовлять, но и разыскивать. Не вся же наша интеллигенция такова, какой показывают себя разные забастовщики, бомбардиры и бойкотиры, есть немало и добрых, и труда не боящихся, а его ищущих, только они молчат и прячутся, в черную толпу крикунов не вмешиваются. Отыскивать их можно, и опыт, проба скоро их выкажут. Дело в закваске, в начале, в руководстве и в средствах, которые будут даны в распоряжение хорошо подобранным руководителям.

Имея перед глазами маленький опыт при организации выверки мер и весов в разных частях страны, я говорю предшествующее не зря, а по современной действительности: людей, охотно, разумно и с любовью исполняющих дело, народу явно полезное, чистое и благожелательное, всегда при охоте да при соответственных средствах найти можно в желаемом количестве, а если просвещение не застрянет, как теперь — по заветам гр. Д. А. Толстого — ожидать временно и возможно, прибывать такого народа будет многое множество, а из них легко выбирать только не по выслуге лет и не по внешним признакам должных руководителей. Начала бы только легли здоровые, а там «сама пойдет», потому что, как тяжесть, действует везде непрерывно и неудержимо охота народа покормиться и разжиться, для чего промышленность и службу свою служит.

Но невольно спросишь: да откуда же взять на все это средств? Ведь они необходимы не только для организации учреждения, содействующего промышленности с ветвями

по всей матушке России, но и для реального содействия частной промышленной инициативе, особенно кооперативной, какую я со своей стороны считаю наиболее у нас по примеру артелей обещающею содействовать «общему благу». Мне, как кому угодно, кажется ясным, что за этим, т. е. за добычей средств для быстрого промышленного роста России, остановки не может быть даже помимо миллиардного народного вклада в сберегательных кассах, собравшегося в последний десяток лет.

Тут-то, в отыскании средств на промышленность, более всего и необходимо правительственное предвидение, о котором упоминал ранее. Читайте цифры — увидите сами, что предвидеть легко оплату промышленных затрат самой же промышленностью. Ранее было показано, что к 1890–1900 гг. в С.-А. С. Штатах израсходовано (без погашений) почти 16 млрд рублей основного капитала на переделочные (фабрично-заводско-ремесленные) промыслы, а в год на них получено товаров более чем на 21½ млрд рубл. Оплатить процент интереса и погашение основных затрат, очевидно, есть из чего. Немного глаголя, прямо должно видеть, что промышленность сама себя содержит и содержать будет тем легче, чем больше станет кооперативной, на складчине, на союзе, на артельном начале основанной. На промышленные дела России какой угодно заем правительство сделать может и, если распорядится умненько, может быть, даже и в «казенном интересе» выгодно, если не сию минуту, то уж очень скоро, поскорее, например, чем при займах на железные дороги. Избегается тогда и прямое участие «иностранных капиталов», которые уж вовсе и не так страшны, как их малюют, благодаря тому отношению к промышленности, которое у нас еще, увы, господствует, но свой век почти отживает и тотчас помрет, коли выкинется знамя «Министерства содействия народной промышленности». Да и целого миллиарда рублей занимать за границей тут незачем, довольно, пожалуй,

будет и половины; «сама пойдет», коли дружно за лямки возьмутся. Это потому, что сам народ даст на то дело средства, коли увидит его дельность, так как ссудные свидетельства — под залоги, конечно, и только отчасти по доверию — особого, «эмиссионного», чисто промышленного банка, для того назначенного, будет покупать, как покупались выкупные свидетельства, понимая, что «промышленные свидетельства» мало чем уступят обычным закладным листам.

А коли проценты по «промышленным свидетельствам» будут чуть-чуть повыше обычных, да с их дивидендов не будет 5 % казенного сбора, да коли начинающим промышленное обзаводство, особенно же кооперативное, даны будут ввиду передового их значения для возвышения среднего народного достатка особые льготы, сбавки и отсрочки, то дело пойдет, должно полагать, ходко.

Только при всем этом понимать надо под промышленностью не одни чисто капиталистические фабрично-заводские дела, но и всю торговлю, весь близкий к земле труд, всю кустарную мелочь, всю народную изобретательную предприимчивость. Начинать надо не только устройством правительственного содействия всякого рода, но и переделкой многих законов, особенно относящихся к открытию фабрик и заводов явочным порядком, к фабрично-заводской инспекции, к продаже казенных земель и заводов и ко многому иному, явно сюда соприкасающемуся.

Незачем мне все это вступно и перечислять, если Государственная дума, канцлер и новый министр народной промышленности проникнутся желанием и волей поднять «народное благо» при помощи не только духовного подъема народного, но и чисто материального, в промышленности, взятой в целом, выражающегося.

Тогда нельзя будет обойтись без роста многих видов свободы, хотя легко можно обойтись без забастовок и всяких

обычных видов уличного политиканства. Свобода для труда (а не от труда) составляет великое благо. Для тех, кто труд и долг не ставит на должную высоту, кто их обязательность мало понимает и невысоко ценит, — для тех свобода ранова-та и только лодырничество увеличит.

Россия, взятая в целом, думается мне, доросла до требования свободы, но не иной, как соединенной с трудом и выполнением долга. Виды и формы свободы узаконить легко прямо статьями, а надо еще немало поработать мозгами в Государственной думе, чтобы законами поощрить труд и вызвать порывы долга перед Родиной.

Тут конец моих заветных, чисто постепеновских мыслей, относящихся к правительственному строю. Надо его подправлять, а не начинать, потому что не только фундамент, но и капитальные стены и балки в нем прочности много большей, чем кажется по взгляду на облупившуюся штукатурку, на покривившиеся полы и на потускневшие стекла. Крыша уже больно плоха, ее лучше сызнова перекрыть, хоть отчасти из старого же материала, да по новой обрешетке. Когда в доме живут, крупную его ремонтировку неизбежно начинать надо с кровли. Такую кровлю в правительственном строе составляют народное просвещение и промышленность. За них и надо взяться всеми силами и, не отлагая, а то не пол, а самые балки гнить начнут.

Дело просвещения, очевидно, плохо, коли учиться товарищам классическая зрелость запрещает, объявив забастовку, коли с этим еще кокетничают, коли — ведь слышишь и видишь — на первой лекции в первом курсе студентам с кафедры сообщают, что теперь-де доказано, что простых тел нет и что все они оказались сложными, забыв, что слушатели-то ничего еще о простых телах не слыхали, коли начинающим излагают не начала наук, а только такие части предметов, которые составляют лишь

отделку, подробность, желая доказать воочию справедливость давнего стиха:

Что ему книжка последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет, —

сказанного про время Рудиных. Поправлять эти дела просвещения нельзя иначе, как воспитав новых учителей, т. е. устроив как можно поскорее да все хорошенько обдумав Педагогический институт нормальный да много и других, потому что спрос на просвещение не только уже имеется, но и растет, и того гляди все от мала до велика начнут понимать, что все здоровое, которым еще кой-как держится наше обучение, составляет лишь слабые остатки и пережитки от изведенного гр. Д. А. Толстым и все по его шаблону «свободы университетского образования» возникшее и сложившееся, кроме разве счастливых исключений, ничего не дает ни просвещению страны, ни ее успехам, приобретая содержание более всего из фельетонов текущей литературы. О нашей промышленности говорить уж и не стоит, коли не может она построить нынче России корабли, коли вся она дает товаров в год всего рублей на 20–30 на душу, а в С.-А. С. Штатах — на 300–400 руб.

Вот они две первейшие надобности России: 1) поправить, хоть довести бы сперва до бывшего еще перед Д. А. Толстым, т. е. лет 25 сему назад, состояния просвещение русского юношества, а потом идти все вперед, помня, что без своей передовой, деятельной науки своего ничего не будет и что в ней беззаветный, любовный корень трудолюбия, так как в науке-то без великих трудов сделать ровно ничего нельзя[70]; и 2) содействовать всякими способами, начиная от займов, быстрому росту всей нашей промышленности до торгово-мореходной включительно, чтобы рос средний достаток жителей, потому что промышленность

не только накормит, но и даст разжиться трудолюбцам всех разрядов и классов, а лодырей принизит до того, что самим им будет гадко лодырничать, приучит к порядку во всем, даст богатство народу и новые силы государству.

Во всем ином еще кое-как подождать можно, хотя сам-то я более не за ожидание, а только за постепеновство, но тут ни минуты ждать нельзя, потому что оба те дела скоропалительно, указом да приказом сделать нельзя, хотя без них начаться и они не могут. В этой неизбежной медленности двух указанных важнейших дел, латинцам совершенно неведомых еще, причина появления постепеновщины, за которою я следую. Не в личном характере тут дело, а в существе, в том понимании природы, которое самое поднятие гор и самые вулканы стремится объяснить медленно текущим и непреоборимым накоплением маленьких на первый взгляд влияний.

По мне, было время пользы и от революционных передряг, пока просвещение и промышленность не стали в числе верховных правительственных отношений, пока греко-латинщина служила знаменем «возрождения», пока судом да войнами ограничивались высшие задачи правительств. А теперь, когда просвещение и промышленность стали во главу правительственных функций, когда даже военные успехи и поражения связываются с развитием просвещения и промышленности, а они составляют дела, совершенно чуждые очень быстрого течения или скачков (каковы, например, сражения в деле военном, приговоры суда и т. п.), теперь роль и значение революций прошли и одно постепеновство будет брать верх.

Мне думается, что так было и с землей: вначале действовал сильнейшим образом революционный вулканизм, а потом постепенно стали брать верх эволюционные силы, воде свойственные, и внутренние перемены в сложении горных пород, т. е. силы на взгляд маленькие да слабенькие,

а, в сущности, только медленно действующие. Конечно, и поныне вулканизм дает о себе знать, что не пропал, но общая сумма перемен, от него происходящих, ничтожно мала сравнительно с тем, что делают постепеновские силы природы.

Так, по мне, есть, но сравнительно мала уже ныне роль всяких революционных передряг, будут ли они в виде приказов и указов или в форме революций и пронунциаментов, а главные перемены все с постепеновско-эволюционным характером, а между ними просвещение и промышленность стоят ныне на первом месте. Признавая, что свобода в ее основах много приобрела от революций, утверждаю, что только развитие просвещения и промышленности ее развило, развивает и развивать будет, от тирании предохранит, незыблемой поставит и права с обязанностями уравновесит.

Согласен, что в этом моем определении течения «новейшей истории» есть своего рода предвзятость, идеализм, пожалуй, даже утопизм, что судьбы истории человечества еще темнее судеб земных форм, еще не охвачены разумом, а потому гадать далеко вперед и вообще рискованно. Но по отношению к России, да в настоящем ее положении сама очевидность действительности говорит за то, что состояние просвещения и промышленности определяет и ближайшее и отдаленное ее будущее, требует первого общенародного и правительственного внимания, составляет настоятельнейшие надобности. Государственная дума с них должна начинать, и только тогда она покажет разум народа, его голос выразит.

27 сентября 1905 г.

Глава X
Послесловие

Для конца книги написал краткую главу о мировоззрении — конечно, лишь о своем личном, дающем мне возможность оставаться постепеновцем при всем стремлении к признанию неизбежного превосходства надо всем, а потому и торжества разумного труда в его разнообразнейших приложениях к общей внешней пользе и к внутреннему благу — тоже общему, и лишь в том числе — личному.

Написал, но не печатаю, потому что изложение показалось мне недостаточно полным, требующим многих выяснений, а местами впадающим в критику и отчасти раскрывающим то, что лучше оставлять про себя. Хочется-то мне выразить заветнейшую мысль о нераздельности и сочетанности таких отдельных граней познания, каковы:

вещество, сила и дух;
инстинкт, разум и воля;
свобода, труд и долг.

Последний должно признать по отношению к семье, родине и человечеству, а высшее сознание всего этого — выраженным в религии, искусстве и науке. Выкиньте одно из каждой троицы — будет лишь анализ без полного синтеза, получится неустойчивая и слащавая шаткость, а в образовавшуюся пустоту того гляди проникнет отчаяние либо ворвется какой-то вздор, не выдерживающий первичной критики.

Быть может, когда-нибудь и попробую переделать написанное, но только не в переживаемое нами время. Теперь лишь образы, подобные Дон Кихоту, могут сколько-нибудь влиятельно действовать, только смех сквозь слезы, только отрицательная, хотя и снисходительно-брюзгливая, жалость.

А так писать не могу и не умею. Картины люблю, даже по-своему их понимаю, но учиться писать их мне поздно. Поэтому просто кончаю, сожалею о том, что пообещал то, чего выполнить теперь не в силах. Нашему брату постепеновцу молчание ведь привычно, а теперь оно хоть не в моде, да, кстати, и отвечает несомненному русскому большинству, с которым оставаться желаю.

4 октября 1905 г.

Манифест (17 октября 1905 г.) доброго, великодушного царя даровал уже народу все виды свободы и объединение правительства. Ответим на свободу усиленными трудами и твердостью воли, направленными разумно на благо Родины.

Д. Менделеев
18 октября 1905 г.

Глава XI
Приложение

Мировоззрение[71]

Не могу, даже просто смелости у меня такой не хватает, закончить изложение своих «Заветных мыслей», не попытавшись передать своих исходных положений, выработавшихся всею совокупностью испытанного и узнанного в жизни, так как этими положениями не прямо, а косвенно определяется все мое изложение. Считаю это тем более необходимым в наше время, что оно явно занято «переоценкою» и сосредоточенным стремлением найти вновь как-то затерявшееся «начало всех начал», исходя то из субъективной самостоятельной точки зрения, то из какого-то абстрактного единства, будь оно энергия вообще, или, в частности, электричество, или что-либо иное — только не древнее исходное начало, Богом наименованное. От физики до метафизики теперь стараются сделать расстояние до того обоюдно ничтожно малым, что в физике, особенно после открытия радиоактивности, прямо переходят в метафизику, а в этой последней стремятся достичь ясности и объективности физики. Старые боги отвергнуты, ищут новых, но ни к чему сколько-либо допустимому и цельному не доходят; и скептицизм узаконивается, довольствуясь афоризмами и отрицая возможность цельной общей системы. Это очень печально отражается в философии, пошедшей за Шопенгауэром и Ницше, в естествознании, пытающемся «объять необъятное» по образцу Оствальда или хоть Циглера (в Швейцарии, например, в его Die wahre Einheit von Religion und Wissenschaft. Von I. H. Ziegler, D-r philos. Zürich, 1904, и еще лучше в его Die wahre Ursache der heilen Lichtstrahlung des Radiums, 1905), в целой интеллигенции, привыкшей держаться «последнего слова науки», но ничего не могущей понять

из того, что делается теперь в науках; печальнее же всего господствующий скептицизм отражается на потерявшейся молодежи, так как ей самой, как она знает, зачастую приходится разбираться в явных противоречиях между тем, что она читает и слышит в разных аудиториях одного и того же факультета, что и заставляет молодежь считать себя судьями, а своих учителей, либо одного, либо обоих, — отсталыми, у них опоры ищущими, и только ценить «свободу», понимаемую в виде свободного халата. Известно, что скептицизм-то и сгубил казавшиеся столь крепкими устои Древнего мира, и немало мыслителей, думающих то же самое про устои современности. Не думая так, постараюсь, насколько сумею, высказать свою точку зрения, причем, во-первых, надеюсь «гусей не раздразнить», а все же сколько-нибудь выяснить те основания, на которых созидается скептицизм научного или философского свойства, и, во-вторых, начну прямо с вывода, чего советую краткости ради придерживаться и в готовящихся обсуждениях нашей Государственной думы.

Современный научно-философский скептицизм берет свое начало из вековечно существовавшего и долженствующего вечно существовать стремления людей признать единство всего внутреннего и внешнего мира, что и выражено в признании единого Бога и в стремлении это исходное понятие о «едином» по возможности реализовать или узнать ближе. Первое признавать правильным, по мне, совершенно необходимо, а второе во всех отношениях неправильно, недостижимо и к скептицизму-то и приводит.

Одни видели это единство в солнце, другие — в самодержавии, воображаемом и вечном старике, третьи — в единоличном людском разуме, четвертые — в некоем отвлеченном высшем разуме, пятые видят в какой-то единой материи, шестые — в энергии или силе, седьмые — в воле, восьмые — в индивидуализме, девятые — в человечестве, да мало ли в чем. Стремление реализовать так или

иначе «единое», или «единство», есть естественное следствие пытливости, и за последнее время оно приобрело особую напряженность, когда успехи в реальных науках стали не только явно возрастать, но и быть видными даже в ежедневной жизни. Формализм, придаваемый обыкновенно всем религиозным вероучениям, не исключая ни шекеров, ни бабидов, ни протестантов, есть тоже известная реализация того, что реальным требованиям разума очень мало отвечает, потому что вечное, общее и единое во всяком случае логически выше реального, которое познается лишь во временном, частном и многообразном лишь разумом и в отвлечении обобщаемом, что и составляет область наук, а в их числе и философии, если она не становится на ходули науки наук. Науки, в сущности, отвлекают от прямого реализма, и если они либо по сюжету реальны, либо реально полезны, потому что дают полезные предсказания, то тем самым только подчеркивается необходимость отвлечений, их значение и полезность. Очень должна быть велика путаница мысли, когда с научными приемами хотят найти реализацию высшего единства, одним реальным выразить множество реальностей или отвлечений. Вот и выходит белка в колесе. А как это увидят, сейчас и бросают, сейчас и впадают в скептицизм по отношению ко всем и всяким обобщениям, конечно, кроме слов, которые сами по себе не что иное, как первичные обобщения. Реализация, какая бы там ни была, обобщения, столь отвлеченного, как общее «единое», или «единство», просто-напросто противоречит самому духу наук и ни к чему, кроме сомнений скептицизма, приводить не может. Порок тут вовсе не в самой идее единства, а только в стремлении его реализовать в образы, формы и частные понятия.

Никогда этого не достичь по самой логике дела, а общее «единое» не следует и пытаться представить ни в таких материальностях, как вещество или энергия, ни

в таких реальностях, каковы разум, воля, индивидуум или все человечество, потому что и то и другое должно охватываться этим общим «единым», и то и другое составляет лишь предметы обобщающих наук.

Итак, я объясняю скептицизм тем, что неразумность заставляет науку, обобщающую реализм и выводы предсказаний его покоряющую на пользу людскую и тем к реальности возвращающую, — заставляет науку относиться с теми же приемами к своим крайним обобщениям. Да этого делать-то не следует, потому что научные обобщения не есть уже меняющаяся безграничность или реальность, а ограничены тем, что удалось изучить (а изучены лишь «песчинки на берегу океана неизвестного», как сказал Ньютон) до того, что стало возможным кое-что предсказывать, и эти научные обобщения должны оставаться неизменными, пока само изучение реальности не заставит их изменять, расширять и совершенствовать. Оттого-то ничего толкового и полезного и не дала и не дает вся метафизика[72], на которой и покоится весь скептицизм.

Но довольно о нем. Во всяком случае признать громадность массы совершенно неизвестного — неизбежно необходимо. Есть или нет в той или в этой данной области познаний какая-либо грань, которую нельзя перейти, я и рассматривать не стану, потому что для передачи того, что составляет предмет моих исходных мыслей, вовсе это решать и не надобно. Дело идет о данном времени и лишь о том, до чего может ныне достигать разумное обобщение, на чем должно или может соглашаться, хоть временно успокоиться лично, вовсе помимо «начала всех начал», для которого почва создается не изучением, а тем, что называется верою и определяется инстинктом, волею, чувством и сердцем. Ведь где-нибудь да кончаются же обобщения разума? Не сводится же вся его веками собираемая в науке работа на одну разработку частностей? Где же грань

современных разумных обобщений, если не в «едином» общем? Вот тут вопрос мировоззрения, задача того разряда мыслей, по которому сыздавна отличают такие просто прикладные науки, как медицинские, инженерно-технические и юридические, от философских, куда относят не только саму философию, филологию и историю, но и все математические и естественные науки. Первые со вторыми связаны так тесно, что в этой тесноте запуталось много умов, но простой здравый смысл ясно сознает, что прикладные науки движутся философскими и в то же время что философские науки разрабатываются только потому, что их хотя бы и тусклый свет все же освещает пути жизни, т. е. служит на пользу и прямо и косвенно — через посредство прикладных наук. Уже одно первичное и явно не могущее никогда закончиться искание новых частей истины, отличающее науку, прямо указывает на стремление ее к усовершенствованию и на признание бездны неизвестного; короче, служение науке учит скромности, соединенной с настойчивостью, и отучает от скороспелой заносчивости и рабства предубеждения. А так как наука исходя из действительности или реальностей постепенно все же доходит до некоторых положений или утверждений, несомненно, оправдывающихся наблюдениями и опытами, то считать их частичной истиной или «законами» право имеют. Этого-то от науки, кажется, никто и не отнимает. Но так как в республике науки «свобода» мнений обеспечена до такой степени, что нет и попыток спрашивать большинство ни тайно, ни явно, то говорить от имени науки волен не только каждый, чему-либо учившийся, любой писатель, писака и фельетонист, но и простой проходимец, а потому заблудиться в «последних словах науки» чрезвычайно или до крайности легко. И не сыщется тут, пожалуй, никаких, кроме разве отрицательных, признаков для отличия всяких форм

узурпации от действительного голоса науки, так как и чутье, здесь могущее руководить, не прирожденно и приобретается только долгим и горьким опытом. Он показывает, однако, что спокойная скромность утверждений обыкновенно сопутствует истинно научному, а там, где хлестко и с судейскими приемами стараются зажать рот всякому противоречию, истинной науки нет, хотя бывает иногда и художественная виртуозность, и много ссылок на «последнее слово науки». Почитайте-ка, как Коперник или Ньютон проводили найденные ими истины, — убедитесь. Наука истинная как будто говорит или советует: «Пожалуйста, не верьте на слово и постарайтесь только проверить», — оттого со своей стороны не могу не высказать совета: за науку настоящую считайте только то, что утвердилось после сомнений и всякого рода испытаний (наблюдений и опытов, чисел и логики), а «последнему слову науки» не очень-то доверяйтесь, не попытавши, не дождавшись новых и новых поверок. Новое искание истин — это только и есть наука, но из этого вовсе не следует, что она сводится к «последним словам». Действуя в науке более 50 лет, убеждаешься в необходимости этой осторожности. Доказывать этого здесь не буду, хоть и не закаиваюсь возвратиться к этому предмету в другом месте или при другом случае. Случаев-то благо теперь множество, больше чем когда-нибудь. Да, «переоценку» хотят иные сделать и в науке, такое уж теперь время, всюду — не у нас одних — бродит закваска, и требуется ясно писать «Заветные мысли» хотя бы для того, чтобы избежать хоть части огульных недоразумений. Вот для этой-то цели и считаю необходимым вновь[73] сказать, что, по моему разумению, грань наук, доныне едва достигнутая и, по всей видимости, еще и надолго долженствующая служить гранью научного познания, грань, за которою начинается уже не научная область, всегда долженствующая соприкасаться с реально-

стью, из нее исходить и в нее возвращаться, эта грань сводится (повторю опять для избежания недоразумений — по моему мнению) к принятию исходной троицы несливаемых, друг с другом сочетающихся, вечных (насколько это нам доступно узнавать в реальностях) и все определяющих: вещества (или материи), силы (или энергии) и духа (или психоза). Признание их слияния, происхождения и разделения уже лежит вне научной области, ограничиваемой действительностью или реальностью. Утверждается лишь то, что во всем реальном надо признать или вещество, или силу, или дух, или, как это всегда и бывает, их сочетание, потому что одинаково немыслимы в реальных проявлениях ни вещество без силы, ни сила (или движение) без вещества, ни дух без плоти и крови, без сил и материи. Развивать здесь эту тему вовсе не думаю, даже предпочитаю остаться неясным, но высказать ее в «Заветных мыслях» считаю необходимым, потому что не один граф Д. А. Толстой, а с ним целая куча людей полагают по неведению, конечно, что, занимаясь веществом и силами, ему свойственными, естествоиспытатели не признают духа, все сводят на вещество и силы. Такие бывают и есть, не отрицаю, но только преимущественно-то они и выросли на классицизме, что доказывать — скучища страшная, да и выяснено давным-давно, хотя часто забывается.

Этими замечаниями кончаю книгу, зная или, лучше сказать, понимая, что теперь не такое время, чтобы постепеновские мысли, подобные моим, могли сколько-либо влиять на взбудораженные умы той молодежи, для которой книга эта преимущественно писана. Можно действовать тут только образами, как действовал Сервантес своим Дон Кихотом. Его вчуже и жалко, и у него чистоту побуждений нельзя не признать, а повторять его все же перестали, потому что уж очень ясно увидали, как ему подобные люди делают только вздор и смешное. Надо уметь напи-

сать о том, как, ища свободы, действуют против свободы. Увы, у меня нет этих талантов, их не вызывал и не воспитывал. Несмотря, однако, на то, что так отношусь к выходящей книге, не только не раскаиваюсь в том, что ее писал, но радуюсь тому, что ее закончил, потому что, как бы то ни было, все же будет из моей книги, надеюсь, ясно, какими мыслями проникались профессоры времен покойного графа Д. А. Толстого, которого, уж признаюсь, считаю первопричиною многих современных русских бед и образцовым умелым бедокуром и смутьяном.

Д. Менделеев
27 сентября 1905 г.

Примечания

[1] Распределение жителей по возрастам рассматривается далее, в следующей главе. Приведенные там числа детей показывают, что в возрасте 8–13 лет должно признать в Германии и С.-А. С. Штатах около 11,8 % жителей, что на 140 млн дает около 16,5 млн детей. Перепись 1897 г. дает для означенного возраста в России примерно такое же количество жителей. Замечая, что часть детей, несомненно, получит домашнее образование, а часть — по болезненности и другим причинам — все же всегда может остаться без начального школьного образования, а потому, принимая для России 12 млн школьников — при всеобщем начальном образовании, — думаю, что не делаю крупной ошибки. Даже в современных земских школах на ученика требуется ежегодно расход более 2 руб. в год, а чтобы поставить сколько-либо практически жизненно и толково начальные народные школы, необходимо расходовать, по крайней мере, по 5 руб. на ученика в год, а тогда одни начальные школы потребуют от государства, земств, городов около 60 млн руб. в год текущих расходов.

[2] Общего свода сведений обо всех текущих расходах России на образование, считая не только смету Министерства народного просвещения, Синода, Военного и других министерств, но и все земские и городские расходы на образование, до сих пор не существует. По моим подсчетам, в 1901 г. расходовалось всего около 70 млн руб., а ежегодно расходы последнего времени возрастают примерно на 5 млн руб. Отсюда становятся понятными голоса, всюду раздающиеся, о необходимости умножить заботы о народном просвещении России, чтобы не только не отставать от других народов, но и догонять, даже там, где можно, перегонять. Свои мысли об этих предметах я начал излагать в бывшей газете «Россия» и издал в особой брошюре «Заметки о народном просвещении России» (1901), но не имел времени изложить своих посильных суждений ни о высшем (специализированном) образовании, ни о начальном (общенародном), что и постараюсь восполнить в изложении, начинаемом этим «Вступлением», когда рассмотрю то, что считаю — по требованиям времени — еще более неотложным. Принимая во внимание

недостаточность средств, ныне отпускаемых народом на образование детей и юношей, и заметив, что во всей России ежегодно прибывает около 2 млн жителей, должно думать, что на все ветви народного просвещения после достижения известного уровня должно расходовать ежегодно, по крайней мере, 200, а то и все 400 млн руб.

[3] Как принципиально убежденный реалист, я принадлежу к числу уже немалочисленных ныне противников всяких войн, поклонников мирного улаживания всяких международных столкновений. Но это вовсе не значит, по моему мнению, что разоружение страны можно было бы ныне же начать даже такой многоземельной стране, какова Россия. Она лакомый кусок для соседей Запада и Востока потому именно, что многоземельна, и оберегать ее целость всеми народными средствами необходимо ради одной уверенности в том, что срединный наш народ имеет в себе задатки того реального и здорового сочетания идеализма с материализмом, которое должно содействовать развитию высших начал человеческой жизни. Пусть это находят иные только «словами», для меня помимо всякого славянофильства это убеждение основано на действительности, его я завещаю детям, а потому, излагая «Заветные мысли» свои, я не премину высказаться против всяких войн, я за необходимость держать России наготове сильнейшую военную сухопутную и морскую оборону в виде организованного войска. Однако дополню мысли эти тем, что и помимо всеобщей воинской повинности быстро возрастающий народ наш, особенно когда начнет скоро богатеть, может содержать военную силу. Перемены и здесь желательны и самостоятельно возможны, особенно ввиду того, что охотников воевать в качестве солдат у нас найдется множество, так как современная солдатская служба представляет полную обеспеченность личности и, по существу, не отличается от офицерской службы более, чем содержанием или окладом, определяемым предварительной подготовкой, подобно тому как содержание заводского рабочего отличается от содержания техника или надсмотрщика. Охотников пойти в солдаты у нас в настоящее время можно найти так же легко, как охотников получить офицерское звание, даже при том условии, когда солдатское жало-

ванье будет очень невелико. Мне думается даже, что армия, составленная из подобных охотников, будет превосходить армию молодых новобранцев, составленную по немецкому первообразу. Переходом от современного состояния дела к желаемому, мне кажется, могло бы служить право уплаты за несение воинской повинности определенного довольно возвышенного налога, могущего служить к умножению военных средств страны. Охотники, вероятно, будут продолжать свою службу долго и тем самым возвысят военные качества армии и флота

[4] Работа есть понятие чисто механическое, человек способен ее давать, но, познав свою истинную силу, стремится всякими способами уменьшить свою физико-механическую работу, заставляя «двигателей» производить главную часть работы и оставляя себе лишь «труд», ограниченный малым количеством килограммометров работы. Труд людской не только в качественном, но и в количественном отношении может быть очень велик и очень важен для всех совершенно независимо от количества произведенной работы, хотя во всяком труде есть хоть маленькая доля «работы». Неоднократно указав в своих прежних статьях глубокое различие понятий «труд» и «работа», не считаю надобным долее останавливаться здесь над этим предметом, полагая притом, что лица, читавшие труды Тарда, почерпнули в них достаточно полное выяснение великого значения труда людей при относительно малом значении работы, производимой людьми. Во времена Смита и даже Маркса тут путались.

[5] В общеизвестных таблицах Хюбнера (Otto Hubner's Geografischstatistische Tabellen für 1902. Herausgegeben f prof. Juraschek, с. 93) дается общее население Земли в 1539 млн. Подобные же цифры встречаются у многих исследователей. Их должно считать ныне меньшими, чем действительность, главным образом по двум причинам. Во-первых, потому, что текущий прирост населения стран после переписи редко принимается в должное внимание. Во-вторых, потому, что населенность Китая почему-то стали за последнее время уменьшать и принимают в 330 млн жителей, тогда как недавний (1903) подсчет числа жителей показал там 426,5 млн жителей. На этих основаниях,

мне кажется, необходимо ныне признать, что общая населенность Земли достигает по крайней мере 1600 млн, что я и положил в основание своих дальнейших соображений.

[6] Общеизвестен факт, что последние переписи (до 1901 г.) показали во Франции или ничтожный прирост, или даже его полное отсутствие. Надо полагать, что, завладев Тонкином и Мадагаскаром и расширив свои африканские владения, Франция выселила за последнее время в них немалое число трудоспособных жителей, отчего и понизился в ней действительный прирост. Но и помимо этого все же несомненно, что Франция за последнее время имеет малый естественный прирост, т. е. перевес рождаемости над смертностью. Мне кажется, что причину этого должно искать, прежде всего, в том современном французском скопидомстве, при котором хозяин и хозяйка, желая ежемесячно хоть что-нибудь отложить, немало заботятся о том, чтобы не увеличить семейные расходы от прибыли детей. С точки зрения мальтузианцев французы уже дошли до понимания необходимости ограничения народонаселения и не хотят увеличивать число бедняков. Но известно, с другой стороны, что французы принадлежат к богатейшим народам именно благодаря склонности откладывать часть своих доходов, и передовые французы, по моему мнению, правильно понимают предмет, когда скорбят о громадном уменьшении прироста.

[7] В алгебраическом отношении расчет подобного рода очень прост. Если принять, что каждому 1 млн жителей по истечении года отвечает постоянно по 1,01 млн жителей, то 1600 млн дадут чрез n лет x млн по равенству (легко решаемому в логарифмах):

$$x = 1600 \times (1{,}01)n.$$

Если x менее 1600 млн, то n, очевидно, будет отрицательным. В данном примере $x = 1$ млн, а потому $n = -742$ года, т. е. около 1150 г. было бы не более 1 млн всех людей на Земле, если бы они размножались с такою же быстротой, как ныне.

Для ясности присовокупляю небольшую таблицу, показывающую число лет, когда наступает удвоение, возрастание в 10 раз, в 100 и в 1600 раз числа жителей при разных величинах прироста.

Прирост, в %	Наступает увеличение числа жителей			
	В 2 раза	В 10 раз	В 100 раз	В 1600 раз
3 через	23,4	78	156	250 лет
2 »	35,0	116	232	73 года
1,5 »	46,5	154	308	495 лет
1 »	69,7	231	462	742 года
0,5 »	139,0	462	924	1479 лет
0,1 »	694	2304	4608	7383 года

Можно, наверное, утверждать, что за 7500 лет от нашего времени было на свете уж не менее 1 млн людей, а потому всю тысячелетнюю историю человечества общий средний прирост был ничтожно мал, меньше 1 человека на 100 в год. Там ли видеть золотой век?

[8] Я убежден, что этот предельный возраст N с народами и веками изменяется, и даже имею повод полагать, что он впоследствии и с развитием образованности будет возрастать отчасти, как стараюсь показать в дальнейшем изложении, т. е. полагаю мафусаиловы года не как единичное исключение, а как норму ожидать должно впереди, а не оплакивать где-то сзади. Франция до некоторой степени уже начала оправдывать такое ожидание, потому что в ней стариков в возрасте 80 лет и выше гораздо больший процент, чем у народов более молодых. По этой причине мне особо симпатичны попытки моего друга профессора Мечникова разыскивать физическую причину старчества и средства бороться с этими причинами. Далее, я полагаю, что с увеличением процента бодрых стариков человечество должно будет улучшаться, потому что такие старики, умудренные опытом жизни, благотворно будут влиять на молодежь, каким бы самомнением она ни заразилась. А так как я жду увеличения процента стариков в будущем, с умножением общего числа людей и всей цивилизации, то в этом нахожу своего рода успокоение, в сущности основанное на том, что впереди человечеству будет лучше житься, чем жилось до сих пор. Сухая формула распределения народонаселения по возрастам и указание на то, что есть уже начало возрастания числа стариков у народов наиболее образованных, убеждают меня в осуществимости такого «профессорского мечтания».

[9] Для лиц, интересующихся способом вывода этих равенств, сошлюсь на то, что они даны мною первоначально в

моем сочинении «Учение о промышленности» (2-й выпуск), и затем привожу изложение вывода, сделанное моим сыном, И. Д. Менделеевым. По смыслу вопроса коэффициенты уравнения

$$y = A + Bn + Cn^2$$

должны быть найдены так, что бы удовлетворились следующие условия: 1) наименьшее значение Y в уравнении должно быть при $n = N$ (заданном числе); 2) это значение y должно быть равно нулю; 3) сумма всех значений y в уравнении при изменении n от 1 до N (в целых числах) должна равняться 100.

[10] Если бы числа у выражали непрерывное изменение числа жителей при соответственном непрерывном же изменении возраста n, то число родившихся в единицу времени должно было бы выражаться величиной y при $n = 0$, но при переписях дается число жителей для возраста от $n - 1$ до n лет и значение n, очевидно, прерывное, начинающееся лишь от $n = 1$, отвечающее затем 2, 3 до N целых лет, а потому n не может иметь нулевого значения, а потому расчет рождаемости по числам переписей содержит в себе произвольную, новую гипотезу. Но ее справедливость в некоторой мере фактически подтверждается тем, что из чисел, разочтенных в нашей таблице, выходит, что при $n = 0$(когда $y = A = CN^2$) получается $y = 2{,}76$, что близко к проценту рождаемости в Германии, так как он в ней в период 1871–1880 гг. равнялся 2,88 %, а в следующее десятилетие — 2,65 %.

[11] В довольно сложных расчетах, касающихся среднего возраста и распределения по возрастам, мне оказали большую помощь О. Э. Озаровская и К. Н. Егоров. Мои стареющие глаза уже плохо отличают мелкие цифры и мелкую печать, а потому мне приходилось часто прибегать, сверх того, к помощи моих младших, более свободных детей: Маши и Васи. В корректуре мне много помогали В. Д. Сапожников и Н. Я. Губкина. Очень им всем благодарен. Без них я бы не мог уже писать своих «Заветных мыслей».

[12] Не должно упустить из вида, что в общежитии возраст n означает обыкновенно, сколько целых лет прожито, и число месяцев не считают, например, 21 год означает, что лицо имеет возраст свыше 21 года, но ниже 22 лет. Такое обозначение принято и в русской переписи 1897 г. Наше же n имеет иное значе-

ние, и при $n = 21$ дается число лиц в возрасте выше 20 лет, но ниже 21 года.

[13] Напомню, что это по нашему обозначению показывает средний возраст более 30,4, но менее 31,4 лет, а выражаясь обычным образом, это значит, идет 31-й год и 30 лет уже исполнилось.

[14] Из указанной книги приведу тот факт, что на 100 девочек в России вообще рождается около 105 мальчиков и что этот перевес особенно силен у евреев, для которых в 1893–1897 гг. оказалось (как и в иные годы) на 100 девочек родится даже 135 мальчиков. В 18 всех перечисленных губерниях России перепись 1897 г. дает 8,84 млн лиц мужского пола и 9,36 млн женского, т. е. на 100 женщин лишь около 94,5 мужчины. Это показывает, что у нас мальчики и вообще лица мужского пола менее выживают, чем лица женского пола, как видно и по отчетам о смертности. У наших евреев это явление не столь резко, и у них лиц мужского пола остается в живых, по-видимому, немного более, чем лиц женского пола.

[15] Эта первая попытка помещена мною на страницах выпуска моего незаконченного сочинения под названием «Учение о промышленности» (1900). Это сочинение назначено было войти в I том обширной «Библиотеки промышленных знаний», начавшей издаваться в 1900 г. под моей редакцией известной издательской фирмой «Брокгауз — Ефрон» в С.-Петербурге. Но издатели отказались в 1901 г. от издания всей библиотеки, которой вышло уже 17 выпусков и в которой предполагалось иметь XX томов и около 80 выпусков. В своем «Учении о промышленности», в 2 выпусках, я успел изложить часть того, что предположил вместить, но незаконченность этого сочинения послужила первым поводом к началу издания тех «Заветных мыслей», которые теперь предлагаются. Очевидно, что кое-что из излагаемого здесь уже содержится в явившихся выпусках «Учения о промышленности», но я надеюсь на то, что в предлагаемых статьях читатели найдут не только расширение прежней программы, но и большую, чем прежде, полноту многих данных.

[16] О величине заработков на фабриках и заводах С.-А. С. Штатов по переписям 1890 и 1900 гг. будут сообщены подлинные статистические сведения в следующей главе моих «Заветных мыслей».

[17] Протекционизм, или покровительство, внутренней промышленности страны, конечно, должен состоять не в одном отношении к таможенным пошлинам, хотя эти последние составляют его явный внешний признак и одну из главнейших сторон влияния на промышленность страны. Протекционизм не может давать полных плодотворных результатов без целого ряда соответственных внутренних мероприятий, между которыми на первом месте, по моему мнению, должно поставить три разряда: a) вызов внутренней конкуренции при помощи всяких облегчений развитию внутренней промышленности; b) всевозможное покровительство свободе приложения труда не только к вызываемым видам внутренней промышленности, но и ко всякой экономической деятельности жителей, например к путям сообщения и торговле, и c) покровительство просвещению, особенно реальному, т. е. жизненному. Об этих сторонах протекционизма речь моя впереди, но я считаю необходимым указать на них теперь же, потому что не только у нас, но и всюду очень часто под покровительственною системою подразумевают лишь таможенное обложение и отношение к внешней торговле. Чтобы сделать мысль мою сразу очевидною, должно представить приложение протекционизма к части страны, со всех сторон окруженной своею же страной, т. е. полное отсутствие таможенных застав, и возбуждение в этой части страны развития соответственных видов промышленности. В крайнем случае мыслимо покровительство внутренней промышленности даже при полном отсутствии внешней торговли. Таможенные пошлины в протекционизме должны играть роль средства, а отнюдь не цели, хотя бы фискальной. Предметно по существу сложен, и вот поэтому-то, как я думаю, его редко понимают в целости и часто обсуждают по отрывочным клочкам, что и заставляет меня в отдельных статьях рассмотреть если не все, то главнейшие стороны предмета, что и составляет одно из содержаний моих «Заветных мыслей». Укажу для примера на то, что большинство даже просвещеннейших русских людей полагает наступление в России истинного удешевления фабрично-заводских товаров, когда будут сняты покровительственные пошлины. Это показывает прямое незнакомство ни с историей

предмета, ни с современным положением вещей. Для примера достаточно указать хотя бы на покровительство, оказанное нефтяной промышленности, так как такая промышленная ценность керосина и нефтяных остатков, какая существует уже давно в России (конечно, помимо акцизного обложения), совершенно немыслима при ввозе нефтяных товаров из Америки или какой-либо другой страны мира. Другой пример еще выразительнее и относится к ситцу, так как его ценность (опять помимо пошлин на хлопок) ниже, а достоинства несомненно выше, чем во множестве других стран, что позволяет уже рассчитывать на возможность вывоза наших ситцев, как видно по прекрасной брошюре, изданной недавно фирмой «Циндель» в Москве, по суждению экспертов на заграничных выставках и прямо по сравнению цен в розничной торговле ситцами, например, в России и Лондоне. Как наш ситец, так и множество других наших товаров не имеют широкого распространения в мире, вне России, исключительно по той причине, что у нас еще мало капиталов, необходимых как для развития производства в широких размерах, так и для ведения обширной мировой торговли, на что требуются громадные затраты новых усилий и новых капиталов. Без покровительственной системы невозможно начало фабрично-заводской переработки, а иногда и добычи сырья, а без начала, конечно, невозможно и дальнейшее развитие. Развитие же этого опять определяется протекционизмом, понимаемым в правильном широком смысле. Думаю, что этих кратких намеков достаточно для выражения существа моих «Заветных мыслей», относящихся к протекционизму, и я верю в то, что близок для России час такого широкого понимания протекционизма, когда русские товары, даже стальные или медные, не говоря о льняных, хлопковых, нефтяных и т. п., будут конкурировать на всеобщем рынке потребления, даже пойдут в Англию, Германию и С.-А. С. Штаты, так как у нас свое сырье, свой хлеб и свои избытки нетребовательных рабочих, недостает же правильного понимания вещей и вызова прилива капиталов и знаний.

[18] Проводя вышеуказанную мысль, я не упускаю из вида того, что отпуску товаров отвечает привоз, что, по видимости, нарушает

правильность заключений, но они мне кажутся совершенно верными по тому соображению, что общий валовой приход жителей страны возрастает от вывоза, а общие государственные расходы возвращаются в саму же страну, т. е. хотя для отдельного жителя подати составляют расход, но возвращаясь стране, они на ее общий доход не влияют, тогда как отпуск его увеличивает. Другими словами можно сказать так: доходы и расходы государства увеличивают трудолюбие и заработки жителей, и то же самое делает привоз и отпуск, все же дело экономического развития связано с производительностью труда.

[19] На первый взгляд может казаться, что только добывающие виды промышленности, т. е. охотничья, горная и сельскохозяйственная, доставляют товары, требуемые людьми, но тут содержится, на мой взгляд, крупная ошибка в рассуждении. Руда или рыба в природе и свободная лишена ценности, по существу, а приобретает ее только вследствие приложения к ним труда людского, а ценность имеет только этот последний, над чем я не считаю надобным особо останавливаться, так как этот предмет входит в элементы политико-экономических понятий. Если руда, ничего по существу не стоящая, в добытом виде приобретает ценность от приложения труда не только к обладанию землею, в которой она находится, не только к ее разведке, не только к устройству копей и не только к ее непосредственной добыче, но и к ее доставке на земную поверхность, к ее доставке до места переработки и к заведованию всею организацией, для того необходимою, то в ценности ее участвуют в такой же мере торговля, перевозка и администрация, в какой и самое ее добывание. Надеюсь, что этого достаточно для выяснения приведенных выражений.

[20] Чтобы значение этой цифры (средняя цена пуда вывозимого хлеба) выступило с ясностью, достаточно указать на то, что в период 1876–1880 гг. вывозилось в среднем по 286,7 млн пуд. на сумму 291,1 млн руб., что дает среднюю цену пуда в 102 коп., т. е. Россия должна ныне вывозить много больше хлеба для того, чтобы иметь такой же валовой приход от внешней торговли своими хлебами.

[21] Это соответствие между течением истории человечества и промышленным его развитием возмущает как у нас, так и на

Западе многих мыслителей, потому что жизнь людей и их историю считают произведением духа, а промышленность — делом чисто материальным, а потому они и называют такое представление грубым материализмом. По моему же крайнему разумению, это не материализм, а реализм; эти два понятия должно резко и ясно отличать, иначе все спутается и останется царствовать древний дуализм, различающий только вещество и дух, как несливаемые исходные понятия. Духовные потребности и духовные отношения могут выступать, очевидно, только после удовлетворения материальных, и уже по этому одному проще, ближе и реальнее начинать с этих последних. А главное здесь в том, что искусственный дуализм, признающий только дух и вещество и упускающий третье, основное современное понятие — о силе или энергии, сыграл уже свою роль в мире, в котором непостижимою тайною надолго останется единство мира, тройственность исходных понятий (дух, сила и вещество) и слияние их во всем том, что подлежит суждению или объяснению в людских отношениях. Древний человек, стремясь постичь «начало всех начал», как всякому известно, запутался и долго шатался, пока вслед за Возрождением, при котором разом двинулись художество и наука, не явился реализм, яснее всего выразившийся в успехах естествознания, а от них и в промышленности. Мыслители, указывающие на азиатские народы как сохранившие у себя чистый дуализм в развивающиеся преимущественно при помощи следования древнесоставленным кодексам, кажется, забывают, что все эти народы в наше время слабы и до того шатки, что поддаются сравнительно ничтожным влияниям передовых народов. Того ли хотят для всего мира, а наши писатели для России? Она, находясь на грани Азии с Европой, имея явную склонность к реализму, даже во всей философии может, по-видимому, довести до конца реальные представления о единении вещества, силы и духа, в чем должно видеть истинное торжество реализма, и может сбиться с пути, завещанного ее историей, если отвернется от Запада и не будет искать мировой между течениями прежней жизни Востока и новою жизнью Запада.

[22] Когда я вел сельское хозяйство в деревне, я выписал однажды небольшой образчик новой, расхваливаемой ржи и, чтобы

получить семена, достаточные для полевого посева, сделал первый посев на огородной земле, особо тщательно и глубоко вскопанной и удобренной. За грядой посева был хороший присмотр: поливка, удаление сорных трав, обнесение загородочкой. Полученный результат состоял в том, что урожай был примерно сам-сорок, а именно около 400 пуд. на десятину. Вот чего можно достигать в нашем среднем климате. И не забудем ни того, что на каждого жителя нужно лишь до 27 пуд. хлебов, ни того, что в наших городах часто есть сады и огороды в десятину и более размером (я сам знаю фруктовый сад в 2 десятины в самом центре Киева, у профессора Бунге), наконец, того, что дает культура Китая, Явы и Японии.

[23] Мне не хочется вдаваться в рассмотрение той слащавой мысли, что первым условием «блага народного» должно считать довольство первичными потребностями, т. е. сохранением лишь тех из них, которые возникли по совершенной необходимости: пищи, одежды, жилища и некоторых духовных надобностей. Не хочется мне этого делать уже по той причине, что, долго живя, я слышал речи подобного рода только от лиц с очень сложными потребностями, больше всего от литераторов, и никогда их не слышал ни от людей, которых привыкли называть средними или обычными, среди которых идет жизнь, ни от тех, кого называют простонародьем. Я готов согласиться с тем, что ежедневное чтение газеты или еженедельное посещение театра составляют роскошь, в которой возможно сокращение, а не настоятельную потребность; но никак не могу считать за излишек современной жизни пароходы или железные дороги, хорошее освещение, теплое жилье и целую массу других народившихся потребностей.

[24] Как химик, я убежден в возможности получения питательных веществ из сочетания элементов воздуха, воды и земли помимо обычной культуры, т. е. на особых фабриках и заводах, но надобность в этом еще очень далека от современности, потому что пустой земли еще везде много (см. статью о народонаселении), и я полагаю, что при крайней тесноте народонаселения, раньше, чем прибегать к искусственному получению питательных веществ на фабриках и заводах, люди сумеют воспользо-

ваться громадной массой морской воды для получения массы питательных веществ и первые заводы устроят для этой цели в виде культуры низших организмов, подобных дрожжевым, пользуясь водою, воздухом, ископаемыми и солнечной теплотой. Но все это мне кажется чересчур удаленным от интересов современности, и потому я говорю о нем лишь кратко и вскользь.

[25] В отношении к земным недрам существует в настоящее время двоякий порядок: или недра, так сказать, вплоть до центра Земли, считаются принадлежащими лицу, владеющему земной поверхностью, или же по существу своему недра земные с определенной своей глубины считаются общегосударственною собственностью, и государство отдает их или даром, или за известную плату во временное владение тем лицам, которые берутся за их обработку. Первый порядок, у нас и ныне господствующий (для всех частновладельческих земель, но, конечно, не для казенных), предполагает, что землевладелец сам позаботится об извлечении возможных выгод от добычи ископаемых. Второй же порядок, существующий уже во многих странах Западной Европы, а у нас — в губерниях бывшего Царства Польского, предполагает, что дело добычи ископаемых наиболее удобно передать особым предпринимателям, для того чтобы быстрее развивалась эта важная отрасль промышленности, так как лица, обладающие поверхностью, преимущественно суть земледельцы, а добыча ископаемых составляет исход для громадных отраслей переделывающей промышленности, питающей народный труд. Не желая распространяться об этом предмете, имеющем большую государственную важность, особенно у нас в момент возбуждения всяких видов промышленности, я со своей стороны считаю не излишним сказать, что второй способ действия и a priori и на деле более первого способа отвечает успехам народной промышленности. К этому мне кажется полезным прибавить, что господствующий у нас ход дел, по моим сведениям ближе касающимся Кавказа, Донецкого края и Урала, немало задерживал и задерживает рост нашей промышленности, а потому я со своей стороны считаю, что пересмотр всего нашего горного устава было бы полезно произвести в ближайшее время под углом зрения развития частной горной

предприимчивости, оставив ныне господствующий фискальный взгляд на этот предмет. Говоря вообще, наши порядки определяются близостью той эпохи, когда слагалось государство и когда ему было наиболее целесообразным больше всего обращать внимание на занятие поверхности земли и на ее хозяйственную обработку и мало было дела до думы об успехах таких видов промышленности, как горная.

[26] Выделение сидра из напитков (группа 7) мне кажется совсем непонятным. Со своей стороны я думаю, что и все производство виноградных вин должно отнести, как и переделку свекловицы и сахарного тростника в сахар-сырец, к числу чисто фабрично-заводских производств, судя по всем признакам. Царствующая еще здесь неясность сказывается, например, в том, что получение сахара-сырца американская классификация относит к сельскому хозяйству, а тем паче все приготовление виноградных вин.

[27] Очевидно, что американские статистики выделили к горной промышленности все производства, группирующиеся на так называемых горных заводах, получающих чугун, железо и сталь, а к переделывающей промышленности отнесли лишь те виды переделки, которые обособились на отдельных фабриках и заводах. Мне ничего не остается другого, как следовать за американской классификацией, хотя я и не считаю ее образцовой в отношении деления на сельское хозяйство, горное дело и переделывающую промышленность.

[28] Так как в 15-ю группу включены все сапожные и башмачные заведения, производящие свои изделия ручными способами, а здесь включены фабрики, производящие те же изделия машинными способами, то и очевидно, что американская классификация считает одним из важнейших признаков применение машин для производства данного рода товаров. По моему мнению, это признак очень шаткий, так как нож и шило облегчают и сокращают производство в такой же мере, по существу, как и машина, и все ручные производства последовательно и при скоплении больших масс выгодно превращать в машинные.

[29] Разобраться в различии тех частей производств, сюда относящихся, от тех, которые отнесены к сельскому хозяйству, мне кажется, решительно невозможно иначе как при помощи раз-

личения места производства: к сельскому хозяйству отнесено все то, что сосредоточено на фермах, т. е. около полей, а к переделывающей промышленности — то, что делается на особо поставленных заведениях. В других классификациях производств запутки этого рода еще значительнее.

[30] Это особенно должно относиться к мелким ремесленным заведениям, которые, в сущности, говоря, не регистрируются при составлении американских отчетов о переписях, так как в них введены сведения только о таких переделывающих или промышленных заведениях, которые имеют годовой оборот производства более 500 долларов, т. е. более 1000 руб. в год, а к числу именно такого рода заведений должно относить все мелкие ремесла и мастерства, например отдельных сапожников, мелких слесарей, токарей и т. п., а они всегда прибывают вместе с достатком всего населения.

[31] Считаю должным заметить, однако, что в переписи 1880 г. особо не выделены техники, надсмотрщики и другие посредники, число которых с течением времени, как видно по *табл. 5*, повидимому, уменьшается (вероятно, от того что достоинство рабочих улучшается и плата техникам возрастает). Но, приняв даже для 1880 г. 500 тыс. посредников, примерно по 2 на каждое заведение в среднем), все же для этого года получится не более 7 % жителей, получающих заработки на переделывающей промышленности.

[32] Касаясь вскользь вопроса об общинном владении и высказываясь за сохранение общины, я имею, между прочим, в виду предстоящее, по мне, скорое промышленное развитие России, так как полагаю, что развитие многих видов промышленности возможно в деревнях на общинных началах, не отрываясь от земли, а постепенно превращая деревни в села и города с развитою промышленностью. Разрушать исторически сложившееся легко, но не придется ли скоро жалеть о разрушенном? Иное дело круговая порука в отношении к повинностям; с нею действительно пора, по мне, покончить! Мыслимо даже такое положение вещей, что община распадется, когда крестьяне будут земледельцами, и снова сложится в другом новом виде, когда те же крестьяне будут иметь возможность завести виды переделывающей промышленности и сознают их выгодность.

[33] На основании сделанных мною расчетов, которые было бы долго воспроизводить, я пришел к заключению, что из 56 % стоимости сырья на долю сельских хозяев приходится около 20 % и, во всяком случае, более 15 %. Допустим в виде предположения, которое мне кажется легковыполнимым лет через 50 или 100, что наша переделывающая промышленность будет доставлять продуктов не по 300 руб. на жителя (как ныне в С.-А. С. Штатах), а всего по 100 руб. на каждого жителя, а так как тогда число жителей в России должно принять, по крайней мере, в 200 млн, то производительность переделывающей промышленности достигнет 20 млрд (ныне она едва составляет 2–3 млрд). Отчисляя из этих 20 миллиардов 15 %, т. е. 3 млрд, на сельскохозяйственное сырье, получим сбыт своим фабрикам и заводам, превосходящий всю современную стоимость производимых хлебов. В этом грубом расчете видно то, что наши сельские хозяева, если они правильно понимают свои предстоящие выгоды, первые должны стоять за покровительство фабрикам и заводам. Тут у нас такой сумбур понятий, что пора говорить для его разъяснения, иначе просто может быть гибель. «Своя своих не познаша».

[34] А читателям, вероятно, известно, что в массе экономических трактатов стремятся доказать, что заработки, получаемые на фабриках и заводах, из-за конкуренции, т. е. соревнования, непременно будто бы должны сводиться при прибыли народонаселения к такому minimum'у, который едва отвечает удовлетворению наиболее настоятельных потребностей существования.

Ошибка соображений этого рода основывается, по моему мнению, главным образом на том, что в абстракте считают прямое участие рабочих высшим, чем есть на деле. Не вдаваясь в критику, к которой я вообще мало склонен, укажу сверх сказанного еще на то, что статистика, не только североамериканская, но и наша, равно как германская и французская, совершенно несомненно показывает, что плата рабочим возрастает за последнее время на фабриках и заводах быстрее, чем возрастает ценность простого питания, жилья, одежды и т. п. Если я избегаю цифр других стран, а останавливаюсь только над С.-А. С. Штатами, то лишь вследствие одного того, что для Штатов все расчеты яснее и проще.

[35] Не желая расплываться в своем изложении, я ограничиваюсь только упоминанием о двух следствиях, относящихся к промышленности, предполагая, что необходимые для их вывода посылки родятся сами собой в уме читателя. Так, например, по отношению ко второму следствию для облегчения мыслей читателя укажу лишь на следующее: процент с капитала должен падать и должен достигать до того, что никто не решится рисковать в промышленные предприятия прямо из-за малости процента и великого риска всяких промышленных предприятий. Но лицам, прямо получающим заработки от этих предприятий, все же будет чрезвычайно выгодно затеять предприятие на сборный капитал из своих сбережений, потому что они будут получать не только прямой заработок, но и все выгоды хозяев и капиталистов. По отношению к России такое будущее мне кажется особенно возможным вследствие существования крестьянских общин.

[36] Любовь к отечеству, или патриотизм, как, вероятно, небезызвестно читателям, некоторые из современных учений крайних индивидуалистов уже стараются представить в худом виде, говоря, что ее пора заменить совокупностью общей любви ко всему человечеству с участием в делах узкого кружка лиц, образующих общину (коммуну), город или вообще физически обособленную группу. Такое, очевидно, недомысленное учение приписывает патриотизму многие худые явления общественности и похваляется тем, что к этому клонится уже всеобщее сознание, а в будущем перейдет будто бы все человечество. Лживость такого учения становится, на мой взгляд, ясною не столько со стороны одних важных исторических услуг скопления народов в крупные государственные единицы, вызывающие самое происхождение патриотизма, сколько со стороны того, что ни в каком будущем нельзя представить слияния материков и стран, уничтожения различий по расам, языку, верованиям, правлениям и убеждениям, а различия всякого рода составляют главнейшую причину соревнования и прогресса, не упоминая уже о том, что внутреннее чувство ясно говорит, что любовь к отечеству составляет одно из возвышеннейших отличий развитого, общежитного состояния людей от их первоначального, дикого или полуживотного состояния.

Для народов, подобных русскому, сложившихся и окрепших еще сравнительно недавно и еще занятых своим устройством, т. е. еще молодых, дикость учения о вреде патриотизма до того очевидна, что не следовало бы о нем даже упоминать, и если я делаю это, то имею в виду лишь тех еще не переводящихся соотечественников, про которых написано: «Что книжка последняя скажет, то сверху и ляжет», — прибавляю, однако, что лечь-то ляжет, но улежится недолго.

[37] Много бы хотелось писать мне про Ледовитый океан, берегов которого у нас столь много, да не время теперь, потому что то дело впереди — как впереди время настоятельной общей надобности осушать болота, засыпать овраги, сдерживать пески и т. п., так как земли-то у нас пока и без этих затрат хватит, и морские выходы наши еще далеко не использованы в должной и легко возможной мере. Тем не менее, хотя вскользь упомяну о том, что в Ледовитом океане будущая Россия должна найти свои пути выхода, и думается мне, что это будет, наверное, когда побережья сибирских рек густо заселятся и когда для богатств громадного края необходим будет морской выход. Льды, по существу своему, не страшны. Если пробивают в гранитах туннели, то проходы во льдах, лежащих на воде, не могут задержать, их более или менее легко провести средствами современной техники, как о том выразился уже лет 10 тому назад знаменитый ныне адмирал С. О. Макаров. Соглашаясь с ним в необходимости воспользоваться для этого сильным ледоколом, полагаю, однако, что полного успеха в коммерческом обладании краткими путями по Ледовитому океану нельзя достичь в норме даже сильнейшими ледоколами, хотя бы только в пору летнего таяния. Подводное плавание, на которое ныне так много стали уповать, по мне, подобно воздухоплаванию даже и в том отношении, что, обещая немало для удовлетворения любознательности, военных целей, почтового и пассажирского сообщения, ничего само по себе не обещает пока для передачи товаров. Но средства бороться с полярными льдами найдутся помимо того, более прямые, и я думаю, что теперь же можно было бы решиться достичь полюса — как первого сигнала победы надо льдами — при помощи взрывной силы, свойственной смеси жидкого воздуха с горючими веществами, которою долж-

но и можно снабдить сильнейший ледокол, особо для того построенный. Дело это не относится до нынешней Японской войны, но может быть очень и очень важным для будущих наших войн в Тихом океане (а они предвидимы), потому что путь через полюс в Берингов пролив представляется не только кратчайшим, но для нас и более во всех отношениях удобным, так как мы можем проникнуть туда не только с Белого моря и Мурманского побережья, но и из других наших берегов. Считая давнюю задачу человечества — достигнуть Северного полюса — обеспечивающей при ее решении великий и мирный успех России, а в то же время могущею представить прямую коммерческую и военно-морскую выгоду для России по преимуществу, я полагаю, что между множеством мирных дел, предстоящих России, ей не следует забыть мирную победу над полярными льдами и не жалеть для этого тех 2 или 3 млн руб., с которыми, по моему мнению, при настоящем положении вопроса можно с уверенностью достигнуть Северного полюса и проникнуть дней в 10 от мурманских берегов в Берингов пролив. Первые попытки этого рода должны служить только для изучения способов борьбы взрывчатыми веществами с ледяными массами. Но я до того убежден в успехе попыток, конечно, если они будут вестись с должною настойчивостью и полным знанием предмета, уже обследованного с разных сторон, что готов был бы приняться за дело, хотя мне уже стукнуло 70 лет, и желал бы еще дожить до выполнения задачи, представляющей интерес, захватывающей сразу и науку, и технику, и промышленность, и торговлю, да еще в приложении к важным преимуществам всей России, а особенно Сибири. Судя по всему известному, должно думать, что вся средина Ледовитого океана достаточно глубока для прохода самых больших и глубоко сидящих кораблей, чего нельзя допустить в отношении всего северного побережья Сибири. Трудности почти те же, а путь много короче — прямо через полюс.

[38] Известно, что уровень Каспийского моря гораздо ниже уровня океанов и Черного моря.

[39] Вся поверхность земного шара — около 510 млн кв. км. Из них около 375 млн кв. км покрыто водами (считая и внутренние моря, подобные Каспийскому, озера и реки) и около 135 млн кв. км приходится на сушу.

[40] Хоть памятник имеем мы тысячелетия России, а все же по всеобщему сознанию и по внутреннему чутью народ мы еще очень и очень молодой, и я рад, что мог привести для того численные доказательства в главах «Народонаселение» и «Внешняя торговля» моих «Заветных мыслей», тем более что, старику, мне все еще мелькают порывы молодых лет.

[41] Великую пользу для дальнейшего устройства России должно ждать от распространения на всю империю, особенно на ее юго-восточные (Кавказ, Ташкент и т. п.) и зауральские части, явных благ, возможно, полного (с планами и обмером угодий) размежевания всех земель, соединенного с уничтожением в Средней России чересполосицы и с пересмотром прав на недра. Меры эти негромкие, маловидные, но глубокого экономического значения, потому что только с точного определения и обеспечения земельной собственности может начинаться правильный рост общего благосостояния, для которого не страшны необходимые начальные затраты в стране, природою столь богатой, как наша. При предстоящей второй всеобщей переписи следовало бы собрать необходимые общие сведения для возможности приступить к окончательной и полной переписи всех земель, оставив пока в стороне разве лишь такие тундры, где нет ни лесов, ни хлебопашества. Особо важно скорейшее размежевание всего Кавказа.

[42] Чтобы достаточно оценить важное значение тех спокойно-постепеновских мероприятий, которые пущены в нашу жизнь преимущественно волей императора Александра III, не должно забывать, что вопрос о переселении крестьян еще во времена его предшественника относился прямо к числу запрещенных. Мне самому пришлось тогда это лично узнать, когда я написал для съезда естествоиспытателей статью, касающуюся необходимости описания почвенных и климатических условий мест пустынных, но пригодных для предстоящих переселений, и мне едва-едва, после многих хлопот удалось убедить Макова, управлявшего в то время Министерством внутренних дел, в полной благонамеренности заблаговременной статьи об исследовании пригодных азиатских наших пустынь, лесов и степей для предстоящего расселения крестьян.

В два последних царствования сами переселения, не то что подготовительный разговор о них, стали — без шума и постепенно — делаться живыми и плодотворными, а Великий Сибирский путь сделал возможным осуществлять их с легкостью, далеко превосходящей все, что было прежде того.

Число и свойства «босяков» были бы теперь не те, какие видим, а громадной, требующей резких мер особого свойства, если бы не позаботились ни об организации переселенческого движения, ни о новом оживлении многих горных, промышленных и торговых дел, ни о скором устройстве железных дорог и т. п., что превратило целые миллионы того народа, который дает «босяков», в людей, живущих не менее обеспеченно, чем наши земледельцы. Постепеновские меры, будучи бесшумными, однако, имеют свою особенность, состоящую в необходимости беспрерывного изучения, исправления и продолжения; их нельзя прекращать, как необходимо — ради самосохранения — делать то с шумными мерами того свойства, которое принадлежит мероприятиям, названным мною революционными, имеющими притом свойство быть трудноисправляемыми на практике.

[43] О среднем, преимущественно гимназическом, образовании сказано мною было кое-что в газете «Россия» и перепечатано в особой брошюре «Заметки о народном просвещении в России Д. Менделеева. 1901». О первоначальном же, или элементарном, а также о первоначальных видах профессионального образования мне хотелось бы многое сказать, но не здесь, а где-либо особо, потому что предмет этот очень уж сложен и в нем для меня самого еще есть много сомнительного. Главное, что хочется сказать, относится к так называемому высшему образованию, и особенно к учительскому, потому что оно дает тон всему народному просвещению и в наше время у нас настоятельнее всего требует обдуманных и скорых преобразований. Лестница просвещения, конечно, опирается на общенародное образование, но в противность множеству людских дел строится, начиная сверху, а метется, конечно, уж не иначе как начиная сверху.

[44] Писание — с прописей (как чистописание), с печатного и под диктовку — должно, по мне, взойти как часть русского языка вместе с грамматикой, синтаксисом, сочинениями и т. п.

[45] Сверх того (за особую плату), для желающих, 2–3 урока в неделю латинского или английского, или второго иностранного языка. Если взглянуть на латинский язык как на подготовку к возможности чтения массы исторических весьма важных иностранных сочинений, писанных на этом языке, то и тогда следует ввести практическое изучение латинского языка только в старшие классы. Быть может, такой прием у нас ввиду долго длившегося периода гимназий, основанных на изучении латыни и греческого, ныне и уместен (как я и сам долго думал), но удержаться надолго впредь это не может, а потому мне кажется, ныне наилучшим оставить латинский только для желающих. Той пользы, которую для развития учеников может дать в среднем образовании латинский язык, легче и во всех отношениях удобнее достигать при преподавании русского языка и древней истории. Для влияния на просвещение русского юношества, как и вообще будущего, латинский язык столь же малопригоден, как китайский или еврейский языки. Распространение латинского языка в школах Западной Европы свою роль в мире сыграло и определилось преимущественно тремя влияниями: бывшим могуществом Римской империи, Латинскою Церковью и эпохою Возрождения. На нас все эти три влияния исторически прямо и сильно не действовали.

[46] Некоторая небрежность в этом отношении может испортить все дело, и исправлять его потом весьма трудно. Для вновь открываемых высших учебных заведений, конечно, должно сделать изъятие из указанного положения, т. е. само учреждающее правительство должно назначить членов совета. И если вновь учреждаемое учебное заведение назначается к тем высоким целям, для которых одних и должны назначаться высшие учебные заведения, правительство не оставит без внимания того соображения, что руководить трудным делом высшего образования могут хорошо лишь лица, не только сильные в науке, но и знающие весь ход дел высших учебных заведений. Из многих примеров я знаю, что результаты высших учебных заведений чрезвычайно сильно зависят от умелого первоначального выбора профессоров-руководителей.

[47] Судя по сведениям, собранным мною в Оксфорде и Кембридже, где почти все студенты распределяются по колледжам,

весьма хорошо обставленным жизненными и научными пособиями, годичное пребывание студента обходится никак не менее, на наши деньги, тысячи рублей и в большинстве случаев достигает в среднем с личными расходами самих слушателей на спорт и остальные потребности около 1500 руб. в год.

[48] На устройство образцового сельскохозяйственного заведения, сверх того, весьма полезно отпустить до 500 тыс. руб. и присоединить к институту лесничество.

[49] Географический центр страны найти легко, когда имеются, как имеются уже у нас, географические карты и данные всеобщей переписи, если взять за единицу (хотя бы даже не столь мелкие площади, как волости, а только уезды, помня, что, чем меньше будет выбрана площадь, тем результат будет точнее, но, и, выбравши уезды за единицу, получим точность для такой страны, как Россия, по крайней мере до десятков верст) даже уездные города. Каждому городу ответит определенное географическое место, определенная площадь уезда и определенное число его жителей, а из этих данных по тем же самым правилам, по каким находится центр тяжести в системе связанных тел, найдется географический центр всей империи. В американских цензусах, или переписях, повторяющихся, как известно, каждые 10 лет, всегда рассчитывается положение географического центра страны, и он за последнее столетие последовательно движется с востока на запад, удаляясь почти по параллели (а именно по параллели около 39°10′ сев. широты места) от Атлантического океана к Тихому океану (в 1790 г. западная долгота — 76°11′, в 1800 г. — 76°56′, в 1850 г. — 81°19′, в 1880 г. — 84°40′, в 1890 г. — 85°33′, в 1900 г. — 85°49′, т. е. в 6 милях от Колумбуса в Индиане). Такое же движение — в направлении к Тихому океану (т. е. к мировой арене будущего) — существует и для Российской империи, а где ее современный географический центр, вероятно, будет рассчитано, когда закончится публикация отчетов нашей первой всеобщей переписи 1897 г. Если этого не сделает редакционная комиссия и если я не успею сам этого сделать, то, вероятно, найдутся другие для того люди. Это знать нам все же надобно.

[50] Во Франции и в С.-А. С. Штатах они уничтожены, а потому страны эти, по мне, опередили Англию и Германию, где они

остались еще, и это важные козыри первых перед вторыми. Китай стоит в таком же отношении к Японии.

[51] Не излишним считаю вновь обратить внимание на то, что в Старом Свете первоначальная идея пользы больших государств возникла и осуществилась несомненно, в Азии; греки и римляне взяли ее оттуда, а от них вся остальная Европа, в которой, как в Африке или Австралии, господствовали лишь кланы и уделы. В азиатской идее государства, без сомнения, немалую роль играли завоевания и военное господство, но из развития общего достатка и из быстрого умножения населения — в эпохи мира (все же более частого, чем было при раздробленности) — стали скоро очевидны всем выгодные стороны больших государственных сложений, и они к нашему времени взяли очевиднейший верх над первичным сложением в малые группы.

[52] Повторю еще раз, что, излагая свои мысли с возможною краткостью и полнотою, я избегаю в большинстве случаев фактических доказательств их основательности не только потому, что считаю излагаемое и без того ясным и отчасти признанным, но и ради того, чтобы не писать целые тома.

[53] В их числе нередко прежде всего подразумевают капиталистов, участвующих в промышленно-торговых предприятиях и держащих государственные и частные процентные бумаги, т. е. участвующих в биржевых оборотах. Это не совсем верно, потому что те и другие дают свои средства для развития промышленных дел и тем принимают в них свое участие, выражающееся наглядно в том, что бумаги и предприятия могут лопаться и, следовательно, те лица могут терять, как всякий производитель. Полезности в подобных лицах немного, но все же они ее дают, и до поры и времени они все же должны считаться в числе двигателей промышленности.

[54] В день прибывает в России средним числом около $5^1/_2$ тысячи человек, т. е. ежеминутно — около 4: по 2 мужчины и 2 женщины. Всякое общенародное оживление эти числа увеличивает, а угнетение уменьшает. Это все надо помнить твердо, судя, например, о войне, реформах и тому подобных общенародных целях. Дни благодушия способны с лихвой наверстать утраты угнетенного состояния и потери сражений. В такие дни оживляются нервы и весь организм.

[55] Она тогда же была набрана, а лист 21-й, т. е. главная ее часть, был тогда же и отпечатан в том виде, в котором ныне является.

[56] Сперва и более всего — даже до сего времени — мне пришлось много сил вложить в подготовку (8-го) издания моих «Основ химии», а потом отдаться вопросу о способах нового, возможно точного, определения в Главной палате мер и весов напряжения тяжести. Наброски предлагаемой здесь главы (IX) в том самом виде, в каком они являются, сделаны были мною еще в 1903 году. Кое-что, конечно, теперь добавлено, но суть осталась та же во всех отношениях.

[57] Хотя обсудить до конца все события Маньчжурской войны, конечно, еще рано, но все же при желании быть ясным и откровенным до конца мне невольно хочется указать на то, что осторожномедлительный образ действий А. Н. Куропаткина был верным и все дальнейшие события правильность его совершенно подтверждают. До скопления наших сил в надлежащем количестве и до наступления явных следов ослабления противника лучше всего было действовать именно так, как вел дело А. Н. Куропаткин. Его преемник удержал с должным благоразумием ту же систему, и если Портсмутский договор вышел успешным, а главное, своевременным, то первую причину этого должно искать в А. Н. Куропаткине. Если бы задорная спешливость, определившая посылку флота, лишенного опыта и береговой поддержки, не была вызвана состоянием умов, можно была бы ждать еще и не такого мира, а крикливая и спешливая задорность, ничем существенно не вызываемая, очевидно, вела свое начало от тех же неуравновешенных голов, которые старались изо всех сил представить все русское отношение к Японской войне в ложном свете, и надо только Бога благодарить за то, что Леневич придерживался по существу начал А. Н. Куропаткина. Полагаю со своей стороны, что начала эти одобрила бы преобладающая масса русского народа, если бы ее было возможно в действительности спросить общей, прямой и тайной подачей голосов, а посылку эскадры не допустила бы. Думаю, что у этой преобладающей массы довольно не только терпеливой выносливости, но и осторожного благоразумия. Иные мнения я

слушать готов, но готов также точно свободно сказать и свое посильное мнение.

[58] О том, что благосостояние русского народа за последнюю четверть века несомненно, возросло, хотя и не в той мере, как могло возрасти, причем отчасти изменилось в распределении, сказано мной, думаю, достаточно убедительно выше.

[59] Отмена пресловутых испытаний в знании старообрядской премудрости уже совершена в августе текущего года. Это явное начало коренного внутреннего переворота в Китае.

[60] Полагать можно, что и завзятые анархисты, отвергающие пользу всякой правительственной власти, на случай войны тоже согласились бы повиноваться случайно или нарочно избранной правительственной власти.

[61] То есть не соглашаюсь с теми, которые предлагали ради сокращения и упрощения выборного процесса первые выборы сделать в существующих земствах.

[62] По моему мнению, софистика против которой боролись Сократ и Платон, только тем и отличается от диалектики, которую прославили именно эти мудрецы древности, что первая держится только за ум в его сознанных и признанных положениях и приемах, а вторая будто бы апеллирует к действительности, исходя, однако, не из индивидуальных ее отношений, а лишь из сознанных же и признанных положений, указанных общими сердечными требованиями. Все же диалектика выше софистики, но обе до мозга костей неестественно сухи и, свою службу сослужив, сумели погубить Древний мир, вредя и до современности, в которой выражены ярче всего у ярых законников и консеквентных метафизиков-мечтателей, полагающих, что к социальным явлениям можно прилагать приемы математики. С Лейбницем, ошибаясь, они забывают бэконовский опыт, определивший силу естествознания. Ошибка эта, повторяясь, завлекает слабых, все еще мнящих из ума произвести мир и общество людей, опираясь на признаваемое ими «единое общество».

[63] Упомяну, однако, но больше для курьеза, что в одной из недавно вышедших брошюр предложено акциз с водки заменить у нас налогом на мясо потому-де, что вредность его для здоровья научно доказана. Толкования тут излишни.

[64] С русскими изобретателями мне часто приходилось иметь дело, и хотя между ними, как и всюду, есть много сумбуристов, но несомненно для меня и то, что много очень дельного и талантливейшего пропадает из-за высокомерного у нас и неразумного пренебрежения к русской изобретательности. Довольно напомнить Лодыгина.

[65] Мне говорят, что ведь и взятки остаются в стране, но когда они даются иностранцами русскому заказчику, во-первых, крупнейший куш идет все же прочь из страны, а во-вторых, взяточник не усидит на окраине, наживется да и уедет того гляди в Париж покутить и к делу местному не приступит, что, наверное, сделают рабочие и предприниматели.

[66] Выросши около стеклянного завода, который вела моя мать, тем содержавшая детей, оставшихся на ее руках сызмала, пригляделся я к заводскому делу и привык понимать, что оно относится к числу народных кормильцев даже при сибирском просторе. Поэтому, отдавшись такой отвлеченной и реальной науке, какова химия, я смолоду интересовался фабрично-заводскими предприятиями, хотя в них никогда личного участия не принимал, руководясь тем о нем мнением, которое видел в окружающем и отчасти впитал сам. Много у меня бывало случаев решать в пользу или против посвящения технике главного своего времени и сил, и всегда в конце техника побеждалась какими-то русско-дворянскими видами спеси.

Так, например, в 1863 г. известный тогда деятель В. А. Кокорев пригласил меня съездить в Баку, где у него тогда велось дело с переделкой нефти и в год убытков менее 200 тыс. не бывало. «Либо помогите устранить убытки, либо закройте завод», — говорил он и дал мне при всем готовом проезде целую тысячу рублей за то, чтобы выяснить ему дело и, если можно, в короткий срок, у меня бывший в распоряжении, поправить его. Охотно взялся не потому только, что тысяча рублей тогда мне, уже семейному, получавшему всего $1^1/_2$ тысячи жалованья, была очень на руку, но особенно потому, что самое дело меня очень интересовало. На месте, что можно было, старался поправить и направить, и вышло так, что через год получился чистый доход более чем в 200 тыс. рублей. Приезжает ко мне тогда В. А. Кокорев и предлагает поехать править его дело в Баку, в год получать

по 10 тыс. рублей, до 5 % с чистого дохода, разочтенного как в этот год. Ни минуты не думая, отказался, чего, конечно, не сделал бы на моем месте ни англичанин, ни француз, ни немец. Стал меня умница В. А. Кокорев допрашивать о причинах отказа, опроверг все мои доводы (о пенсии, о возможности работать для науки и т. п.) или отговорки и очень верно заключил, что все это барские затеи, от которых России очень плохо двигаться вперед. Когда сам-то стал стариком, тогда только понял как следует здравый смысл самородного русского ума В. А. Кокорева, которому наименее свойственно донкихотство, еще и по сих пор побуждающее нас воевать с ветряными мельницами. Когда-нибудь сознают это, а пока и то уж хорошо, что есть надежды видеть в Государственной думе немалое число таких самородков, каким был В. А. Кокорев. Их голос весьма важен и, будем надеяться, свое возьмет.

[67] Принимаясь за издаваемую книгу, полагал в ней разобрать природные условия, историю от возникновения до современного состояния (а в том числе и наделанные ошибки, которые можно хоть сейчас поправить законодателями) и виды на будущее некоторых видов нашей промышленности, более или менее мне ясных (торговля с мореходством, земледелия со скотоводством, дел каменноугольного, железного, нефтяного, свинцового, медного, золотого, прядильно-ткацкого, химического и машиностроительного), но, начав уже кое-что обрабатывать, оставил эту мысль. Причин две, обе чисто личные. Во-первых, времени и сил у меня уж очень мало, а говорить надо обстоятельно, и, во-вторых, книга вышла бы велика и чересчур специализированна. Если сил и средств хватит, полагаю издать отдельно, теперь уже поспешаю заключить уже начатое. В мои годы задумывать вперед — поздновато.

[68] Для того чтобы сделать очевидной некоторую давность мыслей, сюда относящихся, перепечатываю здесь мою статейку, помещенную в ноябре 1877 г. в журнале, издававшемся моим другом Н. П. Вагнером. Статья эта единственная, помещенная мной под псевдонимом «Д. Попов». Избежал я своей подписи в этом случае только потому, что в те времена считалось неудобным профессору-натуралисту вмешиваться в вопросы более или менее философско-социального характера, да еще с чисто попу-

лярной стороны. Озаглавлена эта статья — «О единице», и далее она воспроизводится целиком вся. В №6 этого журнала г-н Аленицын доказывает, что в природе нет нуля, что это фикция. Указать это полезно для иных. Однако если идеям можно приписать существование, если слово отвечает существующему и если всякое слово есть уже отвлечение, то слово и идея, или такое отвлечение, которое называется нулем, существует в сознании. А потому говорить о нуле — значит говорить не о природе, а об идее, отвлечении, обобщении. Другое дело — единица. Она кажется не только идеей, но и реальностью. Ее считают такой, из нее слагают, она альфа и омега философа, пишущего «Я» большими буквами, она начало творения, ею кончается дробление, в ней весь смысл индивидуализма — словом, она-то несомненно существует. Не правда ли? А между тем единица просто даже немыслима в природе. Единицы мер, веса, времени, в науках употребляемые, заведомо условны. Их нет, они придуманы нами самими, то есть фиктивны. Земля и та не единица. Есть и другие Земли — планеты. Солнцев так много, как звезд, они все такие же, как солнце, и если солнце не имеет общеупотребительного множественного числа, то это зависит только от того, что язык слагался тогда, когда верилось в единичность больше чем следует, и попробуйте, ведь вы можете сказать: «Солнцы, Солнцев, Солнцами» и т. д. Звучат эти слова, правда, нехорошо, но только потому, что идея о множестве миров и Солнцев еще не приросла к нам, выучена, не сама родилась в нас, внушена долгим путем изучения, а главное, потому, что мы выросли на понятии о единице, учимся считать с единиц, даже думаем единицами. Зато лам поставят когда-то со временем не больше как единицу за успехи, хоть за прилежание и поведение готовы будут поставить высокий балл. Беда на свете водится, по крайнему моему разумению, от того, что мы очень уже уверены в существовании единиц и забываем или не знаем, что в природе единица невозможна и, мало того, единица я природе даже немыслима. Нуль мыслим, а единица нет. Посмотрите и сообразите. Мыслим ли один ну хоть баран? Да нет же. Один умрет, и не станет барана, и станет нуль, и останется вечно нуль. И кто имеет уши, услышит, и зрячий увидит, и умный поймет, что один человек, что один баран очень близки к

нулю. Двое — мужчина и женщина — те мыслимы в природе как начало рода, как зачаток общения, развития, сознания, самосознания, обособления, а один, или одна, или единица даже до понятия о чем-либо не дойдут. За каждым из нас, около всякого, после каждого, вместе с каждым, в каждом слове, звуке, понятия — во всем, во всем так и разит совокупностью, массой единиц, общностью. Индивидуализм, эта язва нашей образованности, есть созревший и даже загнивающий плод понятия о единице, существующей самостоятельно в природе. От этого плода, когда сгниет, останется, однако, надо думать, семя, оно даст новое, пышное развитие. «Я царь природы, это мое, я сознаю себя, я буду жить, я стану творить, я буду блаженствовать, я нашел…» Это все понятия, слова и мысли, опирающиеся на твердую уверенность в единицу. Все это недодумано и перестроится, изменится с веками, стушуется в мыслях. Так, изменилось уже многое с тех пор, как писал Гомер, даже Вергилий. «Да ты не царь природы, — скажут нам, — а если царствуешь, то только потому, что получил и пользуешься наследием предков твоих, тому, что сложился в семью, в общество, в государство. Сам, один ты — просто раб природы. Твое индивидуальное — зоологическое, животное, и все твое человечное, и все, чем хвалишься, все то ведь от других, с другими — не одному тебе, не личное, а общее… Поймешь и перестанешь хвастаться за одного себя». «Да, это не твое, а данное тебе кем-то. Так, правый рукав не собственность правой руки, а всего человека, шерсть — от овцы, нить — от прядильщика, ткань — ткача, шов — от портного, дело я собственность не одного, а многих, многих». «Ты сознаешь себя, — скажут нам когда-нибудь, — только потому, что твоя мысль развилась от отца и матери, сестер и братьев, учителей и товарищей — словом, от того, что ты не единица в природе, а часть целого, клетка в крупном организме». «И твое хваленое «Я» также бессмысленно, как была бессмысленна похвальба твоей руки, что она рисует или пишет, что рукав ее». Так скажут, когда уразумеют, что единицы в природе нет. И тогда настанет новое, тогда падет индивидуализм, тогда славянская общинная идея заменит современную идею о единице и дело пойдет подальше теперешнего. Настанут вправду новые века и в мыслях, и в делах, в верованиях и народных судьбах. И не бой-

тесь, вздорного будет меньше, ни древняя идея государства, ни новейшая, свободная единица не пропадут, им будет лучше, потому что будет больше правды и толку. С веками дело жизни усложняется, потому что узнают больше и ладное сохраняют, приспособляют сознательно или бессознательно.

В природе нет нуля, а единица в природе немыслима, хотя, кажется, и существует. И нуль, и единица — слова, идеи. Воспринимая от других слово, потому что вначале всегда было и будет слово, мы вначале понимаем его как отвечающее чему-то реальному, единичному. А оно никогда этого характера не имеет. Слово есть уже обобщение. Слово «лошадь» есть не эта, одна, и не та, другая лошадь, а общее, отвлеченное понятие. Слово «единица» есть также отвлечение, и притом отвлечение высшего порядка, чем то, которое связано со словом «лошадь». Мы не можем сказать ничего, ни одного слова, не впадая в отвлечение, и вот отвлечение о единице как о чем-то существующем в природе есть именно такое же отвлечение, такая же фикция, как и понятие о нуле. Разности нет. И то и другое отвлечения неизбежны, законны, полезны, мысль становится в слове осязаемой, живой, плодотворной. Думают даже словами — иначе редко бывает. Но пусть в начале будет только слово как что-то реальное, в конце должна быть верная ему отвечающая идея как что-то общее, иначе слово — звук пустой. Идея единицы только тогда и будет верна, когда уразумеет, что она такая же в природе малозначащая штука, как и самый нуль, что единица ничто сама по себе, что она только изобретение нашего ума, подобное тому, к которому прибегают в геометрии, представляя себе кривую, состоящую из совокупности прямых.

Единицу мало понимали до сих пор, ею увлекались, из частей не видели целого, и пришла пора сознаться в том, что мы, каждый, считали себя значащими единицами, а, в сущности, каждый из нас сам по себе нуль. Еще ступенью встанем выше, и тогда единица будет высшего порядка — семья, общество, государство, человечество. И на этих ступенях наша жизнь построится лучше, и мы станем искать блаженства не личного, наслаждения не единичного, добра не спутаем с наслаждением, станем понимать себя не больше как микроскопическую клетку в целом организме.

Так возвышаясь, дойдем, начавши от условных нуля и единицы, до безусловной бесконечности. Путь мысли той так же — ни больше, ни меньше — ясен и прост, неизбежен и полезен, как и тот путь идеи, по которому все видимое слагается из неделимых атомов, все живое — из клеток как первых и простейших единиц, до которых добрался современный глаз. Только самый низший организм есть единичная клетка. И как в ней все отправления спутаны, так спутанными останутся наши, пока мы не разберемся с понятием об общественном организме, перестанем быть индивидуалистами, сознаем, что мы единицы низшего порядка. Ато мы возмечтали, что все условно и относительно, только наше философское «Я» безусловно, первично и существует. Сказать надо правду: в идее наша личная единица, не то что какая другая, резко различна от нуля и никоим образом ему не равна, в действительной же природе, в мысли, свободной от условных форм и слов, это «Я» индивидуалистов ни более ни менее как нуль.

Идея нуля, по мне, была безвредна, а понятие о единице наделало много худого. Их смысл в природе будет ясен только тогда, когда они станут в сознании рядом с идеей о бесконечности. Если в природе принять единицу, нельзя отрицаться ни от нуля, ни от бесконечности.

[69] Если бы перечислить да выяснить дальнейшую порчу дела, произведенную правительственными же мерами, то судьбы нашего нефтяного дела много бы выяснились, но, как я сказал ранее, это отлагается мной до другого случая. Всего не поделать.

[70] Говорю это, прожив целые полвека в научных областях, зная кучу трудолюбцев-ученых и наблюдая много и внимательно. Тут у меня не то что заветная мысль, а прямехонько простая правда очевидности.

[71] В заключение книги «Заветные мысли» Д. И. Менделеев предполагал дать дополнительную главу с изложением своих философских взглядов. С этой целью он и написал работу «Мировоззрение», но затем отказался от намерения ее опубликовать.

[72] Но прошу заметить, что я не говорю «не даст», потому что этого знать еще нельзя, ибо границ научному познанию и предсказанию предвидеть невозможно.

[73] Мысль, здесь излагаемая (о степени ее самостоятельности я и не думаю и даже прямо полагаю, что она очень широко распространена в ученых кругах), выражена была мною в 1902 г. в статье «Попытка химического понимания мирового эфира», помещенной в «Вестнике самообразования», а недавно изданной мною отдельною брошюрой. Может быть, я и ошибаюсь, но все же полагаю, что в эпоху «переоценки ценностей» полезно предъявить то, что считаешь общей ценностью, пускай переоценивают, а то, пожалуй, подумают, что ничего ценного нет и у людей науки и что все дело в молотках «ценовщиков».

Оглавление

Литературно-художественное издание

Менделеев Дмитрий Иванович

Заветные мысли

Текст приводится в авторской редакции

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Новопольцева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс: +7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru

Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru — «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru — «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru — Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru — «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru — «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru — Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения

